

А.Р. Ибрагимов

Образ Карны в Махабхарате.

Разыскания о трагическом герое индийского эпоса

Москва
2009

ББК 82.3(3+84(5))
УДК 82-34+398.2
И 15

И 15 Ибрагимов А.Р.

Образ Карны в Махабхарате. Разыскания о трагическом герое индийского эпоса. — М.: Издательство «Спорт и культура — 2000», 2009. — 248 с.

ISBN 978-5-901682-86-9

Книга прослеживает судьбу Карны - одного из центральных героев великого эпического сказания Древней Индии - «Махабхараты». Следуя за Карной по страницам эпопеи («Махабхарата» состоит из 18-ти книг и по объёму в 10 раз превышает «Илиаду»), читатель познакомится не только с героическими сказаниями и мифами Древней Индии, но узнает о сходных сюжетах в эпосе других народов и научится глубже понимать эпическую поэзию и «расшифровывать» образ эпического героя.

Как Ахилл и Зигфрид обретают неуязвимость, и почему она их не спасает? Зачем Гильгамеш и Одиссей спускаются в преисподнюю? Почему беспомощные в юности Беовульф и Илья Муромец становятся неодолимыми богатырями? Какова роль предсказаний в судьбе библейского Самсона и иранского Ростема? Почему Сигурд «Старшей Эдды» покоряется судьбе, а Керсапия «Авесты» восстаёт против воли неба? Для чего предание «бросает» младенцев Рема с Ромулом и Моисея в корзину на берегу реки? На эти и многие другие вопросы читатель получит ответы, познакомившись с комментированной биографией Карны - самого трагического и загадочного героя мировой эпической традиции. Для истолкования действий и обстоятельств жизни индийского витязя автор привлекает широкий круг эпических памятников от сказаний Древнего Востока до эпоса европейского средневековья. Книга рассчитана на читателей, интересующихся мифологическим и героическим эпосом вообще и сказаниями Древней Индии в особенности.

ББК 82.3(3+84(5))
УДК 82-34+398.2

ISBN 978-5-901682-86-9

© Ибрагимов А.Р., 2009
©ООО «ИСК», о-макет, 2009

Оглавление

Предупреждение от автора.....	6
Введение. Нравственная коллизия эпического героя.....	8
Часть I. Предназначение	
1. Происхождение Карны. «Все боги будут в твоей власти».....	12
2. Чудесное рождение Карны.....	15
3. Подкидьши. Знаки судьбы.....	19
Часть II. Земной путь	
4. Истоки конфликта с Пандавами. «Поговори лучше стрелами».....	27
5. Подстрекатель негодяев.....	34
6. «Удовольствие от зрелища бед своих недругов».....	42
7. Испытание Карны I. «Я не так страшусь гибели, как обмана».....	48
8. Стронник войны. «Твое сердце всегда склонно к битве».....	53
9. Испытание Карны II. «Не могу проявить несправедливость».....	58
10. Доля Карны I. «Всемогуща судьба и бесплодны людские усилия».....	63
11. Доля Карны II. «В чём состоит благо вселенной».....	69
12. «Я складываю свое оружие!».....	73
13. Между Ахиллом и Хагеном.....	80
14. На Курукшетре. «Все правители земные увидят мою доблесть».....	87
15. Алофеоз. «Будешь повержен – тебе уготованы небеса».....	90
Часть III. Воздаяние	
16. «Какая польза от славы мёртвому?».....	95
17. «Пусть Карна обретёт наилучшие из миров!».....	99
18. «Место моё ныне среди братьев моих».....	104
Часть IV. Карна: трансформация общеэпических мотивов	
19. Критерии сравнения.....	111
20. Козни трикстера.....	111
21. Возвращение в строй.....	114
22. Сюжет о подкидьше.....	118
23. Герой и его доля.....	120
24. Отношение к долгу.....	125
25. Помощь мертвеца.....	129
26. Милосердие к противнику.....	131
27. Побратимы.....	134
28. Роковое неведение.....	141
29. Тайные знания, волшебные предметы и небесное оружие.....	146
30. Аутсайдер-триумфатор.....	152
31. Службы героя.....	155

32. Мотив оскорблённой богини.....	161
33. Бахвальство.....	166
34. Герой перед выбором.....	171
Часть V. Обстоятельства гибели эпического героя	
35. Эпический герой в трагической ситуации.....	176
36. Мотив предательства в судьбе героя.....	178
37. Герой на грани гибели.....	183
38. Победа хитростью.....	186
39. Последняя битва.....	188
Часть VI. Карна: уникальный герой эпоса	
40. Человеческие слабости героя.....	196
41. Трагическая судьба эпического героя.....	201
42. Почему трагичен Карна, но не Юютсу.....	205
43. Рейтинг героя как индикатор его судьбы.....	210
44. Эволюция героя.....	214
Часть VII. Трагический герой эпоса	
45. Апология Карны.....	221
46. Жертва божественного замысла.....	227
47. Благородство поражения.....	229
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Список сокращений.....	234
Календарь основных событий битвы на Курукшетре.....	234
Словарь имён основных мифологических и эпических персонажей.....	235
Использованная литература.....	240
Генеалогические схемы.....	245

Уважаемый Александр!

С большим интересом прочла Вашу книгу о Карне, считаю, что она, несомненно, будет полезна самой широкой аудитории образованных людей, которые видят в культуре Древней Индии не экзотику, а предмет, достойный пристального изучения. Привлекательны в Вашей работе доступный и в то же время литературно безукоризненный стиль, широта охвата сравнительного материала, хорошее знание современной научной литературы, строгая логика рассуждений.

С уважением, С.А. Невелева
Ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН,
доктор филологических наук,
профессор СПбГУ

Предуведомление от автора

Эта небольшая книга посвящена Карне – одному из центральных героев индийского эпического сказания «Махабхарата», и предназначена тем, кто интересуется эпосом Древней Индии и народов других стран, не являясь при этом профессиональным фольклористом, индологом или эпосоведом – список можно продолжать. Коротко говоря, это читатель, которого столетие назад великий русский византист Фёдор Успенский определил как «культурного русского обывателя».

Для облегчения пользования книгой автор отказался от подстрочных примечаний и комментариев в конце текста, ограничившись минимумом пояснений, приводимых в скобках по мере изложения; это относится и к цитированию. Если персонажи имеют исторические прототипы, а события – историческую основу, соответствующие сведения также приводятся в скобках при первом упоминании данного героя или сюжета в тексте. Подготовленный читатель может игнорировать пояснения в скобках, тогда как менее подготовленный будет избавлен от необходимости прерывать чтение из-за постоянных отсылок к примечаниям. Исключением являются составленные автором генеалогические схемы предков Лунной династии и их близких родственников, ограниченные в общей сложности шестью поколениями и только членами рода, имеющими непосредственное отношение к излагаемому материалу.

«Махабхарата» (в дальнейшем – Мбх), как и другие эпические памятники, использует для одного персонажа множественные имена, постоянные эпитеты и прозвища. Аналогично другим примечаниям, впервые появляющиеся прозвища и эпитеты поясняются непосредственно в тексте. Кроме того, после некоторых колебаний, мы решили снабдить книгу кратким словарём имён основных эпических и мифологических персонажей. Даже в случае важнейших для наших разысканий героев этот словарь содержит только имена и эпитеты, встречающиеся в использованных цитатах. В словарь не включены имена эпизодических равно как и общеизвестных (Самсон, Афина) персонажей, а размер каждой статьи сведён к минимуму. Далее, нами составлен календарь событий битвы на Курукшетре, важных для излагаемой темы. Наконец, в конце книги приводится список литературы, содержащий перечень цитированных текстов и отсылающий наиболее дотошных читателей к трудам профессионалов.

В работе использован академический русский перевод Мбх, основанный на критическом издании. Из-за отсутствия русского перевода VI и XII книг Мбх

автор был вынужден прибегать к устаревшему английскому переводу Гангули 1883–96 гг. Помимо более чем скромных художественных достоинств переложения, выполненного автором, следует отметить возможность расхождений санскритского текста в основе издания Гангули с текстом критического издания. Кроме того, одни авторы русского перевода Мбх пишут семейные имена главных героев Пандавов и Кауравов с заглавной буквы, тогда как другие – нет. Для сохранения единообразия автор взял на себя смелость писать эти имена с заглавной буквы не только в основном тексте, но и во всех цитатах.

Эта книга не относится к разряду фундаментальных научных исследований и представляет собой лёгкое, то есть не требующее серьёзной подготовки, чтение. Окажется ли она интересной, судить читателю. Если незнакомый с каким-либо из обсуждаемых эпических памятников читатель, прочтя эту небольшую и простую в изложении книгу, заинтересуется «первоисточником», автор будет считать свою задачу выполненной.

Автор глубоко признателен проф. Светлане Леонидовне Невелевой за взятый ею на себя труд по просмотру рукописи и за ценные замечания. Особую благодарность хочу выразить моей жене Оксане Бескровной за терпение и поддержку при написании этой книги и моему другу Николаю Буканову за помощь в оформлении генеалогических схем.

Бостон – Москва
2006-2008

А. Ибрагимов

«...Если история повествует о добрых деяниях добрых людей,
то вдумчивый её слушатель побуждается подражать добру;
если же она говорит о злых делах нечестивцев, то религиозный
и набожный слушатель или читатель её учится беречься от того,
что есть зло и порок...»

Беда Достопочтенный
«Церковная история народа англол»

Введение.

Нравственная коллизия эпического героя

Трагический герой эпоса – оксиморон? При словах «трагический герой» мы прежде всего вспоминаем аттическую трагедию, в центре внимания которой находится моральная ответственность индивида, а часто и его рефлексия по поводу правильности морального выбора. При чём же здесь эпос? Эпические герои, от Гильгамеша до Ильи Муромца, – создания чрезвычайно цельные. Они, бывает, тоже страдают, но не от угрызений совести, а исключительно от внешних причин: несправедливости, злого рока, удара шестопёром по голове. Что может быть трагического в таком герое? Сказание почти никогда не сообщает о его внутренних переживаниях и крайне редко – о мотивации его поступков. Гомер настолько не доверяет своим героям в принятии решений, что заставляет богов подсказывать им самые очевидные действия: просить у Ахилла для погребения тело своего сына Гектора Приам принимается только по совету присланной Зевсом богини Ириды! А коль нет собственных решений, не может быть и моральных мук. Всё это верно в отношении «Илиады» или «Песни о Нибелунгах» (в дальнейшем – Ил и ПН), но здесь речь пойдёт об индийском эпосе, уделяющем исключительное внимание этико-религиозным и философским вопросам.

Великое эпическое сказание Древней Индии «Махабхарата» (в дальнейшем – Мбх) в основных своих чертах формировалось между IV в. до н.э. и III-IV вв. н.э. (Гринцер «Древнеиндийский эпос. Генезис и типология» 1974, сс. 147, 152), а её историческую основу составляют события, относимые большинством историков к периоду 1400-900 г. до н.э. Основой сюжета Мбх является соперничество в борьбе за престол между двумя группами двоюродных братьев – Пандавов и Кауравов (здесь и далее для прояснения обсуждаемых родственных связей см. генеалогические схемы). И те, и другие являются принцами Лунной династии, происходящей от древнего царя Куру и носящей общее фамильное имя Кауравов. Во избежание путаницы, мы ограничимся использованием имени Кауравов только для обозна-

чения 101 сына царя Дхритараштры, т.е. двоюродных братьев Пандавов, но не для всего царского рода. Кульминацией соперничества Кауравов и Пандавов стала кровопролитная восемнадцатидневная битва их армий на Курукшетре (поле Куру), непосредственному изложению которой посвящены книги VI-X из восемнадцати книг Мбх.

По мере развития конфликта между Кауравами и Пандавами происходит поляризация сил. В результате практически не остаётся нейтральных персонажей – все, за исключением двух хитроумных героев (Рама своевременно удаляется в паломничество по святым местам, а Рукмин предлагает помощь тому, кто боится противника), примыкают к одному из лагерей. На фоне этой поляризации и во многом благодаря ей решается судьба Карны, одного из центральных персонажей Мбх, которому посвящены наши разыскания. Разумеется, в огромном сказании и помимо Карны присутствуют десятки значительных и сотни эпизодических лиц, невольно и с трагическими последствиями вовлечённых в династический конфликт. Но из-за рокового течения событий судьба Карны приобретает особенно трагический ореол. Во-первых, по рождению он, будучи единоутробным братом трёх старших Пандавов, должен принадлежать к их лагерю, но силою обстоятельств и личных пристрастий оказывается на стороне их противников. Ещё важнее то, что Пандавы невинно страдают от притеснений и интриг двоюродных братьев, незаконно лишивших Пандавов их доли царства. Таким образом, Карна не просто становится врагом своих братьев, он оказывается на стороне зла в его борьбе против добра, в то время как сам Карна – воплощение идеала рыцарской чести. Это и является основой нравственной коллизии Карны: благородный герой подерживает творящих неправду.

Итак, Карне суждено оказаться в лагере злодеев – его судьба predetermined. В самом факте predetermined судьбы эпического героя, несмотря на известный элемент безысходности, нет ничего примечательного, а тем более – трагического. Судьба протагонистов-Пандавов и их противников Кауравов также predetermined. Уникальным является именно положение Карны. Его братья Пандавы являются воплощением добра и справедливости, но они и сражаются за правое дело, и должны восторжествовать. Туловатый, завистливый и злобный Дурьюодхана и сотня его младших братьев-Кауравов персонифицируют зло и творят зло, и в результате должны понести кару. Таким образом, и благородным, и низким воздаётся в соответствии с их кармой, то есть, по заслугам – для них торжествует справедливость. И исключительно для Карны личное благородство не только не трансформируется в счастливую судьбу, но и не приводит его в стан праведников, то есть Карна лишён даже возможности погибнуть за правое дело.

Последнее утверждение требует пояснений. Читатель, знакомый с памятником, заметит, что и судьбу благородных Пандавов можно назвать счастливою

только с большой натяжкой. В результате интриг они лишаются царства, вернуть которое смогут только через тринадцать лет в кровопролитной битве. В ходе этой битвы они теряют своего почтенного деда Бхишму, любимого наставника Дро-ну (обоих, сражавшихся на стороне противника, сами же и убили! – и мучаются угрызениями совести), а также всех своих сыновей, многих других родственников и друзей. Но, во-первых, некое горькое удовлетворение им даёт убежденность в своей правоте (конфликт был им навязан) и то, что они одержали победу, то есть избавились от конкурентов и обрели царство (большая часть населения которого разбежалась), где правили после победы 36 лет. Во-вторых, посмертная судьба, безусловно, важнее невзгод земной жизни, и Пандавам, доблестно выполнявшим свой долг и всегда стоявшим за правду, уготованы небеса, тогда как их противники попадут в ад – по крайней мере, так считает царь Пандавов Юджиштхира.

В данном случае для нас не важно, окажется ли Царь справедливости прав. Важно, что такая вера является для Пандавов утешением: наконец-то справедливость восторжествует. Кроме того, упование Пандавов на обретение нетленных миров для них самих и Нараки (индуистского ада) – для их противников говорит о следующем. Резко отрицательные характеристики, которые они, не скупясь, дают Кауравам и Карне – это не только дань архаическому ритуалу словесного поединка. Пандавы действительно верят, что моральная правота на их стороне. Наше предположение об этой вере Пандавов подтверждается искренним изумлением и гневом (на богов!) Юджиштхиры, обнаружившего, что распределение «загробных мест» происходит по несколько иному сценарию (*Мбх, книга XVIII, главы 2,3; в дальнейшем римские цифры обозначают номер книги, арабские – номер главы, подчеркнутые арабские – номер шлок*).

Требует уточнений и замечание о личном благородстве Карны. Если во всём, что касается сыновнего долга, воинской этики, и верности дружбе и взятым на себя обязательствам, поведение Карны действительно безупречно, то в других жизненных ситуациях он может быть завистлив, мелочен, жесток, истеричен и несправедлив, хотя порой и готов к раскаянию. Подобные слабости открывают в Карне живого человека, способного вызвать сопереживание, достойное скорее трагического, чем эпического героя.

Следует признать, что, как эпический герой, Карна необычен: попробуем представить себе Беовульфа или Ахилла с его «зверским героизмом» (А.Ф. Лосев), раскаивающихся в чрезмерной жестокости по отношению к врагу! Если доблестью Карна не уступает Гильгамешу или Роланду, а по мрачному действию неодолимой судьбы напоминает Греттира исландской саги, то по способности к рефлексии он ближе к Оресту Эсхила. На добротный пласт характерных свойств персонажа героического эпоса у Карны наложены противоречия между простой и ясной корпоративной этикой кшатрия и «сложностями» общечеловеческой мо-

рали. Эти противоречия, по мнению переводчиков Мбх, и придают Карне трагические черты: «Необычайно сложен трагический образ Карны, в разработке которого заострена этическая проблематика» (Мбх 1990, с. 11).

Огромный объём Мбх допускает, в отличие от лаконичных песней «Старшей Эады» или былин русского героического эпоса (в дальнейшем СЭ и РГЭ), тщательную разработку характеров, и мы не преминем исследовать, как обрисован в Мбх образ Карны. Разыскания о трагических чертах в образе эпического героя и являются предметом этой книги.

Обстоятельное рассмотрение образа Карны (Части IV-VII) мы предварим его жизнеописанием (Части I-III), что позволит в дальнейшем ссылаться на события из жизни героя. Разумеется, некоторые выводы будут сделаны по мере изложения биографии Карны. Кроме того, мы будем обращаться к другим эпическим памятникам как для выявления интересующих нас общих черт эпического героя, так и для обоснования нашей интерпретации образа Карны.

«И хотя сами мы не знаем, правда ли эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой.»

Снорри Стурлусон «Круг Земной»

Часть I. Предназначение

1. Происхождение Карны. «Все боги будут в твоей власти»

Предваряя рассказ о жизни Карны, позволим себе два замечания. Во-первых, выстраивая хронологическую цепь событий из мозаики фактов, рассеянных по тексту сказания, мы будем щедро пользоваться цитатами русских переводов Мбх, выполненных на протяжении последних десятилетий плеядою замечательных отечественных индологов В.И. Кальяновым, Б.А. Смирновым, Я.В. Васильковым и С.А. Невелевой, и постараемся по возможности избегать собственного «дистиллированного» пересказа. Далее, на протяжении эпопеи многие эпизоды из жизни Карны излагаются несколько раз, часто с нарушением хронологии и с различной степенью детализации. Поэтому для иллюстрации необходимых деталей характера или биографии Карны мы будем обращаться к разным частям Мбх не всегда в том порядке, в каком они приводятся рассказчиками сказания.

Один из наиболее обстоятельных рассказов о предыстории появления Карны на свет вложен в уста его матери Кунти, обращающейся к святому мудрецу Вьясе (Мбх XV, 38, 1-7): «Владыка, ты мне доводишься свёкром и потому ты для меня – святыня из святых, бог над богами. Внемли же моей правдивой речи. Гневливый брахман, подвижник Дурвасас пришёл к отцу моему за милостыней. Своей чистотой, безгрешностью и ясностью разумения, а также тем, что, сколько он меня не злил, ни разу не прогневалась, я ублаготворила его. Довольный, он собрался дать мне дар. Я сказала: «Хорошо!» «Хочешь или нет, а примешь!» – так он мне сказал» (Sic! В этот момент судьба Кунти и её будущего ребенка уже закладывается, царевна *должна* получить роковой дар, причём, независимо от её собственной воли – А. И.). «А я, опасаясь проклятия вещего брахмана, ответила: «Да будет так!» И снова обратился ко мне дваждырождённый: «Ты станешь матерью Дхармы, о благая красавица! И все боги, кого ни призовешь к себе, будут в твоей власти». При этих словах тот брахман исчез. Я же пребывала в изумлении. Но с тех пор везде и всегда жила во мне память об этом».

Прервём историю Кунти и предоставим слово одному из рассказчиков Мбх мудрецу Вайшампаяне, чтобы уяснить, что за дар получила царица. Оказывается, Дурвасас дал Кунти «мантру, обладающую магическою силою; и отшельник сказал ей: «Какого бога ты ни вызовешь при помощи этой мантры, – по милости каждого из них у тебя родится сын» (Мбх I, 104).

Кунти продолжает рассказ (Мбх XV, 38, 8-13): «И вот однажды, стоя на крыше дворца, я наблюдала восход Солнца. Возжелала я творца дня и припомнила сказанное святым мудрецом. Не подумав, по молодости, совершила я эту ошибку». [В другое время Кунти объяснит, что её просто одолело любопытство (Мбх III, 290, 1): «Какие заклинания поведал мне великий душою (брахман)? Проверю-ка я их власть не откладывая»]. «И вот Тысячелучистый явился рядом со мной! Раздвоил он своё тело на земное и небесное: одним опалил сверху вселенную, в другом же предстал передо мной. «Выбери себе от меня дар!» – сказал он мне, трепещущей. Склонив голову до земли, я ответила: «Соизволь оставить меня!». Тогда сказал мне Тысячелучистый: «Не потерплю, чтобы меня вызывали попусту. Я обращу в пепел и тебя, и брахмана, даровавшего тебе это (знание)».

И вот, только ради того, чтобы оградить ни в чём не повинного брахмана от проклятия бога, я сказала: «Да будет у меня сын, подобный тебе!». И тотчас пламенный пыл Сиятельного бога вошёл в меня, помрачив сознание. Затем, со словами «Будет у тебя сын», бог удалился на небо».

(14-16): «После этого я, оберегая честь своего отца, тайно, во внутренних покоех родила сына Карну и *пустила его плоть по водам*. И действительно, по милости того бога я *вновь стала девой*, о чём мне прежде и сказал святой мудрец. Хоть сын и узнал потом, что я – его мать, я, по глупости своей, *им пренебрегала*, и это жжёт меня теперь, как огонь…» (курсив наш – А. И.).

Из этих отрывков мы узнаём о важных обстоятельствах, предшествовавших и сопутствовавших рождению Карны. Во-первых, юная Кунти *против собственной воли* получила брачное заклинание (мантры из Атхарваеды), то есть дар вызывать богов с целью произвести от них потомство. В соответствии с универсальными мифологическими представлениями, «бесплоден с богом союз не бывает» [«Одиссея» (в дальнейшем – Од) XI, 249]: вспомним многочисленные адюльтеры Зевса. Далее происходит свидание с богом. И если сама Кунти наивно полагает, что, вызвав бога Солнца Сурью, она совершила ошибку (то есть, что у неё был выбор, вызвать Сурью, или не вызывать), то мы позволим себе в этом усомниться. Напомним, что сразу после того, как Кунти получила от Дурвасаса дар вызывать богов, подвижник сообщил царице, что она станет «матерью Дхармы». А ведь Дхарма – это следующий божественный партнёр Кунти, о котором она пока даже не мечтает, и от которого она родит Юдхиштиру – Царя справедливости и частичное воплощение Дхармы (именно в этом смысле отшельник называет Кунти матерью Дхармы).

Дхарма был упомянут в речи подвижника, а Сурья и следующие не менее «важные» божественные партнёры Кунти (могучий бог ветра Ваю; громовержец и, по совместительству, царь богов Индра) опущены потому, что Дурвасас ради краткости говорит только о самом значительном последствии своего дара. Дело в том, что из всех будущих божественных сыновей Кунти только сын Дхармы Юдхиштхира станет самодержцем – повелителем других царей, справив обряд раджасуя. Сын Сурьи Карна, хоть и старший, но рождён тайно, вне брака, и не может претендовать на престол, сыновья же Ваю и Индры (Бхимасена и Арджуна) в качестве младших братьев могут рассчитывать только на роль соправителей. Более того, не упоминая его эксплицитно, Дурвасас предвидит «приключение» Кунти с Сурьей и загодя обеспечивает ей сохранение девственности при рождении сына от добрачной связи. Итак, вещему мудрецу Дурвасасу известны будущие матримониальные перипетии Кунти, а это значит, что и *судьба её детей, включая первенца Карну, предreshена*.

Отмеченные нами в рассказе Кунти обстоятельства: девственное рождение и отказ от младенца, брошенного в реку, а затем спасённого, – являются сюжетными элементами многих сказаний и указывают на определённые черты Карны как эпического героя, что будет показано ниже. И, наконец, забега вперёд, Кунти сообщает, что даже когда Карна узнал, что он её сын, она продолжала им пренебрегать. Здесь уместно кратко упомянуть житейские невзгоды, сопровождающие жизнь Карны. Он рождён вне брака, то есть не имеет «земного» отца; более того, от него отказалась мать. Итак, его социальный статус неопределён, что особенно тяжело для индивида в жёстко стратифицированном обществе древнеиндийских варн (мы убедимся в этом, когда Карну будут попрекать его «тёмным» происхождением). К проблеме социальной идентификации добавляется эмоциональный стресс оскорблённого достоинства, когда у бывшего безродного подкидыша обнаруживается истинная семья – мать и братья царского рода – только для того, чтобы потребовать от Карны тяжёлой моральной жертвы (предательства его близких), всколыхнув при этом его воспоминания о пережитых в юности унижениях. Отметим, что Кунти, которая пренебрегала Карной, якобы, «по глупости своей», несколько кривит душой. Царевна воздержалась от официального признания внебрачного сына по причинам самого практического свойства, и Карна прекрасно понимает мотивацию своей матери (*Мбх V, 139*): «...Я была покинут Кунти, ибо иначе не могло быть счастья (для неё)». В результате, когда обстановка изменилась, и Кунти была готова официально признать уже взрослого Карну своим сыном, тот почтительно, но решительно отказался.

2. Чудесное рождение Карны

Вернёмся к обстоятельствам рождения Карны. Сметливая царица, видя, что домогательств Сурьи ей не избежать, решила поторговаться, и будущий сын получил от своего отца-Солнца магические дары (*Мбх III, 19-20*): «Кунти сказала (Сурье): «Если на сыне моём, которого ты породил, будут серьги и дивный панцырь, что вышли из амриты, пусть исполнится твоя воля, великий бог, я отдамся тебе, и пусть будет (мой сын), как ты, прекрасен собою, добродетелен, смел и могуч...». «Да будет так», – изрёк Шествующий по небу». Так программируются черты Карны – он действительно вырастет прекрасным, благородным и отважным воином. Кроме того, герой родится с панцырем на теле и серьгами, приросшими к ушам. Отметим, что наделение дарами будущего героя по инициативе матери – распространённый эпический мотив, гарантирующий его грядущие великие свершения и необыкновенную судьбу: мать русского героя Вольги, зачав его от змея, произносит заклинание, требуя для сына выдающихся доблести, силы, разума; неуязвимость получают от матерей-богинь греческий Ахилл и скандинавский Бальдр, от матери-волшебницы – нарт Батрадз, от матери-пери – тюрк Депе-Гээ.

Вот как описан младенец Карна (*Мбх III, 292*): «В положенный срок прекраснейшая из женщин, оставшись девою благодаря милости бога, родила мальчика, похожего на бессмертного. Он был облачён в доспехи, (в ушах его) сверкали золотые серьги, глаза у него были львиные, а плечи – как у быка. Словом, (сын Сурьи был) вылитый отец».

Судя по упоминаниям золотых панцыря и серёг, это важные предметы. Каково же их предназначение? Возможно, дары Сурьи являются знаком посвящения Карны этому богу и имеют магическую силу. Действительно, по мнению В.Я. Проппа, золотые предметы в фольклоре символизируют *посвящённость* героя богам, в частности, связь с богом солнца (в классических сюжетах – Гелиос); что же касается *магической функции* золотых объектов, это, как указывает великий фольклорист, «предметы из потустороннего мира, дающие долголетие и бессмертие» (В.Я. Пропп *«Собр. трудов. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки»* 1998, с. 375). Сходные атрибуты богини Иштар (тиара, ожерелье, ушные подвески, грудные пиночки, запястья) дают владелице магическую защиту: лишаясь их в процессе катабасиса, богиня рискует навсегда остаться в царстве мёртвых (авилонская поэма «Сосшествие Иштар в Преисподнюю»).

Итак, то, что дары Сурьи Карне оказываются золотыми, подсказывает нам, что герой посвящён богу Солнца. Попробуем уточнить магическую функцию этих принадлежащих телу героя предметов. Известно, например, что сила библейского

Самсона «заклочалась» в его волосах, посвящённых Яхве. Самсон сам объясняет это (Суд, 16, 17): «...Бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божий» (то есть посвящён Богу – А. И.) «от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя». Таким образом, обет Самсона не стричь волосы был частью его договора с Богом, а сами волосы – знаком того, что Самсон посвящён Богу и находится под его защитой. Поэтому простой акт срезания его волос Далидой, в соответствии с представлениями примитивной магии, приводит к драматическому результату – Самсон лишается своей сверхъестественной силы, источником которой был Бог.

Серьги и панцырь являются источником каких-то сверхъестественных качеств Карны. Возможно, неуязвимости? Это было бы ценным даром будущему воину: вспомним Ахилла и Зигфрида. Греческое сказание повествует о том, как Посейдон сделал бессмертным царя телебоев Птерелая, «вырастив на его голове один золотой волос» (*Аполлодор II, 5*); когда волос был вырван, Птерелай умер. И в самой Мбх есть персонаж с магической жемчужиной – залогом неуязвимости – на голове: это воин-брахман Ашваттхаман, сын брахмана-наставника Дроны и яростный противник Пандавов в их грядущей войне с Кауравами. Уже в разгар битвы на Курукшетре Ашваттхаман говорит, что он до сих пор жив лишь потому, что неуязвим (*Мбх VIII, 64*). После окончания битвы уцелевший Ашваттхаман, коварно прокравшись ночью в лагерь Пандавов, истребляет их спящих союзников, родственников и сыновей, и жена Пандавов Драупади требует мести за убитых сыновей и братьев (*Мбх X, 11, 20-21*): «Мне известно – у сына Дроны на голове есть жемчужина, с которой он родился, и если увижу, что принесут эту жемчужину, уничтожив злодея (Драуни)» (то есть сына Дроны – А. И.) «в битве, ...лишь тогда я смогу жить». Наконец, сам Ашваттхаман утверждает (*Мбх X, 15, 28-29*): «Эта моя жемчужина превосходит ценностью и те сокровища, что есть у Пандавов, и то богатство, которое было добыто Кауравами. Тот, кто носит её, никогда не ведаёт страха ни перед оружием, ни перед болезнью». Итак, прецедент наличия у героя магических защитных предметов, полученных при рождении, в Мбх есть.

Наша догадка о назначении золотых серёг и панцыря Карны подтверждается тем, что именно следуя подобной «магической» логике, противники Карны разработали сложную интригу с целью лишить его этих важных предметов. В связи с предположением о магических свойствах дара Сурьи уместно будет напомнить, что серьги и панцырь происходят из амриты, напитка бессмертия, возникшего в «мифологическое» время при пахтании первозданного океана богами и их старшими братьями демонами-асурами (*Мбх I, 16*): «И, сделав Мандару» (гора – А. И.) «мутовкой, а змея Васуки веревкой, боги и все дайтьи и данавы начали затем пахтать океан, вместилище вод, ...домогаясь амриты». Далее, уже о взрослом Карне Юдхиштхира говорит (*Мбх III, 37*) «Карна, великий колесничный боец... неуяз-

вим... и к тому же облачён в непробиваемый панцырь». Ещё более определенно объясняет Карне значение своего дара сам Сурья (*Мбх III, 284*): «Пока ты владеешь серьгами и панцырем... в бою ты неуязвим для врагов».

Теперь обратим внимание на восторженно-благожелательные описания счастливой внешности Карны («мальчик, похожий на бессмертного»; «дивный облик»; «прекрасный, словно чашечка лотоса»). Так эпическое сказание живописует только благородного героя, которому суждены великие свершения. Подчеркнём – не просто амбивалентного силача, а именно благородного героя. В качестве примера можно привести первое описание внешности сына Венеры героя Энея, которое мы встречаем в поэме Вергилия:

«Встал пред народом Эней: божественным светом сияли
Плечи его и лицо, ибо мать сама даровала
Сыну кудрей красоту и юности блеск благородный...»

[«Энеида» (в дальнейшем – *Эн*) I, 588-590].

Для сравнения обратимся к описанию рождения Дурьйодханы – злокозненного старшего брата Кауравов. Дурьйодхане тоже предстоит вырасти в могучего и отважного воина, но, так сказать, со знаком минус: он станет не благородным героем, а злодеем-антагонистом благородных Пандавов. При рождении Дурьйодханы «...шакалы и другие страшные хищники подняли зловеший вой... И премудрый Видура сказал Дхритараштре: «Очевидно, этот твой сын будет истребителем рода» (*Мбх I, 107*).

Напомним также о божественном происхождении Карны, предвещающим, что он будет великим и благородным героем, а не злодеем. Примеры благородных героев эпоса, наделенных божественным происхождением, бесчисленны: Ахилл – сын морской богини Фетиды и полубога Пелея (внука Зевса и речной нимфы), ирландский герой Кухулин – сын кельтского бога Луга, Эней – сын Афродиты, шумерский герой Гильгамеш – сын богини Нинсун, угаритский Карату – потомок верховного западносемитского бога Илу, Одиссей – сын Зевса, дед Кауравов Бхишма – сын богини Ганги. Особо отметим случаи, где из пары (или двух групп) соперников, зачастую связанных узами родства или свойства, именно благородный герой, а не его антагонист, ведёт своё происхождение от бога или богини. Приведем несколько примеров. Геракл, сын Зевса, лишился трона Микен и Тиринфа в результате козней своего трусливого и коварного двоюродного дяди Эврисфея. Против благородного и отважного Персея, также сына Зевса, плетёт низкие интриги Финей, дядя его невесты Андромеды и претендент на руку собственной племянницы. Основатели Рима Рем и Ромул, чудом спасённые от преследований своего двоюродного деда Амулия, – дети бога Марса. Кришна (восьмая аватара Вишну) расправляется со своим дядей жестоким царём Кансой, который держал в плену родителей Кришны и отнял престол у собственного отца. Наконец, из главных действующих лиц *Мбх* небесным происхождением отмечены именно благород-

ные Пандавы, но не злодеи Кауравы. Вопрос о том, кого из главных героев можно считать положительными, а кого – отрицательными, будет подробно рассмотрен ниже. Здесь, чтобы наше разделение двух соперничающих групп героев на «плохих» и «хороших» не казалось произвольным, мы коротко сошлёмся на мнение одного из рассказчиков Мбх, что можно, в некотором роде, считать точкой зрения самого сказания. Ученик автора Мбх Вьясы Вайшампаяна говорит о предводителе Кауравов (Мбх I, 61): «Коварный и злой царь Дурьюодхана, обесславивший потомков Куру, „был ненавистным всему миру и презреннейшим из людей мужем раздора, который вызвал опустошение на всей земле. Благодаря ему вспыхнула великая вражда, погубившая всё живущее».

Связь с миром богов является настолько важным фактором «благородства» героев, что даже их богатырским коням порой приписывается божественное происхождение: бессмертные кони Ахилла Ксанф и Балий рождены кобылой от Западного ветра (то есть от бога Зефира) и подарены отцу Ахилла Посейдоном, колесничная упряжка огнедышащих коней Энея происходит от огненных коней бога солнца Гелиоса, а конь Сигурда Грани происходит от небесного коня самого Одина – Слейпнира. Оба коня в колеснице Кухулина также появились чудесным образом (из озера) и подарены герою божествами.

Вернёмся к предмету наших разысканий. Как показано выше, новорождённый Карна в качестве божественных даров получает признаки благородного героя и важные магические атрибуты. Кроме того, в отношении ещё не зачатого Карны его будущим отцом сделано пророчество. Отметим, что для эпоса пророчество – важнейшая гарантия великих свершений героя. Так, ещё до рождения Ростема, непобедимого героя иранского эпоса «Шахнаме» (в дальнейшем – ШН), чудесная птица Симорг предсказывает:

«Метать будет копьё, как пёрышки, он,

Осанкой – как тополь, а силой – как слон»

(ШН, «Сказание о рождении Ростема», бейты 7959-7960).

Аналогично, ангел предрекает подвиги Самсона (Суд 13, 15), праведный Симеон – судьбу младенца Иисуса (Лк 2, 25-35), а голос с неба – подвиги Арджуны: добывание небесного оружия и возвращение Пандавам царства (Мбх I, 114, 27-35). О Карне Сурья говорит, что на земле не будет «равных ему по силе», и ещё раз подтверждает, обращаясь к Кунти (Мбх III, 291, 25): «Я всё исполню, о прекраснободрая! Ты родишь сына, первого среди воинов, а сама останешься девой». Итак, Карне суждено стать великим воином. Кроме того, пророчество о сохранении девственности Кунти предвещает, что царевна избавится от новорождённого сына, иными словами, ребёнку уготована судьба подкидыша.

3. Подкидыш. Знаки судьбы

Пророчество Сурьи реализуется в сюжете о подброшенном младенце, пущенном плыть по реке (*Мбх III, 292*): «Едва произведя младенца на свет, прекрасная (Кунти) по совету кормилицы поместила его в просторную и удобную корзину, мягко выстланную покрывалами и политую снаружи воском, и, обливаясь слезами, опустила (эту корзину) (в воды реки) Ашванади. И хотя она знала... что деве не подобает иметь ребёнка, она жестоко страдала, успев полюбить своего сына». (Ещё одно подтверждение того, что впоследствии Кунти пренебрегала Карной, отнюдь, не «по глупости». Как всякая нормальная мать, она любит своего ребёнка, но её поведение диктуется не эмоциями, а социальными нормами и династическими соображениями – А. И.).

(*Мбх III, 292, 22-27*): «Долго и горестно плакала Притха» (Кунти – А. И.) «...корзину унёс (поток), а (Кунти), боясь, что отец может хватиться её, вернулась в покои царя, объята горем. Корзина из Ашванади попала в реку Чарманвати, из Чарманвати в Ямуну, а потом приплыла в Гангу. Волны Ганги принесли корзину с младенцем в город Чампа, в ту его часть, где жили суты. (Корзина) уберегла того младенца с чудесным панцирем и серьгами, что вышли из амриты, с его провидением назначенной (необыкновенной) судьбой» (курсив наш – А. И.).

Эпизод с Карной, пущенным в корзине по реке, имеет глубокие мифологические корни и бесчисленные параллели в сказаниях многих народов. Этот мотив использует греческое сказание о Персее (сыне царевны Данаи и Зевса), брошенном в ящике в море; сказание о скандинавском герое Сигурде – найдёныше, приплывшем по волнам в стеклянном сосуде («Сага о Тидреке»); сказание о полинезийском герое Мауи, брошенном в море в «гнезде» из водорослей; гималайское сказание о гилгитском царе Трахане, пущенном в ящике по реке (правил в Гилгите в начале XIII в.) (*Дж. Дж. Фрэнгер, 1985, с. 295*); вариант сюжета об Эдипе, которого родители опускают в ковчеге в море; англосаксонское сказание о найдёныше – основателе династии датских конунгов Скильде Скевинге, младенцем, прибывшем неизвестно откуда к морскому берегу в утлой лодчонке («*Беовульф*» 1, ст. 7, 44-45); римское сказание о Реме и Ромуле, брошенных в лохани на берегу Тибра; авестийское сказание о пущенном в корзине по реке основателе иранской династии Кеянидов Кави Кавате; персидские сказания о шахах Ирана – легендарном Кей-Хосрове и Дарабе (Дарий I, 550-486 до н. э.), сыне царицы Хомай в эпической поэме Фирдоуси ШИ; мидийское сказание об основателе династии Ахеменидов – Кире (Кир Великий, ок. 590 – ок. 529 до н. э.), приводимое Геродотом («История», I, 107-113); индийское сказание об основателе династии Маурьев Чандрагупте (правил в 321-297 гг. до н. э.), подброшенном пастуху; древнерусская

«Повесть о вавилонском царстве», где Навуходоносора (Навуходоносор I, правил в Вавилоне в 1125-1104 гг. до н. э.) младенцем находят в лесу (А. Н. Веселовский «Мерлин и Соломон», 2001, с. 382). Эти сюжеты, в свою очередь, переключаются с древними легендами семитского происхождения о чудесном спасении будущего вождя или владыки в корзине из реки – Моисей у древних евреев (примерно XIV в до н.э.), Шарру-кин (более известный как Саргон I) – основатель аккадской династии Междуречья (правил в 2334-2279 гг. до н.э.).

Чтобы убедиться в типологическом сходстве упомянутых сюжетов с историей Карны, приведём два примера. Вот как начинается жизнь Моисея: «Жена зачала и родила сына и, видя, что он очень красив, скрывала его три месяца; но не могли долее скрывать его, взяла корзину из тростника и осмолила её асфальтом и смолою и, положив в неё младенца, поставила в тростнике у берега реки...» (Исх. 2, 2-3). А так рассказывает о своём младенчестве сам Саргон:

«Понесла меня мать моя, жрица,
родила меня втайне.
Положила в тростниковый ящик,
вход мой закрыла смолою,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
Акки, водонос, багром меня поднял,
Акки, водонос, воспитал меня, как сына»

(«Сказание о Саргоне», ст. 5-10, цит. по
«Когда Ану сотворил небо», М., 2000, с. 297).

Некоторые из бесчисленных легенд о спасённых подкидьшпах оказываются частью биографии вполне исторических персонажей, причём, подкидьшпы становятся не просто правителями, но либо основателями династий, а заодно и великих империй (Чаңдрагупта Маурья, Кир Великий и Саргон I), либо, как Дарий I, блестящим администратором и завоевателем, расширившим пределы державы Ахеменидов, либо, как Трахан, могущественным династом средневекового Тибета. Аналогично, Навуходоносор I был наиболее выдающимся правителем второй династии Иссына, восстановившим величие Вавилонии после шести веков господства касситов. Дочь сирийской богини Семирамида (царица Вавилона Шаммурамат, конец 9 в. до н. э.) брошена в горах и вскормлена голубями, чтобы сделать блестящую карьеру от рабыни царского советника до царицы. Конечно, сюжет о подкидьшпе вставлен в биографию великого правителя задним числом. Но это для нас и важно: по универсальной логике перечисленных сказаний, чудесное спасение обречённого на верную смерть младенца, оставленного на съедение диким зверям, либо плывущего по волнам в корзине, указывает на божественное вмешательство, сохраняющее ребёнка для высокой участи. Видимо, по этой причине Соломон (царь Израиля в 970-931 гг.

до н. э.), чьи реальные родословие и биография прекрасно известны из Ветхого Завета (3 Цар 1-11; 2 Пар 1-9), в русском фольклоре становится приёмным кузнеца. Возможно, прообразом таких сюжетов о героях когда-то служили сказания о богах: по Гесиоду, сам Зевс младенцем был спрятан от кровожадного отца «в недоступной пещере, на многолесной Эгейской горе» («Теогония», 483-484).

Вернёмся к Карне. Как отметила С.А. Невелева в своей статье «Сюжет о Карне в III книге Махабхараты (сознание инициации)», история самой Притхи, матери Карны, является «сжатой версией» темы подкидыша («Древняя Индия. Язык. Культура. Текст», 1985, с. 80). Здесь следует добавить, что и мать отшельника Вьясы, то есть прабабка Пандавов и Карны, Сатьявати, была оставлена своей матерью-апсарой сразу после рождения и воспитана рыбаком (Мбх I, 57). Таким образом, интересной модификацией и «усилением» фольклорного мотива подкидыша в случае Карны является то, что Карна в некотором роде – подкидыш «потомственный»: вслед за прабабкой, выросшей у приёмных родителей, и его мать Кунти, дочь царя Ядавов Шуры, была по обету отдана на воспитание его бездетному кузнецу царю Кунтибходже.

Отмеченное С.А. Невелевой удочерение Притхи Кунтибходжей интересно ещё по одной причине. Из этого примера видно, что для мотива подкидыша в эпосе чудесное спасение или настоящее сиротство, несмотря на сюжетную яркость и популярность, являются всё же факультативными. Принципиальный элемент – воспитание героя приёмной семьёй, даже при живых родителях (Ахилл, Кришна, Беовульф). В более поздних сказаниях воспитание героя приёмной семьёй присутствует уже в качестве реликта, и может быть вовсе не мотивировано. Так происходит с юной дочкой фризской королевской четы:

«Прекрасною Кудруной звалась их дочь. Она
Была на воспитанье из дома отдана
Сородичам ближайшим, и в королевстве датском
Росла и процветала под их попеченьем братским»

(«Кудруна» IX, 575).

«Архетипическая» причина сиротства – отсутствие (земных) родителей, то есть аллюзия на божественное происхождение героя (Гринцер 1974, сс. 216-218). Действительно, ряд героев, имея небесного родителя, силою обстоятельств оказывались покидышами или приёмными. Это Ахилл (сын Фетиды), Рем и Ромул (сыновья Марса), Беот и Эол (сыновья Посейдона), Персей (сын Зевса) и сам Карна. В ряде сказаний матерью младенца является жрица, и тогда намёк на её небесного партнёра – отца ребёнка – наиболее очевиден (Саргон; Авга/Телеф; Рея Сильвия/Рем и Ромул). Герой архаического эпоса может происходить не от бога, а от другого сверхъестественного существа (богатырь Вольги зачат от змея), от (тёмного) животного: в бурятском эпосе это бык; индийский герой Ришьяринга

рождён ланью и имеет зооморфную черту – олений рог (*Мбх III, 110*). Герой может родиться даже от неодушевлённого предмета: нарт Сослан и хетт Улакумми появились на свет из камня; китайский император Хуан-ди – от блеска молнии; армянские герои Санасар и Багдасар зачаты царевной от моря. Вариант чудесного рождения – появление потомства у бездетной четы (Исаак, Самсон, киргизский герой Манас) заботой неба; исходно небожитель является родителем. Аналогично, жёны престарелого царя Сомаки, принеся в жертву его единственного сына и вдыхая горящий жир несчастного младенца, сумели зачать сто сыновей (*Мбх III, 128, 2-8*). Наконец, герой может быть чудесно рождён [Хьёрдис рождает Сигурда после смерти Сигмунда (*СЭ*)], а то и зачат, как Гор Исидой, после смерти отца [индейские герои Хун-Ахпу и Шбаланке («Пополь-Вух»)]. Нарт Батраз выношен отцом в спине. К чудесным обстоятельствам рождения героя относится и необычно длительная или чудесно разрешающаяся беременность (Манас; Вяйнемийнен «Калеваль»; сын подвижника Агастьи *Мбх*; Ростем *ШН*).

Можно видеть, что вариации мотива чудесного рождения, происхождения или спасения младенцев, которым уготована необыкновенная судьба, бесчисленны. В ряде случаев будущий герой становится подкидышем и не будучи сиротой, из-за пророчества, рекомендующего избавиться от ребёнка, так как ему суждено принести родным или целому народу несчастье (Эдип, Кир, Парис). От младенца избавляются и из-за компрометирующих обстоятельств его рождения: внебрачный ребёнок (Санасар и Багдасар армянского эпоса, нарт Созьр, Карна), плод инцеста (Эгисф), нарушение других религиозных установлений (мать Рема и Ромула – весталка). Отметим, кстати, что угроза жизни младенца в указанных случаях вполне реальна, и известны примеры сказаний, в которых судьба не препятствует жестоким замыслам людей: Гарпалика действительно убивает ребёнка, рождённого от кровосмесительной связи с собственным отцом, а Тиро – своих сыновей от Сизифа, которым предсказано стать истребителями рода (*Гигин, 239*). В результате, в спасении младенца, которое отнюдь не гарантировано, эпическая аудитория с полным правом может усматривать перст судьбы.

Мы уже упомянули, что добрачная связь, то есть отсутствие легитимного земного отца, как и материнство жрицы, подразумевают наличие отца небесного. К этому можно добавить, что и инцест может выступать как форма сакрального брака (вспомним фараонов, правителей инков, предписания Авесты). Кроме того, инцест, как и другие нарушения табу, – это указание на исключительность и избранничество. Инцест, будучи нередким сюжетным элементом сказаний самых разных народов, может быть оправдан экстраординарными обстоятельствами, мнимыми или действительными [Лот и его дочери (*Быт 19, 30-38*)]; мотив необходимости продолжения человеческого рода может дополняться обманом: якутская героиня вступает в любовную связь с братом под личиной чужой жен-

пины (Е.М. Мелетинский «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архайческие памятники», 2004, с. 335); инцест может и не рассматриваться сказанием как нечто предосудительное, как в случае осетинского героя Урызмага и его сестры Сатаны («Как Урызмаг женился на Сатане»), и тогда оправдывающее обстоятельство отсутствует. Наконец, инцест может быть прямо инспирирован богами для исполнения небесного сценария: Фиест по совету Аполлона овладел своей дочерью для появления на свет мстителя Эгисфа. Заметим, что позже (эпос феодальной Европы) инцест становится уделом чудовищ, а у благородных героев вызывает омерзение. Когда Соловей-разбойник говорит Илье:

«Я сына-то выращу, за него дочь отдам,
Дочь-то выращу, отдам за сына,
Чтобы Соловейкин род не переводился...»

Реакция Ильи проста и мгновенна:

«За досаду Илье Муромцу показалось,
Вынимал он саблю свою вострую,
Прирубил у Соловья всех детушек»

(цит. по В. Я. Протт «Русский героический эпос», 2006, с. 260).

В ряде случаев сказание содержит дубликацию мотива подкидыша, то есть сочетание нескольких чудесных обстоятельств рождения, или, при сохранении «намекающего» обстоятельства даёт и прямое указание на небесную родословную героя. Армянский герой Давид, зачатый в нарушение обета («Давид Сасунский», далее – ДС), своим рождением обрекает родителей на смерть и растёт приёмшем во враждебной стране. Ахилл – приёмш, отданный на воспитание кентавру Хирону; помимо этого, сказание сообщает о его матери – богине Фетиде. Рем и Ромул рождены весталкой (то есть соблюдающей безбрачие) Реей Сильвией; сверх того, их отец – бог Марс. Иногда «намекающие» обстоятельства и небесная родословная сохраняются в параллельных вариантах сказания: кельтский герой Кухулин обязан своим появлением то ли инцесту короля Конхобара с его сестрой Дехтире, то ли союзу Дехтире с богом Лугом; германский герой Сигура то ли вовсе не имеет земных родителей, то ли происходит от связи Синфётти с его сестрою Сигню.

Мы установили следующее. Общеэпический мотив подкидыша, при разнообразии сопутствующих обстоятельств, часто сводится к намёку на божественное происхождение и, как следствие, на особое предназначение героя. В некоторых сказаниях помимо «намекающего» обстоятельства, которое оказывается привлекательным элементом сюжета, наличествует и прямое указание на небесное происхождение героя. Всё же сказание часто довольствуется каким-либо одним аспектом данного мотива: искушённой эпической аудитории для развёртывания полной картины достаточно намёка.

В противоположность этому в биографии Карны мы находим беспримерную по своей избыточности амплификацию мотива подкидыша:

- а) Карну воспитывают приёмные родители, потому, что
- б) Карна действительно осиротел (земного отца нет, мать отказалась);
- в) сказание мотивирует отказ царевны от ребёнка компрометирующим обстоятельством – Карна рождён вне брака (намёк на небесного отца);
- г) девственное рождение героя (ещё одно подтверждение участия небесных сил и дополнительный аспект «отрицания материнства» Кунти, то есть сиротства Карны);
- д) Карна не просто подкидыш, он – потомственный подкидыш;
- е) не довольствуясь этими аллюзиями, сказание прямым текстом сообщает аудитории, что Карна – сын бога;
- ж) младенец Карна подвергся опасности и был «чудесно» спасён – ещё один (помимо божественного происхождения) знак особого предназначения;
- з) сверх всего, аудиторию уведомляют о «провидением предназначенной необыкновенной судьбе» Карны.

Отметим, что девственное рождение Карны – довольно редкое для героического эпоса обстоятельство; один из немногих примеров – рождение ирландского героя Кухулина [*«Саги об Уладах»* (в дальнейшем – СУ), *«Рождение Кухулина»*]. Из центральных персонажей Мбх девственным рождением, помимо Карны, может «похвастать» только святой подвижник Вяся, которому традиция приписывает ни много, ни мало – редактирование Вед и составление самой Мбх.

Подведём итог. Каждое из указанных чудесных свойств и обстоятельств рождения Карны может быть найдено и у других персонажей Мбх: девственное рождение – у Вясы; «врождённый» магический предмет – у Ашваттхамана; божественное происхождение – у многих, включая Пандавов; судьба подкидыша – у Кунти и Сатьявати. Кроме того, не все из отмеченных свойств с необходимостью принадлежат безусловно положительному герою. По замечанию Кришны, «известна необузданность» Ашваттхамана. Более того, Ашваттхаман, по мнению его отца, праведного Дроны, «не из тех, кто придерживается стези праведников» (*Мбх X, 12, 2*), но это, скорее, исключение. Разумеется, и божественное происхождение не гарантирует благородства героя: вспомним сына Гелиоса, коварного царя колхов Эета. Всё же в подавляющем большинстве случаев, как показано выше, всё это – знаки великого и, как правило, благородного героя. Сочетание же всех экстраординарных факторов действительно уникально, и в Мбх их совокупностью отмечен только один герой – Карна.

Остаётся признать, что Карна – совершенно необыкновенный младенец, и его рождение является частью какого-то плана. Сомнения в том, что судьба Карны предрешена, и у него есть важная миссия, отпадают окончательно, если принять во внимание, кто дал Кунти набор мантр, с которых всё и началось. Это был ни-

кто иной, как подвижник Дурвасас, а ведь этот «гневливый брахман» – земная инкарнация Шивы. Значит, судьба первенца Кунти решалась на «вышем» уровне, и ничего случайного в ней нет. Каково же в таком случае предназначение Карны? Ответ на этот вопрос даёт, пусть и *post factum*, святой провидец Вьяса, обращаясь к царице Гандхари (матери Кауравов) (Мбх XV, 39): «Знай, что Адитья-Солнце, восходящий из согревающих, раздвоив своё тело, продолжал согревать миры, но явился и Карной, о благая, рождённым от соития (бога со смертной) *для того, чтобы сеять раздор!*» (курсив наш – А. И.). Как видим, для «сеяния раздора» привлекаются серьёзные небесные силы.

Забота провидения не обязательно означает, что подкидышу суждено стать благодетелем своей страны или рода. В некоторых случаях предназначение будущего героя состоит как раз в обеспечении неприятностей. Младенца Париса бросают в лесу на горе Ида, так как его матери Гекубе приснился сон, что она родит пылающий факел, от которого сгорит город, – Парис должен принести гибель родной Трое. Младенца, разумеется, спасают пастухи, и впоследствии Троя действительно гибнет в войне, вызванной его сексуальными похождениями. Подкидыш Эгисф (плод инцеста Пелопии с её отцом Фиестом) спасён неизменными пастухами, как и предначертано, ради убийства своего дяди Атрея, а позже – и сына Атрея Агамемнона. Эти события являются частью масштабного плана по осуществлению проклятия, тяготеющего над родом Пелопидов. Наконец, Дурьюодхана и 99 его братьев также рождаются чудесным способом. Тут и вмешательство божественного мудреца, и двухлетняя беременность матери, и девятимесячное созревание ста зародышей в кувшинах. Сразу по рождении Дурьюодхана предсказано стать истребителем рода, но, в отличие от Приама с Гекубой, Дхритараштра с Гандхари пожалели младенца.

Вернёмся к Карне. Здесь уместно напомнить, что чудесному рождению могут предшествовать, а также следовать за ним, другие события, свойственные биографии будущего героя. Некоторые из них упомянуты выше: благоприятные пророчества, дар неуязвимости. К этой же категории относятся наречение имени и обретение оружия. Получению Карной «четырёх видов оружия» (Мбх III, 293, 17) будет уделено внимание в последующих разделах, а сейчас кратко расскажем об именах нашего героя. Подобранный младенец получил имя Васушена, что может быть истолковано трояко: «обильно богатый», «тот, чьё богатство – его рать» и «владелец копья-богатства». Позже мы убедимся, что все варианты окажутся значимыми; это имя, как указывают переводчики, «фиксирует черты облика героя-подкидыша, а также содержит предсказание его будущего» (Мбх 1987, с. 713). Карна вырос; когда он сидел, бывало, бормоча молитвы, у него, великого духом, «не было ничего такого, чего он не отдал бы брахманам. И вот (однажды) Индра.. приняв вид брахмана, попросил у него в виде милостыни серьги и панцырь. И, отрезав

без размышлений от своего тела панцырь и серьги, Карна, истекая кровью, отдал их, почтительно сложив ладони своих рук... Известно, что прежде имя его было Васушена. А потом, благодаря тому подвигу, он стал (называться) Карной Вайкартаной [оба слова означают «разрезающий» и содержат индо-европейский корень К-Р-(Т), сохранившийся в русских словах Край, КРомсать, оБКАРнать, КРАТкий]. Этот отрывок (*Мбх I, 104*) повествует о наречении герою «взрослого» имени в результате обряда инициации, переосмысленного в классическом эпосе как высокий подвиг благородства и самоотречения. В огузском эпосе находим подтверждение, что в героический век наречение «взрослого» имени было эксплицитно связано с первым подвигом или инициацией: «В тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови» («Песнь о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Бурь»).

Выше было показано, что предназначение героя для совершения «подвигов со знаком минус» – событие хоть и редкое, но не уникальное. В таких случаях и пророчества предвещают ужасные деяния будущего героя. Подвижник Вьяса предсказывает новорождённому Дурьйодхане удел «истребителя рода»; звездочёты предвидят, что младший брат Ростема Шегад «прославленный род в злую ввергнет беду» (ШН); прорицатель Эсак предрекает беременной Гекубе, что Парис погубит Трою; Фиест по замыслу Аполлона производит от своей дочери Эгисфа, которому суждено осуществить проклятие, тяготеющее над Пелопидами. Необычным является то, что Карна получает подобную роль, имея все задатки благородного героя (даже пророчество Сурьи предвещает Карне славу), тогда как Шегад, Парис и, особенно, Эгисф, не говоря уже о Дурьйодхане, в полном соответствии с предназначенной им ролью, нравственно непривлекательны. Красавчик Парис – безответственный трус [...ни силы в душе, ни отважности в сердце» (*Ил III, 45*)], принесший гибель Трое, а сам, отсиживающийся за её стенами и заслуживший общую ненависть сограждан:

«Всем уже был он и им ненавистен, как чёрная гибель»

(*Ил III, 454*).

Эгисф тоже трус, уклонившийся от Троянской войны, и узурпировавший власть тиран и убийца, причём, в карьере обоих важную роль играет адюльтер (Парис – Елена, Эгисф – Клитемнестра). Подлый Шегад плетёт интриги против благородного Ростема. Дурьйодхана, стремящийся погубить Пандавов, корыстен, неизменно груб, завистлив и злобен, а, зачастую, и неумён.

На фоне этих несимпатичных коллег по амплуа Карна, несмотря на многие слабости, кажется воплощением благородства. Тем не менее, удивительным образом, предназначение благородного Карны – сеять раздор. И произойдёт это не из-за его склонного характера: скоро мы убедимся, что даже осыпаемый незаслуженными оскорблениями Карна может проявить незаурядную выдержку. Текст сказания не оставляет сомнения в том, что «необыкновенная судьба» Карны «назначена провидением».

«Науки и упражнения в доблестях...
приносят изумительные плоды после
долгой и хорошо заполненной жизни...»

Марк Туллий Цицерон «О старости»

Часть II. Земной путь

4. Истоки конфликта с Пандавами. «Поговори лучше стрелами»

Приёмным отцом Карны становится сута, то есть возничий колесницы царя или знатного кшатрия. Сута является, в силу своих занятий, свидетелем ратных подвигов вождя и, по совместительству, его панегиристом, а часто, и другом. Таким образом, сута, с одной стороны, по положению близок к кшатрию, с другой стороны, он всё-таки является слугой: «Назначение сут – служить брахманам и кшатриям» (*Мбх VIII, 23*). П.А. Гринцер, ссылаясь на «Архашастру» («Науку политики») Каутильи, указывает, что суты являются представителями смешанных варн и происходят от союза кшатрия и брахманки (*П. А. Гринцер, 1974, с. 19*).

Вот что известно о приёмной семье и друзьях юности Карны (*Мбх III, 293, 1-10*): «В то самое время сута по имени Адхиратха, друг Дхритараштры, пришёл со своей супругой на берег... Супруге его, которую звали Радха, по красоте не было на земле равных... но достойная женщина была лишена детей... И вот она увидела волно плывущую корзину с красивыми ручками и амулетами, хранящими от опасностей. Быстрые волны прибили (корзину) к берегу. Поддавшись любопытству, женщина задержала её и показала суге Адхитархе. Тот поднял корзину, вытащил её из воды, с помощью инструментов вскрыл и увидел внутри мальчика, напоминавшего утреннее солнце. Он был облечён в золотые доспехи, его сияющий лик украшали прекрасные серьги... Взяв мальчика к себе на колени (Адхиратха) сказал супруге: «...Мне кажется, что найденный нами ребенок – божественного происхождения. Наверное, это боги послали мне, бездетному, сына». С этими словами... он передал сына Радхе, и Радха... приняла в сыновья ...мальчика».

(11-20): «Холила его (Радха) как только могла, и рос он героем... Так беспредельно отважный великий (сын Притхи) попал в сыновья к суге... Притха узнала от соглядатая, что её доблестный сын растёт среди ангов старшим сыном суги. Время шло, и Адхиратха, увидев, что сын вырос, отправил его в Город слона» (столица Кауравов – А. И.). «Смелый (юноша), чтобы овладеть искусством стрельбы из лука, стал учеником Дроны» (военный наставник Кауравов и Пандавов – А. И.).

«и там подружился с Дурьйодханой. От Дроны, Крипы и Рамы он получил четыре вида оружия и стал известен в мире как прекрасный стрелок из лука. *Сблизившись с сыном Дхритараштры, он проникся неприязнью к Партхам*» (матроним Пандавов; их мать – Притха – А. И.), «и его заветной мечтой стало вызвать на бой могучего Пхальгуну» (прозвище Арджуны – А. И.). «С тех пор как Карна и Арджуна увидели друг друга, они навеки стали врагами» (курсив наш – А. И.).

Обратим внимание на важные положения, выделенные в приведённом отрывке курсивом. Прежде всего, в отношении Карны к Пандавам можно отметить две составляющих: неприязнь ко всем пятерым как группе и отдельно – ненависть к Арджуне. Далее, источником неприязни Карны к Пандавам является, очевидно, его дружба с Дурьйодханой – старшим сыном царя Дхритараштры и предводителем юных Кауравов. И, наконец, ненависть Карны и Арджуны взаимна и, по крайней мере, со стороны Карны выражается в стремлении вызвать ненавистного соперника на бой.

Положение сына суты оказывается достаточно привилегированным (напомним, что Адхиратха – друг царя Кауравов Дхритараштры, хотя и не является его личным возницею). В результате Карна получает блестящее образование – он проходит военную подготовку вместе с принцами (*Мбх I, 122*): «...Царевичи пришли тогда к Дроне, лучшему из дваждырождённых, чтобы обучаться военному искусству... Также пришёл к Дроне и (Карна), приёмный сын Радхи из касты сугов».

Но внутри этой группы «золотой» молодёжи Карна, безусловно, имеет самый низкий социальный статус: он – не принц и даже, строго говоря, не кшатрий. Следовательно, Карна принят в эту группу «из милости», и, естественно, ищет покровителя. В условиях соперничества Пандавов и Кауравов это означает выбор – к какой группе примкнуть? Карна выбрал Дурьйодхану, и этот выбор определил всю дальнейшую жизнь обоих. Позже божественный мудрец Нарада поведает, что юный Карна подружился с Дурьйодханой, во-первых, по воле случая, во-вторых, ведомый собственной натурой (конгениальность? оба высокомерны и завистливы), а также под влиянием ненависти к Пандавам (*Мбх XII, 2*).

Вращаясь при дворе царя Кауравов в среде принцев и их наставников, Карна рано проявил свои недоожинные способности (*Мбх I, 104*): «...Вырастая, он становился могучим и искусным во всех видах оружия». Отметим, что это отнюдь не делало его всеобщим любимцем. Когда юный Карна попросил наставника Дрону поведать ему мантры для овладения небесным оружием Брахмы и прямо сообщил о желании сразиться с Арджунуной, Дрона, «имея склонность к Арджуне» и «зная о нечестии» Карны, отказал настырному выскочке под солидным предлогом (*Мбх XII, 2*): «Только брахманы, соблюдающие все обеты, могут быть обучены применению оружия Брахмы, а также кшатрии, предающиеся суровому подвижничеству, и никто другой». Карна отправился в горную обитель божественного подвижника

Парашурамы, у которого и узнал секреты небесного оружия. Для того, чтобы стать учеником Рамы, наученный горьким опытом Карна прибегнул к обману, выдав себя за брахмана. Когда обман раскрылся, гневный подвижник прогнал самозванца, повергнув его проклятию: во время поединка с самым страшным противником Карне суждено забыть оружие Брахмы, полученное нечестным путём. Так завершается период ученичества героя. Вернувшись к Дурьюодхане и игнорируя проклятие Рамы, Карна заявляет, что овладел всеми видами оружия и готов к подвигам.

Прежде, чем мы продолжим изложение жизни Карны, необходимо рассмотреть возникновение конфликта Кауравов с Пандавами, так как этот конфликт будет определяющим обстоятельством не только его земной жизни, но и посмертного воздаяния. Вот как рассказчик Мбх Вайшампаяна кратко излагает истоки вражды Кауравов и Пандавов (*Мбх I, 55*): «Когда умер отец Пандавов, те герои возвратились из лесу в свой дворец. В весьма короткое время они сделались опытными в ведах и в искусстве владеть луком. И, видя, что Пандавы наделены красотою, силою и доблестью, что они любимы горожанами и пользуются счастьем и славою, сыновья Дхритараштры возненавидели их». Предчувствие грядущих неотвратимых несчастий возникает у аудитории, когда подвижник и провидец Вьяса после поминок по своему сыну Панду говорит своей матери Сатьявяти (*Мбх I, 119, 5-8*): «Наступает время страшное, полное всяких обманов, разных пороков.. Удались в изгнание... чтобы не увидеть ужасной гибели своего собственного рода».

Козни, которые затевают Кауравы против Пандавов, и которые в будущем погубят почти весь царский род, начинаются в ранней юности героев. Вначале они вызваны, как кажется, просто детским соперничеством в невинных, если не сказать глупых (чего стоит «поднимание пыли») мальчишеских забавах (*Мбх I, 119, 13-27*): «...Пандавы прошли очистительные обряды... и росли в доме отца» (царь Дхритараштра, дядя Пандавов, заменивший сиротам отца – А. И.), «вкушая удовольствия. Забавляясь вместе с сыновьями Дхритараштры в отцовском дворце, Пандавы отличались во всех детских играх. В быстроте, в попадании в цель, в еде, в поднимании пыли Бхимасена побивал всех сыновей Дхритараштры... Так, состязаясь с сыновьями Дхритараштры, Врикодара» (Бхимасена – А. И.) «постоянно попадал в неприятность из-за своего ребячества, но отнюдь не по злему умыслу. Видя ту необычайную силу Бхимасены, могучий сын Дхритараштры стал тогда вызывать к нему враждебность» (Sic! Здесь впервые невинному соперничеству со стороны Пандавов противопоставляется коварство Кауравов – А. И.). «Так как он сам был далёк от справедливости... у него от заблуждения и жадности к господству зародилось преступное намерение: "Этот Врикодара ...средний из сыновей Панду должен быть уничтожен посредством обмана. Затем, насильно заключив в тюрьму младшего из них (Араджуну) и старшего Юдхиштихру, я буду править землею"».

Следуя этому плану, Дурьйодхана совершает три попытки расправиться с Бхимой: связывает его спящего и бросает в воду; подпускает к нему, также спящему, ядовитых змей (которых проснувшийся Бхимасена задушил, как младенцу Геракл – змей, подосланных Герой), подсыпает Бхимасене в еду яд, который юный богатырь переварил без вреда для здоровья. После подробного рассказа об этих событиях довольно неожиданно выясняется, что в покушениях на убийство Бхимасены у Дурьйодханы были сообщники (Мбх I, 119, 42-43): «Так Дурьйодхана, Карна и Шакуни» (дядя Дурьйодханы – А. И.) «...разнообразными средствами стремились погубить Пандавов». Итак, несмотря на задатки благородного героя, жизнь Карны начинает развиваться в соответствии с пророчеством Вьясы. Правда, поначалу создаётся впечатление, что раздор сеет Дурьйодхана, а Карна выступает в роли подручного.

Как отмечено выше, Карна, помимо общей неприязни к Пандавам, особую ненависть испытывает к Арджуне. Их яростное соперничество усугубляется идентичностью военной специализации: оба претендуют на звание величайшего колесничного бойца и стрелка из лука (в отличие, например, от пары соперников Дурьйодхана – Бхимасена, бойцов на палицах *par excellence*). Такой конфликт разрешится в честном поединке, возможном, как принято считать, только в условиях турнира, но не на войне: «Кто ведёт войну, тому не нужны турниры» (Я. Бургхардт). Посмотрим, так ли это и кто из соперников более заинтересован в подобном турнире.

Оказывается, есть свидетельства применения в древности «турнирного» способа боевых действий. В своей книге «Рождение Афины» Х. Туманс пишет о Греции архаического периода: «Аристократии приходилось искать средства для доказательства своего превосходства и демонстрации своей традиционной доблести, которой не было у простолюдинов. Нужно было показать своё сходство с древними героями. Большой частью эту функцию выполняли спортивные состязания, но для того, чтобы активно «жить по Гомеру», этого было мало» (Х. Туманс, 2002, с. 121). Так, в Лелангской войне (710-650 до н.э.), возникшей как тривиальный пограничный спор из-за плодородной долины на о. Эвбея, города-участники конфликта «представлены были не народными ополчениями, а аристократией... Связанные между собой узами гостеприимства, аристократы стекались на Лелангскую равнину, чтобы принять участие в споре двух городов. Это была идеальная возможность... подтвердить свой статус. Поскольку эта война сразу приняла демонстративный характер, то и вестись она должна была по всем правилам аристократической этики... Воюющие стороны на Леланте договорились не применять метательное оружие, а сражаться только врукопашную» (Х. Туманс 2002, с. 122) (курсив наш – А. И.). В данном случае важен не конкретный способ ведения боя: Грецию архаической эпохи нельзя без оговорок сопоставлять с Древней Индией. Во времена Гомера (VIII в. до н.э.) боевые колесницы

утратили значение, а лук, за исключением Крита, считался недостойным героя оружием (Ил V, 215; XI, 385-387; XV, 471). Но нас интересуют не детали экипировки и тактики воина, а тот факт, что «срабатывал аристократический кодекс чести, который определял выбор оружия и способ боя, руководствуясь при этом не практическими соображениями, а этическими нормами...» (Х. Туманс, 2002, с. 125).

Итак, строгое следование этическим нормам ведения поединка в ущерб практическим соображениям – способ подтверждения высокого социального статуса индивида в архаическом обществе. Вот почему в Ил носителями «стыда», которых можно укорять в недостойном поведении в битве, являются только вожди, то есть «лучшие» (*аристой*), но не «подлый» люд (*какой*). Статусом «лучших» по рождению обладают Пандавы, и этого же статуса так остро не хватает Карне, их незаконнорожденному брату. Может быть, именно поэтому Карна обречен на неукоснительное соблюдение воинской этики, тогда как для Арджуны это менее обязательно – все и так знают о его царском происхождении. В конце концов, даже очень дурной царский сын – это тоже царевич. Пример – всеми порицаемый Дурьйодхана. Другим примером, кстати, является сам Арджуна. Повстречав более искусного лучника, чем он сам – царевича нишадов Экалабью, – юный Арджуна капризно напоминает учителю Дроне, что тот обещал сделать его (Арджуна) первым лучником на свете. Дрона находит элегантно решение: пользуясь авторитетом наставника, он требует, чтобы Экалабья в качестве платы за обучение отрубил себе большой палец правой руки. «Вслед за этим нишадец (остальными) пальцами натянул (лук), но он уже не был так быстр, как прежде!.. И тогда Арджуна обрадовался всей душой и стал свободен от лихорадки ревности» (Мбх I, 123) (курсив наш – А. Й.). Комментарии излишни.

В отличие от Арджуны, военная этика Карны безупречна, что может доставить известное неудобство в поединке с менее щепетильным соперником, а в конце концов будет стоить ему жизни. Но, помимо личного соперничества с Арджуной, отношение Карны к Пандавам имеет и другой аспект. В качестве ближайшего друга и будущего верного вассала, Карна оказывается втянут в интриги Дурьйодханы по устранению Пандавов. А интриги эти выглядят вовсе не по-рыцарски: от попыток утопить или отравить Бхимасену, до поджога специально построенного смоляного дома с Пандавами и их матерью. В последнем случае Карна уже находится в числе советников, планировавших преступление (Мбх I, 129): «Видя, что Бхимасена превосходит всех по силе, а Арджуна искусен в (военной) науке, зломысленный Дурьйодхана сильно опечалился. Тогда Карна... и Шакуни... задумали всяческими средствами погубить Пандавов». Поначалу участие благородного Карны в подобных затеях кажется невероятным, и степень его неприязни к пятерым братьям сводится к тому, что, «пользуясь покровительством Дурьйодханы, он пре-

небрегал Пандавами» (*Мбх I*, 122). Но скоро происходит обострение конфликта Пандавов с Карной, причем, виноваты в этом, как кажется, задиры-Пандавы, а Карна выглядит жертвой обстоятельств и вызывает сочувствие.

По завершении обучения военный наставник принцев Дрона объявляет показательное состязание. Превзойдя всех принцев, Араджуна продемонстрировал «великое искусство во владении мечом и луком». «Меж тем как состязание там было почти уже закончено, а собрание всё успокоилось и музыкальные инструменты умолкли, со стороны ворот раздался шум рукоплесканий» (*Мбх I*, 125) – так происходит появление Карны. Карна выходит на арену не просто последним – он появляется, когда уже никого больше не ждали, и состязание считали завершившимся блестящей победой Араджуны. В фольклоре такое позднее и неожиданное появление характерно для героя-аутсайдера, будь то Давид, неожиданно даже для собственных братьев принимающий вызов Голиафа [«И выступал Филистимлянин тот утром и вечером и выставлял себя сорок дней» (*1 Цар 17*, 16)], или Иванушка-дурачок, являющийся на состязание за руку царевны только на третий день, когда все принцы уже выступили. Карна, выступающий в роли «тёмной лошадки», к смущению и гневу Араджуны, отстрелялся не хуже его.

Дурьюодхана в полном восторге говорит Карне (*Мбх I*, 126): «Располагай же, как желаешь, мною и царством Кауравов!» Карна отвечает: «Я избираю дружбу с тобою... и хочу вступить в единоборство с Партхой (Араджуной)». Раздражённый Араджуна, «сочтя себя как бы оскорблённым, сказал Карне: «Убитый мною, о Карна, ты достигнешь миров, предназначенных для тех, кто является туда непрощённым и кто вступает в разговор, когда его не приглашают». Так впервые Карна испытывает унижение, когда его главный соперник подчеркивает его положение выскочки. После оскорбительных слов Араджуны поединок между двумя юношами кажется неизбежным, но тут Карну подстерегает новое унижение. Оказывается, для участия в подобном турнире требуется знатное происхождение (*Мбх I*, 126): «И вот Крипа... опытный в правилах поединка и знаток всех законов, сказал им обоим, уже приготовившим свои огромные луки: "Это младший сын Притхи и Панду, происходящий из рода Куру, он вступит в единоборство с тобою. Ты же, о могучерукий, расскажи о своей матери и отце, и о роде царей, который ты продолжаешь. *Узнав это, Партха (решит), будет ли он сражаться с тобой или нет*"» (курсив наш – А. И.). «И когда так было сказано Карне, лицо его, казалось, склонилось от стыда, будто упавший лотос, смоченный дождевою водою».

Если учесть, что Карна обучался вместе с царевичами, и наставникам прекрасно известны и он сам, и семья, отдавшая его в обучение, то иначе, как издевательским, вопрос Крипы «о роде царей» назвать нельзя. Целью наставника, очевидно, было не допустить поединка Карны с Араджуной. В этот драматический момент Карну выручает Дурьюодхана (*Мбх I*, 126, 34-39): «Если Пхальгуна не же-

аает сразиться в битве с нецарём, тогда Карна будет мною посвящён на царство в стране Анга». И в тот же миг Карна, могучий воин, сражающийся на колеснице... был посвящён на царство Анга брахманами... (Новый) царь... сказал тогда царю Кауравов: «Что же я должен дать тебе, что бы могло сравниться с этим дарением царства?» – «Я желаю нерушимой дружбы твоей» – сказал ему Суйодхана» (Дурьйодхана – А. И.) «...Карна промолвил ему в ответ: "Да будет так!" И, в восторге обняв друг друга, они исполнились великой радости».

Но и на этом испытания Карны не заканчиваются. В момент торжества Карны к нему подходит Адхиратха, Карна почтительно склоняется перед приёмным отцом, и это даёт повод Бхимасене поиздеваться над «низким» происхождением Карны (*Мбх I, 127*): «Ты недостоин смерти в бою от Партхи, о сын возницы! Тебе немедленно следует взять кнут, который более подобает твоему роду. И недостоин ты владеть царством Анга, о презренный из мужей, как недостойна собака (вкусать) жертвенную пищу».

Во всех этих ситуациях Карна, несмотря на юность, проявляет замечательную выдержку и достоинство. На первый выпад Арджуны, назвавшего его непрошеным гостем, Карна отвечает (*Мбх I, 126, 19-20*): «Арена эта – общая для всех... Какой смысл в ругательствах, утешении слабого? Поговори лучше стрелами». Вызывает уважение его почтительное отношение к отцу, который «со спустившимся одеянием и покрытый потом, шатаясь и опираясь на посох» выглядит жалко среди высшей знати. Когда, после трогательной сцены Карны с отцом, грубый Бхима попрекнул Карну происхождением, «губы у Карны задрожали слегка и, вздохнув глубоко, он взглянул на стоявшее в небе солнце» (*Мбх I, 127*).

Именно в сценах с Карной психологическая разработка характеров (прежде всего, самого Карны) и передача эмоций через мелкие детали поведения достигают иногда глубины, совершенно неожиданной для героического эпоса. Примером может послужить сцена немом страдания Кунти, на глазах которой два её сына собираются сразиться, причём, один из них не знает, что она – его мать, и оба не знают, что они – братья. Очевидно, что в сложившейся ситуации Кунти винит себя. Когда Карна и Арджуна готовятся к поединку, «дочь Кунтибходжи» (Кунти – А. И.), «понимая значение происходящего, потеряла сознание. ...Придя в сознание, она увидела опять своих обоих сыновей, облачённых в панцырь. Она страдала, но ничего не могла сделать» (*Мбх I, 126*). Укажем также на рассмотренные сцены выяснения Крипой родословной Карны и оскорбления Бхимасены, и на сцену «военного совета» уже во время отшельничества Пандавов, где Карна по повороту головы и отведённым глазам Дурьйодханы угадывает невысказанную мысль патрона тихо устранить Пандавов в лесу (*Мбх III, 8, 13-19*). Уже во время битвы на Курукшетре возница Санджая передаёт царю Дхритараштре переживания Карны после очередного разгрома, учинённого Кауравам Арджуной (*Мбх*

VIII, 22): «Тут, до боли стиснув одну ладонь другою, дыша тяжело... и не сводя глаз с сына твоего» (Дурьйодханы – А. И.), «обратился к ним Карна...»

Возможно, передача внутренних душевных движений – один из факторов, выделяющих Карну на фоне других героев, придавая ему «человечность» в глазах современного читателя, и делая этот образ наиболее трагичным в сказании. У типичного эпического героя никаких внутренних переживаний как источника мотивации поступков нет, точнее, мы об этом ничего не знаем [«...Внутренние переживания героев не отражены в эпическом стиле...» (Д.С. Лихачёв «Человек в литературе Древней Руси», 1970, с. 63)]. Исключением являются самые общие черты «героического» поведения, такие, как уничтожение героем кровожадного чудовища (ни у кого не возникает вопроса, почему Беовульф сражается с Гренделем). Если же исключить основные подвиги, то окажется, что причины действий героев и детали их поведения либо вовсе не объясняются («Беовульф»), либо эти действия оказываются инспирированы богами прямо (Ил) или косвенно [шумеро-аккадский эпос «О всё выдавшем» (далее – ОВВ)].

Кажется, поведением Арджуны и Бхимасены во время незадавшегося состязания руководит злой рок. Толкнув Карну в объятия Дурьйодханы, Пандавы не только гарантировали трагическое будущее Карны, но и нажили себе могучего врага, чья ненависть им дорого обойдётся. Роль Карны в неотвратимо надвигающейся битве обе стороны оценивают примерно одинаково (Мбх I, 127): «У Дурьйодханы... когда он приобрёл (союзником) Карну, скоро исчез страх, внушаемый Арджуной... У Юдхиштхиры же явилась тогда мысль, что нет на земле держателя лука, равного Карне». Отметим, что и помимо битв на Курукшетре Карна скоро устроит Пандавам массу неприятностей.

5. Подстрекатель негодяев

До финального противостояния ещё далеко, и пока у Карны с Пандавами происходят относительно мелкие стычки. Во время сваямвары (обряд сватовства, где невеста выбирает жениха) за руку царевны Драупади соревнуются многие цари. Подобно женихам Пенелопы в Од и женихам Ситы в «Рамаяне» (в дальнейшем – Рм), они должны натянуть тетиву на богатырский лук и поразить цель. В этом эпизоде Карна присутствует в списке царей (ведь Дурьйодхана посвятил его в цари Анги), съехавшихся ко двору царя панчалов Друпасы, отца девушки, и вместе с другими претендентами терпит неудачу (Мбх I, 179): «...Славными в мире царями во главе с Карной и Шальей» (царь мадров и дядя двух младших Пандавов – А. И.), «могучими и искусными в военной науке, не был согнут лук». Арджуна же легко побеждает в состязании (Мбх I, 179): «Арджуна остановился подле лука...

Он натянул его в мгновение ока. И, взяв стрелы числом поддешетка, он пронзил цель». Интересно, что в сцене сваямвары Драупади роли Карны и Арджуны сменялись на полярные: теперь, в отличие от сцены «выпускного» состязания учеников Дроны, Карна занимает положение общепринятого лидера, а неузнанный Арджуна выступает как «тёмная лошадка». Эта уникальная для эпических героев смена ролей заслуживает особого внимания и будет рассмотрена ниже (см. раздел 31).

Разгневанные цари, возглавляемые Карной, хотят убить неузнанных Арджуну и Бхимасену, скрывающихся в обличье брахманов. У Карны завязывается поединок с Арджуной, но тот говорит, что как брахман, преуспевший в изучении вед, он непобедим. И «Карна ... отвратился от битвы, считая, что брахманская сила неистощима», и испытал испуг (*Мбх I, 181*). Здесь уместно отметить два обстоятельства. С одной стороны, Карна, очевидно, уже пользуется славой выдающегося воина: он вместе с Шальей возглавляет группу женихов. С другой стороны, в этой сцене Карне, наряду с другими царями, отводится второстепенная роль: оттенять доблесть и силу Арджуны. Так Арджуна с помощью Бхимасены добывает царевну Драупади, которая становится общей женой пятерых братьев.

После поджога смоляного дома спасшиеся Пандавы и Кунти скитались инкогнито, пока не попали в царство панчалов под видом семьи брахманов, и только после сваямвары Драупади Кауравы и их приспешники во главе с Карной узнали, что Пандавы живы. Более того, женившись на Драупади, нищие изгои Пандавы, жившие подаянием, приобрели влиятельных союзников в лице могущественного царя панчалов и его доблестных сыновей Дхриштадьумны и Шикхандина (в своё время с их участием на Курукшетре будут повержены непобедимые Дрона и Бхишма).

Дед Кауравов и Пандавов Бхишма, их дядя Виатура и наставник Дрона настаивают, чтобы царь Дхритараштра вызвал своих неожиданно воскресших племянников Пандавов в Хастинапур и наделил их половиной царства – наследием их отца Панду. Здесь мы впервые застаём Карну в роли одного из царских советников в эпицентре политической интриги, направленной против Пандавов (*Мбх I, 192*): «Дурьйодхана и сын Радхи» (Карна – А. И.) «...явились к Дхритараштре и сказали ему такие слова: «...Видно... преуспевание врагов ты считаешь своим собственным преуспеванием, раз превозносишь (Пандавов)... Тебе... надлежит постоянно действовать в таком направлении, чтобы ослабить их силу». Чуть позже на совете царей Карна призывает Дурьйодхану к решительным действиям против Пандавов и их союзников, вплоть до развязывания войны (*Мбх I, 194*): «...Вот что сейчас возможно предпринять нам: ...пока Пандавы не будут уничтожены с корнем... до тех пор их нужно преследовать. ...Сокрушив быстро Друпиду, ...доставим сюда Пандавов... И, победив их силой, владей всей землёю».

В этот момент впервые происходит противостояние партии мира (Бхишма, Дрона, Видура) и партии войны, бесспорным лидером которой является Карна. Карна проявляет недюжинный талант придворного интригана, искусно обвиняя почтенных старцев Бхишму и Дрону в неискренности и коварстве по отношению к старому царю. Из слов Дроны мы видим, что оппонентам Карны его мотивация ясна (*Мбх I, 196, 26*): «Мы знаем, ради чего это говорится с злым умыслом. Ты зол на Пандавов, а вину приписываешь нам». На этот раз возобладали партия мира, и Пандавы возвращаются ко двору царя Дхритараштры. В надежде избежать соперничества между Пандавами и Кауравами, Дхритараштра предлагает Юджиштхире (*Мбх I, 199, 24-25*): «...Дабы не возникло раздора у вас (с моими сыновьями), ...получив половину царства, отправляйся в Кхандавапрастху».

Получив возможность начать жизнь суверенного правителя в собственной столице, Юджиштхира и его братья благоденствуют. Спасённый из огня Араджунной данавой (демон) Майя строит для них великолепный дворец. Роскошь созданного для царя Юджиштхиры данавой-ремесленником дворца позже доведёт Дурьюодхану до исступления и провоцирует роковое обострение конфликта между Пандавами и Кауравами (*Мбх II, 43*): «С огорчённой душою и охваченный ненавистью, он бродил по дворцу». Дело, разумеется, не столько в богатом убранстве дворца, сколько в самом факте его возведения. Время выбрано не случайно: отделившись от Дхритараштры, Пандавы завоёвывают окружающие царства, а дворец – это сакральный символ самодержавной власти.

Напомним, как в угаритском эпосе силач Балу после победы над врагом (то есть по достижении царского положения *de facto*) утверждается в качестве царя *de jure*, только добившись от верховного бога Илу санкции на *постройку дворца*. Илу не спешит с разрешением, ведь после этого лишить Балу статуса самодержца уже невозможно. Для достижения цели Балу потребовалась многоходовая политическая интрига, но разрешение было получено, и бог-ремесленник Кусар-вахусис (аморейский коллега Гефеста) возводит для Балу достойное царского статуса жилище.

По этой же причине царь Соломон начинает, помимо собственного дворца, строительство храма Яхве. Это происходит в начале X в. до н. э., когда евреи завершают покорение народов Ханаана, и не только их царь улучшает свои жилищные условия, но и их племенной бог, повысивший свой статус небесного владыки, вправе рассчитывать на роскошное жилище вместо прежней скинии, то есть простого шатра: «И послал также и Соломон к Хираму» (царь Тира, поставлявший в Иерусалим кедры для строительства – А. И.) «сказать: ты знаешь, что Давид, отец мой, не мог построить дом имени Господа Бога своего по причине войн с окрестными народами, доколе Господь не покорил их под стопы ног его; ныне же Господь Бог

мой даровал мне покой отовсюду: нет противника и нет более препон; и вот, я намерен построить дом имени Господа Бога моего» (3 Цар 5, 2-5).

Итак, с постройкой дворца Юдхиштхира утверждается в статусе самодержавного правителя. По приказу Царя справедливости его братья отправляются в четыре стороны света, чтобы подчинить ему весь мир, и привести всех царей и племена к вассальной зависимости. Вновь происходит эпизодическое столкновение с Карной. Совершая поход на восток, и подчинив многие царства, Бхемасена «вместе с ними (побеждёнными царями).. выступил против Карны. Сотрясая землю войском четырёх родов, он, наилучший из Пандавов, сразился с Карной, истребителем врагов. И победив в битве Карну и подчинив его своей власти, он ..покорил тогда царей, обитавших в горах» (Мбх II, 27).

И в сцене сваямвары, и, в особенности, при покорении царств, Карна выступает как второстепенный персонаж, во втором случае просто затерявшийся в длинном ряду других царей. Уточним, что хотя Карна и назван лидером претендентов на руку Драупади, как Антиной (Од) – предводитель женихов Пенелопы, в центре внимания во время сваямвары находится скрытый под личиной брахмана таинственный и победоносный Арджуна. В соответствии с этой «незначительностью», в обоих случаях Карна терпит поражение от Пандавов, причём, в стычке с Арджуной при дворе царя Друпасы он даже проявляет малодушие! Сказание как будто забыло о неуязвимости, о магическом оружии Карны, полученном во время ученичества, о его доблести и славе непревзойдённого бойца. Создаётся впечатление, что необыкновенные способности Карны не должны «расходиться» в рядовых стычках, но приберегаются «впрок» для применения в финальной битве, имеющей космический смысл. Аналогично, после приобретения Арджуной оружия Индры, божественный мудрец Нарада предупреждает его, что это оружие предназначено не для обычных обстоятельств (т.е. мелких стычек) (Мбх III, 172): «Оставь небесное оружие.. не следует пускать в ход это оружие без особой нужды.. Береги его.. и оно, без сомнения, сохранит свою мощь и послужит тебе на благо».

Если верно наше предположение об экстраординарных способностях Карны, предназначенных для особых обстоятельств, то, возможно, по этой же причине в личности Карны выявляются как бы два слоя, явно противоречащие друг другу: благородный витязь – частичное воплощение бога Солнца, и на обыденном уровне – противоречивый характер, способный и на беззаветную преданность, и, как кажется, на низкие поступки. В качестве примера отметим упомянутое выше двойственное отношение Карны к Пандавам. С одной стороны, это мечта о рыцарском поединке с Арджуной, с другой – вдохновенное участие в самых грязных интригах с целью убийства Пандавов, включая того же Арджуну. Поначалу создаётся впечатление, что обе доминанты личности Карны существуют параллельно, только проявляются в разных обстоятельствах.

Приведём наиболее яркие примеры «осцилляций» поведения Карны. Очень скоро в сцене игры в кости мы увидим, как Карна с мелочной жестокостью издевается над уже поверженными противниками. Позже, несмотря на уговоры Сурьи, Карна останется верен своим высоким моральным принципам, обрекая себя на гибель (см. раздел 7). Примерно в это же время Карна подбивает Дурьюодхану навестить изгнанных Пандавов в лесу, просто чтобы насладиться их унижением, причём, для получения разрешения Дхритараштры на поход в лес Карна готов пойти на обман престарелого царя. Эти примеры можно продолжать, но незадолго до битвы «чересполосица» в поведении Карны исчезает, уступив место безупречной самоотверженности и благородству даже по отношению к врагам. В результате в финальном сражении Карна, в отличие от Арджуны, ни на йоту не отступит от правил поединка. Более того, он проявит великодушие и подвергнет себя большой опасности, пощадив на поле боя Юдхиштхиру, Бхимасену и двух младших Пандавов – близнецов Накулу и Сахадеву. Эта чрезвычайно многозначительная (в силу своей уникальности для эпического героя) эволюция Карны будет подробно рассмотрена нами в одном из заключительных разделов.

После покорения окружающих царств и совершения жертвоприношения раджасуя Юдхиштхира становится царём царей. Преуспеяние Пандавов не даёт покоя завистливому Дурьюодхане (*Мбх II*, 43, 19, 26): «Видя всю землю, подпавшую под власть Юдхиштхиры... Видя у Пандавы такое сверкающее богатство, я (точно) спораю, попав во власть ревности».

(27): «Я войду в самый огонь, или приму яд, или брошусь в воду, ибо я не смогу жить». Тогда дядя Кауравов Шакуни, прожжённый игрок в кости, предлагает вызвать Юдхиштхиру на игру и выиграть у него царство. Играть Юдхиштхира не умеет, но отказаться не сможет: ведь игра в кости – это тоже род поединка, а честь кшатрия не позволяет избегать каких бы то ни было состязаний. Юдхиштхира последовательно проигрывает свои сокровища, царство, своих братьев и себя самого. Игра достигает кульминации, когда царь ставит на кон Драупади.

Видя проигрыш и унижение Пандавов, Карна не скрывает злорадства. Когда Юдхиштхира проигрывает в кости последнюю ставку – жену Пандавов Драупади, «сильно обрадовался Карна вместе с Духшасаной» (*Мбх II*, 58, 42). Когда Духшасана повлёк Драупади и «крикнул со смехом: «рабыня!», Карна «весьма обрадовался тем словам и выразил одобрение, громко смеясь» (*Мбх II*, 60, 38). Карна страстно желает Пандавам поражения и позора. Когда совестливый младший брат Дурьюодханы Викарна осуждает жульническую игру в кости и предлагает аннуировать её результат [«Поразмыслив обо всём этом, я не считаю ее» (Драупади – А. И.) «проигранной»], Карна от ярости впадает в истерику – иначе его реакцию охарактеризовать нельзя (*Мбх II*, 61): «Сын Радхи, вне себя от гнева.. сказал такое слово: «На самом деле у Викарны наблюдается очень много преврат-

ного... Я считаю (и все) они считают, что дочь Друпеды выиграна по закону. Ты же только из мальчишества, о сын Дхритараштры, лопаешься (от гнева)... Ты ведь не знаешь по-настоящему закона нравственности, о младший брат Дурьйодханы, раз ты, как скудоумный, говоришь о Кришне, которая выиграна, что она (будто бы) не выиграна»».

В запале Карна порочит и невинную жертву игры, оправдывая грубое обращение с ней (Мбх II, 61, 35-38): «Один только супруг определен для женщины богами... Эта же (Драупади) следует воле нескольких (мужей). Поэтому она... нечестная женщина... Нет ничего удивительного в том, что её привели в собрание, или что она в одном лишь платье, или же совсем раздета ...О Духшасана, сними же одежды с Пандавов, а также с Драупади» (курсив наш – А. И.).

Попробуем разобраться в выдвинутом против царицы Драупади обвинении. Оно окажется единственным, оправдывающим нанесённые Драупади оскорбления, а этим оскорблениям, как мы скоро убедимся, суждено стать *casus belli*. Более того, у нас есть веские основания полагать, что указанная цепь событий (оскорбление Драупади – месть Пандавов – кровопролитная война) была частью небесного плана. Напомним, что в момент чудесного рождения Драупади божественный голос предсказывает (Мбх I, 155, 44-45): «Эта лучшая из всех женщин, смуглая (телом), вызовет гибель кшатриев. Стройная в талии, она в надлежащее время совершит божественное дело; из-за неё наступит для кшатриев великая опасность».

Прежде всего отметим, что наличие общей жены у пятерых братьев-Пандавов – это не результат нечестия Драупади, или извращённой фантазии её мужей, а пережиток группового брака, зафиксированного во многих древних обществах. Например, по замечанию А.Ф. Лосева, эпос древних греков в трансформированном виде отражает то же архаическое явление: сестра пресловутой Елены спартанка Клитемнестра была замужем за Танталом, за его кузеном Агамемноном, и за родным братом Тантала Эгисфом (А. Ф. Лосев «Мифология греков и римлян», 1996, с. 81). Так как на поздней стадии формирования микенского цикла героических сказаний эта форма брака уже была забыта, рассказчик «рационализировал» непонятную ему самому ситуацию, превратив групповой брак в несколько последовательных моногамных. В скандинавской мифологии Один и его братья Вили и Ве являются мужьями богини Фригт. И для Мбх полиандрия Драупади не уникальна: сами Пандавы появились на свет в результате подобных отношений. Оказывается, небесные отцы Карны и всех Пандавов, за исключением Бхимасены, находятся в ближайшем родстве: отец Карны – Сурья; отец Юдхиштхиры – Дхарма, сын Сурьи; отец Арджуны – Индра, брат Сурьи; отцы Близнецов – Ашвины, сыновья Сурьи. Вернёмся к матримонии Драупади.

После сваямвары царь Друпата возмущён, узнав, что его дочь будет общей женой пятерых Пандавов. Негодование старого царя не остаётся без ответа. Текст

Мбх содержит целых три «этико-богословских» обоснования полиандрии Драупади. Во-первых, когда Пандавы после сваямвары привели Драупади, Кунти думала, что сыновья вернулись домой с милостыней, и сказала: «пользуйтесь ею совместно», – после чего уже не могла отменить своего повеления (Мбх I, 182). Во-вторых, по словам Вьясы, в одном из предшествующих рождений Драупади пять раз обращалась к Шиве с мольбой дать ей супруга, поэтому в новом рождении по велению бога ей пришлось иметь пятерых мужей (Мбх I, 189). В-третьих, также по версии Вьясы, «те, которые родились здесь Пандавами, прежде были Индрами. А Лакшми, которая раньше была определена их супругой, – это Драупади», которая поэтому теперь должна быть общей женой Пандавов (Мбх I, 189).

Есть и объяснение полиандрии Драупади более практического плана (Мбх I, 182, 11-15): «И все (Пандавы), увидев прекрасную Кришну, ..обратились сердцами к ней. И в самом деле, когда они посмотрели на Драупади, перед ними все... явился бог любви, возмутив все их чувства. ...И царь Юдхиштхира, сын Кунти, узнав их чувства по их внешнему виду... сказал братьям, опасаясь раздора между ними: "Прекрасная Драупади будет супругой для всех нас"».

Сам факт присутствия подобных объяснений, не говоря уже об их множественности (ведь достаточно было бы и одного), говорит о том, что при составлении сказания из архаических песней о древних героях групповой брак в индийском обществе давно превратился в пережиток и был непонятен, то есть требовал оправдания. Для нас в данном вопросе интересен следующий аспект. Разумеется, если отец невесты не считает полиандрию легитимной формой брака, то такого же мнения могут придерживаться другие герои эпоса, включая Карну. Правда, позже Друпادا был удовлетворён объяснениями Вьясы, но эти объяснения были представлены в ходе секретной беседы, так что неинформированность и происходящее из неё заблуждение Карны выглядят совершенно естественно.

Недоумение вызывает другое. Прежде всего, почему Карна ждал так долго? Напомним, что после сваямвары Пандавы успели не спеша познакомиться с царём Друпадой, сыграть свадьбу, пожить в царстве панчалов, после долгих сошествий при дворе Дхритараштры вернуться в Хастинапур, затем переселиться в Кхандавапрастху, основать на пустом месте город Индрапрастху, завоевать множество царств, построить дворец (только это заняло четырнадцать месяцев) и справить двухлетний обряд раджасуя «...Пандавы... отправились в город Кхандавапрастху, взяв с собой разнообразные сокровища. И там жили они... *многие годы*, силой оружия подчиняя своей власти других царей» (Мбх I, 55) (курсив наш – А. И.). Более того, между переселением в Кхандавапрастху и началом этих завоеваний Арджуна успел провести двенадцать лет в изгнании и жениться на сестре Кришны Субхадре, которая родила ему сына. Кроме того, за подотчётный

период Драупади успела родить пять сыновей с интервалом в год. И так, между сваямварой Драупади и злосчастной игрой в кости прошли многие годы!

Кроме того, Карна не является ни домашним жрецом или персональным наставником Пандавов, ни почтенным риши, пользующимся великим моральным авторитетом, ни даже просто старшим родственником – так с какой стати он принялся поучать Драупади? Ответ очевиден: этот укор, который самому Карне может казаться обоснованным, лишь один из многих заготовленных им в годы унижений «каменей за пазухой», которые Карна готов бросить в ненавистных ему Пандавов в минуту их поражения и бессилия. Таким образом, этот выпад говорит больше о самом Карне, чем о Драупади: Карна неплохо владел собой, переносил оскорбления Пандавов, но это не значит, что он простил детские обиды.

В затянувшейся сцене препирательств после игры в кости Дхритараштра стесняется открыто поддержать сыновей (хотя и желает их победы в игре), дед Пандавов и Кауравов Бхишма и их дядя Видура сдержанно осуждают игру, остальные цари отмалчиваются в страхе перед Дурьюодханой. В этих условиях Карна не только выполняет привычную роль защитника интересов Кауравов, но и берёт, по существу, в свои руки бразды правления в собрании царей. На фоне общего молчания или редких и робких реплик присутствующих Карна свободно высказывает суждения, направляет дискуссию и по-хозяйски контролирует действия окружающих даже в мелочах (*Мбх II, 61, 38*): «О Духшасана, этот Викарна совсем ещё мальчик, хоть и говорит слова мудрости. Сними же одежды с Пандавов, а также с Драупади», и далее (*Мбх II, 61, 81*): «Услышав слова Видуры, цари ничего не сказали (в ответ), Карна же сказал Духшасане: «Веди рабыню Кришну во внутренние покои дворца».

Карна не останавливается перед самыми грубыми выпадами, продолжая оскорблять и без того униженную Драупади (*Мбх II, 63, 1-2*): «Ты, о милая, – супруга раба и его достояние; но лишённая своего повелителя, ты являешься рабыней... Войдя в наш дворец, вместе со слугами ублажай нас, будучи принуждена выполнять ту работу, которую тебе назначат». Издевательством и над ней, и над Пандавами звучит совет Карны: «Выбирай скорее себе супруга, от которого ты не обретёшь рабства из-за игры в кости». Карна так яростно добивается поражения Пандавов, а потом так злорадствует и старается их унижить, словно опасается, что без его вмешательства произойдёт примирение сторон, и тлеющий конфликт не разгорится в открытую войну. Здесь смыкаются интересы низменного Карны с Карной героическим: происки первого делают неизбежной космическую по масштабам битву, где реализует себя второй. Это означает, что неприглядное поведение Карны, в котором он позже раскается, является частью небесного плана – посредством действий Карны торжествует судьба.

Старый царь отменяет результаты игры, возвращая Пандавам свободу и богатство. Узнав об этом, «Дурьюодхана, Карна и Шакуни, сын Субалы, собравшись вместе, желая воспрепятствовать Пандавам, высокомерные, поспешно явились к мудрому царю Дхритараштра» (*Мбх II, 66*). Им удаётся уговорить слабовольного царя вызвать Юдхиштхиру на вторую игру, с новыми условиями: проигравшая сторона оставляет царство, чтобы как отшельники провести двенадцать лет в лесу, а тринадцатый год – неузнанными в населённой стране. По выполнении этих условий проигравшие получают обратно своё царство.

Разумеется, вновь проигрывает Юдхиштхира, и Пандавы удаляются в лес, лелея планы мести. Чрезвычайно важно, что мстить они хотят не за проигрыш (игра в кости – тоже поединок, в исходе которого проявляется воля богов), а за незаслуженные оскорбления после первой игры. Это прекрасно понимает Дхритараштра, который говорит о Пандавах (*Мбх III, 48, 5*): «Гордые, никогда не примирятся они с нанесённым Драупади оскорблением!» Посмотрим, как далеко простираются планы мести Пандавов. Уже находясь в лесу, Драупади всё не может забыть перенесённых унижений (*Мбх III, 13, 113*): «Не унимается моя душевная мука, (рождённая) теми насмешками Карны!»

(114-115): «Тогда ...мовлив ей Кришна: «Заплачут жены тех, кто разгневал тебя, красавица! Усыпанные стрелами Бибхатсу» (Арджуна – А. И.), «залитые потоками крови, сражённые, будут враги, расставшись с жизнью, простерты на ложе земли!».

Карна достиг своей цели: миролюбивые Пандавы тяжко оскорблены, и битва кажется неизбежной. Отметим, что роль Карны не составляет для Пандавов секрета (*Мбх II, 68*): «Арджуна сказал: "На четырнадцатый год от сего (дня)... я убью в сражении Карну, завистливого и болтливого подстрекателя негодяев"».

6. «Удовольствие от зрелища бед своих недругов»

По прошествии детских лет Карны и Пандавов, дополнительные причины их личной неприязни бытового плана уже не акцентируются, хотя такие причины легко можно было бы найти. Вспомним, что Арджуна удачно, а Карна – неудачно, участвовали в сваямваре Драупади, а что могло бы служить более убедительным источником вражды двух героев, чем соперничество из-за женщины? Как известно, личная вражда Менелая с Парисом из-за спартанки Елены оказалась достаточной причиной для десятилетней Троянской войны. Несколько позже неудачной для себя сваямвары Карна, только недавно ставший правителем областей Ванги и Анги, подвергается нападению Бхимасены и вынужден признать вассальную зависимость от Юдхиштхиры, участвуя в его раджасуе (*Мбх, II, 31, 1-16*) – чем не

унижение для тщеславного ненавистника Пандавов! Тем не менее, на подобные объяснения вражды в тексте Мбх нет и намёка. Остаются глубинные причины взаимной ненависти, противостояние добра и зла.

Здесь будет уместно выяснить, как мы обещали ранее, кто представляет в сказании силы добра, и кто – силы зла. Вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. По мнению С.Л. Невелевой, «тот факт, что соперники Пандавов – Кауравы во главе с Дурьйодханой не осознаются традицией персонажами отрицательными, лишний раз подтверждается совпадением их посмертной судьбы» (*Мбх*, 2005, с. 161). Тема посмертного воздаяния героям сказания чрезвычайно важна для наших разысканий, и будет подробно обсуждаться ниже (см. разделы 18-19). А сейчас мы попытаемся найти ответ на вопрос о силах добра и зла, основываясь на заявлениях или действиях самих действующих лиц.

Если отбросить бесчисленные взаимные обвинения Пандавов и Кауравов в приверженности противной стороны зау, чье мнение следует принять во внимание? Божественный Кришна всеведущ, но он – друг Арджуны, и ещё не раз посоветует Пандавам поступать не по совести, если это приведёт к успеху. Почтенный Бхишма амбивалентен, на словах он (не слишком рьяно) зашипует Пандавов, но будет сражаться на стороне Кауравов, так же, как и наставник Дрона, который находится на содержании у Кауравов. Дурьйодхана, обращаясь к Карне, так характеризует положение двух старейших героев, Бхишмы и Дроны (*Мбх VIII*, 6): «Эти почтенные летами великие лучники оба были многим обязаны Завоевателю богатств» (Арджуна – А. И.); «тогда я, по твоему совету, о, Радхей» (Карна – А. И.), «всевозможными почестями насытил их честолюбие».

Постоянно на стороне Пандавов только праведные Вьяса и Видура, и это много значит: традиция приписывает Вьясе авторство Мбх, и аудитория вправе предполагать, что точка зрения святого мудреца (прав он или нет) является позицией сказания. Но, возможно, перманентно обездоленные Пандавы просто вызывают больше сочувствия у деда и дяди (так из двух детей в семье больше жалеют больно-го)? Вот что по этому поводу говорит сам Видура царю Дхритараштре (*Мбх III*, 7, 23): «Твои дети и сыновья Панду равны в моих глазах, но Пандавы попали в беду – вот почему я сейчас мыслями с ними!» Умный, но слабovolный царь Дхритараштра неоднократно превозносит добродетели Пандавов, противопоставляя им глупость и злобу своего старшего сына. Не исключено, что он просто старается разрядить атмосферу, так как в случае открытого столкновения предвидит поражение своих сыновей.

По мере развития конфликта Пандавов с Кауравами, действительно, всё труднее найти действующих лиц, на объективность которых можно положиться. И всё же в конфликте есть третья сторона, не затронутая непосредственно материальными или семейными интересами – это подданные царской династии, и

своё мнение они высказывают (*Мбх III, 1, 11-16*): «...Проведав об их (Пандавов – А. И.) уходе в изгнание, опечалились горожане... и так говорили: "Пропадём мы все, и роды, и семьи наши, если нечестивец Дурьюодхана с помощью Саубалы (Шакуни – А. И.), Духшасаны и Карны взойдёт на царство. *Ведь там, где злодей, на злодеев же опираясь, правит царством, нет ни родовых устоев, ни благонавия, ни дхармы, ни артхи — откуда взяться там благополучию?* ...Всему миру грозит гибель, если только воцарится Дурьюодхана"». (курсив наш – А. И.).

Напомним, что в соответствии с древними представлениями власть правителя священна, поскольку он является посредником между своим народом и богами. Это находит отражение во многих сказаниях, где царь или глава рода общается и с богами, и с людьми (Гильгамеш, Одиссей, патриархи книги Бытия). Благой правитель (угодный богам) приносит процветание общине. Правитель, погрязший во зле, вызывает гнев богов, от которого страдает всё царство. Именно поэтому встревоженные подданные говорят, что при правлении Дурьюодханы не будет не только дхармы (соблюдения этических и правовых норм), но и артхи – то есть деловой выгоды и житейского преуспеяния, так как его подателями являются благосклонные боги.

В соответствии с этой парадигмой, как рассказывает Бхишма (*Мбх V, 145, 24*), по смерти Вичитравирьи, «когда... царство оказалось без царя, не стал проливать дождь владыка богов», и начались голод и болезни. А вот как об ответственности царя и о его роли в процветании страны говорит Кунти (*Мбх V, 130*): «Если царь соблюдает закон, он способствует приданию своей особе (подобия) божественности, если же творит беззаконие, он отправляется прямо в ад... Когда царь правильно придерживается политики наказания во всей её полноте» (иными словами, поддерживает закон – А. И.), «тогда наступает лучший из мировых периодов, называемый Критаюга» (то есть праведность царя гарантирует всеобщее процветание, золотой век – А. И.), тогда как «от пороков царя оскверняется мир».

Таким образом, подданные чрезвычайно заинтересованы в наличии царя, (достойно) представляющего подданных перед богами, а в вопросе престолонаследия – в объективной оценке моральных (т.е. угодных/неугодных богам) качеств претендентов на престол. Следует подчеркнуть, что речь идёт о горожанах – жителях столицы, а не о царях и населении покорённых Пандавами стран. О последних Юдхиштхира говорил (*Мбх III, 37*): «Те цари, земные владыки, кого (прежде) мы притесняли, все они встали теперь на сторону Кауравов, к ним воспылали дружба». Разумеется, даже те, кто нуждается в справедливой оценке наследников престола, могут ошибаться, но текст сказания не даёт оснований полагать, что в обсуждаемом случае горожане введены в заблуждение. Итак, мы можем считать установленным, что с точки зрения обыденного сознания заинтересованных, но

непредвзятых персонажей эпоса, Пандавы в Мбх олицетворяют силы добра, а Кауравы – силы зла.

Наконец, силы зла торжествуют, Пандавы лишены царства и скитаются в лесу, но Кауравам и этого мало. Вдохновителем новых планов Дурьйодханы снова выступает Карна в компании Шакуни (*Мбх III, 226*): «Давай же посмотрим, как живут в лесу Пандавы... Ты правишь страной, а они изгнаны из царства... ты множишь свои сокровища, а они лишены достояния... Удовольствие от зрелища бед своих недругов не сравнить... даже (с обретением) царства». Царь Дхритараштра не хочет отпускать Дурьйодхану в лес, справедливо опасаясь нового столкновения, но Карна хитростью выманивает у царя это разрешение. Происками Карны Кауравы отправляются в лес, где живут отшельниками Пандавы, чтобы поглумиться над ними, как мечтает Карна (*Мбх III, 226*): «Пусть посмотрят твои красиво одетые жёны на несчастную Кришну» (Драупади – А. И.), «облаченную в одежду из мочала и шкуру, пусть она... проклянет себя и даже жизнь свою!»

Что питает неутихающую ненависть Карны к Пандавам – забытые унижения детства или желание угодить заклятому врагу Пандавов Дурьйодхане? Хотя Карна иногда «оправдывается» желанием угодить сюзерену, вероятнее всего, преобладают его личные счёты к Пандавам. Через много лет, в пылу страшной битвы обезоружив Бхимасену, Карна... напоминает тому обиды, «которые были нанесены ему в юные года!» Неспособный простить эти обиды, Карна во многих случаях выглядит более последовательным и неукротимым гонителем Пандавов, чем его сюзерен, и часто выступает инициатором их травли. Приведём один примечательный случай. Царь Дхритараштра рассказывает Дурьйодхане последние новости о подвижничестве Араджуны, проведшего пять лет на небе Индры среди небожителей, и получившего божественное оружие. «Выслушав речь царя, Дурьйодхана и Саубала тайком передали всё Карне, и он, неразумный, опечалился» (*Мбх III, 225, 31*). Как видим, при нейтральном упоминании Дурьйодханы просто в качестве лица, передающего новость, сказание именно Карну делает конечным получателем важных сведений и акцентирует его досаду. Создаётся впечатление, что, начиная с игры в кости, Дурьйодхана только номинально является руководителем Кауравов в борьбе с Пандавами. Настоящей душой заговора и движущей силой божественного плана становится Карна, который, по мере надобности, берёт на себя функции главы кабинета, начальника штаба, или первого витязя Кауравов. О том, что роль Карны выходит далеко за пределы функции простого исполнителя, знает и царственная чета. Вот какую фразу обронила царица Гандхари при оплакивании павших Кауравов после битвы (*Мбх XI, 18*): «Ведь этот (Духшасана), чтобы угодить брату своему и Карне... сказал посреди сабхи» (в зале собрания – А. И.) «Панчалийке, проигранной в кости: "Ты – супруга рабов..."». Итак, принц, по

словам его матери-царицы, оскорбил своих кузенов, чтобы угодить собственному вассалу!

Отправившись в лес, заносчивые Кауравы попадают в беду. Они самонадеянно пытаются прогнать обосновавшихся там небожителей гандхарвов (полубоги – небесные музыканты – А. И.), но не выдерживают их ответного натиска, и войско Кауравов разбегается. В этой сцене сказание частично возвращает Карне его подвядший героический ореол: Карна тоже покинул поле боя, но сделал это не раньше, чем его колесничий и кони были убиты, а колесница – разбита в щепки. К досаде и унижению Дурьйодханы, попавшего в плен к гандхарвам вместе с братьями и женами, из плена их освобождают четверо Пандавов, присланные Юдхиштхирой. Из слов Дурьйодханы следует, что он переживает эмоциональный срыв (*Мбх III, 238*): «Явившись с Пандавами к Юдхиштхире, гандхарвы поведали ему о нашем злом умысле» (планы глумления над Пандавами – А. И.), «и о том как мы оказались в неволе... Те, которым я всегда причинял зло, ...спасли меня... Если бы я встретил смерть в этом великом бою, это было бы лучше». От стыда Дурьйодхана готов уморить себя постом. Этот стыд вызван вовсе не раскаянием в жестокости по отношению к Пандавам: глава клана Кауравов не может перенести того, что оказался слабее своих врагов, и обязан своим спасением их великодушию. Карна утешает Дурьйодхану, софистически убеждая его, что нет позора для царя в помощи подданных (а Пандавы, временно лишённые царской власти, технически являются его подданными). В этой части сказания Карна предстаёт сильным и талантливым лидером. Все нити интриги сосредоточены в его умелых руках: идея путешествия в лес, хитроумные переговоры с Дхритараштрой (Карна – посредник между старым царем и царевичем), организация похода, стойкость в неравном бою, спокойное отношение к поражению. Ничто не напоминает ранимого юношу, нуждавшегося в поддержке Дурьйодханы. Теперь Дурьйодхана нуждается в Карне, но благородный Карна не извлекает из этого никакой выгоды, продолжая демонстрировать венценосному другу трогательную верность и восторженное преклонение. Когда Дурьйодхана, страдая от позора, хочет уморить себя голодом, Карна говорит (*Мбх III, 238, 48*): «Без тебя я не вынесу жизни, о бык-муж!»

Итак, с какого-то момента движущей силой гонений на Пандавов является уже не Дурьйодхана, но Карна. Почему? Оба неоднократно декларировали и демонстрировали ненависть к Пандавам. Возможно, ненависть Дурьйодханы и ненависть Карны имеют разные истоки. Ненависть Дурьйодханы низка и корыстна, в её основе лежат династические притязания старшего Кауравы. Кроме того, Дурьйодхана чудовищно ревнив и завистлив, и в результате его ненависть к Пандавам флуктуирует: каждый их успех вызывает обострение этого отвратительного чувства, но после их поражений оно утасает. Именно после обряда раджасуя Юдхиштхиры, и после позорного вызволения из плена Пандавами, Дурьйодхана в па-

роксизме ненависти думает о смерти. Между этими двумя событиями лишённые богатства и власти Пандавы скитаются в лесу – и в своём поражении они настолько безразличны Дурьйодхане, что Карне приходится проявлять изобретательность, чтобы подвигнуть его на новую авантюру.

Рассмотрим истоки ненависти Карны к Пандавам. Пока мы выяснили только, что это некие детские обиды – туманная формулировка. Вообще в героическом эпосе господствует довольно простая логика, в соответствии с которой ненависть и месть героя вызваны нанесённым ему ущербом (похищение жены, трона, имущества). Эта логика соответствует юридическим нормам древних обществ, от законов вавилонского царя Хаммурапи (ок. 1792-1750 до н. э.) («Если человек выколол глаз сыну человека, должны выколоть ему глаз») до установлений Моисея (XIV в. до н. э.): «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб.» (Лев 24, 20). Сходные нормы (ослепление за ослепление) находим в «Артхашастре».

Логика эпоса проста, но как приложить её к Карне? Полинник и Юджиштхира сражаются за трон, Ясон – за родовое сокровище, Менелай и Рама – за похищенную жену, Ахилл и Аякс готовы мстить за имущество, но у Карны Пандавы ничего подобного не отнимали! Остаётся предположить, что Карна ревнует к славе Пандавов. Со временем это чувство росло: взрослевший герой яснее видел непреодолимую пропасть, отделявшую его от принцев, а в какой-то момент узнал, что и сам мог принадлежать к избранным. Кроме того, Карна копил обиды на Пандавов, но обиды эти отличались от «эпических», сводимых к осязаемому ущербу: Карна подвергался унижениям, а материальные потери здесь ни при чём. Значит, в отличие от Дурьйодханы, ненависть Карны к Пандавам бескорыстна и потому неутолима – Сын возницы будет вечно помнить об обидах, нанесённых ему в юности блистательными принцами. Эта ненависть не растёт с успехами Пандавов, так как не связана с притязаниями на их престол или имущество, но и не уменьшается с их поражениями. Вот почему после игры в кости Карна продолжал издеваться над Пандавами и Драупади, даже когда Дурьйодхана уже унялся. Если Дурьйодхана страдает из-за славы Пандавов, то Карна ей, в общем-то, рад, так как, чем более знаменит Арджуна, тем больше славы приобретёт Карна, сразившись с ним, причем, независимо от исхода поединка (Мбх V, 144): «Ибо если я убью Арджуну в этой битве, то достигну... заслуг, если же Савьясачин» (Арджуна – А. И.) «убьёт меня, то моё имя (вечно) будет покрыто славой».

Итак, ненависть Дурьйодханы к Пандавам является мелкой и преходящей, и сама по себе не может служить надёжной основой божественного плана. Ненависть Карны питается чувствами зависти и мести и обладает свойствами трансцендентной силы, способной столкнуть противоборствующие стороны в косми-

ческой по масштабу битве. Именно на это указывал подвижник и провидец Вьяса, говоря, что предназначение Карны – сеять раздор.

7. Испытание Карны I. «Я не так боюсь гибели, как обмана»

На протяжении всех тринадцати лет, следующих за игрой в кости, обе стороны готовятся к войне. В изгнании Пандавы «жили надеждами и уповали на месть». Центральной частью этих планов является подготовка к главному событию грядущей войны – поединку Карны с Арджуной. Текст Мбх постепенно проясняет космический смысл, обстоятельства и исход этой битвы.

Юдхиштхира говорит (*Мбх III, 84, 8-10*): «Сын суты, могучий колесничный боец, неустанно ищет битвы с Партхой; ... он – (как огонь), стрелы – его языки, стук тетивы о левую руку – треск, пыль (над полем сражения) – дым, (удары) оружия – жалящий зной; и сын Дхритараштры раздувает его, подобно ветру. Он подобен пламени, которое испускает Кала при конце юги; войско моё (перед ним) – как роща сухих деревьев, которой неминуемо суждено погибнуть в огне».

(11-12): «(Но Арджуна) – это воздвигаемая Кришной, словно ветром, великая туча, изливающая дождь волшебного оружия; его белые скакуны – как стая журавлей (на фоне тучи), его Гандива сверкает, как (радуга), «оружие Индры», и на поле брани туча-Арджуна, встав в вышине, стрелами-ливнями укрощает неистовое пламя Карны». Здесь поэтические сравнения, использующие мифологические образы, намекают на трансцендентную подоплеку земных событий. Сравнение Карны с пламенем напоминает о том, что он – частичное воплощение своего небесного отца, бога палящего солнца. «Кала при конце юги» – это смертоносное время в конце мирового периода, когда мир гибнет в пламени, чтобы потом возродиться. Действительно, в другом месте сказания грядущая битва прямо сравнивается с «огнём конца мира» (*Мбх III, 120, 10*). Неистовое пламя солнца-Карны укрощает Арджуна, сравнение которого с дождевой тучей также неслучайно, ведь Арджуна – сын Индры, бога грозового дождя. Отметим, что роковая вражда Карны и Арджуны действительно имеет своим мифологическим образцом борьбу их небесных отцов Сурьи и Индры, упомянутую ещё Ригведой (далее – РВ). Враждующие Сурья и Индра также являются братьями, и победа остаётся за Индрой (РВ X, 43, 5) (параллель Арджуне), похитившим у Сурьи колесо (РВ I, 175, 4; IV, 30, 4) – ср. с увязшим в финальной схватке колесом Карны. Очевидно, сражение бога Солнца и бога грозовой тучи – популярный мотив фольклора Древней Индии. Этот мотив находит отражение и в Рм в смертельной вражде царей обезьян Валина и Сутривы, также являющихся братьями и сыновьями Индры и Сурьи. Конфликт Валина с Сутривой имеет истоком роковое недоразумение (ср. с не-

знанием родства Карной и Араджуной) и усугубляется посягательством Сугривы на жену Валина (ср. оскорбление Карной Драупади).

Во время отшельничества Пандавов в лесу подвижник Вьяса узнал о сомнениях Юдхиштхиры в способности Пандавов победить великих героев, собравшихся под знамёнами Кауравов. Явившись к Царю справедливости, Вьяса передаёт ему для Араджуны тайное заклинание, которое даст Араджуне власть над всем божественным оружием, сосредоточенным некогда в руках Индры. В далёком мифологическом прошлом боги отдали всё своё оружие Индре, полагаясь на его защиту в грядущей страшной битве с данавами (демонами-асурами). Передача этого оружия Араджуне, сыну Индры, намекает на связь предстоящей битвы Пандавов и Кауравов с мифологическим архетипом: Пандавы уподобляются богам, а Кауравы – их демоническим братьям асурам.

На космическую подоплёку битвы Пандавов и Кауравов указывают и постоянные напоминания о том, что её важнейшие участники являются земными ипостасями богов. Так, Араджуна, сын Индры, кроме того – древний мудрец и небожитель Нара, частичное воплощение самого Вишну. Это недвусмысленно объясняет отождествляемый с Дхармой бог смерти и посмертного воздаяния Яма, обращаясь к Араджуне во время передачи ему божественного оружия (*Мбх III, 42, 17-23*): «О Араджуна!. Прежде ты был могущественным святым мудрецом по имени Нара... Только повинувшись воле Брахмы... явился ты среди смертных. Тебе, о, потомок Куру, суждено истребить жгучих, как пламя, кшатриев, подначальных сыну Бхарадваджи» (Дроне – А. И.), «многоможных данавов, принявших человеческое воплощение, а также ниватакавачей» (разряд ракшасов – А. И.). «Карне, этому превеликому герою, (в ком воплотилась) частица моего божественного отца, согревающего все миры, также суждено пасть от твоей руки!. Те, в ком воплотились на земле частицы богов, гандхарвов и ракшасов, поверженные тобою в битве, встретят каждый свою (посмертную) участь, уготованную плодами его собственных деяний!. Нерушимой пребудет в мире слава твоя, о Пхальгуна... Тебе же вместе с Вишну предстоит облегчить ношу земли». Интересно, что слова Ямы об облегчении ноши земли указывают на цель инспирированной богами бойни – избавится от ставших слишком многочисленными кшатриев в которых воплотились данавы и ракшасы.

Теперь посмотрим, что известно о противоположной стороне: Карне, Дурьйодхане и их сторонниках. Когда Дурьйодхана решил уморить себя голодом, он, «желая достичь небес, порвал все связи с внешним миром». Оказывается, преждевременная смерть Дурьйодханы не входит в планы противников богов – асуров (*Мбх III, 239, 18*): «Меж тем грозные дайтьи и данавы, обитатели Паталы» (подземного мира – А. И.), «некогда побеждённые богами, прослышали об этом его решении и поняли, что это удар по их стану» (курсив наш – А. И.). Почему?

Данавы сами объясняют это Дурьйодхане (Мбх III, 240, 33): «Ты всегда служишь нам опорой, как Пандавы (служат опорой) богам». Так выясняется, чью сторону представляют в битве Кауравы. Остаётся выяснить следующее: может ли Дурьйодхана полагаться на деда Бхишму (Пандавы ему такие же внуки, как и Кауравы), на благородного наставника Дрону (общего учителя тех и других) и прочих великих и праведных героев. На эти вопросы отвечают сами демоны при личной встрече с Дурьйодханой (Мбх III, 240, 10): «Не тебе испытывать страх: в помощь тебе рождены на земле отважные данавы», и далее объясняют (11-14): «Асуры вселятся в Бхишму, Дрону, Крипу и других... Они не пощадят в бою ни своих сыновей, ни братьев, ни отцов... ни своих учеников...! Они будут с упоением биться со своими же родственниками... пятная душу свою и не ведая, (что творят), безрассудно покоряясь судьбе, предопределённой провидением».

Итак, великие герои-Кауравы и их главные сподвижники представляют в битве сторону демонов, и это предопределено провидением. Что же представляет собой огромная армия, возглавленная этими героями? Демоны продолжают повествование (Мбх III, 240, 17): «...Сонмы дайтьев и ракшасов, появившихся на свет, как кшатрии, будут сражаться, о, царь, против твоих врагов». Значит, вся армия Кауравов является воплощением демонов: или дайтьев, или ракшасов (злых демонов разрядом помельче). А вот что демоны могут сообщить о Карне (Мбх III, 240, 19): «Дух убитого Нараки» (демон, убитый Кришной – А. И.), «воплотившись в Карне, будет биться с Кешавой» (Кришна – А. И.) «и Арджуной в память о давней вражде...!»

Как только душа Дурьйодханы возвращается со свидания с демонами в преисподней, их предсказания начинают сбываться (Мбх III, 240): «Карна, душой которого овладел Нарака, стал вынашивать жестокую мысль об убийстве Арджуны. И герои-саншаптаки» (т.е. связанные клятвой, в данном случае – биться насмерть, пока не одолеют Арджуну), «души которых попали во власть ракшасов... загорелись желанием уничтожить Пхальгуну. Бхишма, Дрона, Крипа и других (Кауравы) и без того испытывали неприязнь к сыновьям Панду... а теперь над их душами властвовали данавы»

Теперь обратимся к вопросу об исходе грядущего поединка Карны и Арджуны. Оказывается, ответ на этот вопрос не слишком ясен. Яма недвусмысленно предсказывает гибель Карны от руки Арджуны, но данавы обещают Дурьйодхане нечто противоположное. Правда, в заявлении данавов есть несколькосторажающих моментов. Во-первых, оно предварено следующей ремаркой (Мбх III, 239, 26): «Данавы, взирая на Дурьйодхану расцветшими глазами, принялись улаживать его льстивыми речами». Такое начало не обещает сообщения неприятной правды. Кроме того, в самой важной части сообщения есть некоторые неясности. Приведём его дословно (Мбх III, 240, 20-22): «Карна... одолеет в бою Партху и всех твоих

недругов. Зная (его мощь), Владыка ваджры» (Индра – А. И.) «во имя спасения Савьясачина обманом отберёт у Карны серьги и панцырь. Поэтому мы и послали (на землю) сотни тысяч дайтьев и ракшасов... не тревожься – они уничтожат героя Арджуну». Как понимать слова данавов о том, что Карна одолеет Арджуну в бою – что он его убьёт, или только заставит бежать с поля боя? Сможет ли он это сделать, лишившись магического обмундирования? Если да, то зачем понадобятся «сотни тысяч дайтьев и ракшасов»? Если нет, и подмога действительно потребуется, то каков будет исход поединка Карны с Арджуной? Возникает сомнение, будет ли вообще Арджуна убит. Если предсказания, сделанные богами Пандавам, четки и ясны, то в пророчестве асуров концы не сходятся с концами. Это впечатление недосказанности, противоречий и, возможно, заведомой лжи (а чего ещё ждать от демонов преисподней?) начинает создавать атмосферу неуверенности в судьбе Карны.

Мотив лжи и предательства как свойства демонов/насельников преисподней и иных антагонистов богов в сказаниях многих народов является «общим местом». В эпическом произведении индейцев киче «Пополь-Вух» двенадцать владык Шибальбы (преисподняя индейцев Мезоамерики) обманом завлекают и приносят в жертву двух братьев-героев, а потом пытаются так же расправиться с сыновьями одного из них – Хун-Ахпу и Шбаланке. Юные герои понимают, что каждое слово владык Шибальбы – ложь, и их пригласили вовсе не для игры в мяч, а для того, чтобы погубить: «Не пытайся обмануть нас! – отвечали (братья). – Или, быть может, мы не знаем о нашей (предстоящей) смерти, о владыки?» («Пополь-Вух», часть II, гл. 12). Итак, верить асурам, скорее всего, нельзя, и тревога за судьбу Карны только усиливается при виде слепого доверия к асурам и энтузиазма в связи с обещанной демонами победы, проявляемых и недалёким Дурьюодханой, и умным Карной. Возможно, эти черты Карны имел в виду царь Дхритараштра, говоря (*Мбх III, 46, 10*): «...В победу же нашу я не верю. Карна слишком добродушен и беспечен».

Несмотря на то, что до начала битвы должны пройти годы, подготовка идёт чрезвычайно активно. Арджуна, как мы знаем, получил от Вьясы тайное заклинание для применения оружия богов, а потом – и само это оружие от Индры. Сурья, обеспокоенный судьбой своего земного сына Карны, является ему во сне, чтобы предупредить о происках противоположной стороны: Индра, заботясь о своём сыне Арджуне, под видом брахмана попытается выманить у Карны, известного своей щедростью к просителю, его волшебные серьги и панцырь. Сурья просит Карну не поддаваться на уловку, иначе ему грозит гибель, но благородный Карна отвечает, что не может нарушить обет почитания брахманов (*Мбх III, 284, 28*): «Такому, как я, не подобает спасать свою жизнь ценою бесчестья». Если брахман попросит у него милостыню, Карна даст ему, чего бы тот ни попросил. Огорчен-

ный Сурья просит сына, если уж он не может отказать брахману, по крайней мере, попросить взамен у «брахмана» Индры его волшебное копьё с говорящим названием Амогха («неотражимое»).

Всё происходит по плану: в ответ на просьбу Индры «отрезав от своего тела панцирь и серьги, Карна, истекая кровью, отдал их, почтительно сложив ладони своих рук» (*Мбх I, 104*). Индра был вынужден удовлетворить встречную просьбу Карны и подарить ему копьё, способное убить не только любого человека, но и бога. Правда, при этом коварный Индра установил дополнительное ограничение: копьё, вообще-то способное поражать несметные полчища врагов, дано Карне только для одного броска, после чего оно вернётся к Индре. Но и этим многоходовая интрига, напоминающая шахматную партию, не ограничивается: в соответствии с божественным замыслом даже единственный дозволенный бросок копья, который может погубить Арджуну, должен быть нейтрализован. Индра загодя устроил любовный роман между могучим Бхимасеной и ракшаси Хидимбой. В результате на свет появился чудовищный по силе и преданный Пандавам ракшас Гхатоткача. Именно для будущей нейтрализации волшебного дротика и спасения своего дяди Арджуны и «заготовлен» бедный Гхатоткача.

Таким образом, в ходе подготовки к поединку Арджуна приобретает дополнительные магические средства, а Карна теряет даже те, что были у него от рождения: беззаветная приверженность Карны раз избранным этическим нормам делает его лёгкой мишенью для интриг и обрекает на поражение. Атмосфера обреченности вокруг Карны спускается, когда Индра, не называя имени Арджуны, пророчески заявляет ему, что как раз того единственного грозного противника, которого Карна надеется поразить с помощью Амогхи, убить ему не удастся. По завершении транзакции «улыбнувшись, (Индра) подумал, что теперь успех Пандавов предрешён, и возвратился к себе на небо» (*Мбх III, 294, 39*).

Не только боги, но и люди умышляют против Карны. Незадолго до битвы к дяде Пандавов царю мадров Шалье, которого Дурьюодхана хитростью привлек на сторону Кауравов, обращается Юдхиштхира (*Мбх V, 8, 25-27*): «...Я хочу чтобы ты... исполнил одну (мою просьбу)... Когда произойдёт поединок на колесницах между Карной и Арджуной, о лучший из царей, ты должен будешь взять на себя обязанность возницы Карны... и при этом тебе придётся охранять Арджуну, о царь, если ты желаешь мне добра. Тебе следует действовать таким образом, чтобы убавить пыл у сына суты и обеспечить нашу победу. Хотя и непристойно это, ты всё же должен это сделать, о дядя мой!»

Шалья соглашается (*Мбх V, 8, 28-31*): «...Ты говоришь мне о том, чтобы во время сражения действовать так, чтобы убавить пыл у злобного сына суты. Конечно, я буду его возницей во время битвы, ибо он всегда считает меня равным Васудеве» (Кришна – А. И.). «О тигр из рода Куру, разумеется, я буду говорить

ему, когда он пожелает сражаться в этой битве, слова противоречивые и пагубные для него. Таким образом, он лишится своей спеси и пыла, о Пандава, и его легко будет убить...» Отметим несколько важных моментов этого заговора. Во-первых, это чётко и хладнокровно спланированная акция психологического давления и предательства. Во-вторых, эту интригу явно нельзя оценивать снисходительным *a la guerre com a la guerre*: даже её автор Царь справедливости открыто признаёт, что затеял подлость. Наконец, впечатление предательства и обречённости Карны усиливается его доверчивостью: заговорщик Шалья, презрительно отзывающийся о Карне, сам пользуется у Карны доверием и уважением.

8. Стронник войны. «Твоё сердце всегда склонно к битве»

В четвёртой книге Мбх «Виратапарве» описан тринадцатый год изгнания Пандавов, который они проводят неузнанными при дворе царя матсьев Вираты. В это время Кауравы совершают грабительский набег на матсьев с целью угона скота Вираты. (Вполне легитимная забава для благородных героев: вспомним кельтскую сагу с красноречивым названием «Похищение быка из Куальнге» и упражнения Вольги Всеславьевича в Индийском царстве). В погоню за Кауравами отправляется Арджуна на единственной колеснице, так же, как Кухулин в «Похищении быка из Куальнге». Последовавшая битва очень интересна, так как в миниатюре представляет некоторые важные для нас особенности войны Кауравов с Пандавами, имеющей произойти уже через полгода. (Вскоре после набега сын Арджуны Абхиманью женится на дочери Вираты, а после гибели Абхиманью на Курукшетре Гандхари говорит, что юный принц прожил с молодой женой всего шесть месяцев). Во-первых, в набеге на матсьев участвуют те же виднейшие герои из лагеря Кауравов, кому предстоит возглавить будущую великую битву с Пандавами на Курукшетре: их дед Бхишма, наставники Дрона и Крипа, сын Дроны Ашваттхаман, Дурьйодхана и Карна. Во-вторых, даже во время небольшого набега в стане Кауравов происходит раскол между партией мира во главе с Бхишмой, и партией войны, представленной Карной. В-третьих, этот конфликт между «голубями» и «ястребами» Кауравов немедленно трансформируется в личную вражду Бхишмы, Дроны, Крипы, с одной стороны, и Карны – с другой. В-четвёртых, центром сражения за скот матсьев становятся поединки Карны и Арджуны. Посмотрим, как это происходит.

Когда изменивший внешность при дворе Вираты Арджуна настаивает Кауравов, Дрона и Бхишма узнают его, предупреждают своё войско об опасности и, ссылаясь на дурные приметы, советуют отказаться от сражения (Мбх IV, 41). Ответ Карны чрезвычайно груб и вызывающ (Мбх IV, 43, 1): «Я замечаю, что все

эти... старцы словно перепуганы и повергнуты в смятение, ибо все они своими помыслами отвратились от битвы и нерешительны». Далее Карна похвывается своим превосходством над противником (*Мбх IV, 43, 8-10*): «Но и я ничем не хуже Араджуны. ...Убив в сражении Араджуну, я отдам сегодня сыну Дхритараштры неоплаченный долг, некогда обещанный мною на словах». Интересно, что в этой сцене даже Дурьйодхана, критикующий старшее поколение за нерешительность, рассматривает альтернативу сражению: если Араджуна открыто появится перед Кауравами и будет узан до истечения тринадцатого года изгнания, Пандавы должны будут, по условиям игры в кости, уйти в изгнание ещё на 12 лет. Ещё до набега на матчев Дурьйодхана был обеспокоен тем, что тринадцатый год изгнания Пандавов подходит к концу, и разослал шпионов на их поиски (*Мбх IV, 24*). Шпионы вернулись ни с чем, и теперь уже Карна поучает Дурьйодхану (*Мбх IV, 25, 8*): «Пусть немедленно отправятся отсюда, о потомок Бхараты, другие шпионы, способные и более ловкие, умеющие хорошо исполнять своё дело». Вероятно, Карне не терпится найти Пандавов, чтобы сразиться с ними. Это предположение подтверждается во время угона скота Вираты.

Разница в подходе между Карной и Дурьйодханой состоит в том, что последний хочет избавиться от конкурентов-Пандавов любым способом, и для достижения этой цели изгнание Пандавов ничем не хуже битвы. Оказывается, с точки зрения Дурьйодханы, изгнание даже предпочтительнее. Позже, в разгар великой битвы на Курукшетре (*Мбх VII, 11*), Дурьйодхана замышляет не убить предводителя Пандавов Юдхиштхиру (за убитого брата будет мстить Араджуна, и тогда Кауравам живыми не уйти), а захватить в плен с целью принудить его к новой игре в кости и к новому изгнанию! В то же время, цель Карны – доказать свою воинскую доблесть в битве с Пандавами вообще, и превосходство над ненавистным Араджуной в поединке, в частности. Кроме мечты о турнире с Араджуной *per se*, Карна, как человек чести, хочет выполнить обещание, данное им Дурьйодхане. Для этого он должен собственноручно расправиться с Араджуной («Убив в сражении Араджуну, я отдам сегодня сыну Дхритараштры неоплаченный долг»), тогда как в новом изгнании Пандавов не будет никакой личной заслуги Карны.

Перед схваткой Карна восхваляет себя и принижает Араджуну, суля ему поражение и гибель от своей руки: речь Карны сродни ритуальной похвалбе воина с целью магического наращивания своей мощи. В этой ситуации другие сторонники Кауравов должны либо поддержать его (акт воинской магии для увеличения мощи соратника перед боем), либо промолчать. Но вместо поддержки виднейшие герои-Кауравы возражают Карне, укоряют его за хвастовство и недомыслие и превозносят его противника! Это, конечно, не предвещает Карне благополучного исхода поединка с Араджуной, а всем Кауравам – успеха в их набеге. Наставник Крипа говорит (*Мбх IV, 44, 1, 2, 16*): «Твоё жесточайшее сердце, о Радхей, всегда

склонно к битве. Но ты не ведаешь истинной природы вещей и не представляешь себе идущих от них последствий...»

«Им (Арджуной – А. И.) одним были сокрушены данавы, ниватакавачи и калакханджи, которых не могли победить даже боги. Что же на самом деле тобою одним, о Карна, здесь было совершено?»

«Тот недалёк умом, о Карна, кто, будучи неопытен во владении оружием и весьма слабосилен, захотел бы сразиться с Партхой...»

Крипе вторит Ашваттхаман (*Мбх IV, 45, 1-2*): «Пока ещё скот не обретен нами, – а ты, о Карна, уже похваляешься. Выиграв множество сражений, добыв огромные богатства и покорив вражескую землю, (подлинные герои) ничего не говорят о своей доблести». Таким образом, несмотря на поддержку Дурьйодханы, Карна выглядит несколько изолированным и едва ли не презируемым в лагере Кауравов. Мы увидим, что в дальнейшем эта тенденция усилится, создавая впечатление уязвимости и обречённости Карны.

Недобрые предчувствия подтверждаются, когда, вступив в сражение с Кауравами за скот Вираты, Арджуна без особых усилий убивает младшего брата Карны (*Мбх IV, 49, 18*) и побеждает самого Карну (*Мбх IV, 49, 23*): «И Вайкартана» (Карна – А. И.) «под натиском стрел, посылаемых Партхой, покинув головной участок боя, ...поспешно пустился в бегство, настигаемый стрелами Пандавы». Через некоторое время после бегства Карны Арджуна и Карна сходятся в поединке вновь, и опять Карна позорно отступает (*Мбх IV, 55, 23-25*): «...Острой стрелой могучий сын Кунти поразил Карну в грудь. И, пробив его панцирь, стрела проникла в его тело. А он, окутанный мраком, не мог уже ничего соображать, и почувствовав страшную боль, он покинул поле брани и бежал в северном направлении. Тогда Арджуна и Уттара» (сын царя матсьев – А. И.), «могучий воин на колеснице, стали всячески хулить его».

Вот краткие итоги «генеральной репетиции» великой битвы Кауравов и Пандавов: среди лидеров Кауравов происходит раскол, в их лагере растёт неприязнь к Карне и, наконец, Карне так и не удаётся на деле доказать своё превосходство над Арджуной. Разумеется, эти обстоятельства взаимосвязаны. Поводом для раскола является противоречие между относительно мирным настроением Бхишмы и Дроны, с одной стороны, и непримиримостью Карны, с другой. Это противоречие приводит к горячим спорам между двумя сторонами, переходящими во взаимные оскорбления и обиды, а военные неудачи Карны, как мы увидим, дают его оппонентам дополнительный материал для язвительных замечаний.

Карна начал военную агитацию заблаговременно, ещё во время жительства Пандавов в лесу, и прекрасно мотивировал необходимость грядущей войны Кауравов с Пандавами (*Мбх III, 243*): «Когда Партхи найдут свою смерть в бою и ты обретешь (право) на раджасую, я снова восславлю тебя!» Итак, по Карне, во-

йна с Пандавами необходима, чтобы Дурьйодхане не пришлось делиться с ними властью. Действительно, Дурьйодхану не удовлетворяет статус *primus inter pares* (первого среди равных). Он видит себя великим царём (для этого и справляется обряд раджасуя), у которого есть только вассалы, но нет равных ему суверенных правителей (*Мбх V, 57*): «Либо я, убив Пандавов, буду править этой землёю, либо сыновья Панду, убив меня, будут владеть всей землёю. Пусть я лишусь жизни... богатства и царства, но никогда я не смогу жить вместе с Пандавами!»

По завершении тринадцатилетнего изгнания Пандавов выясняется, что, несмотря на старые обиды, они готовы к примирению. Ради достижения мира Пандавы согласны пойти на серьёзные уступки, вплоть до предложения уменьшить свою долю царства до символических пяти деревень: очевидно, для Пандавов важно не столько возвращение имущества, сколько восстановление утраченного социального статуса. По существу, Пандавы отказываются от своей половины царства, оставляя себе только титул! И в этот момент становится ясно, что дело уже не в том, как поделить царство. Суть конфликта предельно проста: мир не устраивает ни Дурьйодхану, ни Карну. Мотивация Дурьйодханы очевидна, он по недомыслию принимает уступчивость Пандавов за слабость (*Мбх V, 54*): «Юдхиштхира, потеряв (всякую надежду получить) хотя бы город, просит только пяти деревень, ибо он... испытывает страх перед моим войском, а также перед моей мощью». Карна же непримирим, так как хочет отомстить. В ходе длительных переговоров сторон, которым посвящена значительная часть пятой книги *Мбх* «Удьяогпарвы», Карна окончательно выдвигается на первый план в качестве лоббиста войны. Дхритараштра говорит сыну (*Мбх V, 57*): «...Ты ведь не добиваешься этого» (войны – А. И.) «по своей собственной воле, но Карна и Духшасана злонаправный, а также Шакуни... понуждают тебя к этому». В связи с этим, как было отмечено выше, обостряется противостояние Карны и миролюбиво настроенного Бхишмы, который говорит царю Дхритараштре (*Мбх V, 48*): «...Знай, что это великое бедствие, которое грозит обрушиться на злоумышленных сыновей твоих, есть дело этого зловредного сына возницы».

Следует отметить, что Бхишма и раньше проявлял неприязнь к Карне. Например, битву с гандахравами, где Карна стойко сражался [(*Мбх III, 230*): «Видя, что сыновья Дхритараштры бегут с поля брани, герой Вайкартана не тронулся с места»] и отступил только оставшись без колесничего, коней и колесницы, Бхишма описывает очень предвзято (*Мбх III, 241*): «...Сын суты трусливо бежал с поля битвы с гандахравами».

Пандавы предлагают мирные переговоры, которым противится Карна. В ненависти к Пандавам Карна переходит все пределы дозволенного, облыжно обвиняя их в невыполнении условий игры и требуя, чтобы они снова ушли в изгнание, а по возвращении жили под властью Дурьйодханы (*Мбх V, 21, 8-15*). Карна высту-

пает как орудие судьбы, делающей войну неизбежной и всё более ухудшающей его отношения с Бхишмой. Он демонстрирует деду Пандавов и Кауравов совершенно неподобающее по этикету пренебрежение. Во время выступления Бхишмы в зале собрания в присутствии посла Пандавов «Карна, исполненный гнева, резко прервал его речь...» (*Мбх V, 21, 8*). Бхишма также резок с Карной, но его замечания, как правило, обоснованны (*Мбх V, 21, 16-17*): «Какой толк в словах твоих, о сын Радхи. Ты должен вспомнить тот случай, когда Партха, один без посторонней помощи победил в бою шестерых воинов, сражавшихся на колесницах!» (разбил Кауравов с Карной во время набега на матсьев – А. И.).

Помимо упреков по существу, представители партии мира осыпают Карну оскорблениями. Бхишма обращается к Дурьйодхане (*Мбх V, 48*): «...Только мнения трёх... ты придерживаешься как мнения истинного, (а именно) Карны, низкорождённого сына возницы и проклятого Рамой, Шакуни, сына Субалы, и низкого, нечестивого брата своего Духшасаны» (курсив наш – А. И.). Даже дипломатичный Санджая, суита царя Дхритараштры, вернувшись с переговоров с Пандавами, говорит (*Мбх V, 58*): «...Тупоумный Дурьйодхана... надеется на Дрону и Бхишму, и полагается на хвастливого Карну» (курсив наш – А. И.). Язвительные замечания в собственном лагере перекликаются по тону с высказываниями противников о Карне, который, по саркастическому отзыву Юджиштхиры, «на одной-единственной колеснице намеревается победить Пандавов, неприступных (в бою), и который бесподобен в умении сбивать с толку тех, кто сам впадает в заблуждение» (*Мбх V, 30*). Мы не раз увидим, что «свои» обращаются с Карной как враги, создавая впечатление его изоляции и обречённости. Карна действительно даёт поводы для придирок, проявляя такие человеческие слабости, как раздражительность, тщеславие, а иногда и непростительную наивность: ниже будет показано, как легкомысленно он отмечает злое проклятие Рамы.

Ничего в судьбе Карны изменить уже нельзя, и все возражения и замечания окружающих вызывают у него только гнев. После негодующего окрика Бхишмы (*Мбх V, 61*): «Что говоришь ты с умом, помутнённым от (приближения твоего) часа!» – обиженный Карна кляётся не участвовать в сражении, пока жив Бхишма (*Мбх V, 61, 12-13*): «Пусть... дед наш прислушается к тому, какое впечатление (произвели) некоторые грубые слова, (сказанные) им. Я складываю своё оружие! Никогда больше дед не увидит меня на поле битвы... Но после того, как ты успокоишься (навечно), все правители земные увидят мою доблесть!». Есть и другая причина отказа Карны сражаться, пока жив Бхишма: Карна обеспокоен тем, что его будущие ратные подвиги будут приписаны Бхишме как главнокомандующему.

9. Испытание Карны II. «Не могу проявить несправедливость»

Пытаясь переманить Карну на сторону Пандавов, Кришна в секретной беседе сообщает Карне тайну его рождения и объясняет, что в качестве старшего сына Кунти, он по закону не только является таким же сыном покойного царя Панду, как и его братья, но и может претендовать на престол вместо Юдхиштхиры. Кришна обещает помазать Карну на царство, но Карна почтительно отказывается. Следует отметить, что, в отличие от препирательств Карны с Бхишмой, эту беседу обе стороны ведут в чрезвычайно уважительном тоне. Посмотрим, как Карна мотивирует свой отказ (*Мбх V, 139, 10-18*): «...Опираясь на меня, о Кришна, Дурьйодхана приступил к приготовлениям для вооружённой схватки... и вызвал вражду с Пандавами. Ради этого... он... избрал меня как достойнейшего соперника Савьясачина... Ни из-за (угрозы) смерти или ввиду родственных уз, ни из страха или корысти... не могу я проявить несправедливость по отношению к мудрому сыну Дхритараштры».

(19-28): «...Ты должен хранить пока в тайне эту беседу нашу. ...Если справедливый душою царь (Юдхиштхира), твёрдый в обетах, узнает, что я перворождённый сын Кунти, он никогда не примет царства. Но даже обретя это могучее и обширное царство... я, конечно, передал бы его только Дурьйодхане! Пусть будет навеки царём справедливый душой Юдхиштхира... Это блистательное царство... (можно считать), уже выиграно (Юдхиштхирой)!»

Следующее заявление Карны не оставляет сомнений в том, на чьей стороне, по его мнению, правда, и кто выйдет победителем из грядущей битвы (*Мбх V, 141*): «Известно мне, о Хришкеша» (Кришна – А. И.), «что победа (приходит) туда, где находится справедливость... У меня нет сомнения в том, о Кришна, что вы убьёте в той битве всех царей, предводительствуемых Дурьйодханой».

Почему язвительный и хвастливый тон Карны предыдущих раундов переговоров внезапно меняется на вежливый и вдумчивый? Возможно, смена тона подчёркивает, что первоначально целью Карны было унижить и перекричать противника, чтобы настоять на своём и довести дело до войны. В настоящий момент, если Карна не поддастся уговорам Кришны, война неизбежна. Раньше Карна стремился переспорить оппонентов любой ценой; теперь на вопросы можно отвечать откровенно, и Карна открывает собеседнику душу.

В результате откровенности Карны аудиторией немедленно делается несколько любопытных открытий. Во-первых, Карна вовсе не считает, что правда на стороне Дурьйодханы, как он многократно, но неубедительно повторял в яростных спорах с Бхишмой в собрании царей. В подтверждение можно привести аргумент *e silentio*: если бы Карна верил в правоту предводителя Кауравов, он непременно сказал бы об этом сейчас, объясняя свою верность Дурьйодхане. Вместо этого Карна приво-

дит совершенно другие доводы, к которым мы обратимся чуть ниже. По мнению Карны, по справедливости царство должно принадлежать Юдхиштхире – то есть Карна согласен с притязаниями Пандавов! Кроме того, в момент беседы Карна уверен, или почти уверен, в победе Пандавов. Итак, и правота, и сила на стороне Пандавов. Почему же Карна поддерживает узурпаторов-Кауравов? Оказывается, он делает это из чувства морального долга, просто потому, что Дурьйодхана доверился ему. Более того, Карна признаёт, что не только поддержал, но и в некоторой степени инспирировал вражду Дурьйодханы к Пандавам. Парадоксальным образом, в этой ситуации для Карны переход на сторону «правых» Пандавов нравственно неприемлем, так как был бы равнозначен предательству. При этом Карна настолько остро осознаёт свои моральные обязательства перед Дурьйодханой, что, даже заняв в качестве старшего Пандавы престол Юдхиштхиры, всё равно передал бы царство Дурьйодхане. С другой стороны, Карна так непоколебимо верит в правоту Пандавов, что, по сути, не желает мирного воцарения Дурьйодханы (и поэтому не хочет открывать свою тайну Юдхиштхире – ведь тогда справедливый Юдхиштхира уступит престол Карне, а благородный Карна – Дурьйодхане). Битва – совсем другое дело, тут Карна не прочь проявить свою доблесть. Другая причина, по которой Карна хранит тайну своего рождения, ясна из контекста (*Мбх V, 139, 57*): «Приведи, о Кешава, сына Кунти (Арджуну) для битвы со мною и сохрани навсегда в тайне беседу нашу...» Карна хочет сразиться с Арджуной, а раскрытие тайны привело бы к примирению.

Оставаясь верен обречённому на поражение Дурьйодхане (в этот момент Карна уверен, что «сыну Дхритараштры... предстоит совершить великое жертвоприношение оружию» – то есть погибнуть в битве), Карна, тем самым, идёт на верную гибель вместе со своим другом и сюзереном. Карна настолько бескорыстен в своей преданности Дурьйодхане, что даже в случае маловероятной победы Кауравов наслаждаться плодами этой победы не будет – он собирается удалиться в лес (ещё один довод в пользу того, что правота, по мнению Карны, не на стороне Кауравов)! Преданность Карны Кауравам и лично Дурьйодхане выглядит особенно впечатляюще, если принять во внимание, что Карна только что претерпел тяжкое оскорбление от Бхишмы, и в ходе этого конфликта не получил никакой поддержки от Дурьйодханы.

Здесь уместно напомнить, что Карна отнюдь не всегда считал Пандавов правыми и достойными победы над Кауравами: вспомним его многочисленные презрительные высказывания в адрес Пандавов и не менее многочисленные враждебные действия против них. Перемена мнения о Пандавах, а также неожиданная смена тона общения с представителем лагеря противников знаменуют удивительную для эпического героя и чрезвычайно важную для предмета наших разысканий трансформацию характера Карны (подробно рассмотрена в разделе 44).

Не следует упускать из виду ещё одно важное обстоятельство: тот факт, что Карна признаёт моральную правоту Пандавов в их конфликте с Кауравами, вовсе не означает, что он пылает любовью к новонайденным братьям и матери. Гораздо больше, чем родную мать («Она покинула меня, как только я родился», – говорит негодующий Карна), он почитает приёмных родителей Радху и Адхиратху: «...От её любви ко мне у Радхи быстро проступило (из груди) молоко. Она быстро удалила с меня мочу и нечистоты... Как же может кто-либо... сведущий в долге и всегда находящийся удовольствии, слушая предписания законов, лишиться её жертвенной лепёшки?» (имеются в виду заупокойные обряды, обеспечивающие родителям место на небесах – А. И.). «Итак, возница Адхиратха признаёт меня за сына, и я тоже из сердечной привязанности к нему всегда считаю его своим отцом. Ведь именно он... с отцовской любовью велел совершить все обряды, связанные с рождением сына! А когда я вступил в юношеский возраст, он сам женил меня, избрав мне жён... От них родились у меня дети и внуки... И к ним же привязано моё сердце всеми узами любви и страсти!» Итак, нежная сыновья привязанность к Радхе и Адхиратхе составляет вторую причину (помимо преданности Дурьйодхане), по которой Карна не может перейти на сторону Пандавов: это означало бы признать себя сыном Кунти и отречься от приёмных родителей (уникальная для эпоса трансформация сюжета о подкидыше, см. раздел 23).

Вторую попытку искушения Карны царским титулом и престолом Юдхиштхиры совершает его мать Кунти. Она в основном повторяет доводы Кришны, но из развёрнутого ответа Карны мы узнаём кое-что новое. Прежде всего, тон ответа гораздо более эмоционален, в нём сквозят боль и обида (*Мбх V, 144, 4-10*): «Я не могу принять на веру, о кшатрийка, сказанное тобою слово... Я был покинут тобою (лишь только я родился)... Если я на самом деле родился кшатрием, то из-за тебя я не был удостоен обрядов кшатрия. Какой же (другой) враг мог мне причинить зло, гораздо горшее? Не выказав ко мне сострадания, в то время как ты должна была сделать это, и лишив меня очистительных обрядов, предписанных (при рождении сына), ты сегодня всё же стала понуждать меня (к повиновению словам твоим)! Никогда раньше ты не стремилась сделать для меня благо, как это подобает матери. а теперь ты, однако, обращаешься ко мне, желая блага лишь только себе». Эта страстная речь показывает, что помимо нравственных причин поддержки Кауравов (верность приёмным родителям и Дурьйодхане), у Карны есть и эмоциональная причина – неприязнь к Кунти и Пандавам. Наконец, Карна выдвигает ещё один довод против перехода на сторону Пандавов: «...Если я пойду теперь на сближение с Паргхами, кто не подумает, что я пошёл на это из страха?»

У Карны есть веские основания не только для неприязни к Кунти из-за обид в прошлом, но и для недоверия к ней в настоящем. Кунти мотивирует свои переговоры с первенцем тем, что Дрона не будет истово «сражаться со своими учени-

ками. А деду как не выказать сердечной своей привязанности к Пандавам! Один лишь этот нечестивец Карна с его ложным представлением постоянно следует заблуждениям злобного сына Дхритараштры и ненавидит Пандавов! Всегда упорствующий в том, чтобы причинить большой вред Пандавам, Карна к тому же особенно силен. Это и сжигает меня теперь. Отправлюсь я, чтобы умиловить Карну, и, раскрыв ему правду, я надеюсь сегодня склонить его сердце к Пандавам» (*Мбх V, 142*). Итак, отношение Карны к матери совершенно адекватно, ведь в данном случае и он для Кунти не любимый первенец, которого надо спасти, а опасный и непримиримый враг её младших сыновей.

С этой точки зрения соперничество и финальную схватку Карны с Араджуной можно рассматривать как древний эпико-мифологический мотив торжества младшего брата над старшим, часто с применением подвоха (Шегад – Ростем ШН, Бисат – Деле-Гэз огузского эпоса), в результате чего происходит «утрата первородства». Классический пример такого мотива – интрига Иакова (младший брат) против «косматого» Исава. Иаков хитростью «выкупает» у прямодушного Исава первородство за пресловутую чечевичную похлёбку, а потом, при активном участии благоволящей ему матери (ср. с Кунти) выманивает благословение у престарелого подслеповатого отца (*Быт 25 и 27*). Кстати, по версии Т. Манна, старший Исаак, *чтобы угодить жене*, сам закрыл глаза и подыгрывал младшенькому. Сходным образом, царица Кайкеи, обольтив старого царя Дашаратху, лишает старшего принца Раму престола в пользу его младшего брата Бхараты (*Мбх III, 261*). Интересно, что мотив торжества младшего брата с помощью матери реализуется сказанием даже вопреки логике: коварная арабская царица Исмил защищает навязанного ей приёмьша Давида от его старшего единокровного брата (и своего родного сына!) (ДС). Архетипический мотив «утраты первородства» видим в египетской (Осирис/Сет) и греческой теогонии: после свержения Урана (при поддержке матери) воцаряется самый младший из титанов Крон; со сменой поколений царём богов становится младший из детей Реи и Крона – Зевс. Причём, своих самых старших братьев – гекатонхейров – Зевс сбросил в Тартар. В ведийской мифологии боги обманом отнимают амриту (общее достояние), а потом и одолевают в битве своих старших братьев асуров (*Мбх I, 16-17*). Возвращаясь к Карне, ещё раз подчеркнём, что в критический момент Кунти интригует против старшего сына, как Ревекка – против Исава.

Следует отметить, что, хотя выбор между Пандавами и Кауравами в свете собственных объяснений Карны и естествен, это не означает отсутствия колебаний. Во-первых, в некоторых своих поступках по отношению к Пандавам Карна раскаивается (*Мбх V, 139, 45*): «Из-за тех слов жестоких, ...которые я сказал раньше Пандавам., из-за того грубого поступка моего я мучаюсь теперь раскаянием». Во-вторых, из всех Пандавов непримиримую ненависть Карна испытывает только к

Арджуне (*Мбх VII, 3*): «Непереносимый того сына Панду, искусного в битве, я., равно благословляя смерть или победу, выступлю против того свирепого (воина)...» (курсив наш – А. И.). Напомним также об эмоциональной клятве Карны (*Мбх III, 243, 15*): «Пока не убью Арджуну, не омою ног своих!» Как отмечают переводчики в комментарии к VIII кн., этот обет Карны должен был восприниматься, как страшный, «так как он добровольно подвергал себя¹наихудшему осквернению» (*Мбх 1990, с. 241*). Арджуна отвечает Карне полной взаимностью: из всех Пандавов именно он поклялся убить Карну (*Мбх II, 68*). К остальным четырём братьям Карна относится более сдержанно, так что даже обещает Кунти сохранить им жизнь (*Мбх V, 144*): «Я не убью, кроме Арджуны, сынов твоих... Только с Арджуной... предстоит мне сразиться... Но пятеро из твоих сыновей, о достоправная, никогда не погибнут. (Их всегда будет пятеро), либо без Арджуны, но вместе с Карной, либо с Арджуной, но без Карны убитого!»

Третью попытку склонить Карну на сторону Пандавов опять делает Кришна. Перед самым началом битвы на Курукшетре, когда Бхишма становится во главе войска Кауравов, Кришна обращается к Карне: раз уж тот всё равно не сражается за Дурьйодхану, пока жив Бхишма, почему бы ему пока не встать в ряды Пандавов? И на это действительно нетривиальное предложение Карна отвечает отказом. Четвёртую и вовсе безнадежную попытку переманить Карну на сторону противника делает умирающий на поле боя Бхишма по прошествии десяти дней великой битвы на Курукшетре. Происходит взаимное примирение, но на уговоры Бхишмы перейти к Пандавам Карна отвечает почтительным отказом: он не может предать дружбу с Дурьйодханой ради своих новонайденных братьев, с которыми Карну ничего не связывает. Кстати, именно в беседе с Бхишмой Карна ещё раз подтверждает, что не может побороть ненависть, которую ему внушают Пандавы.

Правильность морального выбора Карны подчеркнута и в его первой беседе с Кришной, и в его ответе Бхишме. Карна даёт понять Кришне, что предложение последнего имеет в виду выгоду, тогда как оба собеседника прекрасно понимают, какое поведение подсказывает Карне его совесть (*Мбх V, 141, 1*): «Услышав... слова Кришны, Карна... промолвил: "Зачем ты... зная (подлинную суть вещей), хочешь сбить меня с толку?" В свою очередь, Бхишма сам подводит итог переговоров с Карной, принимая его точку зрения о моральных обязательствах и сердечной привязанности к Дурьйодхане, которые делают Карну частью клана Кауравов (*Мбх VII, 4*): «Ты приходишься нам внуком, точно так же, как и Дурьйодхана!.. Воистину убедившись в том, что таково твоё твёрдое мнение (относительно родства твоего с Кауравами), охраняй ты войско Кауравов столь же (беззаветно), как и сам Дурьйодхана!»

Выбор Карной сделан, и последствия этого выбора героем осознаны (*Мбх V, 141*): «...Гибель всей земли уже совсем близка. И причиной тому оказались Шаку-

ни, я сам, Духшасана и царь Дурьйодхана, сын Дхритараштры. Без сомнений, о Кришна, уже совсем приблизилась великая, страшная битва между Пандавами и Кауравами, которая покроет (землю) кровавым месивом!..»

10. Доля Карны I. «Всемогуща судьба и бесплодны людские усилия»

Можно думать, что судьба Карны predetermined, во всяком случае, ему об этом время от времени напоминают. Но что, собственно, понимают герои под судьбой? Можно ли противиться судьбе, и если нет, то как при таком детерминизме выглядит моральная ответственность героев? Попробуем разобраться в этом «признаться, не очень ясным», по справедливому замечанию Михаила Афанасьевича Булгакова, вопросе.

Концепция судьбы возникает одновременно с эпическим героем. «...Строгий эпический стиль не может обойтись без понятия тёмной и безликой, совершенно неведомой, но в то же время решительно всякую вещь определяющей судьбы» (А.Ф. Лосев «Гомер», 2006, с. 381). Так, древнейший из известных нам героев – шумерский Гильгамеш (исторический прообраз – Бильгамес, пятый правитель I династии города Урука в южной Месопотамии в XXIX-XXVIII вв. до н. э.) узнаёт от бога Солнца, что изменить судьбу, уготованную богами, невозможно (ОВВ, таблица VII, ст. 28, 30):

«Слово, что сказано, не изменят боги.

...Жребий, что брошен, не вернут, не отменят.»

Вообще говоря, точка зрения на судьбу героя, преобладающая в эпосе самых разных народов, довольно проста (пример – Ил). Во-первых, судьба, или, точнее, доля героя определяет, как правило, только время и, возможно, обстоятельства его смерти. В результате оказывается, что смерть героя и его судьба – это почти синонимы. Вот как Гильгамеш говорит о смерти своего побратима Энкиду:

«Энкиду, друг мой, которого так любил я,

С которым мы все труды делили, -

Его постигла судьба человека»

(ОВВ, табл. X).

Во-вторых, доля назначается герою случайно – это, в действительности, жребий, – то есть, не зависит от его заслуг и прегрешений. Такая «случайность» доли подчёркивается во многих сказаниях. Например, германский эпос объясняет её тем, что норны (божественные девы, дающие судьбу) имеют разную природу, и среди них попадаются как добрые, так и злые (СЭ, «Речи Фафнира», строфа 13):

«Различны рождением норны, я знаю, -

их род не единый:

одни от асов,
от альвов иные,
другие от Двалина»,

(то есть, от богов, низших духов, или гномов – А. И.).

Интересным следствием случайности судьбы является то, что она может быть предназначена не конкретному герою, а любому, кто окажется в определённое время в определённом месте, либо произведёт в определённый момент предусмотренные божественным сценарием действия. В результате у героя появляется лазейка для коррекции собственной доли. Приведём пример. Кельтский герой Кухулин в семилетнем возрасте узнаёт прорицание друида Катбада, что юноша, получивший оружие в день прорицания, станет великим героем, «но скоротечны и кратки будут его дни на земле». Кухулин спешит принять от своего дяди, короля Конхобара, меч, щит, копьё и колесницу (СУ, «*Похищение быка из Куальнге*»). Так Кухулин «подгоняет» свою судьбу под прорицание, чтобы оказаться тем самым героем, кому суждено прожить пусть короткую, но славную жизнь. Ещё одним важным для наших разысканий аспектом концепции судьбы является возможность и способы её *пересмотра*, например, при вмешательстве богов. Эта возможность будет подробно рассмотрена нами далее.

И ещё одно предварительное замечание. Упомянутое выше «аскетическое» определение доли исключительно как предопределённой продолжительности земной жизни героя не годится для Мбх. Укажем на наиболее очевидную причину: индуистская концепция сансары рассматривает очередное рождение как воздаяние за предыдущую жизнь. Это значит, что предопределены, помимо даты смерти, важнейшие обстоятельства жизни героя: биологический вид (за серьёзные прегрешения можно «родиться червём или молью»), семья «рождения», варна, другие особенности социального статуса, а часто и ключевые события (то есть функция, ради выполнения которой герой должен появиться на свет).

Для иллюстрации последнего утверждения стоит привести примеры. Так, сын царя панчалов Друзады появляется чудесным способом и предназначен для выполнения определённой задачи (Мбх I, 57): «...При совершении жертвенного обряда из огня родился Дхриштадьумна, ...могучий герой, с луком в руке *для сокрушения Дроны*» (курсив наш – А. И.). Отметим долгосрочность этого плана: «сокрушить» Дрону понадобится в битве на Курукшетре, до начала которой пройдут десятилетия. При этом самому Дхриштадьумне суждено пасть от руки Ашваттамана, который отомстит ему за смерть своего отца Дроны. Ашваттаману, в свою очередь, отомстят за шурина Пандавы. Аналогично, целая цепь событий, растянутая на десятилетия, «запланирована» для того, чтобы прервать жертвоприношение змей, которое будет предпринято правнуком Арджуны царём Джанакей. Для выполнения этой задачи по решению Брахмы должен появиться

на свет подвижник Астика (*Мбх I, 49, 13*). Таким образом, predeterminedены не только важные вехи земной жизни ещё не зачатого Астики, но и судьбы его будущих родителей, которые должны встретиться при определённых обстоятельствах, вступить в брак и произвести потомство, согласно божественному плану. Эти события в совокупности и составляют судьбу героя.

Для решения вопроса о роли судьбы и вмешательства богов в деяния героев *Мбх* чрезвычайно информативна речь Дурьйодханы в ответ на замечание царя Дхритараштры о том, что Пандавам в битве будут помогать их божественные родители. Дурьйодхана говорит (*Мбх V, 60, 1-8*): «...Ты считаешь, что Партхи, имея своими союзниками богов, не могут быть побеждены. Так пусть же исчезнет твой страх, о лучший из царей! Боги достигли своего божественного положения благодаря отсутствию желаний и ненависти... а равно и *безразлично к мирским делам*... Боги никогда, подобно людям, не занимаются делами из-за желаний или алчности, из сострадания или ненависти!.. Ведь если бы Агни или Ваю» (отцы Драупади и Бхимы – А. И.), «Дхарма или Индра» (отцы Юдхиштхиры и Арджуны, соответственно – А. И.), «или же оба Ашвина» (отцы близнецов Накулы и Сахадевы – А. И.) «предавались своим занятиям из-за мирских желаний, Партхи никогда бы не претерпевали бедствий. ...Если же от привязанности к желаниям, из ненависти или алчности и замечается такое у богов, то оно *не может нарушить предписанное самими богами*» (курсив наш – А. И.).

В речи Дурьйодханы можно выделить два важных тезиса. Во-первых, он предполагает, что боги не вмешиваются в человеческие дела из личных пристрастий. В противном случае, благодаря помощи их божественных родителей, «не пришлось бы Партхам испытывать лишения на протяжении тринадцати лет!» (*Мбх V, 60, 19*). Во-вторых, если богом, паче чаяния, и овладеет суетное желание вмешаться в ход земных дел, он всё равно будет не в силах нарушить общего хода событий, уже «предписанного самими богами», а это и есть судьба. Таким образом, судьбу, после того, как она определена (очевидно, богами), не могут изменить даже сами боги. Мы уже знаем, что первое предположение Дурьйодханы ошибочно: достаточно вспомнить, с какой страстью, достойной греческих Олимпийцев, Сурья и Индра участвовали в интриге вокруг магических атрибутов Карны (причём, оба хлопотали за своих сыновей). А невмешательство богов, которое Дурьйодхана приводит для подтверждения своей гипотезы, является, скорее всего, не общим принципом, а частью божественного плана в конкретном случае: Пандавы должны пострадать, чтобы конфликт перерос в войну. Может быть, Дурьйодхана прав в главном – изменить судьбу героя богам не по силам? Пока отметим только, что на Олимпе для необратимости божественного приговора требовалась дополнительная процедура: если, изрекая своё решение, Зевс кивал головой, то отменить его не мог даже он сам. Вот как владыка Олимпа говорит об этом Фетиде:

«...Невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помагаю»

(Ил I, 526-527).

Интересно, что неудача Сурьи, пытавшегося прехитрить судьбу (а ему известен дальнейший ход событий), предупредив Карну о происках Индры, коренится только в отказе Карны поступиться своими принципами. Точно так же неудачей закончилась попытка Кунти (опять-таки поддержанная богом Солнца) изменить судьбу Карны, переманив его на сторону Пандавов. И в этом случае в торжестве судьбы над усилиями человека (Кунти) и бога (Сурьи) «виноват» Карна – он отказался от предательства. На этих и многих других примерах Мбх показывает нам «механизм» действия судьбы: судьба в виде объективной необходимости торжествует посредством субъективного поведения героя.

Понимают ли это сами герои? Судя по словам Кришны, на этот вопрос можно ответить утвердительно (Мбх V, 77): «...Ещё благородные (мудрецы) древности постигли мыслию то, что деятельность людей совершается, благодаря сочетанию усилий божественных и человеческих. Я же сделаю всё то, что возможно в пределах человеческих усилий. Но никаким образом не в состоянии я направлять действия, зависящие от судьбы». Под «сочетанием усилий божественных и человеческих» Кришна, очевидно, подразумевает, с одной стороны, судьбу (в качестве генерального плана, созданного усилиями богов), и, с другой стороны, деяния человека, которые укладываются в этот план и претворяют его в жизнь. Наша интерпретация чрезвычайно конспективного высказывания Кришны находит подтверждение в развёрнутой сентенции наставника Крипы (Мбх X, 2, 2-6): «Все люди подчинены двум воздействиям – судьбы и собственных усилий, и нет ничего выше тех двух. Успеха в делах невозможно достичь, благодаря одной лишь судьбе, ..или же только одними своими усилиями: успех – в соединении их обоих. ...И (человеческие) усилия, если судьба неблагоприятна, и судьба, если усилия не предпринимаются, совершенно бесплодны...»

Вернёмся к речи Кришны. В его последней фразе в свёрнутом виде содержится представление о том, что деяния смертных делятся на два разряда: одни «зависят от судьбы» (то есть являются частью божественного плана, должны увенчаться успехом и не могут быть отменены или изменены), другие, очевидно, нет – с точки зрения судьбы они являются «самодеятельностью» людей. Здесь Мбх подводит аудиторию к мысли о том, что действия могут привести к результату, отличному от субъективной цели героя. Как тогда оцениваются эти действия – по намерениям или по достижениям? И на этот вопрос (вернее, на его частный вариант, – если цель не достигнута) мы находим ответ у Кришны (Мбх V, 91): «...Если человек, в силу своих способностей стремясь совершить добродетельный поступок, не мо-

жет (достичь успеха), он, (несмотря на неуспех), приобретает добродетельные заслуги». Разумеется, возможен и более пессимистический взгляд на судьбу: это взгляд человека, который осознанно или неосознанно пытался действовать судьбе наперекор и потерпел неудачу. Соответствующую точку зрения выражает царь Дхритараштра, узнав о гибели Карны (*Мбх VIII, 5, 29*): «Значит, всемогуща судьба и бесплодны людские усилия, если уж пал в битве Карна!»

Теперь посмотрим, что об этом знает и думает сам Карна. В ответ на упреки Крипы в пустом бахвальстве и неспособности победить Пандавов Карна указывает на судьбу (*Мбх VII, 133, 58-64*): «Я считаю, что победа зависит от судьбы, даже в отношении людей наиболее могучих... Когда... многие... цари, труднопобедимые богами... (лежат) на поле брани, убитые Пандавами, что ты думаешь об этом иное, кроме вмешательства судьбы?. С ними, которых ты всегда считаешь столь могучими... я постарюсь, в меру крайних своих сил, сразиться в битве ради блага Дурьйодханы! Что же до победы, то она зависит от судьбы!» Итак, Карна разделяет представления Кришны о необоримости судьбы.

Как представления о судьбе влияют на понимание Карной долга и моральной ответственности? Объясняя военные неудачи на Курукшетре, Карна говорит (*Мбх VII, 127, 12-17*): «...То, что предопределено судьбою, я полагаю, никогда не бывает иначе. И потому, о Дурьйодхана, что хотя мы и сражались из крайних наших сил, а правитель Синдху всё же был убит, о царь, *судьба тут представляется наивысшей*. Меж тем как вместе с тобою мы все прилагаем крайнее старание на поле брани, судьба, однако, расстраивая наши мужественные усилия, обходит нас! И при этом мы всегда старались (действовать против Пандавов) обманом и отвагой! Всякое дело, которое, что бы ни делал человек, обиженный судьбой, – оно всякий раз, будучи исполнено, расстраивается у него судьбою. То, однако, *что должно быть сделано человеком добродетельным, проявляющим упорство, то должно быть сделано без колебаний*» (курсив наш – А. И.). «Успех же зависит от судьбы!»

(18-27): «Посредством обмана Партхи были крайне унижены, а также и применением яда, о потомок Бхараты! Были они также сожжены в смоляном доме, были они побеждены и в игре в кости. И... они были затем изгнаны в леса. И всё это, что было совершено тобою с применением усилий, опрокинуто судьбою! Сражайся с предельным усилием, избрав смерть вместо отступления! Меж тем как ты и они прилагаете крайние старания, даже *судьба может благоприятствовать одной из сторон (превосходящей другую)*. Никогда не замечалось у Пандавов, чтобы (какое-нибудь) благое дело было предпринято, благодаря рассудительному уму» (иными словами, их достижения не являются их заслугой, просто судьба к ним благосклонна – А. И.). «Ни также у тебя, о герой, (мы не наблюдаем) что-либо дурное, сделанное из-за отсутствия ума» (то есть Дурьйодхана делает подлости не-

вольно, так уж получается по велению судьбы – А. И.). *«Судьба является мерилом всего, что сделано благого или иного! Ибо судьба, неизменно устремлённая к своей собственной цели»* (курсив наш – А. И.), «бодрствует, когда все ещё спят!.. Их» (Пандавов – А. И.) «небольшими силами вы, более многочисленные... приведены в состояние истощения... Я опасюсь, что это дело судьбы, которою расстроены наши мужественные усилия!»

Сформулируем основные положения монолога Карны, выделенные нами курсивом. Во-первых, судьба, очевидно, всеильна. Во-вторых, герой, невзирая на противодействие судьбы, должен выполнять свой долг. Далее следует очень интересная мысль, которую мы не встречали ранее: «судьба может благоприятствовать» стороне, «превосходящей другую». Возможно, это значит, что, проявляя беззаветную храбрость или неиссякаемое усердие, можно добиться благосклонности судьбы и изменить предначертанный ход событий? Мы убеждаемся в правильности нашей догадки, когда сын Дроны Ашваттхаман излагает эту же концепцию более подробно (*Мбх VIII, 6*): «Страстность, использование удобного случая, ловкость и житейская мудрость – вот средства достижения выгоды, возвешённые мудрыми; (успех применения) каждого из них зависит (однако) от Судьбы. ..Богоравные великоколесничные бойцы из нашего стана... пали (в бою). Но ни в коем случае не должны мы терять надежду на победу; ведь если эти средства использовать в жизни надлежащим образом, то *можно сделать Судьбу благосклонной к себе!*» (курсив наш – А. И.). Наконец, есть и ещё одна возможность. Вместо того, чтобы *склонять* судьбу на свою сторону, её можно *преодолеть*, и слова верховного божества индуизма Брахмы объясняют, кто и какой ценой может этого добиться (*Мбх VIII, 63*): «Благодаря своему духовному величию он» (Арджуна – А. И.) «способен преступить начертанное судьбою, пойти ей наперекор, а такое нарушение неминуемо повлечёт за собой гибель всех миров!» Итак, риши, обладающий огромной духовной мощью, в состоянии вмешаться в ход божественного сценария, но такая отмена «начертанного судьбою» может быть достигнута только ценой потрясения космического масштаба.

Но вернёмся к монологу Карны. Здесь мы находим развитие мысли Кришны о том, что результаты деяний могут не соответствовать субъективным целям деятелей, причём могут оказаться как благими, так и дурными, в зависимости от предначертаний судьбы. Более того, судьба выступает как самодовлеющая сила, у которой есть цель, и, очевидно, представляет собой разработанный богами сценарий. Пример «способа» вмешательства судьбы, стремящейся к своей цели наперекор действиям героев, мы узнаём из разговора царя со своим сугой и информатором Санджаей. Раздражённый Дхритараштра спрашивает, как получилось, что магическое копьё Амогха, вместо того, чтобы поразить Арджуну или Кришну, было «потрачено» на раکشаса Гхатоткачу. Санджая объясняет (*Мбх VII, 158, 4-9*), что

каждую ночь на военном совете Кауравов принималось решение, что на рассвете Карна применит копье Амогха против Арджуны или Кришны. «Но когда наступало время рассвета, о царь, в силу велений судьбы, Карной и другими воинами то решение забывалось всё снова... И действительно, хотя дротик тот... находился в его руках, Карна, из-за того, что рассудок его был тронут самою судьбою, и к тому же сбитый с толку иллюзией богов, не выпустил поэтому тот дротик Васавы» (Индры – А. И.) «ни в Кришну... и ни в Партху». Вьяса также подтверждает, что «благодаря счастливой» (разумеется, для Пандавов – А. И.) «судьбе, ракшас убит в бою сыном суты», тогда как Арджуна «здравствует». Подчёркивая, что это произошло по божественному плану, Вьяса уточняет (*Мбх VII, 158*): «В самом деле, Гхатоткача убит самой Смертью, обратившей дротик Васавы лишь в орудие».

Итак, судьба всеильна, а указанные возможности для героя изменить свою долю, склонив судьбу на свою сторону, либо преодолев её, выглядят чисто теоретическими. Означает ли это, что изменить свою судьбу Карна не может? Присмотримся поближе к сцене явления Сурьи Карне во сне. Уговаривая сына не отдавать Индре серёг и панцыря, бог Солнца подчёркивает (*Мбх III, 285, 8*): «Во всём этом есть некий высший смысл, предопределённый богами. Поэтому, не колеблясь, последуй тому, что я говорю». Что именно предопределено богами, догадаться нетрудно. Речь идёт о предназначении Карны сеять раздор между Пандавами и Кауравами. Но если Карна последует совету отца, то сеяние раздора потеряет смысл: Карна сохранит неуязвимость, обрекая Пандавов на поражение, и план богов провалится. Тогда совет Сурьи имеет единственное толкование: Сурья противится судьбе, желая спасти сына. Коль скоро «предназначенное богами» реализуется только посредством деятельности людей, судьба Карны может быть изменена им самим. Достаточно герою повести себя вопреки плану небожителей, и небесный сценарий будет нарушен. Действия Карны являются настолько важной частью божественного замысла, что без участия Карны он неосуществим. Кроме того, наиболее важные действия Карны небесным сценаристам планировать несложно: поведение человека чести во многих ситуациях предсказуемо, так как определяется не менющейся конъюнктурой, а твёрдыми моральными устоями. Боги не пророчились – Карна остался верен своему обету, *сам выбрав свою судьбу*.

11. Доля Карны II. «В чём состоит благо вселенной»

Оказывается, божественный сценарий, то есть судьбу, могут корректировать не только герои. Непосредственно перед финальной схваткой Карны и Арджуны боги обращаются к Брахме (*Мбх VIII, 63*): «Не допусти, чтобы весь мир погиб вместе с Карной и Арджуной! Повели так, о Самосуший: пусть эти двое поделят побе-

ду поровну!» Очевидно, верховное божество может по своей воле изменить исход центрального поединка битвы, а значит, и исход самой битвы. Брахма решает отдать победу Арджуне, как и предполагалось ранее (вспомним предсказание Ямы о гибели Карны от руки Арджуны), а Карну поощрить другим способом (к этому мы ещё вернёмся). Для нас чрезвычайно важна аргументация верховного бога: Брахма ни словом не обмолвился о том, что Арджуна более достоин победы, чем Карна! Выбор Самосущего продиктован более прагматическими соображениями. Брахма напоминает собеседникам, что Арджуна и Кришна – «это два древних величайших мудреца, Нара и Нараяна, никому не подвластные», «творцы всего сущего и несущего». Отдать победу Карне – значит привести их в ярость, и тогда все миры будут уничтожены. Итак, ни о какой справедливости при определении или пересмотре судьбы Карны речи не идёт. Встретив подобную ситуацию в любом другом эпосе, мы не усмотрели бы в ней ничего примечательного: доля эпического героя, как известно, определяется ещё при рождении, если не в момент зачатия, и никак не связана с его заслугами и деяниями (вспомним того же Гомера). Налёт странности, отсутствие «справедливого» определения доли приобретает именно в контексте Мбх с её эксплицитной этической направленностью и акцентом на воздаяние по заслугам. Ведь недаром же бог закона и справедливости Дхарма является такой важной фигурой индуистского пантеона, в том числе, в Мбх. Конечно, есть и у греков богиня правды Дика, но в Ил она, кажется, не фигурирует вовсе, в Од символизирует социальные институты, и в качестве этической категории появляется только у озбоченного социальной справедливостью Гесиода (вспомним его «царей-дароядцев»). Говоря о справедливости, уместно будет напомнить, что с самого начала вся божественная затея по стравливанию Пандавов и Кауравов тоже имела сугубо прагматическую цель – развязать войну и истребить ставших слишком многочисленными кшатриев и воплотившихся в них данавов. Ни малейшего намёка на вину истребляемых людей, хотя бы анекдотическую, как в вавилонской мифологической поэме об Атрахасисе, где верховный бог Энлиль посылает на людей чуму, устав от их постоянного галдежа:

«Энлиль слышит людской гомон,

Богам великим молвит слово:

"Шум человека меня донимает" ...

Они приказали – чума напала.

Владыка Намтар уменьшил их гомон» [«Когда боги, подобно людям...»

Табл. I, 356-358, 362 (13-14);

цит. по: «Когда Ану сотворил небо», с. 69].

Интересную параллель возможному пересмотру судьбы героев Брахмой в Мбх мы находим в Ил. Как кажется, и у Гомера доля героев может быть изменена

Олимпийцами. Во всяком случае, во время поединка Ахилла с Гектором Зевс, благоволящий благочестивому троянскому принцу, говорит:

«Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
Гектора мы сохраним ли от смерти или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа»

(Ил XXII, 174-176).

Наше предположение о возможности вмешательства богов в предначертание судьбы подтверждается словами встревоженной Афины, всегда выступающей против троянцев (вспомним, что Парис присудил пресловутое яблоко не ей, а Афродите):

«Зевсу немедля рекла светлоокая дева Паллада:
"Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
Смертного мужа, издревле судьбе обречённого общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?
Волю твори, но не все на неё согласимся мы, боги!"»

(Ил XXII, 177-181).

Из этого отрывка мы узнаём следующее. Во-первых, доля смертного действительно определена заранее, и то, о чём говорит здесь Зевс, есть не определение доли *ab ovo*, а пересмотр уже существующей, причём, загодя известной отцу богов:

«Гектора, мстящий за друга, сразит Ахиллес знаменитый»

(Ил XV, 68).

Во-вторых, судя по волнению Афины, Зевс действительно в силах изменить долю смертного. В-третьих, на это «отцу богов», кажется, нужна формальная или неформальная (чтобы избежать ссоры?) санкция его коллег. Действительно, далее мы видим, что именно из желания избежать ссоры с властолюбивой дочерью, громовержец идёт на попятную:

«Не с намерением в сердце
Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю.
Волю твори и желание сердца немедля исполни»

(Ил XXII, 183-185).

Похоже, Зевс оправдывается, что ещё не решил спасти Гектора, а только хотел посоветоваться и теперь предоставляет Афине свободу действий. Кстати, заявление Зевса о желании быть милостивым указывает на то, что формально он может изменить долю Гектора единолично – полное сходство с аналогичной прерогативой Брахмы. Получив *carte blanche*, Афина намерена следовать предначертаниям судьбы, а какова доля героев, мы узнаём с помощью Зевса:

«Зевс распростёр, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой – Приамова сына.

Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал»

(Ил XXII, 209-213).

Итак, способы коррекции судьбы в Мбх и в Ил сходны, и результат для Карны и Гектора идентичен. В Ил боги выступают заодно с судьбой, чтобы обеспечить победу Ахилла (гибель Гектора – неизбежный побочный результат), тогда как в Мбх и боги, и судьба ополчились против Карны ради победы фаворита Арджуны. Но если выбор Зевса выглядит случайным (сделан им под давлением двух бойких дам – жены и дочери, люто ненавидящих Троию), то в Мбх ситуация гораздо серьёзнее. Дай боги Карне победить Арджуну, и цель небожителей по уничтожению Кауравов и воплотившихся в них асуров не была бы достигнута. При таком положении дел герою остаётся следовать долгу, бесстрастно взирая на результаты своих действий. «Поскольку (от одной судьбы зависит), достигают люди своей цели или нет, мудрый человек никогда не терзается, если обретает что-то или потерпит неудачу» (*Мбх VIII, 1, 48*).

Что Карна знает о собственной доле? Решение Брахмы об исходе поединка с Арджуной ему, естественно, неизвестно, да и принято оно будет перед самой схваткой. Всё же, кое о чём Карна может догадываться. Помимо известных ему происков Индры, над Карной тяготеют два проклятия, и касаются они непосредственно хода поединка. Однажды Карна по неосторожности подстрелил телёнка, чем разгневал его владельца-брахмана. «Когда ты будешь сражаться, тебя средь битвы охватит страх и колесо твоё увязнет в углублении колеи!» – предрёк брахман» (*Мбх VIII, 29*). Несмотря на предложение богатых даров и мольбы о прощении, брахман был неумолим: «Как я предсказал, о суга, так тому и быть, а не иначе... Сказанное мной ничто в этом мире не сделает ложным. Смиренно прими (наказание)!» Кажется, Карна не слишком серьёзно относился к этому проклятию, и даже не вспоминает о нём вплоть до самой схватки с Арджуной. Вот что он рассказывает о ещё одном проклятии, тяготеющем над ним, и к которому он также относится довольно легкомысленно (*Мбх V, 61*): «Некогда я получил от Рамы оружие Брахмы, дав ему ложное объяснение» (Карна выдал себя за брахмана – А. И.). «Догадавшись о том (моём притворстве), он мне так сказал: "Когда наступит твой последний час, оно не придёт тебе на память"».

Любому непредвзятому человеку смысла пророчества совершенно ясен, но Карна снова и снова демонстрирует могущество заблуждения, насланного на него необоримой судьбой: «Даже за такой мой тяжкий проступок я был так легко наказан великим мудрецом... Я умилился его сердце послушанием и собственным мужеством. И то оружие ещё при мне. И мой жизненный срок ещё не истёк. Поэтому я способен вполне (выиграть победу)». Скоро мы увидим, что Карна ошибается: проклятия безымянного брахмана и Рамы не утратили силы.

Следует отметить, что сам Карна, видимо, не в состоянии объективно оценить степень опасности и прогнозировать исход битвы. Вместо этого он совершенно по-человечески колеблется между хвастливой самоуверенностью и внезапно возникающим беспокойством. Карна решительно успокаивает своего отца Сурью, хотя его бравада может быть и наигранной (*Мбх III, 286*): «Пусть покинет душу твою тревога, рождённая беспокойством за меня из-за Араджуны: я одолею его в сражении! Тебе, о бог, тоже известна великая мощь моего оружия, полученного от сына Джамадагни» (то есть от Рамы: Карна игнорирует его проклятие – А. И.) «и славного Дроны». С Индрой Карна то ли более откровенен, то ли просто вынужден как-то мотивировать просьбу о волшебном копье (*Мбх III, 294, 26*): «Мне и нужно покарать в суровом бою лишь одного моего грозного недруга, чей клич подобен грому, – *он вселяет в меня ужас!*» (курсив наш – А. И.). В разговоре с Кунти, как нам кажется, Карна раскрывает своё истинное представление о возможном исходе схватки с Араджуной: у каждого из них, по его мнению, есть шанс победить, то есть результат не предрешён.

До начала битвы Карна рассказывает Кришне о многочисленных зловещих предзнаменованиях и о своих вещих снах, которые он интерпретирует, как кажется, совершенно определённым образом (*Мбх V, 141*): «(Это значит, что) в самом скором времени мы» (Бхишма, Дрона, Дурьйодхана и сам Карна – А. И.) «попадём в обиталище Ямы». Но сразу после упоминания бога Смерти следует новая смена настроения, и Карна неожиданно добавляет: «Если мы, о могучерукий, выйдем из этой великой битвы, сулящей быть гибельной и истребительной для героев, живыми и невредимыми, то, быть может, о Кришна, увидимся с тобой снова!»

Подводя итоги, мы можем сделать следующие замечания. Создается впечатление, что Карна в значительной степени игнорирует тревожные признаки, проклятия, вещие сны и неблагоприятные предзнаменования. Во всяком случае, у него нет постоянного и твёрдого предчувствия, что он обречён. Очевидно, главным для Карны является то, что, даже не зная приговора судьбы (но помня о её всемогущности), он будет в любом случае выполнять свой долг. И, наконец, сознательно выбирая свой путь, в том числе и наперекор судьбе, Карна *готов нести ответственность за свой выбор*. Это очень важное обстоятельство, и оно будет подробно рассмотрено нами ниже (см. раздел 25).

12. «Я складываю своё оружие!»

Как мы видели, незадолго до битвы на Курукшетре оскорблённый Бхишмой Карна отказывается сражаться, пока Бхишма жив. Параллель со ссорой между

Ахиллом и Агамемноном (Ил) очевидна, но положение Карны более драматично. После девяти с лишним лет войны с Троей (историческая «Троя Гомера» сожжена, по данным археологии, в конце XIII в. до н. э.), не говоря уже о предыдущих подвигах в войне с Фивами (фиванская крепость Кадмея пала ок. 1250-1240 гг. до н. э., то есть, действительно, при жизни того же поколения, что позже воевало под Троей), доблесть и силу Ахилла никто не ставит под сомнение, ссора происходит «только» из-за дележа добычи. Разумеется, доля и качество добычи в героический век отражали статус воина, но вряд ли потеря одной пленницы, пусть и самой привлекательной, серьёзно подрывала репутацию Ахилла как величайшего ахейского героя (скорее, выставляла Агамемнона в непривлекательном свете). Карна же сложил оружие, когда великая битва ещё не началась, и этим дал повод недоброжелателям поставить под сомнение свою доблесть. Сразу после ухода оскорблённого Карны из зала собрания, «Бхишма ...громко смеясь, промолвил: «Сын сугы дал ведь торжественное обещание: "...Я всегда буду уничтожать тысячами и десятками тысяч вражеских воинов". Как он сможет выполнить такой свой зарок?» (Мбх V, 61).

Положение Карны тем трагичнее, что воинские доблесть и честь – это не просто самое главное в жизни героя, это *единственное*, что определяет статус вождя, выделяя его из массы простолюдинов. Вот как Сарпедон у Гомера напоминает об этом Главку:

«Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
Местом почётным и брашном и полной на пирушке чашей
В царстве ликийском и смотря на нас, как на жителей неба?
...Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться»

(Ил XII, 310-316).

Аналогично, освобождение Чернигова от вражеской осады происходит только благодаря доблести Ильи Муромца: черниговцы готовы умереть за родной город, но неспособны организовать сопротивление врагу без лидера, и в награду хотят сделать Илью воеводой. Если наградой герою за его доблесть является привилегированное положение в обществе, то трусость, по словам Посейдона, для вождя, в отличие от простого («подлого») ратника, непереносимый позор:

«Стыд, о ахяне! вы забываете бранную доблесть,
Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы
Гнева на ратника тратить, который бросает сраженье,
Будучи подл, но на вас справедливо душа негодует!»

(Ил XIII, 116-119).

Разумеется, такова же точка зрения индийского эпоса (Мбх, VII, 30): «...Теснимый стрелами Арджуны и охваченный страхом, Шакуни пустился в бегство на

быстрых конях, *словно жалкий простолодин*» (курсив наш – А.И.). Таким образом, внешне сходные действия двух героев приводят к противоположным результатам. Карна, отказавшись сражаться, ставит под сомнение свою честь и, тем самым, своё социальное положение, которое и без того вызывает массу вопросов. Ахилл же, сложив оружие, наоборот, эффективно защищает свою честь и статус вождя.

Здесь уместно отметить разницу в положении оппонентов наших героев. Притеснитель Ахилла – самый могущественный из царей и предводитель всего ахейского войска. Напротив, оскорбивший Карну Бхишма не только не обладает верховной властью (это прерогатива Дхритараштры, а на войне – Дурьйодханы), он, строго говоря, вообще не царь, – однажды отказавшись от власти в пользу сводного брата, Бхишма был только регентом в периоды междуцарствия и малолетства царевичей. Итак, реальной власти у Бхишмы нет. Нет у него и полной независимости действий и суждений: «...Наделённый Дурьйодханой царским величием, он послушен его воле», – говорит о старце Арджуна (*Мбх IV, 50*). На словах все признают высокий авторитет «деда Кауравов», и это, а также положение старейшего в роду, сближает его не с Агамемноном, а со словоохотливым Нестором, старейшим из ахейских вождей [очевидно, это особая «ниша» в кругу придворных героев, аналог при дворе Карла «Песни о Роланде» (далее – ПР) – мудрый престарелый герцог Немон]. Тем не менее, несмотря на внешнее почтение к «деду», в наиболее острых конфликтных ситуациях (игра в кости, набег на матсьев, переговоры о возвращении Пандавам их доли царства) с советами Бхишмы не считаются, как это иногда происходит и с Нестором – вспомним его бесплодные попытки погасить ссору Агамемнона и Ахилла в собрании вождей.

В результате Ахилл и Карна поставлены в заметно различающиеся условия. Ахилл просто не имеет возможности игнорировать нападки предводителя ахейцев – тот присылает своих клеветников в мирмидонский лагерь, чтобы увести пленянку Ахилла силой. Но как объяснить преувеличенно резкую реакцию Карны на замечания не имеющего власти Бхишмы? В конце концов, от этих замечаний все, включая самого Карну, привыкли отмахиваться, а то и отвечать старцу дерзостями. Вероятно, неадекватность реакции Карны говорит о его внутреннем состоянии – растущем чувстве раздражения и недооценённости, вызванном травлей со стороны соратников, ради которых он перед самой битвой пожертвует вновь обретенной семьёй и царским титулом. Эмоциональный взрыв Карны в собрании – яркое проявление противоречий, которые копились задолго до этого столкновения с Бхишмой, и продолжали копиться после. Разумеется, о жертвах Карны Кауравы ничего не узнают из-за секретности его переговоров с Кришной, но это должно только усиливать его досаду. Кроме того, раздражение и обида Карны могут ещё усугубляться тем, что никто, включая Дурьйодхану, не предпринимает

серьёзных попыток уговорить его помириться с Бхишмой и взяться за оружие, как будто его участием в битве не слишком дорожат. Это пренебрежение «своих» кажется особенно вопиющим по сравнению с усиленным вниманием к Карне со стороны Кришны, пыгающимся переманить его на сторону Пандавов.

Принципиальность Карны в этой ситуации на первый взгляд сродни поведению Ильи Муромца, просидевшего долгие годы замурованным в погребу у князя Владимира. Спасённому от мучительной смерти, вопреки воле князя, старому богатырю оказывает почести татарский Калин-царь, уговаривая его перейти на свою сторону. Илья с гневом отказывается, но его решение совершенно естественно: оно продиктовано патриотизмом и невозможностью христианскому воителю перейти к «поганым». Внешне сходное решение Карны свидетельствует о более высоких этических стандартах, так как в его случае о предательстве «родных» этнической или конфессиональной групп речи не идёт. Преданность Карны неблагоприятным Кауравам тем более впечатляет, что в значительной степени на доблести Карны строились расчёты Дурьйодханы на победу, то есть Карна нужен Кауравам больше, чем они ему. Какой контраст с положением Ахилла, к которому Агамемнон отправляет посольство из величайших вождей (среди них – Одиссей, кузен Ахилла Аякс Теламонид) с просьбой вернуться в строй, возвращает Брисеиду и дарит впридачу семь молодых лесбийских пленниц, двенадцать коней и десять талантов (четверть тонны) золота!

Продолжим сравнение. Ахилла, спрятанного под видом девушки у царя Ликодеда на Скиросе, в своё время с помощью трюка выманили в поход на Троию, для чего понадобилось всё хитроумие Одиссея. Теперь оскорблённый герой имеет моральное право и действительно может в любой момент покинуть лагерь ахейцев: единственная причина его присутствия на берегах Скамандра – это жажда воинской славы, а недостатка военных конфликтов в героический век нет. Карна, напротив, такой возможности лишён. Во-первых, он сам был главным идеологом вражды и вдохновителем битвы; во-вторых, Карна – основная опора Кауравов на поле боя. Оба эти тезиса кратко и чётко формулирует сута и confident царя Дхритараштры Санджая (*Мбх VIII, 4*): «В Карне воплощалась вся надежда сынов Дхритараштры на победу, именно от него пошла вражда». В этой ситуации ретирада Карны воспринималась бы как предательство, и прежде всего им самим. Видимо, поэтому Карна принимает половинчатое решение – он не отказывается сражаться вовсе, но не возьмёт оружия в руки только пока жив его обидчик, главнокомандующий армии Кауравов. Эта половинчатость отличает Карну от цельных и размашистых эпических героев, будь то Ахилл в ссоре с Агамемноном или Илья Муромец в ссоре с Владимиром Красное Солнышко. «Настоящие» эпические герои и богам не страшатся противостоять. В качестве примеров можно напомнить

гневную отповедь Гильгамеша домогающейся его богине Иштар (*ОВВ, табл. VI*), или схватку Диомеда с самим богом войны Аресом:

«И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьём...»

(*Ил V, 855-856*).

Подобная безоглядность поведения восхваляется эпосом и рассчитана на восхищение аудитории. О.А. Смирницкая в статье «Поэтическое искусство англосаксов» указывает, что «слово *ofermod* (буквально – «избыточный дух») служит высшей похвалой такому герою, как Беовульф» («*Древнеанглийская поэзия*», 1982, с. 216). Важнейшей характеристикой безрассудно храброго Роланда ПР является «*demesure*» («безмерность»), которая и приведёт к гибели героя и его отряда. Недаром в эпосе Ариосто заглавный герой фигурирует как «Неистовый Роланд» («*Orlando Furioso*»). Безрассудное поведение Гуннара, бросающего вызов судьбе (СЭ, «Песнь об Атли») – также свидетельство «высокого духа» (*hugr*) (А.Я. Гуревич «*Эдда и сага*»).

Половинчатые решения, напротив, не просто несвойственны эпическому герою, они совершенно недопустимы, в противном случае героя ждёт расплата. Редкий и поучительный пример подобной ситуации можно найти в русской былине о сватовстве Дуная. Богатырь Дунай, не решаясь перейти на службу к королю «хороброй Литвы» (что было бы прямой изменой Киевскому князю), привозит в Киев и берёт в жёны его дочь, литовскую королевичну Настасью, а это для киевского богатыря также недопустимо (В.Я. Прот, 2006, с. 155). Вопиющий, с точки зрения этики русского героического эпоса, характер этого компромисса (невеста «поганого роду!») подчёркивается неизбежностью трагической развязки – Дунай убивает жёну и кончает жизнь самоубийством («*Добрыня Никитич и Алёша Попович*», 1971, сюжеты NN 18, 19).

Вернёмся к Карне. Непоследовательность Карны в демонстрации своей обиды выражается и в том, что он отказывается только от участия в сражениях, но не в собраниях царей (*Мбх V, 61*): «Никогда больше дед не увидит меня на поле битвы, а только (встретит) в собрании». Сравним это решение Карны с более логичным поведением Ахилла:

«Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел, но душою алкал он и боя, и брани»

(*Ил I, 490-492*).

Итак, по логике героических сказаний, в данном случае отражающих реалии «героического века», не только битвы, но и присутствие на советах украшает героев славой. Остаётся предположить, что суетному Карне трудно отказаться сразу от всех привилегий знатного кшатрия, к которым он так мучительно стремился всю

жизнь. Из-за этой половинчатости решений, имеющей своими источниками, с одной стороны, озлобление, и с другой, – нерешительность, раздражённый и явно рефлектирующий Карна скорее напоминает не эпического вождя, а одолеваемого комплексами «подпольного человека» Достоевского.

Ещё одно важное отличие двух героев состоит в том, что Ахилл обижен Агамемноном совершенно незаслуженно, и даже сам распоясавшийся предводитель ахейцев не пытается оправдать свой произвол какой-либо провинностью Ахилла – он отнимает добычу просто по праву сильного, а после сваливает всё на богов, временно помутивших ему разум, в особенности, на Ату, богиню заблуждения и помрачения ума (*Ил XIX, 78-114*). Нападки же Бхишмы на Карну сосредоточены на вопросах этики и по существу справедливы: Карна действительно главный подстрекатель Кауравов и один из зачинщиков войны. Конечно, с точки зрения Карны, ситуация выглядит по-другому. То, что Бхишма квалифицирует как интриги против Пандавов, для Карны – выполнение его долга перед Дурьйодханой (*см. раздел 14*). Бхишма позволяет себе и личные выпады, изображая Карну трусом и хвастуном. Всё это усугубляет бессильное раздражение Карны. На постоянном фоне этих нападок непосредственной причиной ссоры стало обращённое к Дурьйодхане самовыдвижение Карны на пост главнокомандующего (*Мбх V, 61, 6*): «Пусть дед наш, и Дрона, и все главенствующие цари состоят при тебе. Выступив с войском... я уничтожу Партхов. Пусть же это бремя ляжет на меня!» Дурьйодхана многозначительно промолчал, а Бхишма поставил Карну на место. Так, в дополнение к укорам, на которые нечего возразить, Карна претерпел унижение, и не от сюзерена, а от победоносного конкурента за пост главнокомандующего. Беда не оставалась только хлопнуть дверью.

Теперь отметим важнейшее сходство двух героев: и для Карны, и для Ахилла война станет роковой. Многочисленные обстоятельства, создающие впечатление обречённости Карны, подробно рассмотрены нами ранее. Остаётся добавить, что и Ахилл получает свою долю мрачных предсказаний, причём, слышит их даже от своей матери, богини Фетиды:

«Краток твой век, и предел его близок!

Ныне ты вместе – и всех кратковечней, и всех злополучней»

(*Ил I, 416-417*).

Кроме того, и неотвратимость приговора судьбы для обоих героев подчёркивается тем, что даже их божественные родители (Сурья и Фетида, соответственно) не могут ничего изменить, хотя и пытаются. Но как разительно отличается отношение Карны и Ахилла к предсказанной им доле! Ахилл принимает пророчества о своей неизбежной и скорой гибели со стоицизмом (пусть несколько мрачным), как и положено эпическому герою. Карна же, за исключением редких моментов

«прозрения» (например, беседа с Кришной), проклятия и дурные предзнаменования просто игнорирует и ведёт себя так, как будто о своей доле не осведомлён.

Подчёркнём, что «злополучие» двух героев выглядит по-разному. Для Ахилла неодолимая судьба никак не меняет качества его жизни, просто укорачивает её. При этом, в главном для себя и для окружающих – добиться славы величайшего героя – Ахилл полностью себя реализовал. Совсем по-другому судьба распорядилась Карной. Дело не в безвременной гибели: по меркам своего века Карна не так уж и молод, у него есть способные сражаться сыновья, и даже появились внуки. Проблема в обстоятельствах его жизни. Для Карны тоже самое главное – воинская слава. Но из-за того, что от Карны отреклась мать и он был лишён обряда посвящения в кшатрии, его социальный статус остаётся под вопросом. Не следует думать, что эта проблема стояла остро только в юности Карны. Непосредственно перед финальной схваткой с Араджуной (пик воинской карьеры и последний день земной жизни Карны!), когда Дурьйодхана предлагает Шалье стать возницей Карны, Карна слышит издевательское заявление царя мадров: как он, царь, может быть возницей у сына возницы! Возмущению Шальи, «забывшего» о договорённости с Юдхиштхирой, нет предела (*Мбх VIII, 23*): «Зная, что я... могу сам совладать с врагами, зачем же ты ставишь меня возницей к ничтожному сыну Адхиратхи? Ты не должен, о Индра царей, впрягать меня в это позорное ярмо; будучи выше его, я не снесу подчинения этому недостойному! ...Назначение сут – служить брахманам и кшатриям... Меня, чья глава помазана, ...прославленного великоколесничного бойца, кому должны служить и возносить хвалу певцы» (т. е. суты – А. И.), «...ты не должен назначать возничим к сыну суты! Претерпев такое оскорбление, я ни за что не стану сражаться!»

А ведь это только часть несправедливостей и унижений, уготованных Карне судьбой. Может быть, в юности Карна сделал неправильный выбор? И позже, уже зная тайну своего рождения, Карна опять упустил возможность оказаться на стороне «правых» Пандавов. Для Ахилла, как для эпического героя, во всех ситуациях есть единственное правильное решение. Иногда для принятия такого решения требуются размышления самого героя или подсказка богов, но, когда решение достигнуто, не остаётся места для колебаний и сожалений. В то же время, над всей жизнью Карны тяготеет проблема выбора, характерная скорее для аттической трагедии, чем для героического эпоса.

Отметим также, что «злополучие» Ахилла не препятствует его победе в главной схватке Троянской войны: им повержен самый прославленный из троянских вождей, старший сын царя Приама Гектор. Карна же и в этом отношении «злополучнее» Ахилла – поражение и гибель Карны в главном поединке его жизни (и центральном поединке на Курукшетре) предопределены судьбой и утверждены советом богов. Более того, и на поле боя всё оборачивается против Карны, тогда

как Ахиллу помогает в схватке сама Афина. Таким образом, Карна напоминает скорее не Ахилла, а несправедливо обойдённого судьбой доблестного и благочестивого Гектора.

Подводя итог сравнению Ахилла с Карной, можно сделать следующие замечания. Очевидное внешнее сходство ситуации только подчёркивает принципиальное отличие двух героев. Ахилл, как типичный гомеровский вождь, по точному выражению В.Н. Ярхо, «неподотчётен». Действительно, Агамемнон Ахилла не поучает, а экспроприирует. Карна, напротив, чрезвычайно уязвим для критики и постоянно этой критике подвергается как в силу субъективных особенностей своего социального статуса, так и из-за общей этико-дидактической ориентированности коллизии. А ведь акцентирование этических вопросов характерно как раз для трагического героя. Далее, «образ Ахилла дан у Гомера эпически, т. е. внешне, внелично, поскольку *всё существенное вкладывается в Ахилла только богами и судьбой*, а сам он в основном только *осознаёт своё предопределение*» (А.Ф. Лосев 2006, с. 285) (курсив наш – А. И.). Два важных обстоятельства, отмеченных курсивом в характеристике эпического вождя по А.Ф. Лосеву, составляют принципиальное отличие Ахилла от Карны. Для Карны богам и судьбе удаётся определить только внешние обстоятельства жизни, тогда как его устремления, мысли и поведение диктуются собственным выбором, а не подсказками Сурьи или Кришны. А вот своего предопределения Карна как раз не осознаёт. В результате сходное сюжетное построение лишь оттеняет разницу между эпическим вождём Ахиллом и «наполовину» трагическим героем Карной.

13. Между Ахиллом и Хагеном

Сравнение Карны с Ахиллом подсказано типологическим сходством, ограниченным в основном одним сюжетным мотивом. И если ссора Ахилла с предводителем ахейцев является сюжетообразующей для Ил, действие которой Гомер ограничивает пятьюдесятью днями (причём, собственно длительность ссоры, когда обиженный Ахилл сидит в шатре, составляет примерно двадцать дней, то есть занимает 40% времени поэмы!), то очередная перепалка Карны с Бхишмой – только одна из длинного ряда мелких коллизий огромного эпоса, охватывающего десятилетия. В связи с этим нам представляется интересным сравнить Карну с эпическим героем, не просто оказавшимся во внешне сходной ситуации, но также занимающим сходное положение и выполняющим сходную роль. Таким героем, на наш взгляд, является Хаген в «Песни о Нибелунгах».

Как и в Мбх, основа сюжета ПН – вражда двух групп родственников. Одна сторона это три брата-короля Бургундии: Гунтер (исторический прообраз – ко-

роль бургундов Гундахарий, убит гуннами в 437 г.), Гернот и Гизельхер, и жена Гунтера Брюнхильда. Другая сторона представлена сестрой бургундских королей Кримхильдой и её мужем Зигфридом Нидерландским. Могучий и доблестный Хаген из Тронье – первый вассал бургундских королей и, следовательно, Кримхильды, пока она не становится женой Зигфрида и королевой Нидерландов. Как и в случае с Карной, в основе ненависти Хагена к Зигфриду лежит соперничество (оба выступали как вассалы Гунтера во время его сватовства к Брюнхильде). Отметим, кстати, что сватовство к Брюнхильде напоминает сваямвару Драупади общим фольклорным мотивом брачных испытаний. Успеха добивается «замаскированный» плащом-невидимкой Зигфрид (соответствие скрытому под личиной брахмана Араджуне), выступающий за Гунтера.

Помимо зависти и соперничества, сходство коллизий Карна-Араджуна и Хаген-Зигфрид усугубляется тем, что позже Хагену нанесена обида, пусть и невольно: после свадьбы Кримхильда предлагает верному Хагену последовать за ней в Нидерланды, то есть стать вассалом Зигфрида. Хаген оскорблён и затаил ненависть к Кримхильде и Зигфриду, хотя обижаться ему следовало бы на короля Гунтера, который готов его «уступить». Хаген начинает действовать только через девять с лишним лет: как и в Мбх, интрига в ПН растянута на многие годы. Конфликт, возникший было в результате ссоры Кримхильды с Брюнхильдой во время визита нидерландской четы в Вормс, улажен Зигфридом и Гунтером – мужьями сварливых королей (соответствие мирным переговорам «Удьяогарпвы»). Но Хаген раздувает ссору вновь и, с трудом склонив Гунтера на подлую интригу, заманивает Зигфрида в ловушку (которую сам тщательно спланировал и организовал) и убивает его.

Важнейшей причиной вражды Брюнхильды к Зигфриду является то, что он, неузнанный, провёл с девицей-богатыршей ночь, после этого передав «укрошённую» новобрачную её мужу Гунтеру. И именно к защите чести королевы апеллирует Хаген, разжигая подозрения и ревность Гунтера к Зигфриду. Аналогично, роковую роль в ссоре Пандавов с Кауравами сыграло оскорбление Драупади, к которому Карна имел непосредственное отношение. И так, и Хаген, и Карна используют мощный рычаг оскорблённой женской чести для эскалации конфликта (хотя один является защитником разгневанной монархини, а другой – оскорбителем). В обоих случаях в композиции присутствует общезпический сюжет похищения жены, смягчённый, по сравнению с архаическими сказаниями, до посягательства или оскорбления. Отметим, кстати, что указанный мотив усугубляет *несходство* Карны и Ахилла. Дело в том, что эмоциональное наполнение этого важного конструктивного элемента в коллизии Ахилл-Брисеида-Агамемнон изменено по сравнению с архетипом. Ранее мы убедились, что в Мбх оскорбление Драупади, а не проигрыш Юдхиштхиры, составляет сущностное ядро конфликта, и это под-

чёркивается многократными призывами панчалийки к Пандавам *отомстить обидчикам*. Напротив, личные чувства Ахилла к Брисеиде, равно и переживания самой Брисеиды, никакой роли в конфликте Ил не играют. Напомним, что в случае Брисеиды (которая и на сцене-то не появляется) ни о романтических отношениях, ни о чести дамы речи не идёт. Даже обращаясь к матери, с которой он мог бы поделиться интимными переживаниями, если бы таковые имели место, Ахилла жалует не на разлуку с возлюбленной, а на несправедливость и имущественный ущерб:

«Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!»

(Ил I, 355-356).

Ценность пленницы для Ахилла в том, что это его доля добычи, то есть материальное подтверждение его доблести:

«Брисову дочь увели, драгоценнейший дар мне ахейя!»

(Ил I, 392).

О Брисеиде Ахилл говорит в сугубо технических терминах, как о плате за ратный труд, и объяснение его гнева ни в какой романтической подоплёке не нуждается. Вспомним ярость Аякса, лишённого доспехов павшего Ахилла: он пытается убить обидчиков (Одиссея и Агамемнона), а после неудачи убивает себя! Примечателен укор Ахилла Агамемнону по поводу несправедливого дележа:

«...Всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь...»

(Ил I, 166-168).

Вряд ли герой стал бы говорить о любимой в уничижительном тоне, как о малоценной награде. Итак, в случае Хагена и Карны конфликт замешен на оскорблении дамы и, как следствие, на *чести оскорблённых мужей*, тогда как в основе обиды Ахилла не честь мужа или любовника, но *честь воина, оскорблённого экспроприацией имущества*, подтверждающего его статус героя. Автор уверен, что Ахилла разъярился бы не меньше, если бы Агамемнон отнял у него знаменитый щит или вещего коня Ксанфа.

Вернёмся к Хагену. Так же, как и Карна, Хаген в какой-то момент из вассала, блюдущего интересы сюзерена, становится душой и движущей силой заговора. Когда через три с половиной года Кримхильда привозит в Вормс золото Нибелунгов, к ней отовсюду стекаются рыцари, и возникает возможность отомстить за убийство Зигфрида. Хаген опять оказывается во главе интриги, отнимает у неукротимой вдовы золото, и прячет его на дне Рейна. Кримхильда становится женой короля гуннов Этцеля (исторический прообраз – вождь гуннов Аттила, ум. в 453 г.), и ещё через тринадцать лет ей удаётся отомстить, заманив братьев и Хагена

к гуннам. Происшедшая в королевстве гуннов за Дунаем битва состоит из ряда кровавых сражений (бургундцы пришли в гости, по совету Хагена, с тысячным войском), и по ожесточению не уступает битве на Курукшетре.

Получив приглашение от Кримхильды, Хаген не сомневается, что это ловушка, но готов сопровождать своих господ на верную гибель. Здесь уместно вспомнить беседу Карны с Кришной: Карна предвидит поражение и гибель Кауравов, но остаётся верен Дурьодхане. При переправе через Дунай Хаген получает от двух сестёр-вешуний два предсказания. Первое обещает, что визит к Этцелею кончится благополучно (застигнутые во время купания сёстры хотели ублажить Хагена и получить назад похищенную одежду).

«Словам её был Хаген так неподдельно рад,
Что сразу отдал сёстрам волшебный их наряд.
Когда ж его надели провидицы опять,
Они решились витязю всю правду рассказать.

Воскликнула Зиглинда, вторая из сестёр:
«Сын Альдариана, Хаген, мы лгали до сих пор...

Вы едете на гибель, а не на торжество».

«Не лгите, – молвил Хаген, – вам это ни к чему.
Не может быть, чтоб пали мы все лишь потому,
Что нам одна особа мечтает навредить».

Одна из них сказала: "Назначено судьбою
Тебе лишиться жизни и всем друзьям с тобою"

(ПН, *авентюра XXV, строфы 1538-1542*).

Как это периодически происходит с Карной, Хаген, в начале путешествия сам предсказывавший беду, «вдруг» забывает свои опасения и теперь уже игнорирует даже зловещее предсказание вешуний. Объяснение, как видим из текста ПН, такое же, как и в Мбх: это «назначено судьбою».

Так же, как и в Мбх, растянутость действия ПН во времени (Хаген затаил обиду более двадцати пяти лет назад, Зигфрид им убит более шестнадцати лет назад!) и ожесточённость финальной битвы, в которой должна восторжествовать справедливость в виде праведной мести, постепенно стирают грань между «праведниками» и «злодеями». При дворе Этцеля Хаген снова «вспоминает» об опасности, но сам постоянно обостряет ситуацию, осуществляя таким образом то, что «назначено судьбою». В начавшейся битве доблесть Хагена безупречна, тогда как

Кримхильда, подобно Пандавам, пускается на хитрости и предательство: организует нападение на спящих, потом пытается сжечь храбро обороняющихся бургундцев в пиришественном зале, а в конце сражения взятым в плен с обещанием сохранить жизнь Гунтеру и Хагену Кримхильда отрубает головы. Неприглядное впечатление от действий Кримхильды усугубляется тем, что Гунтера и Хагена она убивает уже не ради мести, а в попытках вернуть клад Нибелунгов.

Итак, мы видим сходство Карны с Хагеном (ПН) и в их положении непобедимого бойца и первого витязя своего монарха, и в затаённой на годы обиде, и в роли вдохновителя и исполнителя главной интриги, перехватывающего инициативу у своего более совестливого (ПН) либо просто незадачливого (Мбх) сюзерена, и в роли доблестного воина, готового исполнить долг даже ценою собственной жизни. Далее, и Карне, и Хагену в кульминационном сражении суждена гибель, причём, оба неодолимых бойца гибнут в результате нечестной уловки противника. Наконец, Хагена сближает с Карной двусмысленное положение при дворе, объясняющее его ненависть к безусловно родовитому сопернику. По более старой версии сказания (норвежская «Сага о Тидреке»), Хаген не просто вассал бургундских королей-братьев. Он их сводный, точнее, незаконный брат, рождённый королевой-матерью от связи с альвом (сверхъестественное существо низшего разряда).

Отличия двух героев сводятся к следующему. Хаген, как настоящий эпический герой, является цельной натурой и полностью соответствует своей роли. Помимо личной отваги, он неизменно жесток и коварен, тогда как Карна последних двух качеств, видимо, полностью лишён. Жестокость Карны не простирается дальше злорадства во время игры в кости, а упрекать его в коварстве и вовсе нет оснований. Хаген же ещё до начала сражения, как бы для разминки, убивает ребёнка (сына Кримхильды и Этцеля), его воспитателя, и походя отрубает руку придворному скрипачу. В битве Хаген нападает даже на тех, кто сражаться не намерен (старый Хильдебранд, уже раненный, выносит тело своего племянника). Карна, как мы убедимся, дарит жизнь и тем, кто этого не ожидал. Перед убийством Зигфрида в лесу коварный Хаген прячет его меч и наносит ничего не подозревавшему герою, склонившемуся к ручью, удар копьём в спину – попробуем представить себе Карну нападающим сзади на безоружного и не готового к сражению противника!

Несмотря на сходство ролей, по своим внутренним качествам Карна скорее напоминает не Хагена, а жертву его коварства – благородного и доверчивого до наивности Зигфрида. Действительно, целый ряд сюжетных мотивов, связанных с Карной, сближает его именно с положительными героями эпоса. Приведём несколько примеров. Во-первых, Карна не просто подкидывает, он довольно долго не знает тайны своего рождения, и по неведению становится врагом своих братьев.

Подобное неведение является очень распространённым «роковым» обстоятельством жизни (а часто, и смерти) благородного героя, в некоторых вариациях приводя также к кровосмесительному браку. Очевидна параллель с Эдипом греческих сказаний, в неведении убивающим своего отца Лаия и берущим в жёны собственную мать; с Одиссеем, убитым его неузнанным сыном от Цирцеи Телегоном; с богатырём РГЭ Михаилом Козарином, оставленным в детстве родителями и посватавшимся к спасённой им девице, которая оказалась его сестрой; с Ильёй Муромцем, убивающим в поединке неузнанного прижитого на чужбине сына Сокольника; с Сохрабом, гибнущим в схватке с неузнанным и неузнавшим его отцом Ростемом (ШН); с ирландским героем Кухулином, убивающим своего неузнанного сына Конлу (СУ, «Смерть единственного сына Айфе»). Все перечисленные ситуации (исключая Козарина и включая Карну), вероятно, отражают пережиток матрилокального брака и чрезвычайно сходны между собой.

Другое характерное для положительного героя обстоятельство – роковое действие судьбы, лишаящей его магической защиты. Фетида закаляла тело младенца Ахилла в огне или, по другой версии, опускала его, держа за пятку, в воды реки царства мёртвых Стикс. (Напомним, кстати, что Стикс – дочь Океана, то есть имя это женского рода, и поэтому на русском языке не склоняется). Под стенами Трои Парис по наущению и при помощи Аполлона убивает Ахилла, поразив его стрелой в уязвимую часть тела – пятку. И в самой Мбх Кришна, которого мать в младенчестве, чтобы сделать его неуязвимым, опускала в священные воды Ганги, держа за пятку, был убит стрелой в пятку охотником с примечательным именем Джара (старость) (Мбх XVI, 5). Аналогично, Зигфрид, омывшись в крови убитого им дракона Фафнира, становится неуязвим для оружия, если не считать пятна между лопаток, куда и наносит удар копьём Хаген. Карна, как мы помним, лишается защиты, когда отдаёт свои серьги и панцырь, происходящие из напитка бессмертия амриты (а – отрицательная частица, мрт – смерть, тот же корень, что и в русском слове «смерть»).

Кроме того, для нас представляет интерес не только сам факт лишения Карны магических предметов, но и обстоятельства, при которых это происходит. В сцене лишения волшебных серёг и панцыря Карна выступает в роли типичного благородного героя – жертвы «вредительства» по В.Я. Проппу. Разумеется, результат мастерской интриги трикстера-Индры, принявшего личину брахмана, опосредован и отдалён во времени, но от этого не менее фатален – лишённый магических средств защиты Карна обречён на гибель в бою с Арджуной. Аналогичная ситуация описана Снорри Стурлусоном в «Младшей Эдде». Злодей Локи (трикстер скандинавских сказаний), также сменив внешность (превратился в женщину), выведывает у Фриг, как можно обойти магическую защиту её сына – благородного и прекрасного Бальдра. (Ср. с ПН: Хаген, хитростью выведывающий у Крим-

хильды уязвимое место на теле её мужа Зигфрида). Эту защиту в форме заклатья от любого предмета из металла, камня, или дерева (кроме омельы) Фригт получила для Бальдра, как Кунти – серьги и панцырь для Карны. Когда асы для развлечения мечут в неуязвимого Бальдра различное оружие, Локи вкладывает в руку слепого Хёда побег омельы, и Бальдр гибнет. Так Локи «преодолеват» магическую защиту Бальдра и опосредованно (руками Хёда) убивает благородного сына Одина.

Ещё один распространённый сюжетный мотив – отстранение героя от битвы: обида и следующий за ней добровольный отказ, варианты насильственного отстранения (опала, плен, заключение в темнице), а также отъезд. Например, Эней во время нападения рутулов на лагерь троянцев находился с дипломатической миссией у аркадцев и этрусков (Эн). Сюжетный мотив временного отстранения героя от сражения обсуждался нами в предыдущем разделе применительно к Ахиллу и самому Карне. Добавим, что сходная ситуация (конфликт с сюзереном и заключение в темнице) складывается при ссоре князя Владимира Красное Солнышко со «старым казаком» Ильёй Муромцем. В русском героическом эпосе этот сюжет настолько распространён, что многие богатыри РГЭ «отсидели» у князя Владимира в погребе: Ставр Годинович, Дунай, Сухман, Василий Казимирович и сам Илья. Сходным образом, герой иранского эпоса Ростем переживает опалу, будучи отстранён за справедливую критику шахом Кей-Кавусом от командования войском и сослан в родной Систан:

«Речь выслушал царь, и сверкнули глаза,
И гнева его разразилась гроза.
Ростему сказал повелитель земли:
"…Останься, а Тус-полководец пойдёт
С дружиной, с литаврами в ратный поход...
И другом тебя уж не стану я звать,
Не будешь ты впредь за меня воевать", –
И тотчас Ростем покидает царя,
Насупившись, негодованьем горя,
Приказ отдаёт, и снимается стан,
И мчится Могучий с дружиной в Систан»

(ШН «Сказ о Ставуше», бейты 4979-5006).

Приведённый отрывок ШН интересен тем, что Фирдоуси предельно чётко вычленяет два компонента такой ссоры или опалы: утрата формального статуса вождя дружины, то есть полководца, и неформального статуса друга царя. Второе обстоятельство в отношении Карны в эксплицитной форме в Мбх не высказано. Но наличие такого недовольства своевольным вассалом позволяет объяснить, почему Дурыйодхана, которого первый витязь действительно очень сильно подвёл,

устранившись от битвы, больше не защищает своего друга Карну, как раньше, от нападок Бхишмы и не спешит уговаривать Карну вернуться в строй.

Итак, не ограничиваясь «задатками» положительного героя, связанными с обстоятельствами рождения Карны, Мбх на протяжении всей жизни Карны ставит его в стандартные для эпических сказаний ситуации, в которых свойственно оказываться исключительно благородным героям. Возвращаясь к сравнению Карны и Хагена, мы можем сделать следующий вывод: при почти полном сходстве положения и взятых обоими героями на себя обязательств в сюжетообразующем конфликте, благородный и благочестивый Карна, в отличие от коварного и жестокого Хагена, своей роли эпического злодея (то есть антагониста главных героев) не соответствует, и в этом источник его драмы. Делая то, что считает своим долгом, Карна порой чувствует себя неуютно и страдает. Кроме того, в конце концов Карна не справится и со взятыми на себя обязательствами, так как, в отличие от своего противника, не сможет преступить определённых моральных норм. В результате в решающей схватке с Арджуной Карна предпочтёт блистательное поражение бесчестной победе, – и война Кауравов будет проиграна.

14. На Курукшетре. «Все правители земные увидят мою доблесть»

Кульминацией противостояния Пандавов и Кауравов становится великая семнадцатидневная битва на Курукшетре, а центральное событие битвы Пандавов с Кауравами – поединок Карны с Арджуной. К поединку с Арджуной Карна стремился всю жизнь, но в предыдущих схватках терпел неудачи и теперь переносит свои упования на битву на Курукшетре.

Итак, первые десять дней боевых действий Карна проводит в своём шатре. На исходе десятого дня Бхишма смертельно ранен, и в этот момент у Карны возрождается надежда возглавить войско. Примчавшись на поле битвы, Карна говорит (Мбх VII, 2): «...Сын Шантану низвергнут... Теперь мне должно защищать в бою... беззащитное войско кауравов!. Пусть это бремя теперь ляжет на меня!» Затем в беседе с умирающим Бхишмой Карна подводит разговор к тому, что без Бхишмы войско Кауравов беззащитно перед Арджуной. Очевидно, в соответствии с расчётом Карны, Бхишма благословляет его на битву в выражениях, которые при желании можно истолковать как передачу должности главнокомандующего (Мбх VII, 4): «Веди Кауравов на битву, даруй победу Дурьйодхане!» К сожалению, этого недостаточно, так как последнее слово принадлежит царю, а Дурьйодхана вновь предпочитает не замечать честолюбивых притязаний Карны, говоря ему (Мбх VII, 5): «Посмотри ты... среди всех моих благородных (воинов) и найди подходящего полководца!» Карна, скрепя сердце, выдвигает Дрону, тот без ложной скромно-

сти принимает командование, и Карне в ближайшие пять дней остаётся только жёлко критиковать неспособность наставника победить Пандавов.

Карна берётся за оружие, и перед ним встаёт новая проблема – выполняя обещание, данное Кунти, он должен падать на поле боя Пандавов за исключением Арджуны. Ещё давая это обещание, Карна понимал, что в условиях жестокой сечи сдержать его будет непросто («Хотя и могут они в сражении встретить моё противодействие и угрозу быть убитыми»). Все же, важнейших последствий своего обещания Карна, видимо, не предусмотрел. Посмотрим, что происходит на Курукшетре.

Столкнувшись на поле боя с Бхимасеной, Карна, пытаясь выполнить обещание, данное им Кунти, сразу оказывается в сложной ситуации (*Мбх VII, 106, 38*): «...В самом деле, сын Радхи в той битве сражался вяло с Бхимой, тогда как Бхима, помня прежнюю вражду, сражался с ним яростно». В результате Карна несколько раз отступает, будучи ранен и потеряв колесницу. Гораздо хуже другое: сражаясь вполсилы, Карна подвергает риску своих ничего не подозревающих сторонников, спешащих ему на выручку. Так от могучей руки Бхимасены один за другим гибнут десять, а затем ещё семь принцев-Кауравов. Увидев сыновей Дхритараштры, «павших (на поле брани), доблестный Карна, охваченный великим гневом, почувствовал отвращение к жизни. И сын Адхиратхи *счёл себя как бы виновным* (за них)...» (*Мбх VII, 111, 1*) (курсив наш – А. И.).

Этот цикл истребления Бхимасеной Кауравов в процессе сражения с Карной повторяется ещё дважды. После гибели очередной семёрки братьев Дурьйодханы, посланных им на подмогу Карне, «Карна с лицом, залитым слезами», находится в состоянии душевного расстройства (*Мбх VII, 111*). Вслед за этим Дурьйодхана посылает в бой ещё семерых братьев, которых Бхимасена вновь убивает на глазах Карны. Так Дурьйодхана посылал своих братьев на убой ради спасения друга, не понимая, что Кауравы, по сути дела, преданы Карной, и гибнут зря. Под конец, обезоружив Бхиму, Карна сохраняет ему жизнь, но отводит душу, осыпая его оскорблениями. «И о всех обидах, которые были нанесены ему в юные года... (Карна) также заставил его выслушать в очень резких выражениях» (*Мбх VII, 114, 76*). Так в условиях противостояния Кауравов и Пандавов (достигнутого происками самого Карны) даже малейшая снисходительность Карны к братьям, проявленная им по просьбе матери, приводит к нарушению обязательств Карны по отношению к Кауравам. Результаты этого нарушения обязательств самые драматические: в трёх-четырёх коротких стычках доверчиво полагающийся на Карну Дурьйодхана теряет три десятка братьев! Судя по тому, что Карна чувствует «отвращение к жизни», а затем и впадает «в душевное расстройство», для него мучителен этот моральный тупик, и щепетильный Карна своё поведение расценивает, скорее всего, как предательство. Действительно, несмотря на благие намерения и

отсутствие собственной выгоды, обещание, данное Карной Кунти по секрету от Кауравов, является не чем иным, как сепаратным соглашением за спиной друзей и союзников. Можно предположить, что моральные муки Карны усугубляются доверчивостью Дурьйодханы, который, по-видимому, так ничего и не заподозрил.

На четырнадцатый день битвы (то есть вскоре после схватки с Бхимасеной) Карна «также одолев с помощью своих безупречно прямых стрел и лишив колесницы Сахадеву, но, будучи знатоком дхармы и исполнившись сострадания, не стал убивать его». Ещё через два дня так же, как с Бхимасеной и Сахадевой, Карна обходится на поле боя с младшим Пандавой Накулой: обезоружив и унизив, «не стал он убивать того, кто был уже на краю гибели: вспомнил слова Кунти и отпустил его». Затем (на семнадцатый день битвы) наступает очередь Царя справедливости. По сравнению с другими Пандавами, побеждёнными Карной, Юдхиштхира особенно жалок. Он начинает сражение похвальбой (*Мбх VIII, 33, 12*): «Я... в великой битве навсегда сокрушу твою обычную уверенность в победе!». После уверенной победы Карна всячески унижает убегающего Юдхиштхиру (*Мбх VIII, 33*): «Как может отпрыск знатного рода, воспитанный в преданности дхарме кшатриев, бежать на поле брани от врагов, дрожа за свою жизнь! Несведущ ты, я вижу, в том, что предписывает кшатрию его долг! Скорее, ты силён в том, что составляет силу брахманов, твой долг – изучение Вед и отправление жертвоприношений!..» А владыка народа, терзаясь стыдом, поспешно пустился в бегство». Оказавшись на безопасном расстоянии, бессильный и униженный «Царь справедливости в гневе тысячу раз подряд прокричал тем воинам "Убейте его!". Взаимное ожесточение растёт, и теперь уже Карна, сам обязавшись щадить Юдхиштхиру, подстрекает сыновей Дхритараштры: «Уничтожьте сына Панду Юдхиштхиру!». Несмотря на бесспорное преимущество Карны над четырьмя Пандавами, и для него не все схватки заканчиваются победой. Ранее Карну одолев юный сын Арджуны Абхиманью (*Мбх VII, 40, 8*): «А что до Карны, то теснимый Абхиманью множеством стрел, он спасся бегством (с поля боя) на быстрых конях, и ряды войск (Кауравов) были тогда прорваны». На четырнадцатый день битвы Карна терпит поражение в схватке с Арджуной, а затем – с Сатьяки.

В битве и Карна, и Арджуна теряют своих близких. Арджуна убивает трёх братьев Карны, сын Арджуны Абхиманью – ещё одного. Кауравы с помощью Карны расправляются с юным Абхиманью, а Арджуна и Бхимасена в отместку убивают сыновей Карны Вришасену и Сугасену. Наконец, страсти прорываются наружу и во внутренних конфликтах в каждом из лагерей. Услышав горькие упреки от перепуганного и униженного Карной Юдхиштхиры, Арджуна хватается за меч; от убийства старшего брата его удерживает Кришна. Со своей стороны, «видя, что войско сыновей Дхритараштры повсеместно спасается бегством... Дурьйодхана *будто бы дружелюбно* молвил Карне: «Посмотри, о Карна, сколь сурово теснят

Пандавы (нашу) рать! Пока ты пребываешь в бездействии, она в ужасе разбегается в разные стороны» (*Мбх VIII, 45*) (курсив наш – А. И.). Какое напряжение стоит за этим замечательным «будто бы дружелюбно!» Итак, накал страстей продолжает нарастать, пока на семнадцатый день битва не достигает апогея – должна состояться схватка первых бойцов с каждой из сторон.

15. Апофеоз. «Будешь повержен – тебе уготованы небеса»

Как и предвидел Юдхиштхира, перед схваткой с Арджуной Карна выбирает своим возницей царя мадров Шалью. Шалья сразу принимается оскорблять Карну и противоречит ему, чтобы деморализовать, выполняя свою договорённость с Юдхиштхирой. Карна начинает раздражаться. «Когда Шалья высказал ему вещи столь оскорбительные и с воодушевлением воспел хвалу его противнику», Карна, «преисполнившись ярости, молвил владыке мадров: «Пусть так, но зачем ты меня оскорбляешь?!» (*Мбх VIII, 26, 70-71*). После нескольких раундов препирательств Карна даёт адекватную оценку происходящему (*Мбх VIII, 27, 28*): «Я ищу встречи с Арджуной на поле боя, всецело полагаясь на свою мощь и доблесть; ты же, враг под личиной друга, хочешь устрашить меня!» Вся сцена выглядит таким образом, как будто Карна осознаёт, что в самый ответственный момент, когда он приступает к исполнению важнейшего дела своей жизни, его необходимейший помощник оказывается предателем! Почему в этот момент он не меняет возницу?

Оказывается, эпические герои часто ведут себя подобным образом в критических обстоятельствах. Например, сходное поведение демонстрируют перед решающей схваткой с готами брата Хамдир и Сёрли из «Речей Хамдира» в СЭ: убив в нелепой ссоре сводного брата Эрпа, они уже по дороге к готскому королю Ёрмунрекку (исторический прообраз – король остготов Эрманарих, ум. в 375 г.) понимают, что без помощи Эрпа обрекли себя на неудачу и гибель, и сожалеют о сделанном, но продолжают путь. Аналогичная ситуация описана в ПР. [Исторический прототип легендарного графа Роланда, племянника Карла Великого, – префект Бретонской марки Руодланда, действительно павший в Пиренеях в арьергардном бою с басками во время похода Карла в Испанию в 778 г., упомянут Эйнхардом в «Жизни Карла Великого» (*Историки эпохи Каролингов, 2000, сс. 16-17*)]. Роланд трижды отвергает совет своего друга и соратника графа Оливье протрубить в рог, чтобы вызвать на подмогу своему небольшому отряду основное войско короля Карла (король, позже император франков Карл Великий, 768-814 гг.). Когда становится ясно, что всем французам суждено погибнуть в битве с огромной армией мавров в Ронсевальском ущелье, Роланд раскаивается в своём решении и хочет звать подмогу, но Оливье возражает: на их долю осталась только доблестная

смерть. Древнеанглийский вождь Бюрхтнот («Битва при Мэддоне») вдруг уступает высадившимся викингам более удобную позицию, прекрасно понимая риск: он «воскочился». Благородный жест приводит к гибели вождя со всем отрядом (эссекский алдерман Брихтнот действительно пал в битве с викингами при Мэддоне в 991 г. в правление Этельреда Неразумного). Аналогично, Гуннар СЭ после ясно высказанных подозрений о том, что приглашение конунга гуннов – это ловушка, вдруг клянётся, что всё же поедет к Атли (СЭ «*Песнь об Атли*»). Ситуация, когда герой «махнул рукой» на неблагоприятные обстоятельства, которые, кажется, ещё не поздно поправить (то есть действует себе во вред), создаёт угрожающее предчувствие мрачной и неодолимой судьбы, против которой мощь и доблесть бессильны.

Отметим важные отличия Карны от других героев, проявляющих внешне сходное поведение. Во-первых, и Хамдир с Сёрли, и Роланд с Оливье, хотя и с опозданием, но признают свою ошибку (СЭ, ПР), либо даже обсуждают меры по исправлению положения (ПР); Гуннар подозревает предательство, но клянётся ехать к Атли («сказал так, как надлежит конунгу»). Отказавшись от попыток исправить ситуацию (отменить поездку – СЭ, позвать подмогу – ПР), смертельную опасность которой они уяснили, герои тем самым активно и сознательно, то есть *по собственному выбору, идут навстречу мрачной судьбе*, даже «провоцируют её», по выражению А.Я. Гуревича. В отличие от них, Карна серьёзности ситуации, видимо, не осознаёт, а его резкие слова в адрес Шальи вызваны понятным сиюминутным раздражением: Карна ещё не раз в ходе сражения помирится и поссорится со своим возницей. Это значит, что при внешнем сходстве обстоятельств, Карна, поставленный в одну из «стандартных» для эпоса ситуаций, ведёт и чувствует себя не как типичный эпический герой.

Ещё одно отличие состоит в следующем. Хамдир и Сёрли собираются отомстить Ёрмунрекке за мучительную смерть своей сестры; Роланд сражается с врагами «милой Франции», Бюрхтнот защищает Англию от викингов, и только Карна защищает неправоё дело. Наконец, обречённость Карны (очевидная для аудитории Мбх, но не для него самого) подчёркивается резким контрастом между нервными, а временами и враждебными отношениями в паре Карна-Шалья, и доверительной и нежной дружбой Арджуны со своим возницей Кришной. Кришна пускается на недостойные кшатрия уловки, чтобы всеми доступными средствами помочь своему колесничному бойцу Арджуне, хотя сам он дал клятву никак не участвовать в сражении, строго ограничиваясь ролью возницы. Поведение Шальи полностью «перевёрнуто»: его сомнительные проделки имеют целью всемерно вредить своему колесничному бойцу Карне.

В кульминационный момент схватки с Арджуной всё оборачивается против Карны. Когда Карна «возложил на тетиву смертоносную для недругов, остро отго-

ченную, огненную... полную жгучего яда стрелу, которую уже очень давно берёт на случай встречи с Арджуной и которой постоянно воздавал почести», «царь мадров сказал ему: « Не долететь этой стреле, о Карна, до шеи (Арджуны); попробуй взять (другую), ту, что (действительно) способна снести голову» (Мбх VIII, 66). Итак, Шалья добросовестно следует предательскому плану Юдхистхиры. Реакция Карны, которому во время смертельной схватки говорят под руку, предсказуема (Мбх VIII, 66): «...Карна, глаза которого налились кровью от гнева, изготовил, несмотря на его слова, лук для выстрела и отвечал ему: «Знай, о Шалья, что Карна никогда не прицеливается дважды!». Шалья знает, что делает: естественно, гнев и нервозность Карны не способствуют его успеху. Помимо собственного предателя-возницы, Карне, как может, вредит и возница его противника (Мбх VIII, 66, 10-11): «Заметив, что Карна возлагает на тетиву ту (стрелу-) змею, Мадхава» (Кришна – А. И.), «наисильнейший из силачей, ногами изо всех сил улёрся в (днище) колесницы. Колесница глубоко увязла в земле, а кони пади на колени, и потому стрела сбила (только) диадему (с головы) многомудрого (Арджуны)». Несмотря на ухищрения Шальи и Кришны, «всё же Радхея отразил своим оружием оружие Савьясачина; явив всю свою доблесть, он даже стал одерживать верх над Партхой!» (Мбх VIII, 66, 56).

Но вскоре начинают сбываться проклятия, тяготеющие над Карной (Мбх VIII, 66, 42): «Тут одно из колёс его увязло в земле. И когда, вследствие проклятия брахмана, колесница его, (увязнув), зашаталась из стороны в сторону, а мысль об оружии, полученном некогда от Рамы, покинула сознание» (действие проклятия Рамы – А. И.), «Сын суты среди битвы пал духом» (действие проклятия брахмана – А. И.). Карна «был совершенно потрясён ударами оружия Арджуны. Поражённый в самые средоточия жизни, не сознавал он уже, что ему следует делать, только снова и снова среди битвы принимался порицать дхарму» (Мбх VIII, 66, 44).

Карна неукоснительно следовал долгу и щепетильно исполнял обряды, а дхарма и есть представление о долге и справедливости. Потрясённый Карна обнаружил, что, несмотря на своё благочестие, он предан богами. Представим, с каким негодованием в последние минуты земной жизни Карна слышит, как Арджуна апеллирует к своим заслугам и, в отличие от Карны, очевидно, получает поддержку свыше (Мбх VIII, 67): «Возложив на свой лук ту великую стрелу... и звеня тетивой, знаток мантр сказал: " Я предавался подвижничеству, я улагодворял наставников и всегда прислушивался ко всем желаниям моих друзей; так вот, если сказанное истинно, то пусть эта чтимая мною стрела с крепко насаженным (наконечником) поразит насмерть врага моего Карну! ..Пусть... отошлёт наконец она Карну в обиталище Ямы!" .. И вот.. (Арджуна), всем видом являя радость, кровожадный, желающий Карне смерти, поразил тою победоносной... стрелой своего врага. Сия-

нием равная восходящему солнцу, подобная стоящему в зените солнцу осени голова того предводителя воинов пала на землю, как кроваво-красный диск солнца падает вниз с Горы заката».

Благосклонность богов к Арджуне, в условиях смертельной схватки означающая обречённость Карны, сродни помощи, оказанной богами Ахиллу. Аполлон, всегда покровительствовавший Гектору, что хоть как-то компенсировало происки Афины, узнав о приговоре богов, отступает от своего протезе. Афина, приняв облик брата Гектора Деифоба, подбивает Гектора на сражение, обещая ему помощь, а потом исчезает, предав его в разгар схватки, когда ему нужно запасное копьё взамен отражённого Ахиллом:

«Голосом звучным на помощь он брата зовёт Деифоба,
Требует нового дротика острого: нет Деифоба»

(Ил XXII, 294, 295).

В то же самое время невидимая Афина подаёт копьё Ахиллу после его неудачного броска. Так богиня лишает Гектора оружия и поддержки и вооружает Ахилла, который убивает Гектора своевременно поданным Палладой копьём. Отметим, что по силе Ахилл далеко превосходит Гектора. Перед схваткой доблестный Гектор, не в силах совладать с ужасом, пытается убежать от противника вокруг городской стены:

«...к нему Ахиллес приближался,
Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече..
...Гектор увидел, и взял его страх; оставаться на месте
Больше не мог он; от Скейских ворот побежал, утращённый»

(Ил XXII, 131-137).

Кроме того, Гектор и сам открыто признаёт превосходство Ахилла:

«Ведаю, сколько могуч ты и сколько тебя я слабее»

(Ил XX, 434).

Итак, в Ил вмешательство богов, вероятно, не нарушает естественного хода событий: Гектор пал бы и в честном поединке с Ахиллом. А вот приговор Карны несправедлив не только по сравнению с долей любимцев богов Ахилла и Арджуны, но даже по сравнению с долей Гектора, так как Карна мог рассчитывать на победу. Здесь уместно отметить отличие Мбх от Ил в механизме реализации приговора богов в сходных ситуациях. Если в Ил мы видим прямое вмешательство Афины в схватку Ахилла с Гектором, то в Мбх план богов осуществляется исключительно благодаря поведению самих героев. Это значит, что Карна обречён, потому что, при сравнимых силах двух героев, он сам неукоснительно следует дхарме, а Арджуна – нет. *Истинная причина обречённости и гибели Карны — его благородство*, и на этом покоится расчёт богов.

Неутешительный для Кауравов итог центральной схватки на Курукшетре подводит спасшийся бегством Шалья, обращаясь к Дурьйодхане (*Мбх VIII, 68*): «Не видано ещё, о бхарта, битвы, подобной той, что была сегодня у Карны с Арджунной! Сойдясь с ними лицом к лицу, Карна затмил (величием) двух Кришн» (то есть Кришну и Арджуну – А. И.) «...Однако судьба, устраивающая всё по прихоти своей, хранит Пандавов и вредит нашим... Но не печалься о том, о бхарата, такова воля рока!»

«Ты не любопытствуй, как нечестивые будут мучиться,
но исследуй, как спасутся праведные»

Третья книга Ездры

Часть III. Воздаяние

16. «Какая польза от славы мёртвому?»

Смыслом жизни и содержанием деятельности Карны, по его собственным словам, является служение Дурьйодхане (*Мбх III, 8*): «Как слуги на посылках, сложив ладони, (ожидают приказаний), так все мы ищем возможности сделать приятное нашему царю». В деятельности Карны на благо Дурьйодханы можно выделить два вида активности. Это, во-первых, участие в сражениях, то есть следование стезей кшатрия. Во-вторых, это многочисленные затеи сомнительного с точки зрения этики свойства, от участия в попытках отравить или сжечь Пандавов, до планов унижить их в зале собрания или в лесу. Как сам Карна оценивает эти действия? Своё отношение к долгу кшатрия Карна провозглашает многократно и охотно (*Мбх III, 284*): «Принесу ли я себя в жертву во время битвы, совершив ратный подвиг, или, наоборот, одолею в бою недругов, всё равно я достигну славы». Как и Ахилл, Карна одержим идеей воинской славы, в том числе – посмертной. Он постоянно делает заявления следующего содержания: «Я добьюсь величайшей славы в мире!»

Стремление к славе – общая черта эпических героев, начиная с самых древних из известных нам, и до позднейших героев эпоса европейского средневековья. Герой шумерской эпической поэмы ОВВ Гильгамеш, так же, как и Карна, связанный с богом солнца (шумерский Уту, в более позднем аккадском варианте эпоса – семитский Шамаш), остро переживает идею смертности человека и бессмертия славы: «Солнце, я хочу сказать тебе слово – ухо твоё (склони) к моему слову... Люди умирают, на сердце тяжело! ...и со мной случится то же... я хочу установить своё имя (славу)... я хочу превознести моё имя».

Через тридцать столетий древнегерманские герои также одержимы жаждой славы:

«Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает

громкая слава
деяний достойных»

(СЭ, «Речи Высокого», строфа 76).

Но, несмотря на универсальность жажды славы, эпос знает и другую точку зрения, то есть стремление к славе любой ценой имеет своих оппонентов.

В проникновенной речи Сурья пытается уговорить своего сына Карну поступить высокими этическими принципами ради сохранения жизни (*Мбх III, 285, 1-8*): «Люди... стремятся обрести доброе имя и прочную славу на третьем небе, не рискуя при этом своею жизнью, а ты решил добиться вечной славы ценою своей гибели. Нет сомнения, слава тоже уйдёт, если ты жизни своей лишишься. В этом мире... лишь для живых имеют значение мать, отец, сыновья и другие их близкие, равно как и отвага для царей... Слава (является) благом лишь для живого! Какая польза от славы мёртвому, чьё тело обратилось во прах? Слава мёртвому человеку – это гирильда холодному трупу». Мы видим, что Карне предложен выбор, но он непреклонен: «Я сберегу свою честь, пусть даже ценою жизни – вот мой обет!»

Разумеется, в Сурье говорит отцовское чувство, но дело не только в этом, и его точка зрения не уникальна для героического эпоса. Богиня вина и пиров Сидури убеждает совершенно чужого ей Гильгамеша, что вместо стремления к недостижимым подвигам, надо наслаждаться жизнью:

«Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днём и ночью да будешь весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днём и ночью пой и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй супругу, –
Только в этом дело человека!»

(*ОВВ, табл. X*).

Итак, альтернатива героическому «образу жизни» существует даже в пространстве эпоса. Но в своей жажде славы Карна – настоящий эпический герой, и с выполнением им долга кшатрия всё обстоит благополучно. Теперь попробуем разобраться, как с гипертрофированным чувством чести Карны уживается его участие в интригах. Мы видим, как Карна без всякого смущения ставит на одну доску воинскую доблесть и неприглядные (с нашей точки зрения) закулисные действия: «...мы всегда старались (действовать против Пандавов) обманом и отвагой!» Чтобы не осталось и тени сомнения, о чём идёт речь, Карна уточняет (*Мбх VII, 127*): «Посредством обмана Партхи были крайне унижены, а также и применением яда... Были они также сожжены в смоляном доме, были они побеждены и в игре в ко-

сти». Почему чрезвычайно щепетильному в вопросах этики Карне эти действия не кажутся предосудительными? Подсказка следует немедленно в монологе Карны (*Мбх VII, 127*): «И в соответствии с *предписаниями государственной политики*, они были затем изгнаны в леса» (курсив наш – А. И.). Ссылка на предписания государственной политики многое может объяснить. Обратимся к древнеиндийскому трактату «Артхашастра» («Наука политики», сер. I тыс. до н.э. – нач. н.э.), приписываемому Каутилье. Для того, чтобы понять, какие средства допустимы в практической политике, достаточно перечислить названия нескольких разделов «Артхашастры»: тайное убийство; сеяние смуты; о шпионах, действующих оружием, огнём, ядом; подстрекательство; уничтожение (врага) посредством тайных мер. Итак, соображения практической пользы государя оправдывают самые неприглядные действия его слуг и вассалов, и пытаются устранить Пандавов «посредством тайных мер», в том числе, «оружием, огнём, ядом», Карна так же выполнял свой долг, как и сражаясь на поле брани. То, что Карна не извлекает из акций, направленных против Пандавов, личной выгоды, признают и, его противники. Кришна говорит о Карне (*Мбх VIII, 50*): «По отношению к Пандавам он неизменно низок душой, грешен помыслами, враждебен и злокознен, однако в этой распре с сыновьями Панду он лишён корысти».

Когда Бхишма в очередной филиппике порицает Дурьйодхану за то, что он прислушивается к мнению «Карны, низкорождённого сына возницы и проклятого Рамой», оскорблённый Карна отвечает (*Мбх V, 48, 29-31*): «Не подобает тебе, долговечному, говорить такие слова. какие ты сказал обо мне, о дед наш, ибо я придерживаюсь закона кшатриев, и не отклоняюсь от закона своей касты. Что же, кроме этого, есть дурного во мне, за что ты порицаешь меня? Ведь за мной нет никакого греха, о чём когда-либо ведали бы сыны Дхритараштры! И я должен делать всё, что приятно царю Дхритараштре, а также Дурьйодхане, ибо он уже утвердился в царствии» (курсив наш – А. И.). Очевидно, именно факт интронизации Дурьйодханы легитимизирует поджог, отравление и прочие попытки убийства Пандавов, предпринятые в его интересах. Так щепетильный Карна, прекрасно понимая, как его действия выглядят со стороны, проводит грань между уголовным преступлением и государственной пользой. Таким образом, Карна ищет оправдания своим враждебным действиям против Пандавов, и как мы видели, не всегда их находит. Даже желание угодить Дурьйодхане не может оправдать всех гадостей, и в таких случаях Карна способен испытывать стыд, хотя бы и задним числом: окажется, из-за жестоких слов, сказанных им Пандавам, чтобы угодить Дурьйодхане, Карна «мучается раскаянием» (*Мбх V, 139, 45*).

В то время, как Карна пересматривает своё отношение к Пандавам, отношение Пандавов к Карне при его жизни остаётся неизменно враждебным: возможно, они слишком боятся великого колесничного воина. Только после гибели

Карны и поражения Кауравов Пандавы узнают тайну рождения Карны (Араджуна мог знать об этом и раньше, см. раздел 29). Это происходит во время совершения ритуала возлияния воды на Ганге в память погибших на Курукшетре (*Мбх XI, 27, 6-12*): «И вот Кунти, ...испытав внезапный прилив скорби, зарыдала и слабым голосом обратилась к сыновьям с такими словами: «Сей герой, великий лучник, ...отмеченный всеми признаками доблести, сражённый в битве Араджуной, – тот, кого вы считали Сыном возницы и называли Радхеей, сыном Радхи, о Пандавы; ...кто прежде мог один противостоять вам всем вместе с вашими сторонниками, ...тот, кому на всей земле нет равного в доблести, кто честен, отважен и в битвах никогда не обращался в бегство, – этот вершитель незапятнанных деяний должен быть почтен возлиянием как родной брат! Ведь это и есть старший брат ваш, рождённый мною от Творца света и в золотых серьгах и панцире сиявший, подобно (своему отцу), Творцу дня!»»

Новость приводит братьев в состояние шока (*Мбх XI, 27, 12*): «Услышав *поразившие их слова матери*, Пандавы преисполнились ещё горшей муки и принялись дружно оплакивать Карну» (курсив наш – А. И.). Мы увидим, что помимо скорби о Карне, в словах Юдхиштхиры явно сквозит досада из-за упущенных возможностей, и объектом этой досады становится Кунти, скрывавшая от Пандавов тайну происхождения их старшего брата. Пандавам слишком досталось от Карны на поле боя, поэтому и скрыть свою досаду они не могут, но поначалу Царь справедливости остаётся в границах почтительной иносказательности: «Пламенная мощь его рук неустанно жгла нас повсюду; как же ты в себе его сокрыла – ведь легче огонь прикрыть одеждой!» Юдхиштхира не может усложниться, что непобедимый Карна оказался не на их стороне и, наконец, высказывает свой упрёк прямо: «И этот превосходнейший среди носителей всевозможного оружия – наш первородный брат!... Увы, госпожа, скрыв от нас эту тайну, ты нанесла нам жестокий удар!» Кунти оправдывается перед Юдхиштхирой (*Мбх XII, 6*): «Я пыталась раньше осведомить Карну о том, что он твой брат. То же самое делал и бог Сурья. Всё... было сказано Карне тем богом во сне и ещё раз в моём присутствии». Несмотря на оправдания Кунти, Юдхиштхира не может простить матери сокрытия тайны их старшего брата. В гневе Царь справедливости проклинает женский род на все времена: «Отныне ни одна женщина не сможет хранить тайну».

Юдхиштхира и его братья действительно скорбят о гибели Карны, и эта скорбь велика, но истоки её, в отличие от горя потерявшей своего первенца Кунти, в значительной мере прагматические: «Теперь мы, со всеми нашими родственниками, тяжело скорбим из-за гибели Карны! Это горе терзает меня во сто раз сильнее, чем гибель Абхиманью, чем убийство сыновей Драупади» (sic! для Пандавов Карна дороже их детей – А. И.), «чем истребление панчалийцев и падение всего рода Куру! Скорбь о Карне жжёт меня так, словно я свергнут в костёр!» То,

что брат оказывается для Пандавов «роднее», чем дети, произведённые жёнами из чужих родов или племён, ещё можно было бы объяснить пережитками матрилинейного (возможно, и матриликального) брака. В «симметричной» ситуации Гудрун, чтобы отомстить мужу за убийство своих братьев, убивает собственных детей! (СЭ, «Гренландские рещи Атли»). Но как может один брат, пусть и старший, быть «ценнее» всего рода (эмоциональную привязанность к незнакомому брату следует исключить)? Ответ прост – это очень «полезный» брат, который решительно изменил бы соотношение сил в конфликте, а то и вовсе отменил бы конфликт: «Ведь (в союзе с Карной) для нас не было бы ничего недостижимого, даже из того, что находится на небесах! И не было бы этой страшной бойни, столь губельной для рода Куру!» (курсив наш – А. И.).

Итак, Пандавы не склонны винить себя в каких-либо отступлениях от нравственного закона, но сожалеют об общем ходе событий, который привёл к кровопролитию. В противоположность Пандавам, Карна, как было показано ранее, раскаивается в отдельных проступках, но как раз о развязывании войны не жалеет. Карна считает, что он выполняет свой долг, а его поведение соответствует нравственному закону. Таким образом, мы выяснили, к какому идеалу стремился Карна. Чего он достиг на этом пути, мы рассмотрим в следующем разделе.

17. «Пусть Карна обретёт наилучшие из миров!»

Хорош Карна или плох с точки зрения сказания? По ходу действия Карну столько раз восхваляли и бранили, что подвести итог представляется затруднительным. Попробуем обратиться к тому, что нам известно о посмертном воздаянии Карне: ведь по логике Мбх это интегральная оценка проступков и заслуг, с учётом всех *pro et contra*.

Для начала необходимо разобраться, что вообще говорится в Мбх о потусторонней доле воинов. Поминая погибших в битве на Курукшетре, Юдхистхира посылает царю Дхритараштре, какое посмертное воздаяние ожидает павших героев (Мбх XI, 26, 12-17): «Те, кто с радостью принесли тела свои в жертву (на огне) величайшей из битв – ушли, истиннодоблестные, в миры, подобные миру Царя богов» (имеется в виду небо Индры, предназначенное павшим в сражении героям и праведным царям – А. И.). «Те, кто пали в бою, сражаясь, но без улоения боем, лишь повинувшись мысли «Надо умереть!» – те пошли к ганьхарвам» (полубоги, небесные музыканты – А. И.). «Те, кто на поле брани обратились в бегство, просили (о пощаде), – приняв смерть от меча, пошли к гухьякам» (духи, сопровождающие бога богатства Куберу – А. И.). «Те великие духом, кто, оставшись без оружия, вынесли от врагов жестокие мучения, кто, запретив себе стыд (бегства), шли в бит-

ве прямо на врага, кто, всецело преданные дхарме кшатриев, пали, изрубленные острыми мечами, – те герои, осиянные (славой), направились в обитель Брахмы» (мир верховного божества индуизма, то есть высший из небесных миров – А. И.). «А те, кто каким-либо (иным) образом приняли смерть на поле битвы – те попали к северным Куру!» (земной рай, аналог Авалона кельтов и Элизиума греков – А. И.).

Отметим, что предпочтение, оказываемое в загробном мире воинам, является общим местом героического эпоса, за редкими исключениями [например, по представлениям древних греков, посмертная участь всех душ одинаково безрадостна (Од), а в Элизиум редкие счастливицы попадают просто по прихоти богов (Ю.А. Кулаковский, 2002, с. 56)]. Вот, что узнаёт Гильгамеш от духа своего умершего друга Энкиду о загробном воздаянии воинам:

«Того, кто в сраженьи убит, видал ты?» – «Видел,
Отец и мать его утешают,
И жена над ним склонилась»

(«Энкиду в преисподней»).

Другие души, сообщает Энкиду, влачат в преисподней жалкое существование и питаются отбросами. Аналогично, ацтеки верили, что павшие воины в виде прекрасных птиц составляют небесную свиту солнца; все другие, «утратив себя», обречены преисподней. О беспечальном пребывании павших в бою германских героев – эйнхериев – в Вальхалле будет сказано ниже (см. раздел 18). Даже многовековая христианская традиция подстраивается под эту эпическую парадигму, не в силах её отменить. Вот как архиепископ-воин Турпен напутствует французских героев перед смертельной схваткой с сарацинами:

«Вас в высший рай по смерти примет бог,
Коль в муках вы умрёте за него»

(ПР LXXXIX, 1134-1135).

Итак, обещая павшим в сражении воинам небесное блаженство, Мбх находится в русле эпической традиции. Отличительной особенностью Мбх является, как мы видим, только необыкновенно тщательно разработанная система воздаяния павшим воинам: она предусматривает, кажется, все возможные варианты гибели воина в сражении. Отметим две особенности изложенной царём Пандавов системы. Прежде всего, она вызывает некоторое недоверие излишней теоретичностью. Вспомним, что небесные музыканты гандхарвы (вместе с небесными танцовщицами апсарами), которым Юдхиштхира отводит специальный «участок» небес, судя по многочисленным упоминаниям в Мбх, ублажают праведников и в других отделах рая, например, на небе Индры. Так, Юдхиштхире, оказавшемуся после смерти как раз на небе Индры, сам царь богов говорит (Мбх XVIII, 3): «Отныне да будет служить тебе, благословенному, на небесах боги, гандхарвы и дивные апсары...»

С другой стороны, если принять модель рая, предложенную Царём справедливости, то как раз дифференцированность воздаяния вселяет надежду, что каждому из героев битвы на Курукшетре воздастся в точности по заслугам. У нас есть основания полагать, что, по крайней мере в отношении некоторых героев, это так. Вот что известно об обстоятельствах гибели праведного Дроны (*Мбх VII, 165*): «При виде царевича, предопределённого быть его смертью, (Дрона), весьма искушённый в правде о людях и делах мирских, оставил всё своё дивное оружие и уселся (чтобы умереть), согласно обету прая» (смерть от поста в молитвенном сосредоточении – А. И.) «на поле брани. Тогда сын Паршаты» (Дхриштадьюмна – А. И.), «схватив его за волосы левой рукою, несмотря на громкие увещевания героев, отсёк ему голову». В полном соответствии со схемой Юдхиштхиры, после такой славной смерти «сражаясь в течение пяти дней» (во главе армии Кауравов – А. И.) «и уничтожив целое войско, Дрона, тот брахман, в совершенстве постигший веды, отправился... в мир Брахмы!» (*Мбх VII, 172, 94*). Теперь нам остаётся установить, во всех ли случаях небесная бухгалтерия заслуг и прегрешений героев совпадает с земной.

Когда Карна одного за другим побеждает Бхимасену, Накулу, Сахадеву и Юдхиштхиру, он, вместо того, чтобы просто унижить противника или восхвалить себя, обращается к очередному побеждённому Пандаве с поучением о долге кшатрия. Страсть и упоение Карны, укоряющего Юдхиштхиру в недостойном кшатрия поведении, больше говорят о самом Карне, чем о его побеждённом сопернике. Очевидно, что принадлежность к варне кшатриев и соответствие идеалу воина – большой вопрос для героя Карны.

Воинская этика Пандавов и их союзников, безусловно, даёт много поводов для серьёзных нареканий. Практически все наиболее грозные противники Пандавов уничтожены ими не в открытом и честном бою, а с применением хитрости. Дед Кауравов и Пандавов Бхишма смертельно ранен Арджуной, укрывавшимся за Шикхандином, против которого Бхишма не поднимает оружия, так как в предыдущей жизни Шикхандин был женщиной. Непобедимый брахман-наставник Дрона в отчаянии отложил оружие, предавшись йоге (и только тогда был убит Дхриштадьюмной, шурином Пандавов), после того, как Царь справедливости Юдхиштхира ложно поклялся, что сын Дроны могучий Ашваттхаман пал на поле боя. Великий воин Бхуришравас также убит во время молитвенного сосредоточения (!), после того, как он потерял в бою руку, отложил оружие и отказался сражаться. Сам Карна был побеждён Арджуной, только когда колесо его колесницы увязло в колее, и по правилам поединка нападать на него было нельзя. Бхимасена смертельно ранит Дурьйодхану, раздробив ему палицей бедро, то есть грубо нарушив правила боя: удары «ниже пупа» запрещены при сражении на палицах. Мало того, Бхимасена отвратительно глумится над уже поверженным и умирающим

Дурьйодханой. Тот же Бхимасена выглядит настоящим чудовищем и каннибалом, когда вспарывает грудь поверженного Духшасаны и пьёт у него, ещё живого, кровь. Даже если учесть, что Карна был свидетелем только части этих событий (его собственная гибель и убийство Дурьйодханы ещё впереди), у него более, чем достаточно оснований укорять Пандавов в нарушении воинской этики.

Теперь посмотрим, как выглядит на поле боя поведение Карны. Наиболее серьёзная претензия к нему может быть предъявлена только из-за его участия в убийстве юного Абхиманью. По совету Дроны Карна своими стрелами рассёк лук Абхиманью, и противники вшестером добились лишившегося колесницы, коней, возничих и уже безоружного юношу, потерявшего лук, меч, щит, и сражавшегося колесом от разбитой колесницы! Интересно, что в это время из воздушного пространства раздаются голоса небожителей, осуждающих действия Кауравов (Мбх VII, 48, 21): «Увы, этот (герой) лежит (на земле), убитый, сражавшись один, шестью могучими воинами на колесницах из Дхритараштрова войска, возглавляемыми Дроной и Карной! Этот поступок является по мнению нашему несправедливым!» Следует отметить, что нападение нескольких воинов на одного, хотя и осуждается в Мбх, тем не менее, происходит сплошь и рядом, и хотя бы поэтому не воспринимается, как грубое нарушение правил поединка.

Сам Карна, очевидно, считает своё поведение на поле боя образцовым, и с тем большим негодованием жалуется на несправедливость судьбы, лишившей его колесницы в решающий момент схватки с Араджуной (Мбх, VIII, 66): «Не в силах смириться со всеми этими бедствиями, он» (Карна – А. И.), «размахивая руками, стал попрекать дхарму: "Знаюки дхармы всегда твердят, что она хранит поборников своих от бед. Ныне она столь низко пала, что не хранит преданных моих друзей, и я склонен думать, что дхарма не всегда даёт защиту!" Пока он так говорил, и кони его, и возничий шатались из стороны в сторону». С точки зрения аудитории, негодование Карны вполне оправдано: перед поединком Карны с Араджуной на совете богов Брахма «утвердил» приговор судьбы, обрекающий Карну на поражение и гибель, невзирая на его доблесть и добродетели. Таким образом, судьба не оставляет Карне, величайшему колесничному бойцу, даже призрачного шанса на победу. Но таков уж (несправедливый) приговор богов.

Когда Карна лишился колесницы, его жизнь и смерть оказались в руках Араджуны, и Кришна убеждает Араджуну не упускать этой возможности расправиться с непобедимым соперником. Правда, Араджуне необходимо хоть какое-то моральное оправдание явно предосудительного поступка. Посмотрим, что могут поставить в вину Карне его «земные» оппоненты, чтобы оправдать его убийство. «Карна, когда колесо его (колесницы) увязло в земле, пролил в бессильном гневе слёзы и сказал Араджуне: «Потерпи немного, о Пандава! Ты видишь, по воле рока увязло колесо у меня среди (бранного поля); так отрешись, о Партха, от мысли

(убить меня), достойной лишь негодя!.. Повремени немного, пока я не вытащу из земли колесо!.. Не подобает тебе, стоящему на колеснице, убивать меня, стоящего на земле!.. Ты ведь по рождению кшатрий, продолжатель великого рода. Помня заповеди дхармы, повремени немного, о Пандава!» (Мбх VIII, 66, 60-65). Вот какой примечательный ответ получает Карна на свои мольбы (Мбх VIII, 67, 1-2): «И тогда, стоя на колеснице, сказал Васудева: "Не случайно... ты вспомнил о дхарме! Всегда так бывает, что люди подлые, пав духом в беде, винят providение, а не собственные скверные поступки! Но когда ты, и Суйодхана, и Духшасана, и Шакуни... втащили Драупади... в Зал Собрания, – тогда ты не помнил о дхарме, о Карна!"»

(3-5): «Когда Шакуни, искусный игрок, обыгрывал в Зале Собрания несведущего в игре Юдхиштуру... – где тогда было твоё благочестие? Когда ты насмехался ...над Кришной... – где тогда было твоё благочестие?...». Итак, Кришна обвиняет Карну в многочисленных нарушениях нравственного закона, и намекает, что постигшая его неудача в битве с Арджуной – воздаяние на земле за недостойное поведение Карны. Насколько претензии, суммированные Кришной, серьёзны, и что может грозить нарушителю этических норм с точки зрения посмертного воздаяния?

Оказывается, нормы нормам рознь: например, нарушение воинской этики может обойтись нарушителю очень дорого. Ашваттхаман, собираясь напасть на спящих панчалов, слышит от наставника Крипы (Мбх X, 5): «...Тот бесчестный человек, который посмеет напасть на них, когда они в таком положении, непременно вернется в Нараку – глубокую, огромную и бездонную». Ашваттхаман тем не менее хочет отомстить за своего коварно убитого отца Дрону, хотя и сам считает, что убийством спящих нарушает дхарму и будет за это сурово наказан (Мбх X, 5): «Этой же ночью я уничтожу панчалов, что погубили моего отца, пока они спят, и пусть потом буду рождён червём или молью».

Вернёмся к положению Карны. С одной стороны, моральный облик Карны вызывает бесчисленные нарекания Пандавов и Бхишмы. Вот что говорит Бхишма до начала битвы (Мбх V, 61): «Ведь уже в то время, когда сын Викартаны» (Сурья – А. И.), «выдавая себя за брахмана святому и безупречному Раме, получил то оружие, он, подлейший из людей, совсем лишился и своих добродетельных заслуг, и силы подвижничества!» Упрёки в адрес «низкого душою» Карны сыпятся со всех сторон: «...Так говорил грешный Карна, не ведающий дхармы, крайне низкий в своих помыслах [Кришна (Мбх VIII, 51)]; «Сегодня же стрелами я достигну в бою гордаго своей мощью, грешного в деяниях Радхею» [Арджуна (Мбх VIII, 50, 31)]. Подобные примеры можно приводить без конца.

С другой стороны, уже в ходе битвы на Курукшетре шансы Карны достичь нетленных миров оцениваются высоко даже его врагами. Перед схваткой с Карной Арджуна говорит (Мбх VIII, 52): «Напьётся сегодня земля крови Сына сугы,..

и (стрелы), летящие из Гандивы» (лук Арджуны – А. И.), «откроют Карне высочайший путь. Теперь Радхей раскается в своих жестоких словах, которые он обратил в Собрании к Панчали, выставяя Пандавов на позор». Речь Арджуны содержит два примечательных тезиса. Во-первых, расплата за дурные поступки по отношению к Пандавам постигнет Карну в земной жизни – в виде поражения и гибели от стрел Арджуны. [Это предположение подтверждается инструкцией Кришны Арджуне (*Мбх VIII, 51*): «...Грешного помыслами Карну, готового на самую крайнюю низость по отношению к Пандавам, ты должен сейчас же покарать своими острыми стрелами»]. Во-вторых, (возможно, как раз потому, что поражение и смерть Карны – достаточная расплата за его грехи) в загробной жизни перспективы у Карны самые радужные: по смерти Карне откроется «высочайший путь». В полном соответствии со словами Арджуны, и Шалья подбадривает Карну перед финальной схваткой (*Мбх VIII, 62*): «Следуя дхарме кшатрия, выступай же, муж-тигр, навстречу Завоевателю богатств!» (Арджуна – А. И.) «Победишь – вечная тебе слава, будешь повержен – тебе уготованы небеса».

Сравнение посмертной судьбы, которую прочат Карне, с той, что угрожает Ашваттхаману, позволяет думать, что всё, в чём укорял Карну Кришна – это мелкие прегрешения, которые с лихвой компенсируются доблестью на поле брани, а эпизод с Абхиманью не является серьёзным нарушением дхармы. Наконец, прогнозы друзей и врагов относительно посмертного воздаяния Карне подтверждаются приговором Брахмы (*Мбх VIII, 63*): «Пусть Карна Вайкартана, муж-бык, доблестный воитель, обретёт наилучшие из (посмертных) миров, и пусть два Кришны одержат победу! Да попадёт Карна в один мир с марутами и Васу» (то есть на небо Индры – А. И.), «да примет он вместе с Бхишмой и Дроной почести в небесном раю!»

18. «Место моё ныне среди братьев моих»

В предыдущем разделе мы установили, что при определении заслуг земной жизни героя воинская доблесть может перевесить многое, если не всё. И в этом нет ничего удивительного, ведь героям

«С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!»

(Ил XIV, 86, 87).

Представление о битве как о единственно достойном героя занятии настолько универсально, что переносится даже на небеса: по верованиям древних германцев и в Вальхалле (рай германских сказаний) эйнхерии – павшие в битвах герои – между пирами только и делают, что сражаются друг с другом:

«Эйнхерии все
рубятся вечно
в чертоге у Одина;
в схватки вступают,
а кончив сраженье,
мирно пируют»

(СЭ «Речи Вафтруднира», строфа 41).

Некоторый ущерб дхарме доблестного воина может нанести не слишком скрупулёзное следование этике поединка, но как раз здесь Карну почти не в чем упрекнуть. Пандавы же, хоть и доблестные воины, и сражаются за правое дело, многократно нарушают предписания воинской этики. Поэтому четверо младших Пандавов и даже сам Царь справедливости, живым (то есть в телесной оболочке) взятый на небо самим богом справедливости Джармой, сначала вынуждены отбыть короткий срок в ужасной Нараке, и только потом (когда Юдхиштхира выдержал ряд испытаний), попадают на третье небо. Это подробно объясняет Юдхиштхира Индра (*Мбх XVIII, 3*): «Ты обманул Дрону уловкой насчёт его сына, и именно из-за этой уловки, о царь, была тебе явлена Нарака. Так же как ты, из-за (совершенного ими) обмана в Нараке оказались и (Арджуна) Партва, и Бхима, и два Близнеца (Сахадева и Накула), и Драупади Кришна. Ступай, о муж-тигр, свободны они от греха. Смотри, о муж-бык, – все те цари, твои соратники, что пали за тебя в бою, достигли небес». Итак, мы узнаём, за что Пандавы и их сыновья попали на короткое время в Нараку, прежде, чем обрести место на небесах. Сюрприз состоит в том, что точно такая же посмертная судьба (временное пребывание в аду с последующим обретением небес) уготована и непричастной к военным уловкам Драупади, и доблестному Карне, не замеченному в недостойных поступках на поле боя. Парадоксально, что злокозненному Дурьюодхане, чтобы попасть на небо, никаких испытаний не потребовалось! Такое же сопоставление приходит на ум и Юдхиштхира (*Мбх XVIII, 2*): «Что же такое судьбою содеяно? Какое же чёрное дело совершили (братья) мои, великие духом, или Карна.. или сама Панчали,.. что оказались они в этом страшном, смердящем грехами краю? ..И что же такое сумел совершить... сын Дхритараштры грешный, что осеняем он Шри?» (богиня счастья и благоденствия – А. И.).

Можно думать, что посмертное воздаяние Дурьюодхане подтверждает, насколько воинская доблесть важнее для дхармы кшатрия, чем детали его поведения «на гражданке». Впечатляющий перечень низостей и оценка масштаба злодеяний Дурьюодханы содержатся в обвинительной речи Кришны (*Мбх IX, 60, 39-46*): «Ты, о сын Гандхари, сражён вместе со своими братьями, сыновьями и родственниками, с друзьями и последователями из-за того только, что следовал по греховному пути! Благодаря твоим пагубным действиям те оба героя – Бхишма и

Дрона повержены! Убит также и Карна в бою, ибо *подражал тебе в поведении*. Упрашиваемый мною, ты, о глупец, из жадности не пожелал отдать Пандавам как их наследственную долю половину отцовского царства, действуя согласно советам Шакуни! Тобою был дан Бхимасене яд, а также была сделана попытка сжечь всех Пандавов вместе с их матерью в смоляном доме, о злоумышленный! Во время игры в кости (тобой насильно) была приведена в зал собрания дочь Яджнясены» (Драупади – А. И.), «тогда как у неё наступили месячные! Лишённый стыда, о злонаправный, ты ещё тогда заслуживал казни! С помощью сына Субалы» (Шакуни – А. И.), «искушённого в игральных костях, ты победил нечестным путём справедливого (Юдхиштихуру), неопытного в игре в кости! Поэтому ты сражён в битве! Далее.. так как Абхиманью, совсем юный, был один (окружён) многими в сражении и убит по твоей вине, – *поэтому, о нечестивец, ты сражён в бою!*» (курсив наш – А. И.). Обратим внимание на два тезиса речи Кришны над умирающим Дурьйодханой, отмеченные нами курсивом. Это, во-первых, сходство в поведении Карны и его сюзерена. Во-вторых, это аллюзия на воздаяние Дурьйодхане за его грехи ещё в земной жизни – в виде поражения и гибели в бою (ещё одно сходство с Карной, в соответствии с приговором того же Кришны).

Последнее предположение находит подтверждение в словах наставника Крипы (*Мбх X, 2, 24-28, пер. Б. А. Смирнова*):

«..Человек, побуждаемый вождением, гневом, жадностью, страхом, (Страстями) бессильными и презренными, быстро утрачивает счастье. Так и Дурьйодхана *не достиг цели*, жадный, недалёковидный Он предпринял безумное дело без обсуждения, Не посоветовался с благомыслящими, лишь со скудоумными совещался. С прекрасными Пандавами, превосходящими его по доблести, он поступал но, Даже сызмальства он вёл себя недостойно, не отличался стойкостью в поступках. Вот он *теперь и страдает, горе постигло злодея* За то, что не слушал дружеских советов!» (курсив наш – А. И.).

Напомним, что в то время, когда Крипа произносит свою речь, ещё живой Дурьйодхана лежит, поверженный палицей Бхимасены. Таким образом, все отмеченные курсивом слова в речи благочестивого Крипы относятся исключительно к «земной» расплате предводителя Кауравов, который за недостойное поведение лишается трона, победы и жизни. Очевидно, что наказание не распространяется на посмертную судьбу Дурьйодханы.

Итак, низкий, жадный, завистливый Дурьйодхана, оскорблявший царицу Драупади и несправедливо лишивший Пандавов их доли царства, после гибели отправляется блаженствовать прямиком на небо Индры! Неужели достаточно того, что он – доблестный воин, не отступавший перед врагом и не нарушавший правил поединка? Посмотрим, так ли это на самом деле (*Мбх XVIII, 1*): «Оказавшись

на третьем небе, увидел Царь дхармы Юджиштхира Дурьйодхану восседавшим на ложе. Тут Юджиштхира, заметив Дурьйодхану, в гневе внезапно остановился: увидел он, что блаженствует Суйодхана. Громко сказал он тем (небожителям): «Не желаю я (пребывать) в мирах вместе с алчным и скудоумным Дурьйодханой, из-за которого (разорена) вся земля, пали в битве от рук наших родичи и друзья; мы выстояли (в бою), но прежде претерпели мучения в великом лесу. (Из-за него) испытала позор в присутствии наставников в Собрании супруга наша Драупади Панчали, безупречная телом, блюдущая дхарму. Благо вам, боги, но нет у меня желания встречаться с Суйодханой». Божественный мудрец Нарада объясняет негодующему Юджиштхире, что Дурьйодхана, «принеся своё тело в жертву огню битвы, ступил на стезю, (ведущую) в мир героев. Исполнением дхармы кшатрия обрёл это место владыка земли» (*Мбх XVIII, 1*). Но после того, как Юджиштхира проходит испытание бога Дхармы и попадает вместе с остальными Пандавами на небо, Индра говорит ему, что Дурьйодхана в качестве грешника допущен на небо только на ограниченный срок, чтобы потом низринуться в Нараку, где его страдания будут, как можно думать, усугубляться воспоминаниями о рае (*Мбх XVIII, 3*): «Тот, у кого за спиной преимущественно злодеяния, прежде наслаждается небом». Сценарий, при котором заслуги сначала «расходуется» в раю, после чего наступает расплата за дурные деяния, не уникален для Дурьйодханы. Вот что Индра сказал далёкому предку Кауравов царю Яяти, пребывавшему на небе (*Мбх I, 83, 3*): «...Эти твои миры конечны для тебя, и ты сам, о царь, когда заслуги твои иссякнут, (снова) низринешься (на землю)».

Итак, вслед за Юджиштхирой и у аудитории *Мбх* создаётся впечатление, что посмертное воздаяние Дурьйодхане всё-таки соответствует «земному» представлению Юджиштхиры о справедливости. Но не будем спешить с выводами и обратимся к мнению эксперта С.Л. Невелева в своей статье «Завершение «Махабхараты»: главные идеи» отмечает: «По отношению к действующим лицам эпоса это высказывание Индры по существу теоретично: Юджиштхира и его братья оказываются далее (гл. 4-5)» (*Мбх XVIII — А. И.*) «на небесах вместе со своими соперниками-Кауравами, постоянно порицаемыми теми же Пандавами за их злодеяния» (*Мбх 2005, стр. 161*). Итак, Дурьйодхане всё же суждено безмятежно наслаждаться пребыванием на небесах.

Следует отметить, что и сам умирающий Дурьйодхана непоколебимо уверен в том, что попадёт в рай (*Мбх IX, 63*): «Мною изучены веды и розданы дары, согласно предписанию. Соблюдением своего закона мною уже обретены потусторонние миры. То, что желаю для родовитых кшатриев, соблюдающих закон своей касты, — такая смерть обретена мною. Теперь я последую за Дроной, уже отправившимся на небо». У Дурьйодханы есть веские основания для такого прогноза. Перед его смертельной схваткой с Бхимасеной подвижник Баларама пред-

ложил перенести место сражения к Северному алтарю Владыки созвездий, то есть Брахмы. По словам Баларамы, «для того, кто найдёт смерть в сражении на том извечном и наиболее священнейшем из мест в трёх мирах, несомненно уготовано небо» (*Мбх IX, 54*). Подводя итоги дуэли, Баларама говорит: «Царственный сын Дхритараштры, повелитель людей, повержен (в битве) как воин, сражавшийся честно» Итак, по авторитетному мнению Баларамы, место на небесах Дурьйодхане обеспечено. В таком исходе не сомневается и сам Кришна. Через год после битвы, когда страсти несколько улеглись, Кришна, не отказываясь от обвинений в адрес Дурьйодханы и его братьев, отдаёт должное их карме (*Мбх XIV, 53, 19-21*): «Я взывал к милосердию (Кауравов), но, впад в ослепление, не вняли они моему благому совету. ...Они... в согласии с дхармой приняли смерть в бою и несомненно отправились на небо» (курсив наш – А. И.).

Ещё одно тяжкое прегрешение многих участников битвы – это убийство родственников. Пандавам за этот грех угрожает падение в Нараку. Поэтому уже после окончания битвы на Курукшетре, во время своего правления, Юдхиштира совершает искупительный обряд жертвоприношения коня – ашвамедху, в соответствии с инструкцией мудреца Вьясы (*Мбх XIV, 90, 14-15*): «Совершив тройную ашвамедху, обильную дарами, ты, о владыка людей, избавишься от греха, что пал на тебя из-за убийства родичей». Араджуна и вовсе в индивидуальном порядке вынужден искупить убийство деда собственной «временной» смертью от руки своего сына Бабхруваханы как раз во время следования за жертвенным конём перед ашвамедхой (*Мбх XIV, 78-81*).

Отметим, что ни у Дурьйодханы, ни у Карны, павших на Курукшетре, не было возможности очиститься от крови родичей искупительным жертвоприношением, а ведь этот грех есть и на них: ими убиты сын Араджуны Абхиманью и сын Бхимасены Гхатоткача. Это обстоятельство ещё раз подтверждает тезис, сформулированный Нарадой в беседе с раздосадованным Юдхиштирой, который обнаружил Дурьйодхану в раю: героическая смерть в честном бою – такой же надёжный путь обретения небес, как праведная жизнь и жертвоприношения. Тем знаменательнее различие в посмертной судьбе Карны и Дурьйодханы, один из которых временно ввергнут в Нараку (по крайней мере, там «находит» Карну Юдхиштира), а другой попадает прямо на небо Индры и, по авторитетному мнению С.Л. Невелевой, там и пребывает.

Выясняется, что и с Пандавами всё обстоит не совсем так, как может показаться на первый взгляд. С.Л. Невелева подчёркивает в своей статье, что Юдхиштира и младшие Пандавы с Карной в действительности не отправляются в преисподнюю даже на время: их пребывание в Нараке – лишь иллюзия Юдхиштиры, подвергшегося искусу. Согласимся с авторитетнейшим индологом. Для наших разысканий остаются важными следующие обстоятельства. Во-первых, Нарака

явлена Юдхиштхире тоже в качестве наказания, только более мягкого – об этом говорит ему Индра. Следовательно, полностью наказания Царь справедливости не избежал. Во-вторых, пребывание младших Пандавов в Нараке, пусть это лишь майя, тоже эксплицитно связано в речи Индры с их недостойным поведением, и, следовательно, также является некоей формой наказания. Это наказание самих младших Пандавов, или, по крайней мере, Юдхиштхиры, который страдает, видя своих братьев в аду. Итак, наказание Пандавов оказывается легче, чем может предположить неискушённая аудитория, но и, в соответствии с мнением эксперта, полностью от наказания они не избавлены, и наказание Пандавам дано за вполне определённые преступления.

Подведём итоги. В зависимости от загробного воздаяния, мы можем выделить три группы героев, доблестно сражавшихся на Курукшетре. К первой группе отнесём «рыцарей без страха и упрека» Дрону и Бхишму, без всяких оговорок помещённых сказанием на небеса. Дрона, который «оставил всё своё дивное оружие и уселся (чтобы умереть), согласно обету прая» (отрешившись от земной жизни – А. И.) «на поле брани», попадает на небо Брахмы. Представителем второй группы является Дурьйодхана, который все свои отвратительные затеи, очевидно, искупил героической гибелью на поле боя и также блаженствует в раю. К третьей группе относятся Пандавы, которым за отдельные некрасивые поступки мягко попеняли, а потом также взяли на небо. Карна, достойный, казалось бы, судьбы Дроны и Бхишмы, оказывается в компании с Пандавами, но его «виртуальное» наказание более сурово. Дело в том, что пребывание Карны в Нараке, пусть иллюзорное, значительно дольше такого же пребывания в аду младших Пандавов: близнецы, Арджуна и Бхимасена, покинули земную юдоль непосредственно перед Юдхиштхирой, тогда как Карна пал на Курукшетре за тридцать шесть лет до этого.

Если наказание Карны связано с его интригами против Пандавов, то как же избежал сходной судьбы Дурьйодхана? Если даже более серьёзные грехи Дурьйодханы (в конце концов, он и есть главный затейник, а Карна – только его клевет, хоть и чрезвычайно усердный) искупаются доблестью – то почему эта «амнистия» не распространяется на несравненного по доблести Карну? Ведь даже сам Дурьйодхана перед смертью выражает уверенность, что попадёт на небо вслед за Дроной и Карной, то есть, что загробные судьбы его и Карны идентичны. Нам остаётся только предположить, что Карна разделил посмертную судьбу Пандавов (хотя бы только в видении Юдхиштхиры) потому, что теперь он их общепризнанный старший брат: об этом с гордостью и тревогой за судьбу Карны говорит Юдхиштхира как раз по поводу места Пандавов на небесах (*Мбх XVIII, 1*). В пользу такого «семейного» подхода богов к определению посмертной судьбы говорит тот факт, что вместе с Пандавами и Карной Юдхиштхира «видит» в Нараке и безвинную страдальцу Драупади!

То, что «распределение» загробных мест происходит именно по воле богов, а не безликой судьбы, следует из многочисленных фактов уговоров, инструкций и объяснений, которые Юдхиштхира слышит от Нарады, Индры и Дхармы на протяжении части XVII и всей XVIII книг Мбх, полностью посвящённых уходу из жизни и посмертной доле героев. Итоговое объяснение по поводу загробного воздаяния Юдхиштхира получает из наиболее квалифицированного источника – от своего небесного отца, бога закона и справедливости Дхармы (*Мбх XVIII, 3*): «Братя твои, о Партха, владыка народов, не в Нараке пребывают – то было видение, устроенное Махендрой, царём богов. ...Ни Савьясачин, ни Бхима, ни Близнецы, быки среди мужей, ни Карна, правдоречивый герой, *надолго* Нарак не заслуживают, о царь!» (курсив наш – А. И.). Речь Дхармы содержит важные для нас положения. Прежде всего, отметим чрезвычайно интересную «оговорку» Дхармы о том, что Пандавы и Карна *«надолго* Нарак не заслуживают». Это звучит так, как будто на короткий срок их всё-таки следует упрятать в ад. Таким образом, оценивается открывающая речь бога ремарка о том, что Нарак – только видение. Наконец, из слов бога справедливости и воздаяния явственно следует, что реальное или иллюзорное *наказание Пандавов делит с ними и Карна*.

Итак, Карна приговорён к Нараке заодно с Пандавами. Можно видеть, что и в этом случае мы имеем дело с пресловутым «злосчастьем» нашего героя. В земной жизни Карна мог стать главой Пандавов и царём, но из-за моральных обязательств оказался не на «той» стороне; в загробной жизни, наконец воссоединившись со своими братьями, он опять оказывается не на «той» стороне и страдает, пусть слегка, но довольно долго, за чужие грехи.

«Пусть тот, кто ищет, не перестаёт искать, пока не найдёт,
и, когда он найдёт, он будет потрясён...»

Евангелие от Фомы

Часть IV. Карна: трансформация общеэпических мотивов

19. Критерии сравнения

Эпические сказания разных народов содержат набор общих сюжетных мотивов, связанных с благородным героем, а также ряд характеристик, свойственных, за редкими исключениями, именно благородному герою, но не злодею. Некоторые из этих мотивов были кратко упомянуты нами в разделах 12 и 14, чтобы показать, что, хотя в Мбх Карна «вынужденно» выполняет роль антагониста благородных Пандавов, он и сам обладает признаками благородного героя. В этой части наших разысканий мы попытаемся выявить типологические особенности сюжетных мотивов, формирующих образ эпического героя, путём привлечения широкого круга сказаний. Мы дадим исчерпывающий обзор таких мотивов и подробно рассмотрим каждый из них в применении к Карне. Наша цель – не только убедиться в том, что Карна попадает в стандартные ситуации, уготованные эпосом благородному герою, но и проследить, как эти ситуации разрешаются. Перед тем, как перейти к анализу признаков эпического героя в образе Карны, следует сделать ещё одно замечание. Одно «узловое» событие его жизни может стать объектом рассмотрения нескольких разделов, если в этом событии реализуются несколько общеэпических мотивов. Например, смерть Карны будет подвергнута анализу не только в разделе об обстоятельствах гибели героя, но и о роли предательства в его судьбе, и о трагических ситуациях, и о роли магических предметов.

В результате сравнения Карны с другими эпическими героями в этой части наших разысканий мы постараемся показать, что общеэпические признаки благородного героя в случае Карны трансформируются, придавая его судьбе трагический оттенок, а самому Карне – черты трагического героя.

20. Козни трикстера

В этом разделе мы рассмотрим, в качестве важного сюжетного мотива сказаний, обман и козни, направленные против благородного героя. К мотивам этой

категории мы отнесём как «выведывание», «подвох» и некоторые формы «вредительства» по В.Я. Проппу («Морфология сказки»), так и введение героя в заблуждение с целью испытания.

Благородный герой часто становится жертвой «подвоха» со стороны антагониста. Напомним, что в интриге, направленной против Бальдра («Младшая Эдда»), Локи действительно удалось всех провести: Фриг сама выдаёт секрет своего сына безобидной с виду «женщине» («выведывание»), а слепой Хёд старательно бросает побег омель в указанном направлении. Особый налёт коварства козням Локи придаёт использование слепого посредника для расправы с героем – любимый трюк тех, кто хочет избежать ответственности за подлые проделки. В кельтском эпосе ревнивый король Коннахта Айлиль вкладывает в руку слепого Лугайда копье и поворачивает его лицом к «олению» в озере, где герой Фергус купается с королевой Медб (СУ «Смерть Фергуса, сына Ройга»). В ПН Хаген коварно уверяет Кримхильду, что для защиты Зигфрида от врагов ему необходимо знать, где у того находится уязвимое пятно («выведывание»), и убеждает доверчивую королеву нашить в этом месте знак на одежду мужа («подвох») – туда Хаген и вонзит копье (крайний случай «вредительства»).

И в самой Мбх мы в находим многочисленные примеры обмана героев. Испытывая благородного царя Ушинару, к нему являются Агни под видом голубя и Индра под видом преследующего его ястреба (Мбх III, 130-131). Царь Юдхиштхира по крайней мере три раза становится жертвой «испытательного» розыгрыша с использованием превращений, мнимых смертей и прочих спецэффектов. В первом случае бог справедливости и небесный отец Юдхиштхиры Дхарма в облике якши «убивает» одного за другим четверых младших Пандавов, только чтобы выяснить, какого брата Царь справедливости выберет для воскрешения – единутробного (Бхимасену или Арджуну) или сводного (Накулу или Сахадеву). В конце своего земного пути Юдхиштхира опять подвергнут испытанию с помощью хитрости. Дхарма следует за Пандавами, приняв обличье собаки, которую Царь справедливости в благодарность за её преданность отказывается бросить, когда Индра предоставляет ему место на небе (а «нечистое» животное брать в рай нельзя). Трюк Дхармы и на этот раз сработал, и Юдхиштхира поддался на обман, хотя и с честью выдержал искушение. Наконец, в третий раз Юдхиштхиру разыгрывают уже на том свете, являя ему Драупади и братьев, включая Карну, в живописном окружении разлагающихся трупов, кипящих котлов, кишущих насекомых и соответствующих ароматов. Поддавшись на обман, Юдхиштхира принимает порицать богов, но выражает готовность разделить ужасную судьбу братьев (в этом и состояла суть очередного испытания).

Мы знаем, что и сам Юдхиштхира не чурается подвохов. Перед началом битвы на Курукшетре он получил от Бхишмы обещание дать Пандавам совет, как

добиться победы (*Мбх VI, 53*). После девяти дней сражения стало ясно, что, пока Бхишма жив, Пандавам не победить. Вечером девятого дня Юдхиштхира пришёл в палатку к деду и, воспользовавшись его обещанием, выведал у непобедимого героя, как его можно погубить. Позже Юдхиштхира принимает участие в чрезвычайно жестоком обмане, ложно подтвердив на вопрос Дроны, что его сын Ашваттхаман пал в битве (тагда как Бхимасеной был убит слон по имени Ашваттхаман). В полном соответствии с коварным планом, потрясённый горем Дрона, веря, что Царь справедливости не может лгать, сложил оружие и был убит.

Ещё один интересный пример подвоха – обстоятельства гибели непобедимого кельтского героя Кухулина. Певцы противника в разгар битвы требуют у него копья. Кухулин яростно возражает (запомним эту деталь), но под угрозой позора (нельзя отказать певцу в даре!) нехотя отдаёт копье – так повторяется три раза; с третьей попытки обезоруженного героя удаётся убить.

Теперь обратимся к Карне. Попытка Индры выманить у Карны магические серьги и панцырь по сути сродни испытанию. Важная особенность подобных ситуаций испытания героя – отмеченная С.Л. Невелевой «масочная» личина испытателя из иного, мифологического «социума». (С.Л. Невелева *«Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса»*, 1991, с. 165). Но если личина испытателя действительно вводила в заблуждение Юдхиштхиру в приведённых выше случаях, то с Карной маскарад Индры не удался (*Мбх III, 294, 13-14*): «...Карна сказал ему, улыбаясь: "Я узнал тебя, о могучий бог – Владыка богов!"». Это не единственный случай, когда Карна не даёт ввести себя в заблуждение. Сражаясь с Араджуной на сваямваре Драупади, он понимает, что его соперник скрывает своё истинное лицо (*Мбх I, 181, 17*): «И только для того, чтобы скрыть себя, ты принял сей вид брахмана...» Напомним, кстати, что личина может применяться (и всегда срабатывает) не только при испытании героя, как в случае Ушинары, но и при «выведывании» (Локи в облике женщины).

Кроме того, выступая под личиной брахмана, Индра ставит Карну в положение, когда тот не может отказать просителю в даре («подвох»), и таким образом лишает героя магических предметов («вредительство»). Но, в противоположность *всем* рассмотренным выше сюжетам, уловки Индры, направленные на «подвох» и «вредительство», известны Сурье заранее, и Карна о них предупреждён. Отметим, что и поведение Бхишмы, который сам помогает кознодею Юдхиштхире («пособничество» по В.Я. Проппу), отличается от поведения Карны. Во-первых, Бхишма дал формальное обещание, которым позже Юдхиштхира бессовестно воспользовался, тогда как Карна *заранее* ничего Индре не обещал. Далее, Бхишма очень стар, и знает, что его земной путь подходит к концу: об этом с ним говорит перед битвой Дрона. Карна на два поколения моложе и считает, что главные свершения у него впереди. Наконец, Бхишма обнаруживает себя перед дилеммой: он

обязан сражаться за Кауравов, причём, сражаться не в полную силу ему не позволяет честь, но сердце его болит за Пандавов. Единственный выход – гибель, но престарелый герой непобедим! На следующий после переговоров в палатке день Бхишма почти нетерпеливо напоминает Юджиштхире о своём желании умереть (*Мбх VI, 116*). Карна, как мы помним, умирать, отнюдь, не хочет. Что же касается Кухулина, то он расстаётся с копьём не с благородной лёгкостью (как Карна – с серьгами и панцырем), а только в результате шантажа и после страстных пререканий с «вредителем».

Таким образом, Мбх ставит Карну в ситуацию, типичную для благородного эпического героя, но сам Карна в этой ситуации только при поверхностном рассмотрении напоминает доверчивую жертву подвоха или обмана вроде Бальдра, Юджиштхиры, Дроны или Зигфрида. В действительности Карна делает роковой выбор не по неведению или оплошности, как Зигфрид, поддавшись обману, как Дрона, устав от жизни, как Бхишма, или оказавшись в моральном тупике, как Кухулин, а сознательно, в соответствии со своим представлением о благочестии и долге, и это сближает его с трагическим героем. К эпическому герою Карне вполне применимы слова В.Н. Ярхо о герое трагедии: «...Решение эсхиловского героя всегда – субъективный акт человека, который осознаёт возможные последствия своих действий» (В.Н. Ярхо *«Трагедия. Древнегреческая литература»*, 2000, с. 18). Интересно, что и сам Индра вовсе не обескуражен тем, что его личина разгадана: он, как видно, рассчитывал не на «эпический» подвох, а на трагическую приверженность Карны моральным принципам.

21. Возвращение в строй

Все эпические герои, по собственному выбору или волей обстоятельств отстранённые на время от сражений, способны по возвращении внести перелом в ход боевых действий. Судя по тому, что за отстранением благородного героя от битвы обязательно следует его триумфальное возвращение в строй, можно думать, что назначение этого мотива как раз в том и состоит, чтобы продемонстрировать его чрезвычайную, по сравнению с прочими героями, силу и доблесть.

Рассмотрим некоторые важные для нас особенности этого мотива на примере трёх памятников, где указанный сюжет подробно разработан. Когда Илья Муромец после ссоры с князем замурован в погреб (очевидный аналог могилы) и обречён на смерть без воды и еды (едва-не-смерть как крайний случай отстранения от битвы и лишения милости созерцена), к Киеву подступает Калин-царь с неисчислимым воинством поганых. Князь и бояре готовы бежать, сдав Киев врагу. Масштаб катастрофы подчёркивается чудовищными условиями сдачи: церк-

ви должны быть лишены крестов, иконы – брошены в реку; княжеский дворец займёт Калин, взяв в «постельницы» княгиню; в палатах бояр и богатырей будут отныне жить татарские витязи. Очевидно, что речь идёт не о коротком грабительском набеге и даже не об установлении вассальной зависимости, а об уничтожении Киевского государства. Готовый к бегству Киевский князь узнаёт, что старый богатырь жив: его тайно поила и кормила княгиня (или княжна). Илья, которого Владимир умоляет о помощи, собирает богатырей и во главе дружины, а в некоторых вариантах и в одиночку, уничтожает варварское войско и царя.

Аналогично, в Ил, после отказа Ахилла сражаться, лишённые его поддержки ахейцы терпят одно поражение за другим:

«Прямо к глубокому рву трояне погнали ахеян.
Так шлемоблещущий Гектор данаев гнал, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая: бежали данаи»

(Ил VIII, 336, 341-342).

Как только возжелавший отомстить за Патрокла Ахилл вновь берётся за оружие, положение радикально меняется:

«Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развеивает погибельный пламень, -
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремляясь, как демон;
Гнал, поражал; заструилося чёрною кровию поле»

(Ил XX, 490-494).

Вариант «случайного» отсутствия героя находим в Эн, когда италийское племя ругулов идёт войной на высадившихся в Лациии троянских беглецов в отсутствие их главного героя и предводителя Энея. Текст Вергилия позволяет чрезвычайно чётко выявить все стадии развития ситуации.

1. Отлучка героя:

«Спутников, город и флот Эней покинул и отбыл
В царство, где старец Эвандр с Палатина аркадами правил»

(Эн IX, 8-9).

2. Временное поражение:

«Ругулы тою порой ко всем подступают воротам,
Стены огнём окружив и троянских бойцов истребляя»

(Эн X, 118-119).

3. Герой узнаёт о беде, случившейся в его отсутствие:

«С вестью о страшной беде не Молва, но нарочный верный
Тотчас к Энею летит: на краю погибели тевкры,
Самое время прийти разбитой рати на помощь»

(Эн X, 510-512).

4. Триумфальное возвращение героя на поле битвы:
«Так летел по полям предводитель дарданцев и всюду
Сеял смерть, словно яростный смерч иль поток в половодье»

(Эн X, 602-603).

Приведённые примеры иллюстрируют три основных варианта отстранения героя от битвы: насильственный (Илья); добровольный (Ахилл); «случайный» (Эней). Можно видеть, что во всех трёх вариантах данного мотива необыкновенная ценность выдающегося героя выражается двояко. Во-первых, в его отсутствие его соратники или сюзерен терпят поражение либо оказываются на грани военной катастрофы. Во-вторых, возвращение героя на поле боя изменяет соотношение сил и немедленно или очень скоро приносит его стороне решительную победу (Илья; Ахилл; Эней; Ростем в войне Кей-Кавуса с Афрасиабом и Исфендиар в войне Гошгаспа с Эрджаспом ШН).

Парадоксальным образом, в случае Карны, несмотря на его доблесть, силу и славу непревзойдённого колесничного бойца, ни один из этих двух сценариев не реализуется. В отсутствие Карны мы не видим безусловного и устойчивого преобладания Пандавов на Курукшетре, не говоря уже о разгроме Кауравов. Более того, пока Бхишма считал нужным сражаться, а Карны на Курукшетре и духу не было, положение Пандавов было довольно-таки безнадежным.

Сказание, казалось, готовит аудиторию к близкому триумфу Карны. Вот что говорит Санджая старому царю после убийства Бхишмы (*Мбх VII, 1*): «...Когда тот герой» (Бхишма – А. И.) «...был убит, сыновья твои вспомнили о Карне, как желающие переправиться на другой берег (вспоминают) о лодке. ..Воины твои и твои сыновья... сказали: "Это как раз самое время (для проявления его доблести)! ..Ибо он ...способен спасти нас от великой опасности"». Но, вопреки ожиданиям, с появлением Карны на поле боя заметного перелома в битве в пользу Кауравов не происходит: убит Дрона, десятками гибнут братья Дурьюодханы, – скорее, дела идут всё хуже. В финале сражения сторона, за которую выступает Карна, терпит поражение: гибнут сам Карна, его друг и сюзерен Дурьюодхана и остатки войска Кауравов. Обобщая эти наблюдения, можно сказать, что в отсутствие Карны в первые десять дней битвы дела Кауравов шли неплохо, а за его появлением в войске Кауравов последовал их разгром. Почему мотив временного отстранения героя от битвы в применении к Карне не решает своей обычной композиционной задачи? Для ответа на этот вопрос присмотримся поближе к «образцовым» сюжетам, содержащим данный мотив. Оказывается, Киев незащищен перед войском Каина потому, что не только Илья сидит в погребе, но и вся остальная дружина, рассорившись с Владимиром, покинула город, – иначе и без Ильи бы обошлись. Именно такую ситуацию видим у Гомера: и без участия Ахилла греки одолевают троянцев, но Зевс вмешивается по просьбе Фетиды, чтобы отдать

победу воинам Приама и доказать незаменимость Ахилла. И Энею благоприятствуют обстоятельства. Прежде всего, без него дарданцы дезорганизованы, так как лишились привычного лидера. Кроме того, не будем забывать, что бедные переселенцы, прибывшие на немногих кораблях, очевидно, могут выставить всего несколько десятков боеспособных мужчин. Значит, каждый воин на счету и может внести перелом в ход сражения. Так сказание конструирует ситуацию, которая помогает герою предстать перед аудиторией во всём блеске. Карне же сказание не «подыгрывает». Вместо того, чтобы подтвердить уникальные силу и доблесть Карны, сложившаяся ситуация оттеняет шаткость его положения, изоляцию и, в конечном итоге, обречённость.

Ссора монарха с первым витязем, как показано выше, является одним из возможных сюжетных ходов, приводящих к отстранению героя от битвы. Но из-за драматизма подобного конфликта этот вариант приобретает самостоятельную привлекательность и превращается в нечто большее, чем просто оправдание отсутствия героя на поле боя. Примеры – коллизии Агамемнон-Ахилл, Владимир-Илья, Кей-Кавус-Ростом, Исфендиар-Гоштасп, где ссора является самодавлеющим элементом сюжета, в ШН выделяясь в отдельное сказание, а в РГЭ – в самостоятельную былинку. В такой коллизии присутствуют три необходимых элемента: (А) сюзерен оскорбляет витязя, затем (Б) оказывается наказан его отсутствием в битве и (В) пытается умиловить оскорблённого воина. В сходной ситуации оказывается и Карна, оскорблённый Бхишмой, но здесь фольклорный сюжет несколько изменён, так как функции эпического государя, вступившего в конфликт с лучшим из бойцов, распределены между несколькими персонажами.

А. Оскорбил Карну Бхишма, который царём не является, хотя он старейший в роду Кауравов и возглавит их войско. Кроме того, хотя в конкретном случае против Карны выступил один Бхишма, не следует забывать, что он представляет придворную «партию мира»: наряду с Бхишмой, Карну неоднократно поносили также Дрона, Крипа и Ашваттхаман.

Б. Функции монарха, который может пострадать от нежелания Карны сражаться и который мог бы попытаться умиловить разгневанного витязя (как Агамемнон – Ахилла), относятся к другой группе лиц: к старому и молодому царю. В результате Дурьйодхана страдает из-за обиды Карны на Бхишму и его сторонников, с которыми Дурьйодхана и сам постоянно ссорился. Получается, что гнев Карны направлен не по адресу, и Дурьйодхана наказан собственным вассалом незаслуженно. Это обстоятельство подчёркнуто красноречивым отсутствием попыток царя задобрить витязя (В). Таким образом, Карна подводит своего могущественного и, похоже, единственного покровителя и друга при дворе Дхритараштры, окончательно лишаясь поддержки в стане Кауравов и довершая дело собственной отверженности и изоляции. Ситуация усугубляется тем, что ссору

провоцировал сам Карна, попытавшись отстранить Бхишму и занять место главнокомандующего (см. раздел 12). В Мбх мотив ссоры первого витязя с государем приобретает необычный оборот. Во-первых, сюзерен (Дурыйодхана), к которому Карна обращался, устраняется от ссоры, молча поддержав Бхишму. Во-вторых, в отличие от невинно подвергающихся опале первых витязей, Карна сам инициирует конфликт, выступая как незадачливый и суетный интриган.

Особенностью рассматриваемого мотива в ШН является то, что первый витязь Исфендиар, заключённый шахом в темницу, является его сыном, а в основе конфликта – претензии царского сына на престол. Интересную модификацию мотива ссоры первого витязя с государем мы находим в испанском эпосе: доблестный Сид изгнан королём Кастилии и Леона Альфонсом («Песнь об изгнании»). Сид, которому негде преклонить голову, не отстраняется от битвы, но начинает набег на мавров, становится правителем освобождённой от неверных Валенсии и примиряется с королём, добавив к его короне новую область. Несмотря на отклонение от стандартной сюжетной схемы, итог конфликта Исфендиара с Гошгаспом и Сидом с Альфонсом не нарушает эпической традиции: герой добивается успеха, посрамив обидчика-монарха доблестью и благородством и обретя славу. Подобная «устойчивость» мотива к вариациям эпической обстановки позволяет предположить следующее. Если Карна в ссоре с Бхишмой выступает не победоносным эпическим, а обречённым трагическим героем, то причина, видимо, не столько во внешних обстоятельствах, сколько в самом Карне.

22. Сюжет о подкидыше

Традиционный сюжет о подкидыше, спасённом из реки, моря, или от диких зверей, предусматривает определённую функцию и социальное положение приёмной семьи. Во всех известных случаях приёмная семья есть только средство спасения и, в некотором роде, трамплин для будущего триумфа героя. Для того, чтобы сильнее оттенить этот триумф, важным элементом сюжета является «трудное детство» героя, требующее, в свою очередь, низкого социального статуса приёмной семьи (редкие исключения – библейское сказание о Моисее и греческие сюжеты о Персее и Эдипе, где приёмные попадали в царскую семью). Для Саргона I это водонос, для Дария I – мойщик холста; в случае богатыря РГЭ Михаила Козарина – живущая милостыней «бабушка-задворенка»; Чандрагупту Маурью, Кира Великого, Рема с Ромулом, Париса и Кей-Хосрова воспитали пастухи, а царя Трахана – сборщики хвороста.

Приёмной семье в типичном случае отводится очень ограниченная роль: спасти младенца, вскормить и воспитать, в большинстве сказаний – очень недолго,

так как герой может проявить необыкновенные способности и тягу к странствиям в довольно нежном возрасте. В таких случаях мы больше никогда не услышим о приёмных родителях героя, не будет указаний на привязанность или хотя бы благодарность приёмных по отношению к приёмной семье. Да и за что благодарить? Мальчик превращается в юного героя не благодаря приёмной семье, а вопреки ей, зачастую удивляя, а то и путая приёмных родителей преждевременным развитием и недетскими подвигами (охота на львов Кей-Хосрова, победа Париса в состязании). Отрок, как правило, по собственной инициативе требует, а подчас и сам добывает коня/лук/палицу/меч и прочие атрибуты и орудия труда героя.

Не только композиционный, но и эмоциональный акцент всегда делается не на расставании с приёмными родителями, а на радостной встрече с «настоящей» семьёй (вспомним восторг Приама и Гекубы, давно оплакавших Париса). Кей-Хосров до встречи с дедом искренне считает себя «пастушким сыном», но, получив скакуна и царскую мантию, устремляется в замок своего деда Пируза, даже не оглянувшись на бедного пастуха, имени которого, кстати, поэма ни разу не упоминает (ШН, «Сказ о Сиавуше»). Так же ведёт себя «пастушок» Парис, uznанный Кассандрой. Радость встречи зачастую подчёркивается по контрасту первоначальной враждебностью к неузнанному вернувшемуся подкидышу. Этей по наущению Медеи пытается отравить Тесея, не зная, что это его сын. Когда Парис побеждает своих царственных братьев на священных состязаниях, родичи царя готовы расправиться с чужаком, одержавшим верх над принцами. Подобные конфликты, как правило, счастливо разрешаются, невзирая на препятствия (интриги Медеи и предупреждение Кассандры, соответственно).

Пренебрежение приёмной семьёй – не персональная черта героя, а позиция сказания. Даже в случае, когда примирение подкидыша с бросившими его в младенчестве родителями невозможно [Михаил Козарин, как и Карна, не может простить детских унижений и вынужденного сиротства, и при встрече

«Он батюшке челом не бьёт

И матушке поклона не даёт»

(В.Я. Протт, 2006, с. 171)],

никакой благодарности или хотя бы упоминания о воспитавшей его старушкенищенке нет и следа, богатырь просто отъезжает «в чисто поле». Волюющая по общечеловеческим меркам неблагодарность подкидыша никогда не осуждается эпосом, ведь приёмная семья выполнила свою функцию, и для его героического будущего более не нужна. Наше предположение о позиции сказания находит прямое подтверждение в тексте огузского эпоса: «Воспитав чужого сына, сына не получишь; когда он вырастет, он погонит коня и уедет, не скажет, что видел (воспитавших его)» («Книга моего деда Коркута»).

Отношение Карны к приёмным родителям совершенно иное. Его любовь, благодарность и преданность Радхе и Адхиратхе столь велики, что он предпочитает их своей царственной семье. По-человечески это очень понятно, но для героического эпоса – ситуация невыносимая. В результате уникальной для героя привязанности к приёмным родителям сюжет о подкидыше получает необычное развитие: вместо триумфального воссоединения с царской семьёй и воцарения над Пандавами Карна выбрал дружбу обречённого на поражение и гибель царя Кауравов. Именно по выбору Карны благополучного разрешения ситуации не происходит, и он гибнет от руки брата. Так из-за завышенных этических норм Карны мотив подкидыша не только лишает героя блестящей карьеры, но и служит одним из факторов его трагической судьбы.

23. Герой и его доля

Отношение эпического героя к своей доле имеет два важных для нас аспекта. Во-первых, это знание собственной доли, то есть доступность для героя сведений о времени и обстоятельствах его смерти. Даже в отсутствие точных сведений подобного рода у героя, учитывая его род занятий, есть все основания полагать, что рано или поздно он падёт в сражении. Из этого следует второй аспект, а именно, специфическое отношение эпического героя к таким сведениям. Назовём это отношение эпическим фатализмом. Оказывается, Карна отличен от эпического героя по обоим критериям. Как показано выше, несмотря на множество вещих снов, пророчеств и предзнаменований, Карна не в состоянии суммировать все эти сведения, то есть у него *нет твёрдого знания собственной доли*. Поэтому, несмотря на готовность погибнуть, выполняя свой долг, Карна полностью лишён фатализма, столь характерного для эпического героя. Подобный фатализм, основанный на предвидении собственной гибели, ясно выражен в СЭ («Речи Хамдира», ст. 30):

«Мы стойко бились, -
на трупях врагов
мы как орлы
на сучьях древесных!
Со славой умрём
сегодня иль завтра -
никто не избежит
норн приговора!».

В данном случае речь идёт об «общем» представлении героя о неизбежности гибели в сражении, хотя как раз Хамдир и Сёрли в приведённом отрывке уже видят, что живыми из палат короля готов им не уйти. Отношение героев-воинов

Мбх к своей доле, судя по высказыванию Кришны, точно такое же (Мбх II, 16): «Мы не ведаем времени смерти – (наступит она) ночью или днём. И мы никогда не слышали, чтобы кто-либо достиг бессмертия, отвергнувшись от битвы». Этого ждут от героев и их близкие. Кунти считает возможное примирение своих сыновей с Кауравами позором (Мбх V, 131, 13): «Лучше пылать недолгий миг, чем тлеть вечно с коптящим дымом!»

Что меняется, если очевидная неотвратимость смерти в какой-либо из бесчисленных схваток дополняется конкретными деталями? Оказывается, ничего. Даже при детальном предсказании герою причин и обстоятельств смерти, а также при указании конкретных виновников, подстрекателей или предателей (можно, казалось бы, принять меры), эпическое спокойствие настоящему герою не изменяет. Когда прорицатель Грипир предрекает своему племяннику Сигурду, что он будет оклеветан Брюнхильд и предательски убит своими шуринами, герой спокойно и с достоинством отвечает:

«Простимся счастливо!
С судьбой не поспоришь!»

(СЭ, «Пророчество Грипира», ст. 53).

И такое отношение героя к своей доле, отнюдь, не уникально. Никак не отражается на поведении героя Кухулина подробнейшее, более 80 строк, предсказание о его короткой жизни [«Тогда предсказала Скатах всё, что случится с ним в жизни» (СУ, «Сватовство к Эмер»)].

Рассмотрим тезис знания собственной доли подробнее на примере Ахилла. Когда Ахилл впервые слышит предсказание о своей скорой гибели от матери (Ил I, 416), он ничего не отвечает Фетиде. Но в дальнейшем мы имеем возможность узнать, как Ахилл относится к подобным сведениям. Конь Ахилла Ксанф («Вещим его сотворила лилейнораменная Гера») предрекает скорую гибель своему хозяину и даже намекает на обстоятельства его гибели:

«Вынесем быстрый Пелид, тебя ещё ныне живого;
Но приближается день твой последний!
...Сам ты, назначено роком,
Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!»

(Ил XIX, 408-409, 416-417).

Разумеется, никому не доставит удовольствия выслушивать подобные сообщения, и в ответе Ахилла сквозит раздражение непарнокопытным, которое лезет не в своё дело, но удивления или негодования на свою долю нет и в помине:

«Мрачен и гневен к коню говорил Ахиллес быстроногий:
"Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери..."»

(Ил XIX, 419-422).

Позже умирающий Гектор, предрекая скорую гибель Ахилла, которому суждено умереть до падения Трои, даже называет его убийцу и указывает точное место смерти:

«...Александр и Феб стреловержец,
Как не могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!»

(Ил XXII, 359-360).

Ахилл, уже неоднократно предупреждённый о приближающейся смерти, и эту весть принимает с эпическим спокойствием:

«...Мою неизбежную смерть я
Встречу, когда ни пошлёт громовержец и вечные боги!»

(Ил XXII, 365-366).

Могучий и гневливый Скарпхедин «Саги о Ньяле» отношением к своей доле напоминает Ахилла. Перед альтингом он вновь и вновь слышит от окружающих, что несет печать невезучего человека, чья смерть близка. Реакция героя – мрачное раздражение. Но, во-первых, он и сам знает свою судьбу. Во-вторых, он вообще сварливый забияка. Кроме того, раздражение Скарпхедина вызвано отказом собеседников помочь ему на альтинге. Наконец, как отмечает блестящий знаток саг А.Я. Гуревич, «взаимный обмен обвинениями и оскорблениями представляет собой распространённый у исландцев вид перебранки, "сравнения мужей"». Итак, сама весть о близкой смерти ничего не меняет в поведении сына Ньяла.

Героям Мбх также дано знать свою долю. Ещё за тринадцать лет до роковой битвы Дхриштадьюмна сообщает Пандавам (Мбх III, 13, 18): «Я убью Дрону, Шикхандин – Прадеда» (Бхишму – А. И.), «Бхимасена – Дурьйодхану; Карна примет смерть от Завоевателя богатств». И самому Дроне известно, что сын царя Друпасы родился из жертвенного огня усилиями брахманов «для сокрушения Дроны». Дрона относится к своей доле со спокойным достоинством и даже обучает своего будущего убийцу воинскому искусству (Мбх I, 155, 51-52): «А величественный сын Бхарадваджи» (Дрона – А. И.) «привёл Дхриштадьюмну, царевича Панчалы, в своё жилище и обучил его искусству владеть оружием. Думая о грядущей неизбежной судьбе, великомуудрый Дрона сделал то ради увековечения своей собственной славы». Далее, как мы знаем, в момент гибели на поле боя (видя несущегося к нему с занесённым мечом Дхриштадьюмну) Дрона откладывает оружие и принимает смерть, погрузившись в молитвенное сосредоточение (Мбх VII, 165).

Итак, эпический герой часто знает свою долю, и всегда относится к ней спокойно, то есть не ропщет. Более того, как мы видим на примере Дроны, герой находит удовлетворение в своём фатализме, считая его источником славы. Подобное отношение к собственной доле характерно для благородных героев. Напомним, что Кухулин сам выбрал себе короткую, но славную жизнь:

«Правду сказал я, – воскликнул Катбад, – будешь велик ты и славен, но бы-
строгечною жизнью отмечен!

С превеликой охотой остался бы я на земле всего день, да ночь, лишь бы мо-
ва о моих деяниях пережила меня, – сказал Кухулин» (СУ «Похищение быка из
Куальнге»).

Даже бунтарь Гильгамеш, не желающий мириться с обычной долей смерт-
ного, отдаёт дань фатализму, подбадривая Энкиду, оробевшего перед схваткой с
чудовищным Хумбабой:

«Только боги и Солнце пребудут вечно,
А человек – сочтены его годы»

(ОБВ, Табл. III).

Карна же, как мы уже выяснили, своей доли загодя не знает, точнее, не хочет
знать. Но этого мало: когда надвигающаяся по приговору Брахмы гибель в бою с
Араджунной становится очевидной самому Карне, он принимается... сетовать! Жа-
луясь на несправедливость дхармы (!), Карна, по сути дела, клянёт свою несчаст-
ную судьбу. Что может быть дальше от спокойного фатализма настоящих эпи-
ческих героев, таких, как Дрона (Мбх), Хамдир (СЭ), Хаген (ПН), Кухулин (СУ)
или Ахилл (Ил)? Они гибнут, либо, с радостной яростью бросаясь в гушу битвы,
либо, отрешившись от мира и битвы, дают себя убить, как Дрона, либо, лишённые
возможности сражаться, как-нибудь иначе демонстрируют необыкновенную до-
блесть и самообладание: Гуннар, брошенный в змеиный ров со связанными ру-
ками, ногами играет на арфе (СЭ); окружённый врагами Скарпхедин в горящем
доме слагает стихи («Сага о Ньяле»); Хун-Ахпу и Шбаланке, видя неизбежность
гибели, сами бросаются в огонь («Пополь-Вух»). Карна же в какой-то момент
полностью утратил самообладание и стоял на колеснице, проклиная судьбу и
размахивая руками.

Похоже, эпический фатализм – это не удел самых доблестных, а всего толь-
ко норма поведения героев. Такой точки зрения придерживается даже злодей
Дурьйодхана (Мбх V, 125): «Если... соблюдая свой закон, мы, когда настанет час,
найдем в сражении свой конец с оружием (в руках), ...это сулит нам небеса! ...Вы-
сочайший наш долг кшатриев, что мы должны лечь в сражении, покоясь на ложе
из стрел!» Этого ждут от героев и боги. Юпитер меланхолически замечает (мы
почти видим, как он пожимает атлетическими плечами) по поводу предреши́нной
гибели юного героя Палланта:

«Каждому свой положен предел. Безвозвратно и кратко
Время жизни людской. Но умножить деяньями славу -
В этом доблести долг...»

(Эп X, 467-469).

Эпический фатализм не просто одно из многих свойств героя. Это, как на примере Ахилла показал А.Ф. Лосев (определивший данный феномен как «чувство своей... роковой предопределённости»), есть стержень героической личности: «Предопределение рока... и делает его бесстрашным, ибо... у него нет... планов и намерений, кроме тех, которые предназначены ему судьбой. Он не убегает трусливо от судьбы, но, подчиняясь ей, он... как раз и выявляет своё глубочайшее «я»... и становится великим героем» (А.Ф. Лосев, 2006, с. 201).

Именно незнание Карной собственной доли даёт герою надежду. Но эта надежда выглядит неуместно, почти непристойно: эпическому герою *полагается знать*, что он обречён пасть от руки противника «сегодня иль завтра»: «Ведь смерть в бою несомненна для героев, неотвращающихся от него!» – говорит Кришна (Мбх VII, 50). Редкие исключения только подтверждают правило. Русский эпос считает достойным упоминания действительно необычное обстоятельство: богатыря Илье Муромцу «смерть в бою не писана!» Избиваемые во сне панчалы приходят в отчаяние не от неминуемой гибели, но от того, что погибли, не сражаясь, а «как (приносимый в жертву) скот»

(Мбх X, 8).

Отметим, что эпические герои нередко негодуют на несправедливое вмешательство богов в схватку, только выражают они при этом досаду, даже гнев, но никак не отчаяние. Когда меч могучего Менелая раскальвается (!) о шлем Париса, спартанский царь резко выговаривает царю богов:

«Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не золоторен»

(Ил III, 365).

Не менее дерзко высказывается разгневанный Азий:

«Зевс Олимпийский, и ты уже сделался явный лжелюбец!»

(Ил XII, 164).

Сходным образом Ахилл гневно упрекает Аполлона:

«Так, обманула ты меня, о зловреднейший между богами!»

(Ил XXII, 15).

Очевидно, эпическим героям известно, что боги могут быть жестоки и беспринципны, как и сами герои; вот почему в указанных сценах мы находим витязей гневными, но не потрясёнными. Карна же, будучи человеком чести, ждёт того же и от богов. А ведь в качестве эпического героя Карна должен был бы, даже не имея точных сведений о своей доле, предполагать, что падёт в битве – и какая разница, в этой или в следующей? И с чего он взял, что при этом будет соблюдена справедливость – ведь земная доля, как известно, случайна (по крайней мере, с точки зрения не осведомлённого о небесных планах субъекта).

Незнание Карной своей доли удивительно: предсказания, проклятия и вещие сны он решил игнорировать. Доблестный Карна сходен с эпическим героем, так

как «не убегает трусливо от судьбы», но отличается от такого героя тем, что он этой судьбы не хочет знать. В результате, «неожиданно» лишённый надежды на победу, Карна приходит в отчаяние, достойное трагического героя, от несправедливости надвинувшейся гибели в сражении.

24. Отношение к долгу

В отношении Карны к долгу можно выделить две составляющие. Во-первых, это его готовность следовать дхарме не только наперекор судьбе, то есть без надежды на успех, но и вопреки ясно высказанным указаниям богов. Во-вторых, это чувство ответственности перед окружающими. В этих двух аспектах следования Карны долгу и коренится его уникальность как эпического героя.

Перед эпическим героем никогда, за единственным известным нам исключением, и не встаёт проблема покорности или сопротивления судьбе. Мы упоминали выше, что доля эпического героя сводится к дате смерти, да и здесь возможна некоторая неопределённость: валькирии только в ходе битвы решают, кому из героев пасть, а кому выжить [«Это всё валькирии. Один шлёт их во все сражения, они избирают тех, кто должен пасть, и решают исход сражения» (*«Видение Гюльви», «Младшая Эдда», с. 56*)]. Если доля это прежде всего смерть, то для смертных героев вопрос о противостоянии судьбе лишён содержания. В.Н. Ярхо со свойственной ему афористичностью отмечает: «В этом смысле гомеровские герои «беспроблемны» (В.Н. Ярхо *«Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика», 2001, с. 38*). Наблюдение В.Н. Ярхо можно распространить на всех эпических героев. Единственным исключением является шумерский герой Гильгамеш, который действительно борется с судьбой, вызывая раздражение богов – но он-то как раз *пытается добыть бессмертие!*

В противоположность этому, в Мбх для героя божественным сценарием, помимо продолжительности жизни, могут быть predeterminedены и другие важные вехи биографии. Ярчайший пример – сам Карна, которого судьба, жёстко задав исходные обстоятельства его жизни, провоцирует на определённый выбор, а потом заставляет за этот выбор расплачиваться. Чрезвычайно важно, что свой выбор, когда Кришна предоставляет ему второй шанс, взрослый Карна уже делает совершенно сознательно, хотя возможность выбора и теперь чисто номинальная: к этому моменту сформированы семейные и дружеские связи, и собственное благородство настоящего выбора Карне не оставляет. Таким образом, теперь уже не важно, что Дурьюодхана плох, а его благородные противники оказываются, к тому же, братьями Карны: оставить старого друга Карна не может.

Своё решение Карна обстоятельно мотивирует в ходе переговоров с Кришной, Кунти и Бхишмой и готов нести ответственность за свои действия. Для эпического героя это неслыханно. Не только никто из них не задаёт себе «неудобных» вопросов, отсутствует и адекватная оценка действий эпического героя окружающими. Например, никто из ахейцев (кроме самого Ахилла) не осуждает безответственного и эгоистичного поведения Агамемнона по отношению к Ахиллу, хотя расплачивается за это всё войско. Точно так же, никто в Трое, обречённой на бедствия войны и гибель из-за гнусного и трусливого ловеласа Париса, его не упрекает! Итак, тогда как эпические вожди наслаждаются «неподотчётностью» (В.Н. Ярхо), Карне приходится отвечать за свои действия перед окружающими и, самое удивительное, перед собственной совестью. Особо следует отметить, что Карна берёт на себя ответственность, хотя оказался в данной ситуации (вражда с Пандавами) по неведению. Подобные завышенные требования к себе характерны, как кажется, для героев аттической трагедии.

Из многочисленных, согрепивших *по неведению*, назовём Деяниру, убивающую себя в раскаянии за смерть мужа («Трахинянки» Софокла), и Эдипа, выкальывающего себе глаза в расплату за убийство отца и кровосмесительный брак с матерью («Царь Эдип» Софокла), хотя он, по собственным словам, «в своих поступках невластен был, свершал их по незнанию» (Софокл «Эдип в Колоне», 250-251). Это гипертрофированное чувство ответственности ограничено пределами жанра: в эпических сказаниях на тот же сюжет трагического поворота судьбы Эдипа нет, он продолжал царствовать в Фивах (Од XI, 275-276), не помышляя о самоослеплении, и пал в битве (Ил XXIII, 679-680). Да и в трагедии самоосуждение необязательно: в «Финикиянках» Еврипида Эдип и Иокаста живут во дворце после того, как их прошлое выплыло наружу. Более того, по В.Н. Ярхо, не досрости до угрызений совести даже герои греческой трагедии. В действительности, они боятся только суда окружающих, то есть их мучит не совесть, а стыд: Деянира говорит, что предосудительное деяние, оставшееся неизвестным, не навлекает позора; Эдипа беспокоит, как в Аиде он будет смотреть в глаза родителям (В.Н. Ярхо *Древнегреческая литература. Трагедия*, 2000, с. 304). Карна же в какой-то момент сам осуждает себя за издевательства над Пандавами.

В Ил герои доблестно исполняют свой долг, но до определённого предела – они не идут против ставшей *очевидной* воли богов. Дело, разумеется, не в трусости. Диомед, имея санкцию Афины (то есть зная, что это *дозволено*), не побоялся направить копьё против самого Ареса. Более того, в пылу битвы он и по собственному почину атакует Аполлона, защищающего Энея. Но стоит богу одёрнуть заравшегося героя, как ситуация меняется:

«Голосом грозным к нему провещал Аполлон дальновержец:

”Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,

Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влекущихся смертных!"
Так проवेशал, – и назад Диомед отступил недалёко,
Гнева боящийся бога, далёко разящего Феба»

(Ил V, 439-444).

Диомед усвоил урок и, увидев Ареса рядом с Гектором («Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий»), он отступает сам и призывает к тому же соратников:

«Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!»
Противостояние богам недопустимо и добром не кончится:
«...И могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
Долго не жил, на богов, небожителей, руки поднявший»

(Ил VI, 130-131).

Такой подход можно было бы назвать прагматичным, если бы это не подразумевало противопоставления прагматики и этики в качестве альтернативных основ поведения. В действительности никакого противопоставления нет, эпическому герою просто не приходится в голову ставить под сомнение этику богов и их право распоряжаться. Боги Ахилла, Гильгамеша и Данниилу (эпос Угарита), несмотря на отвратительные проделки, так же «неподотчётны», как и сами герои: вспомним убийство богиней Анат юного сына Данниилу из-за понравившегося ей лука! Так образ богов греческих сказаний подытожил Ксенофан: «Всё, что есть у людей бесчестного, приписали богам Гомер и Гесиод: воровство, прелюбодейные и взаимный обман». Положение о «неподотчётности» богов в Мбх формулирует божественный мудрец Вьяса (Мбх XV, 38, 22-23): «Закон для людей с законом для богов не совпадает... Всё для сильных приемлемо, всё для сильных чисто, всё для сильных закономерно...» И это отнюдь не абстрактная сентенция. Напомним, как божественный Кришна, отчаявшись в победе Пандавов честными методами, инструктирует Арджуну (Мбх VII, 164): «Отбросив справедливость, о Пандава, следует теперь придумать такой хитроумный замысел, чтобы (Дрона)... не убил нас всех в сражении!» Очевидно, Мбх, как и другие эпосы древности, в значительной степени отражает довольно раннюю стадию развития общественного сознания, когда бог, по выражению Ф.Ф. Зелинского, «проявлял себя не в справедливости, но в силе». В связи с этим можно напомнить восхитительную по своей откровенности сцену из вавилонской поэмы об Атрахасисе. Когда после потопа боги страдают от голода (люди истреблены, жертв никто не приносит), Энлиль, *сам велевший уничтожить людей*, с бессовестной жадностью бросается на первый жертвенный дымок, игнорируя укор богини Нинту:

«Как? И Энлиль приблизился к жертве?
Потоп устроили, не подумав,
Приговорили людей к истреблению!»

Насытившись, верховный бог гневно вопрошает, кто посмел спасти людей вопреки его воле. А ведь добром для эпических героев было как раз то, что нравилось богам! Прекрасный пример – «богоравный» Одиссей. Вот как хитроумного героя характеризует благосклонная к нему Афина:

«Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от тёмной
Лжи и от слов двосмысленных, смолоду к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно, мы оба
Любим хитрить...»

(Од XIII, 293-297).

Для Карны же, как мы могли убедиться, долг и моральные обязательства превыше всего, и он следует им вопреки советам Сурьи и Кришны. Более того, в споре с обоими Карна объясняет свой отказ тем, что предлагаемое ему богом поведение неэтично! Следует отметить, что в указанных случаях речь идёт не о субъективном мнении Карны, который мог и ошибаться – сказание подчёркивает, что герой прав (Мбх V, 144, 3): «Но хотя так говорили ему мать и отец его – само Солнце, мнение Карны не поколебалось вовсе, ибо он твёрдо был предан правде». В сходных ситуациях образцовый эпический герой Араджуна ведёт себя как *должно*, то есть неизменно полагается на моральный авторитет Кришны, даже когда божественный друг склоняет его к бесчестным поступкам. На таком фоне поведение Карны выглядит необычно. Чтобы уяснить, в чём источник этой «необычности», рассмотрим призыв Афины к Ахиллу, которого богиня лихорадочно, схватив за кудри (!), пытается удержать от убийства Агамемнона:

«Бурный твой гнев укротить я, *когда ты бессмертным покорен,*
С неба сошла...»

(Ил I, 207-207)

(курсив наш – А. И.).

Очевидно, Афина сознаёт, что Ахилл может не подчиниться. Значит, особенность Карны не в наличии у него какого-то уникального иммунитета к воле богов. Свободой выбора обладают и другие герои, но они, в отличие от Карны, не ставят под сомнение правоту богов и в конце концов предпочитают богам покориться. Известны, конечно, и исключения. Для некоторых героев архаических сказаний (нарты; иранский герой Керсаспа) богатство является их «трагической виной» (Е.М. Мелетинский). Они не склоняют головы ни перед кем [«Они подняли брёвна косяков, чтоб и на миг не наклонять голов» (нартский эпос, «Решение бога»)], включая богов [«Мы победили на земле врагов, не побоимся и самих богов» («Решение бога»)], и в результате гибнут. Но Карна отличается от этих буйных героев. Источник конфликта древних богатырей с небом – их стихийный и антисоциальный «избыточный дух», от которого страдают подчас и соплеменники. Здесь ка-

рающие боги воплощают этическое и цивилизующее начала; для Карны ситуация перевернута. Он твёрдо следует этическим и социальным нормам, воплощённым в дхарме, тогда как боги поступают жестоко и беспринципно.

25. Помощь мертвеца

Обращение героя за помощью или советом к мертвецу – важный мотив архаических сказаний, сохранившийся и в памятниках классического героического эпоса. Общение с мертвецом может сопровождаться катасисом героя, показанным эксплицитно (нартский эпос, Эн) или имплицитно (Оа, Су), вызовом духа мертвеца из преисподней (ОВВ), его незванным появлением (Ил) или временным пробуждением от смертного сна в могиле (финский эпос). Мертвец, дающий совет или оказывающий иную помощь, может быть предком, родичем или побратимом вопрошающего героя, или мудрецом/колдуном/прорицателем прошлого.

Гильгамеш общается с душой своего побратима Энкиду, вызванной из преисподней, чтобы ответить на вопросы героя о посмертной доле. Кроме того, сам Гильгамеш нисходит в иной мир, чтобы узнать у праведника Ут-Напишты, как получить бессмертие. Один, нуждаясь в совете, вопрошает отрубленную голову великана Мимира. Помимо этого, Один «иногда вызывал мертвецов или сидел под повешенными» («Сага об Инглингах»). Кухулин через «Мост Лезвия» проникает к хозяйке иного мира Скатах, от которой получает секреты боевого искусства и пророчество о своей судьбе (Су, «Сватовство к Эмер»).

Одиссей совершает жертвенные возлияния и приносит кровавую жертву душам умерших в Аиде с главной целью получить совет мёртвого прорицателя, знаменитого Тиресия из Фив (Од XI). В результате герой получает бесценное предсказание об опасностях, подстерегающих его на пути домой, о средствах предосторожности, страшных последствиях нарушения полученных инструкций, и о том, что его ждёт и что надлежит сделать по прибытии в Итаку. Советы даёт Одиссею и тень Агамемнона. Эней, спустившись в подземное царство, получает подробнейшие предсказания и инструкции от своего отца Анхиза (Эн VI). Герой нартвов Созырко нисходит в царство мёртвых, где с помощью своей покойной жены Бедухи получает магические предметы, необходимые ему для выполнения богатырской службы. Герой финского эпоса Вяйнемейнен посещает могилу древнего мудреца великана Антеро Випунена, пробудив которого, получает сокровенное знание – три магических слова, необходимые для постройки лодки. Илья Муромец получает силу от мёртвого древнего богатыря Святогора в виде его последнего выдоха из-под крышки гроба. Наставление получает Ахилл от внезапно явившегося призрака Патрокла (Ил XXIII, 65-92).

Можно видеть, что мотив получения советов от мертвеца лежит в основе эпизодов Мбх, где убитый на десятый день сражения, но магически отсрочивший своё вознесение на небо Бхишма в качестве почитаемого предка и праведного мудреца беседует с Карной, а затем даёт пространные наставления Юдхиштхире. Отложив с помощью божественного дара «окончательную» смерть и погребальные обряды на сорок восемь дней до дня зимнего солнцестояния, Бхишма неподвижно покоится на ложе из стрел. Единственным проявлением активности убитого героя является способность поддерживать беседу, давая советы, наставления, и открывая тайны. Никаких сомнений в том, что Бхишма – мертвец, кажется, нет ни у персонажей, ни у аудитории. Эпической аудитории известно, что при определённых обстоятельствах, тем более до совершения погребального ритуала, мертвецы могут общаться с живыми (ср. неуспокоенность духа Патрокла до кремации). Герои Мбх, оказывая павшему витязю почести, как и рассказчики, постоянно говорят о Бхишме как о мертвце (Мбх VII, 1, 5): «Услышав о том, что убит его отец, царь Дхритараштра из рода Куру, предавшийся заботам и печалям, не находил себе покоя».

Обращение Карны к убитому «деду Кауравов» похоже на заклинание (Мбх VII, 3, 2): «Я Карна! Благо тебе! Скажи теперь мне, о потомок Бхараты, в святых и благотворных словах и взгляни на меня (открытыми) глазами!» Отметим, что закрытые глаза как аллюзия на слепоту – общефольклорный признак «живого» мертвеца: Вий, которому демоны поднимают веки; Баба Яга, распознающая героя только с помощью обоняния по его «русскому духу»; слепой Тиресий, вызванный Одиссеем из Аида; слепой хозяин иного мира «Калевалы»; поднятый из могилы Вилупунен, не видящий, кого проглотил. После взаимного примирения живого и мёртвого героев следует наставление Карне из уст Бхишмы перейти на сторону своих братьев Пандавов. Тут в очередной раз происходит нечто невероятное по эпическим канонам: Карна вступает в препирательство с мёртвым мудрецом (к которому сам пришёл за благословением!), отказываясь следовать его совету. Более того, Карне удаётся переубедить Бхишму, и в результате мёртвый витязь, признав Карну своим внуком, благословляет его сражаться на стороне неправого Дурьйодханы. Нетрудно убедиться, что «источником» трансформации мотива помощи мертвеца является не Бхишма, а именно Карна. Сомнений в этом не остаётся, если принять во внимание совершенно традиционное следование этому мотиву во время обширнейших наставлений мёртвым дедом царя Юдхиштхиры в управлении царством («Раджадхарма») и в законе освобождения души («Мокшадхарма»), чему полностью посвящена XII книга Мбх «Шантипарва».

Итак, Карна не изменяет своим принципам ни по просьбе матери, ни по советам божеств, ни по наставлениям мёртвого предка.

26. Милосердие к противнику

Рассмотрим отношение эпического героя к антагонисту. Несмотря на самые заманчивые предложения Калина-царя, Илья Муромец (которого «свой» князь заживо замуровал!) даже не хочет с царём говорить. Говорить действительно не о чем: в соответствии с кодексом чести эпического героя соглашение с врагом немислимо (что не исключает уважительного отношения к противнику – но не в РГЭ). Предложение о переходе в стан противника вызывает такой гнев старого богатыря, что, схватив Калина за ноги (Илья, очевидно, не при оружии, миссия-то дипломатическая), он расправляется и с царём, и с его войском.

После гибели Патрокла Ахилл, охваченный горем и жадной мести, убивает молящего о пощаде безоружного Ликаона – юного сына Приама:

«Что ты вешаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?

Так, доколе Патрокла наслаждался сиянием солнца,

Миловать Трои сынов иногда мне было приятно.

..Ныне пощады вам нет никому, кого только демон

В руки мои приведёт под стенами Приамовой Трои!

Всем вам, троянам, смерть, и особенно дегям Приама!»

(Ил XXI, 99-101, 103-105).

Ахилл подчёркнуто безжалостен к врагам, и грубо обрывает попытку Гектора договориться о выдаче родственникам тела того из них, кто падёт в сражении:

«Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!»

(Ил XXII, 261).

Уже поверженному и умирающему Гектору Ахилл говорит:

«Тщетно ты, пёс, обнимаешь мне ноги и молишь родными!

..Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!»

(Ил XXII, 345, 354).

Дело не только в патологической жестокости или гневливости как индивидуальных качествах Ахилла, но и в том, что возможность надругаться над телом убитого врага служит славе героя не меньше, чем сама победа над этим врагом. Да и при жизни поиздеваться над поверженным врагом, оказывается, не грех: «Всегда должно выполнять то, что будет причинять мучения врагам!» – говорит герой Сатьяки (*Мбх VII, 118, 48*).

Не только неукротимый Ахилл, но и благочестивый Эней, потеряв в бою юного друга (Палланта), впадает в ярость и без жалости убивает поверженных противников, молящих о пощаде (Эн X). И в «мирной» *Мбх* мы слышим ссылку на произвол победителя из уст Джарасандхи, царя Магадхи (*Мбх II, 20*): «...Это законное ремесло кшатрия: проявив доблесть и подчинив своей власти (другого), поступать с ним, как заблагорассудится». Рассеивая сомнения в том, как далеко

простирается произвол победителя, соответствующий этике воина, Джарасандха добавляет: «Предназначив царей (для принесения в жертву) божествам, ..как я могу сегодня из страха освободить их, помня об обете кшатриев?»

Подобных примеров множество. Хаген в последней схватке безжалостно атакует старого Хильдебранда, посланного для переговоров (ПН). В «Гренландских речах Атли» (СЭ) гуннский король Атли, пытаясь добыть золото Нибелунгов, убивает своих шуринов с изощрённой жестокостью: Хёгни живому вырезают сердце, Гуннара бросают в змеиный ров. Вскоре выясняется, что жестокость героинь эпоса не уступает жестокости героев. Ненависть Гудрун, мстящей своему мужу Атли за гибель братьев, доводит её до убийства собственных детей, мясо которых она подаёт их отцу Атли на обед (СЭ, «Гренландские речи Атли»).

Коль скоро женские персонажи эпоса позволяют себе подобные вольности, то и с ними самими можно не церемониться. Благочестивый Эней готов расправиться с навлекшей гибель на Троию Еленой; царица амазонок Пентесилея безжалостно убита Ахиллом; колдунья-оборотень (РГЭ) Авдотья – богатырём Михайлой Потыком. В последнем случае мы находим пример удивительной жестокости. Вместо быстрой расправы, Потык отрубает жене-колдунье губы, груди, руки и ноги и бросает умирать. Сходным образом, включая анатомические подробности, избавляется от коварной Авдотьи Лиходеевны Иван Гоудинович, а от колдуньи Маринки – известный своей бонтонностью Добрыня. (Возможно, такая зверская расправа имеет в своей основе магический ритуал, призванный нейтрализовать злые чары ведьмы – ср. кол для вурдалака, сжигание колдуна). Покончив с Гренделем, Беовульф расправляется с его людоедкой-матерью (почтенная матрона ведёт свой род от самого Каина).

На решительные действия способны и кельтские герои. Однажды колесницу Кухулина останавливает, встав перед ней, прорицательница Рихес, а за её спиной прячется воин, готовый поразить Кухулина копьём. Противника Кухулин не видит, так как находчивая дама сбросила одежду, и скромный герой потупил взор. От женского коварства Кухулина спасает его неотягощённый предрассудками возница: «...Лоэг поднял камень... и бросил в ту женщину, так что пробил камень ей брюхо, и зад её разорвался надвое, и она от этого умерла («СУ, «Опьянение уладов»).

В Рм мы находим этическое обоснование расправы героя с персонажами женского пола. Риши Вишвамित्रа инструктирует Раму (Рм I, 25, 15, 17, 22):

«Эту негодную якшини,
Во зло обратившую свою силу,
Её, жестокую, убей, Рагхава,
На благо коров и брахманов!

.....

И сделай так, не пугаясь
Того, что убьешь женщину,
Ведь благо четьырех варн -
Это долг царевича, о Рагхава.

.....
И многими, многими мужами,
Лучшими из людей, благородными,
Великими духом, были убиты
Жёны, изменившие добродетели».

Мы видим, что эпические герои непримиримы к врагам, истинным или мнимым. Исключения редки, связаны с мягкосердечием или наивностью юного героя, и подтверждают правило, так как в контексте эпоса выглядят роковыми ошибками. После первой победы над змеем молодой и неопытный Добрыня доверился противнику, «положив заповедь», то есть пойдя с ним на мировую. Коварная рептилия, естественно, нарушает договор: нападает на Киев и даже похищает племянницу князя Владимира, после чего пощадивший змея Добрыня в глазах Киевского князя выглядит как предатель. Очарованный красавицей-колдуньей Михайло Потык два раза прощает её предательские козни, оба раза чудом избегая гибели (его спасают Илья и Добрыня). Из приведённого ранее эпизода ирландского эпоса мы узнаём, что деликатность Кухулина также чуть не привела его к гибели. Наивный юный витязь Сохраб, уже занеся нож над поверженным Ростемом, поверил словам старого хитреца о том, что настоящий герой всегда даёт противнику второй шанс – и поплатился за свою наивность жизнью (ШН). Рама, которому при встрече с яростной якшини ещё нет и шестнадцати лет (это его первый подвиг), несмотря на наставления риши, явно не готов к убийству женщины. Сердобольный юноша решил просто нейтрализовать противницу и ограничился тем, что «отсёк ей обе руки стрелою». Жалость чуть не стоила Рама и Лакшмане жизни: безрукая якшини силой магии обрушила на героев каменный дождь (*Рм I, 26*).

Итак, милосердие к врагу может обойтись герою очень дорого. В общем, героический эпос на бесчисленных положительных и на редких отрицательных примерах превозносит непримиримое отношение героя к антагонисту: враг должен быть уничтожен. Очень важно, что во всех указанных случаях герой, осознав ошибку (если ошибка не стоила ему жизни, как Сохрабу), отбрасывает сомнения и, забыв о милосердии, добивает противника: вспомним, как Гильгамеш после уговоров Энкиду расправляется с молящим о пощаде Хумбабой (*ОВВ, Табл.V*).

Не таков Карна. Он раскаивается в издевательствах над побеждёнными в игре Пандавами и обещает Кунти сражаться в бою Юдхиштхиту, Бхимасену и Близнецов. Внешне сходную ситуацию мы находим в византийском эпосе «Дигенис Акрит»: заглавный герой обещает похищенной девушке сражаться в бою её отца и братьев,

которые преследуют влюблённых. Но мотивация Дигениса – самого практического свойства: он собирается свататься и не хочет убивать будущих родственников. В случае Карны любовная подоплёка отсутствует. Кроме того, ни братьям, ни матери Карна прошлых обид не простил (позже мы убедимся, что и ненависть к Пандавам герой не в силах преодолеть). Значит, цадить четверых Пандавов он пообещал не в знак примирения, а скорее из рыцарского великодушия и почтения к пожилой даме, чтобы визит Кунти «не был напрасным». Великодушие Карны по отношению к Кунти и четверым Пандавам хорошо согласуется с его обликом благородного и благого человека. «Преданный брахманам и правдоречивый, занятый подвижничеством, соблюдающий обет и милосердный даже по отношению к врагам», – говорит о нём сказание.

Пандавы не знают о великодушном плане Карны и, как следствие, Карна подвергает дополнительному риску не только себя, но и своих союзников, и только поэтому тридцать один сын царя Дхритараштры гибнет от руки Бхимасены. Так Карна обнаруживает себя в моральном тупике, который он остро переживает. Но вместо того, чтобы яростно обрушиться на недостойного пощады противника, «Карна с лицом, залитым слезами», являет признаки депрессии. В результате мы видим не цельного эпического, а рефлектирующего трагического героя, причём, в совершенно неожиданном для такого героя и неподходящем для подобного занятия месте – на поле боя.

27. Побратимы

Даже непобедимый герой, способный в одиночку противостоять целому войску, нуждается в моральной поддержке. Кельтский воитель, в течение трёх месяцев сдерживавший объединённые силы четырёх ирландских королевств, приходит в отчаяние: «Великая грусть охватила в тот день Кухулина, ибо в одиночку сражался он при Похищении. Нашла на Кухулина печаль да истома...» (СУ, «Похищение быка из Куальнге»). Эпический герой «не может жить только для себя, ему нужен спутник, товарищ, в беседе с которым он может облегчить душу» (С.М. Боура «Героическая поэзия», 2002, с. 89).

Пары героев-друзей, побратимов, а иногда и братьев, часто встречаются в эпосе. Это Гильгамеш и Энкиду ОВВ, графы Роланд и Оливье ПР, близнецы Санасар и Багдасар ДС, братья Хун-Ахпу и Шбаланке эпоса индейцев киче «Пополь-Вух», Ахилл и Патрокл Ил, Манас и Алмамбет киргизского эпоса, братья Рама и Лакшмана Рм, Полинник и Тидей «Фиваиды», «крестовые братья» Добрыня Никитич и Алёша Попович и, разумеется, Кришна с Арджуной и Карна с Дурьюодханой Мбх. Возможно, что многие пары побратимов исходно являются братьями или

близкими родичами. По мнению Е.М. Мелетинского, образы Гильгамеша и Энкиду восходят к близнечной паре культурных героев – первопредков. Что касается Ил, Ахилл приходится Патроклу двоюродным племянником (нимфа Этгина – прабабка одному и бабка другому). Пары Дурьйодхана/Карна и Арджуна/Кришна представлены двоюродными братьями.

Дружба со своим напарником – настолько важное обстоятельство жизни и подвигов героя, что может быть предсказано ему в вещем сне. Сон Гильгамеша, предвещающий появление Энкиду, толкует мать героя богиня Нинсун:

«Нинсун мудрая – всё она знает,
вещает она Гильгамешу:
" ...Сильный придёт сотоварищ, спаситель друга,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки, -
Ты полюбишь его, как к жене прильнёшь ты,
Он будет другом, тебя не покинет..." »

(ОБВ, Табл. I).

(Ср. с нежной привязанностью Кришны к Арджуне: «Тот, милее которого нет для меня на земле человека, и не существует такого, чего бы я не отдал ему, будь то жёны мои и сыновья...»). Дружба Гильгамеша и Энкиду пронизывает всю поэму, от знакомства в самом её начале, через совместные подвиги (убийство чудовища Хумбабы в горах Ливана и небесного быка, насланного богом неба Ану по просьбе оскорблённой Иштар), до смерти Энкиду, подвигнувшей Гильгамеша на путешествие в потусторонний мир в поисках бессмертия. Помимо посылаания и толкования вещей снов, есть и другие способы подчеркнуть чрезвычайную важность, а порой, и трансцендентную природу дружбы эпических героев. Когда Индра, восхищённый подвигом Арджуны и Кришны, предложил им награду,

«...Васудева выбрал в дар вечную дружбу с Партхой» (*Мбх I, 225*).

Отметим ряд особенностей, присущих парам эпических героев. Прежде всего, это непременно благородные герои, ставящие перед собой и совместно решающие возвышенные героические задачи: Гильгамеш и Энкиду борются с чудовищами, Роланд и Оливье защищают «милую Францию» от сарацин, а Санасар и Багдасар – Армению от Халифата, Хун-Ахлу и Шбаланке мстят за безвременную гибель отца и дяди коварным демонам преисподней, Рама и Лакшмана сражаются с ракшасами, чтобы вернуть похищенную жену Рамы Ситу, Карна и Арджуна возглавляют справедливую борьбу Пандавов с узурпаторами-Кауравами, Тидей помогает Полинику в борьбе за возвращение фиванского трона, Добрыня и Алёша расчищают Русь от врагов. Единственное исключение – побратимство армянского героя Мгера с арабским князем Мсра-меликом, но в этом случае побратимство оказалось мнимым: юный Мгер был обманут коварным противником.

Кроме того, в каждой из героических пар выделяется лидер. Аспект старшинства во взаимодействии «внутри» пары героев настолько естествен и распространён, что даже близнецы-герои нартов Урызмаг и Хамыц не могут его обойти («Поход Урызмага и Хамыца»). В некоторых случаях известен относительный возраст героев. Так, мы знаем, что из пары героев-братьев в армянском эпоса старше Санасар, в Рм – Рама, в сказании киче – Хун-Ахпу, и что из двух друзей Гильгамеш старше Энкиду. Иногда героям приходится определять старшинство в схватке (Санасар и Багдасар; «знакомство» Гильгамеша и Энкиду). В некоторых случаях эпос «застаёт» ситуацию, когда один из пары друзей уже является военным вождём, и другой подчиняется в соответствии с субординацией: Оливье спорит с Роландом, трижды предлагая вызвать подмогу, но в конце концов уступает, так как именно Роланд – командир их арьергардного отряда. В ряде случаев старшинство определяется социальным статусом: Гильгамеш, Кришна и Ахилл – цари, Рама – наследник, а позже – царь (тогда как их партнёры – нет), а Роланд выделяется знатностью среди прочих графов и пэров Франции, включая Оливье, так как он – племянник Карла Великого. Подчас и по силе и доблести один из пары героев явно превосходит другого. С этой точки зрения разница между величайшим ахейским вождём Ахиллом и Патроклом, так же, как и между могучим Рамой и Лакшманой, очевидна. Можно напомнить, как Энкиду охватывает страх перед чудовищным Хумбабой, и более доблестный Гильгамеш подбадривает оробевшего друга, готового повернуть назад на подступах к Ливанским горам.

Старшинство, как правило, определяется не одним из перечисленных нами признаков, а их набором, и индивидуальные признаки в таком комплексе всегда согласуются между собой: Ахилл превосходит Патрокла и по военному опыту, и по силе, и по социальному статусу. Так же обстоит дело в парах Санасар/Багдасар, Гильгамеш/Энкиду, Рама/Лакшмана и Роланд/Оливье. Кришна – царь ядавов, тогда как Арджуна – только младший брат царя Пандавов; отметим также непрерываемый духовный авторитет Кришны, к которому Арджуна обращается, как к наставнику, за советом и поддержкой в самых сложных ситуациях. Кроме того, сверхъестественные способности делают Кришну «наисильнейшим из силачей», и непобедимым воителем, «который может сжечь все три мира».

Помимо подвигов, сами отношения внутри тандема могут быть предметом изображения эпоса. Порой дружба героев окрашена их контрастными характеристиками. Роланд порывист и горяч (Оливье говорит другу: «Надменны вы, ваш нрав не в меру крут»), тогда как Оливье вежлив и сдержан. Аналогично, «хорошо воспитанный, умеющий себя сдерживать Добрыня и несдержанный, наивный и непосредственный Алёша – прямые противоположности» (В.Я. Протт, 2006, с. 286). Патрокл укоряет Ахилла: «Сердцем жесток ты»

Во многих случаях мы узнаём, как возникла дружба. Например, Гильгамеш и Энкиду начинают знакомство достойно эпических героев, а именно, с яростной схватки, происходящей непосредственно на улице Урука:

«Стали биться на улице, на широкой дороге, –
Обрушились сени, стена содрогнулась»

(ОБВ, Табл. II).

Илья Муромец и Добрыня Никитич тоже знакомятся, сойдясь в поединке, который заканчивается их братанием. Натуралистично описанной жестокой потасовкой с разбитыми висками и заплывшими лицами начинается и дружба Тидея с Полинником в «Фиваиде». Когда отношения побратимства установлены, герои не стесняются в выражении привязанности. Вот что говорит Кришна (Мбх VII, 56, 23): «...Ни жёны мои и ни друзья, ни мои родственники и близкие и ни кто-нибудь другой не более мил мне, чем Арджуна...»

Конец жизненного пути героев, если он попадает в поле зрения эпоса, чрезвычайно важен. В тех редких случаях, когда один из героев умирает не в бою, другому остаётся, казалось бы, только бессильно горевать. Но настоящий герой и здесь не сдаётся: после смерти Энкиду от болезни, насланной разгневанными богами, Гильгамеш бросает им вызов, отправляясь на поиски бессмертия. Перед этим мы становимся свидетелями неистового проявления скорби, свидетельствующего о силе дружбы героев и о невозполнимой потере Гильгамеша:

«Я об Энкиду, моём друге, плачу,
Словно плакальщица горько рыдаю:
"Мощный топор мой, сильный оплот мой,
Верный кинжал мой, надёжный щит мой,
Праздничный плащ мой, пышный убор мой –
Демон злой у меня тебя отнял!"»

(ОБВ, Табл. VIII).

Не менее неистова скорбь Ахилла, потерявшего Патрокла:

«Чёрное облако скорби покрыло Пелеева сына.
В горсти руками обеими взяв закоптелого пепла,
Голову им он посыпал, прекрасный свой вид безобразя.
Весь благовонный хитон свой испачкал он чёрной золою,
Сам же, – большой, на пространстве большом распростершись,
В серой пыли и терзал себе волосы, их безобразя»

(Ил XVIII, 22-27).

В типичном случае герой гибнет на поле боя, и тогда его побратим разделяет его участь, сложив голову в том же сражении (Роланд и Оливье ПР; Хамдир и Сёрли СЭ), либо не успокаивается, пока не отомстит убийце друга (Ахилл и Патрокл Ил).

Теперь обратимся к тандему Карна – Дурьйодхана. Прежде всего, отметим исключительную важность мотива побратимства в судьбе Карны. Его статус друга и соратника Дурьйодханы затмевает все его прочие титулы и функции. Например, сказание «забывает» о таком важнейшем обстоятельстве, как помазание Карны на царство Анги и Ванги. Внезапно выясняется, что на Курукшестре в войске Кауравов сражались... царь вангов и царь ангов, не имевшие никакого отношения к Карне; оба царя относятся к обобщенной группе «уроженцев Востока и Юга», сражаются на слонах и являются млеччхами, то есть варварами-неарийцами (*Мбх VIII, 17*).

Внимательное рассмотрение позволяет установить, что целый ряд особенностей делает пару побратимов Карна-Дурьйодхана необычной для эпоса. Во-первых, здесь мы имеем единственный случай, когда героев объединяют вовсе не благородные цели. В самом начале их отношений, когда Дурьйодхана предлагает Карне дружбу и покровительство, у аудитории ещё могут возникнуть иллюзии о целях этого союза: Карну только что незаслуженно оскорбили Пандавы, и Дурьйодхана благородно заступился за униженного безродного «отщепенца». Но уже в конце сцены состязания такие иллюзии начинают рассеиваться: и Дурьйодхана, и Юдхиштхира думают о том, каким *неоценимым союзником* или *страшным врагом* может быть доблестный Карна. Следует уточнить, что такое «утилитарное» отношение Дурьйодханы к Карне само по себе вовсе не исключает искренних дружеских чувств (друг восхищается силой и доблестью друга), но ставит под сомнение благородство *целей* пары героев. Очень скоро развитие событий подтверждает подозрения о коварных планах тандема: Карна и Дурьйодхана начинают строить козни против Пандавов и доводят дело до братоубийственной войны.

Второй из выделенных нами аспектов внутренних отношений героев – вопрос старшинства – в случае пары Карна-Дурьйодхана также выглядит необычно. В данном случае мы видим полный разброд отмеченных выше отдельных факторов, входящих в комплекс «лидера».

а) Косвенные, но неоспоримые доводы позволяют нам прийти к выводу, что *по возрасту Карна старше Дурьйодханы*: Кунти родила Юдхиштхиру раньше, чем Гандхари – Дурьйодхану [(*Мбх I, 107, 24*): «И вот... родился царевич Дурьйодхана. По времени рождения царевич Юдхиштхира был старше его»], а Карна, в свою очередь, старше Юдхиштхиры, так как появился у Кунти ещё до её брака с Панду.

б) С другой стороны, *по социальному положению Дурьйодхана несравненно выше Карны*: Дурьйодхана старший царевич, а затем и царь великой державы Кауравов, распространившей свою власть на значительную часть Индостана. Смолоду именно Дурьйодхана покровительствует Карне, а не наоборот. Карна даже после помазания на царство ангов (тем же Дурьйодханой) остаётся, по сути,

вассальным царьком в сфере влияния могущественной империи Кауравов. Вершина карьеры Карны – должность главнокомандующего Кауравов, которую он занимает последние два дня своей жизни, но и на эту должность его назначил самодержец Дурьйодхана.

в) Несмотря на подчинённое положение, *Карна более могучий воин*, чем его друг и сюзерен. Подчеркнём значимость этой ситуации. Нельзя сравнивать по силе и доблести Илью Муромца с князем Владимиром, так как Киевский князь русского героического эпоса не является эпическим героем: он, по В.Я. Проппу, не более, чем олицетворение власти государства. В противоположность этому, царь Кауравов Дурьйодхана по совместительству – один из величайших колесничных бойцов Мбх («Искусный во владении оружием, он трудноодолим в битве», – констатирует Кришна), и его сопоставление с «напарником» Карной оправдано.

г) Вопрос о том, кто из пары героев является лидером направленной против Пандавов интриги, наиболее запутан. Не подлежит сомнению, что первым козни против Пандавов задумал Дурьйодхана. Но в дальнейшем, как мы видели, Карна часто проявлял не только больше изобретательности, упорства и доблести, но и перехватывал инициативу в действиях против Пандавов, и по крайней мере в двух случаях ещё до войны требовал санкции на их уничтожение, а также добивался повторной рассылки шпионов для поиска Пандавов. Таким образом, именно Карна часто выступал как лидер интриги, которая является и стержнем сюжета Мбх, и основной сферой приложения героических деяний пары Карна – Дурьйодхана. Мы вынуждены признать, что однозначно решить вопрос о старшинстве одного из двух героев в этой паре не представляется возможным.

Рассмотрим отношения Карны и Дурьйодханы. Их дружба завязывается в полном соответствии с требованиями жанра, демонстрируя необходимую степень аффектации. Напомним, что во время юношеского состязания в боевых искусствах Карна подвергается оскорблениям со стороны Пандавов из-за своего «низкого» происхождения, и Дурьйодхана посвящает Карну на царство. Благодарный Карна говорит (Мбх I, 126): «Что же я должен дать тебе, что могло бы сравниться с этим дарением царства? Скажи мне, о тигр среди царей, я так и сделаю, о царь!» – «Я желаю нерушимой дружбы твоей», – сказал ему Суйодхана. И когда было так сказано, Карна промолвил ему в ответ: «Да будет так!». И, в восторге обняв друг друга, оба исполнились великой радости».

Дружба Карны и Дурьйодханы проходит многие испытания. Когда после очередного поражения Дурьйодхана в отчаянии хочет покончить с собой, Карна горестно восклицает: «Без тебя я не вынесу жизни, о бык-муж!» [ср. с отношением Кришны к своему другу (Мбх VII, 56, 24): «Я не буду в состоянии ..взглянуть даже на миг на этот мир без Арджуны!»]. Позже Карна говорит, что, благодаря этой дружбе, тринадцать лет суверенного правления Дурьйодханы были счаст-

ливейшими в жизни Карны. Поэтому в отказе Карны перейти на сторону Пандавов нет ничего удивительного – он верен дружбе. Дурьйодхана, как кажется, отвечает Карне взаимностью. За несколько часов до гибели Карны Ашваттхаман предлагает примирить стороны. Дурьйодхана отказывается от переговоров, в частности, ради Карны, так как мечта жизни последнего – сразиться с Арджуной.

На этом фоне удивителен финал дружбы двух героев. После гибели Карны Дурьйодхана, в отличие от Ахилла, пеплом себя не посыпает и волос не рвёт, но тоже остро переживает потерю друга (*Мбх VIII, 68*): «...Дурьйодхана, чей разум был помрачён скорбью, тяжело страдая, со слезами на глазах, не сознавая происходящего, твердил только: «Карна! О Карна!». Впрочем, патетика плача Дурьйодханы несколько снижается обрамляющим замечанием Санджайи, который и передаёт всю сцену царю Дхритараштре (*Мбх VIII, 68, 46*): «...Тот ушёл на небеса, унеся с собой надежду на победу, благо и последнюю опору твоих сыновей!» (курсив наш – А. И.). Кажется, и сам старый царь считает, что Дурьйодхану больше должна волновать угроза поражения, чем потеря друга (*Мбх VIII, 5, 85-86*): «Сын мой, неразумный, злобный... став ныне свидетелем того, как пал быкошейей Карна... скорбит, верно, о том, что некогда предпочёл ответить отказом Васудеве!» (то есть отверг мирные переговоры – А. И.).

Наше подозрение о прагматической подоплёке скорби Дурьйодханы подтверждается тем, что доблестный Каурава не предпринимает никаких ответных действий, чтобы лично отомстить Арджуне за убийство друга. Речь идёт не о гибели в честном бою, а именно об убийстве: Арджуну грубо нарушены правила поединка. А ведь даже противник, одолевший одного из побратимов в честном сражении, заслуживает ответного вызова на бой вторым побратимом. Вспомним неистовство Ахилла, мстящего за смерть друга! Вспомним, как спешит Коналл Кернах после гибели Кухулина вызвать на ответный поединок Лугайда или хотя бы договориться о будущем поединке – от этого зависит его честь: «...Подъехал Коналл ближе и сказал: "Приятна мне наша встреча и мило лицо должника, когда можно требовать уплаты долга. Долг за тобой, ибо ты убил моего товарища Кухулина. За этим-то долгом я и пришёл к тебе"» (СУ, «Смерть Кухулина»).

Самый трогательный пример верности героя дружбе мы находим в Эн. Юный троянец Нис из чаши леса видит гибель своего друга Эвриала, захваченного отрядом рутулов. Нис понимает, что спасти друга в одиночку он не сможет, но, тем не менее, бросается из укрытия в гущу врагов в безнадежном порыве:

«Ниса плотней и плотней отовсюду враги обступают,

Колют, теснят...

...Тогда он упал и приник израненным телом

К телу друга, и смерть осенила Ниса покоем»

(Эп IX, 440-445).

Почему царь Кауравов не поступит так же? Возможно, ему не устоять против Арджуны, но тем больше чести в такой схватке. Да и трусом могучий Дурьйодхана никогда не был. Вот как не замеченный в любви к старшему Каураве Кришна аттестует его доблесть и мощь (Мбх VII, 77): «...Нет равного ему воина, сражающегося на колеснице! Он – могучий лучник, и стрелы его настигают далеко». Далее, царь имеет веские основания полагать, что после гибели Карны он и его войско обречены. Действительно, Каурава переживёт Карну всего на день. Так почему же не погибнуть с честью, мстя за смерть друга? Кстати, по прошествии суток Дурьйодхана соглашается биться с любым из Пандавов и в результате сражается с самым могучим из них – Бхимой. Что изменилось за ночь? Только ставка: теперь победителю достанется царство! Очевидно, Дурьйодхана не хочет мстить за друга, но готов рискнуть жизнью за трон.

Можно заключить, что для Дурьйодханы Карна не столько друг, сколько ценный союзник. От перемирия царь отказывается, надеясь на победу Карны над Арджуной. Просто акцент здесь следует ставить не на заботу о мечте друга, а на выигранную битву. Карна этого не подозревает и гибнет ради своей бескорыстной и жертвенной дружбы с Дурьйодханой. Карна сам прекрасно характеризует эту дружбу (Мбх VIII, 29): «Друг должен быть нежен с другом, радовать его, делать приятное, выручать из беды, веселить его... и с самого начала (друг) проявляет это в речах; всё это налицо в моём отношении к Дурьйодхане». Дурьйодхана этой дружбы не только не заслуживает, но и не разделяет, и асимметрия отношений двух героев усиливает трагические черты в образе Карны.

28. Роковое неведение

У истоков трагического конфликта Карны с Пандавами стоит незнание обеими сторонами родства. Подобные ситуации неузнанности встречаются в эпосе достаточно часто и имеют три основных пути разрешения.

А. Герой, не зная о родстве, оплошно совершает неподправимые действия: убийство родственника (Ростем/Сохраб; Эдип/Лайя; Одиссей/Телегон), иногда – incest (Эдип/Иокаста, конунг Хельги/его дочь Ирса «Саги об Инглингах»).

Б. Герои вовремя узнают о родстве или другой форме взаимных обязательств и избегают неподправимых действий к обоюдному удовольствию.

Богатырь РГЭ (Алёша Попович, Михаил Козарин) сватается к только что спасённой им из рук похитителей девице, но выясняется, что она – его сестра. Сын Геракла Телеф только в брачном покое узнаёт, что чуть не женился на собственной матери Авге. Юный огузский герой Уруз успевает ранить своего отца Казана,

прежде чем тот объявляет о родстве («Песнь о том, как Салор-Казан был взят в плен»).

Перед поединком с Диомедом ликийский вождь Главк рассказывает свою родословную, и Диомед неожиданно выясняет, что ещё их деды были связаны узами гостеприимства. В результате герои отказываются от поединка:

«Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие
Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся».
Так говорили они – и, с своих колесниц соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися»

(Ил VI, 230-233).

В. Несмотря на попытки объяснения, одна из сторон не верит другой [Хильдебранд/Хадубранд («Песнь о Хильдебранде», С.М. Боура, 2002, с. 160)] или, несмотря на доказанное родство, оказывается подлым и коварным врагом (Илья Муромец/Сокольник); в обоих случаях схватка и гибель одного из героев неизбежны.

Поведение Карны в этой ситуации не подчиняется ни одной из указанных схем. Ситуация неузнанности присутствует уже в начальных книгах Мбх, но служит там только для завязки конфликта Карны с Пандавами. Посмотрим, как эта ситуация разрешается.

Прежде всего, узнав своём о родстве с Пандавами, Карна делит их на две группы, обняв себя щадить в битве Юдхиштхиру, Бхимасену и Близнецов, и намереваясь сражаться с Арджуной до последнего вдоха. Отношение Карны к первой группе напоминает вариант (Б), но с важной модификацией: он не собирается информировать противоположную сторону о своём родстве с ними. Одно это обстоятельство придаёт отношениям Карны с братьями небывалый трагизм. Причину своего решения Карна изложил во время переговоров: узнав о старшем брате, Юдхиштхира передаст трон ему, а Карна уступит его Дурьойдхане, тогда как по справедливости царём должен быть Юдхиштхира. О дополнительной причине мы можем догадываться: Карна больше всего на свете хочет сразиться с Арджуной, но если Пандавы узнают о родстве с Карной, поединок не состоится. Более того, и отношения Карна – Арджуна только при поверхностном рассмотрении напоминают вариант (В), то есть сохранение враждебности и после выяснения родства. Карна не подвергает сомнению своё родство (как Хадубранд), и ни он, ни Арджуна не являются низкими предателями (как Сокольник, который, для виду помирившись с Ильёй, пытался ночью зарезать спящего отца в его шатре). Во всех вариантах, кроме двух последних – недоверие или «неисправимая» подлость – уз родства или семейной дружбы оказывается достаточно, чтобы прекратить самый яростный конфликт эпических героев – только не для Карны. Почему? Ведь к Карне эти варианты, исключая примирение, не относятся. Остаётся только одно объяснение: его поведение не подчиняется правилам эпоса.

Для обоснования этого вывода обратимся ещё раз к коллизии Илья – Сокольник. Вердикт о невозможности примирения основан на интерпретации образа Сокольника самой былиной. С точки зрения героического эпоса, особенно русского, ни в какой дополнительной мотивации действия Сокольника не нуждаются: враг протагониста по определению гадок и коварен. Но попробуем приглядеться к этому схематично обрисованному характеру чуть поближе. Встретив во время оно богатыршу Латыгорку и зачав с ней ребёнка, Илья оставляет её и будущего сына. Мальчик растёт без отца, подвергаясь оскорблениям сверстников. Именно за детские унижения (ср. с Карной) и «позор» матери Сокольник хочет отомстить Илье. Для молодого героя так же невозможно присоединиться к киевским богатырям, то есть к дружине Ильи (для этого надо простить отца и предать мать), как для Карны – перейти к Пандавам (для этого надо простить мать и предать приёмных родителей). Разумеется, в былинах РГЭ, с их военно-патриотическим пафосом, полузабытые реликты экзогамного матриликального брака уже отодвинуты на второй план, а соответствующие личные драмы ни сказителя, ни аудиторию *ещё* не занимают. Так возникает бледный образ врага, который плох просто потому, что он враг (не хочет вступить в киевскую дружину!), а для полноты картины делает подлость, пытаясь зарезать спящего Илью (ср. низость Карны, оскорбляющего Драупади). Хотя коллизия Сокольник – Илья генетически близка коллизии Карна – Пандавы, она, в отличие от последней, легко укладывается в одну из стандартных эпических схем. Причина состоит в том, что былина пренебрегает индивидуальными эмоциями героев, рассматривая их только как представителей групп: защитники Руси – враги Руси. Карна же личные эмоции групповым интересам подчинять не хочет.

Это важное обстоятельство, отличающее Карну от типичного героя эпоса. Вот как соответствующее свойство истинного эпического героя характеризует А. Ф. Лосев: «...Всякая личная жизнь в эпосе получает свой смысл и... развитие только от того коллектива, к которому она принадлежит. Эта личная жизнь может быть полна самых глубоких... чувств. Но эти чувства, если речь идёт об эпосе, вызваны жизненными задачами коллектива... Нельзя также думать, что эпический индивидуум совершенно лишён всяких других чувств... кроме... чисто коллективистических. Но... подобного рода неколективистические чувства и поведение являются для эпического субъекта чем-то второстепенным... и не играют в его жизни никакой решающей роли...» (А. Ф. Лосев, 2006, с. 144). В полную противоположность этому, для Карны индивидуальные чувства привязанности и дружбы (противопоставленные его обязательствам перед родовым коллективом), не только играют решающую роль, то есть преобладают над всеми другими, но и определяют его судьбу.

Отметим аспект обсуждаемого сюжетного мотива, который придаёт ситуации ещё больший драматизм. Единственный, кто, узнав о тайне Карны, непременно прекратил бы вражду, это Юдхиштхира. И именно он был близок к разгадке тайны (*Мбх XVIII, 2, 7-8*): «Снова и снова, о боги, терзаюсь я тем, что, увидев, как похожи стопы (нашей) матери и Карны, безмерного мощью, я не последовал за тем сокрушителем вражеской рати». Юдхиштхира переживает, что не догадался тогда о своём родстве с Карной. Недогадливость старшего Пандавы действительно достойна удивления, так как узнавание героя по ногам является довольно распространённым сюжетом. Именно омывая ноги странника, старая кормилица Эвриклея понимает, кто скрывается под личиной нищего:

«Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
 "Ты Одиссей! Ты моё золотое дитя! И тебя я
 Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!"»

(*Од XIX, 473-475*).

Сходную сцену находим в иудейском апокрифе II в. «Завешание Авраама». Когда тысячелетнему патриарху наступает время умирать, его посещает таинственный муж. Омывая гостю ноги, Авраам понимает, что это один из ангелов, навесивших его много лет назад в дубраве Мамре с обещанием потомства. «Сказал Авраам: "...Вчера вечером, когда мыла я ноги его в сосуде для омовения, сказал я себе в сердце своём: «Ноги сии – одного из трёх мужей, коим омыл я стопы тогда"»» (цит. по «Апокрифические апокалипсисы», СПб., 2000). В Ил Аякс узнаёт Посейдона под личиной Калхаса «по следам и по голням мощным» (*Ил XIII, 71*).

Итак, эпическая аудитория вправе рассчитывать, что коль сказание обратило внимание на телесные признаки героя (в огузском эпосе это плечо), его личина будет раскрыта. Конечно, возможны ошибки, но и в тех редких случаях, когда правильной идентификации не происходит, по крайней мере, предпринимаются активные попытки угадывания: по «прекрасным ногам» великанша Скади принимает Ньёрда за Бальдара («*Младшая Эдда*»). По логике сказаний, отметив поразившее его сходство ног Карны и Кунти, Юдхиштхира должен был, как минимум, серьёзно задуматься об истинном происхождении сына возницы, начать рассуждать и задавать вопросы. Этого не произошло, и вполне реальный по эпическим канонам шанс Карны на признание родичами был трагически упущен.

Вернёмся к поведению самого Карны. Особенности мотива рокового неведения в случае Карны проистекают в значительной степени из трагической невозможности его примирения с Арджуной из-за ненависти и соперничества. Непримиримым в этой паре является Карна, хотя он-то знает о своём родстве с Пандавами. Положение Арджуны менее определённо. По крайней мере однажды, примерно за полгода до битвы на Курукшетре, Арджуна «проговаривается», назы-

вая Карну сыном Викартаны, то есть бога Солнца (*Мбх IV, 50, 15*). Трудно предположить, что Арджуна знает только полтайны, и не осведомлён, что Кунти – мать Карны. Разумеется, об этом мы можем только гадать, а вот отношение Арджуны к Карне сомнений не вызывает (*Мбх IV, 54*): «И обуреваемый злобой, тот бык из рода Куру, желая убить Карну, смотрел на него, вращая глазами». Ненависть Карны и Арджуны взаимна, равно как и их желание подтвердить поединком своё реноме величайшего героя. Возможно, с мечтой об этом поединке Арджуна, подобно Карне, хранит тайну от братьев.

Но, даже если отношения двух героев полностью «симметричны» (зная о родстве, оба пылают ненавистью), это совершенно по-разному их характеризует. Арджуна представляет хитрого брата или группу братьев мифа и архаических сказаний, стремящихся погубить благородного брата (Осириса египетского мифа, Ростема ШН, Давида ДС, Иосифа «Ветхого Завета», Сослана нартского эпоса, Мауи – полинезийского). Месть Карне за оскорбление Драупади также не выводит Арджуну за рамки обычного эпического конфликта: смертельная вражда братьев из-за невесты (Санасар/Багдасар ДС) или жены одного из них – повторяющийся мотив, только в «Саге об Инглингах» он встречается дважды (*главы XXI, XXXIX*). Кстати, и ненависть Сета к Осирису имеет любовную подоплёку: Сет пылает страстью к жене старшего брата Исиде, а его собственная жена Нефтида изменила ему с Осирисом. У Карны же, помимо традиционного для героев соперничества с Арджуной (имеющего, впрочем, необычный аспект – оно не отменяется выяснением родства), есть и вовсе небывалые для эпоса эмоциональные причины непримиримости к родичам: преданность другу и любовь к приёмным родителям.

Итак, в ситуации рокового неведения Карна оказывается в полном соответствии с правилами эпического жанра, но из-за необычности героя разрешается этот конфликт нестандартным образом. Можно даже сказать, что по эпическим канонам данный конфликт не разрешается вовсе: герой так и не открывает братьям своей тайны и гибнет от руки одного из них. В данном случае, как и в сюжете о подкидыше, мы наблюдаем отклонение поведения Карны от «эпической» нормы. Причина в обоих случаях, видимо, в том, что для эпического героя Карна недостаточно архаичен (речь идёт не о генезисе образа, а о персонаже, каким мы «застаём» его в сказании). Для Карны личные обязательства, симпатии и антипатии перевешивают родовые связи. В этом отношении Карна оказывается «современнее» многих героев аттической трагедии.

29. Тайные знания, волшебные предметы и небесное оружие

Преимущество над противником, которое герои демонстрируют в чрезвычайных обстоятельствах, может, помимо выдающейся силы и доблести, иметь и другие источники: (А) помощь волшебных предметов; (Б) владение тайными знаниями или редким искусством; (В) использование магического оружия. Рассмотрим примеры объектов и явлений, относящихся к трём указанным категориям, а также результаты их применения героями.

А. Садко получает волшебный предмет – золотую рыбку от хозяина Ильмень-озера. По сути дела, с помощью этой рыбки он побеждает новгородских купцов, выигрывая пари (и приобретая богатство). Таким образом, при посредстве волшебного предмета «одноразового действия» Садко одерживает верх над противниками. Зигфрид, используя плащ-невидимку, совершает подвиги, завоёвывая руку Брюнхильды для своего друга Гунтера (ГН). Шапка-невидимка спасает Персея от преследующих его чудовищных сестёр Горгон. На тринадцатый день битвы Дрона завязывает на Дурьйодхане золотой панцырь, произнося мантры, сообщённые некогда Шивой Индре, а впоследствии усвоенные Дроной – этот панцырь сделал Дурьйодхану неуязвимым в тот день (очевидно, пока он не снял панцырь на ночь).

Б. Один из наиболее архаичных образов русского героического эпоса богатырь Вольга (Волх) Всеславьевич в полном соответствии со своим именем обладает коловским искусством оборотня. Превращаясь в зависимости от ситуации в рыб, птиц, зверей и даже в насекомых (а также превращая своих спутников), он не только обеспечивает удачную охоту и рыбалку для прокорма своей дружины, но и организует разведку, портит военное снаряжение врага, и добивается победы. Волшба Вольги никогда его не подводит.

Кельтский герой Кухулин отправляется в опасное путешествие в далёкую Шотландию, где сначала обучается удивительным приёмам владения оружием у некоего Домнала: «научил он воинов взбираться по воткнутому копьё до самого законечника и стоять на нём». Своё обучение тайным приёмам боевого искусства герой продолжает у колдуньи и провидицы Скатах: «Потом обучился Кухулин у Скатах всем искусным боевым приёмам, что знала она сама» (СУ «Сватовство к Эмер»). В результате, помимо выдающийся доблести и силы, непобедимый Кухулин демонстрирует технику, недоступную другим героям. Вспомним его коронный приём при сражении в реке или на морской отмели: незаметно для противника он наносит под водой удар копьём, которое держит ногой! Сверхчеловеческое искусство владения оружием служит Кухулину верой и правдой и никогда его не подводит. Герой гибнет, только когда его хитростью лишают копья во время битвы (СУ «Смерть Кухулина»). Зимней ночью, когда из-за снегопада не

видно ни зги, Кухулин выручает дружину уладов, демонстрируя ещё один сверхъестественный дар: «...Кухулин направлял их путь своим умением, ибо одним из его даров было – всегда верно знать путь» (СУ, «Опьянение уладов»). Другой уладский герой Дрискан обладает сверхъестественной способностью испепелять противника взглядом, что очень помогает уладам, осаждённым вражеским войском эрнийев (СУ, «Опьянение уладов»).

Магическими способностями обладают и герои Мбх, причём, не только подвижники и божественные мудрецы. Когда всё войско Кауравов было истреблено, Дурьйодхана погрузился «во чрево вод» озера и «чудодейственной силой иллюзий... сделал недвижимыми воды (того озера)» (Мбх IX, 28), став недосыгаемым для преследовавших его Пандавов.

Редкие умения героев не всегда сверхъестественны. Шакуни говорит о своём тайном искусстве (Мбх II, 51, 1-3): «То богатство у сына Панду, Юджиштхиры, ...я отниму посредством игры в кости. ... Я как знаток, бросая кости ...смогу победить неискушённых. ...Ставки (в игре) – это мой лук, игральные кости – мои стрелы, *тайное искусство в игре* – моя тетива...» (курсив наш – А. И.). В то же время, доведённое до совершенства искусство героя вполне может казаться окружающим колдовским. О своём шурина Шакуни царь Дхритараштра говорит так (Мбх I, 1): «...Коварный сын Субалы, корень вражды и игры, *одарённый силой вошебства*» (курсив наш – А. И.).

Аналогично искусному игроку в кости Шакуни, русский богатырь Добрыня Никитич добивается победы над татарским ханом, обыграв его в шахматы. Помимо редкого среди русских богатырей искусства игры в шахматы, Добрыня обладает ещё одним уникальным для его коллег умением – искусством дипломата. Особо подчеркиваемые в РГЭ «вежество» и дипломатия Добрыни не только помогают ему выполнять сложные внешнеполитические поручения Киевского князя, но и спасают его жизнь. После ссоры для переговоров к разгневанному Илье Муромцу (подойти к которому страшно – убьёт, не дав рта раскрыть) посылают, разумеется, Добрыню. Дипломат Добрыня знает, с какой стороны подойти и что сказать. Позже сам Илья говорит, что, подойди Добрыня спереди – был бы убит.

В. Многие герои обладают небесным оружием. Рама (Рм) получает небесное оружие от мудрецов Агастьи и Вишвамитры, а также непосредственно от богов Варуны и Брахмы. Герои Мбх (Арджуна, Ашваттхаман, Дрона, Крипа, Бхишма, Кришна, его сын Прадьюмна) также обладают небесным/магическим оружием, полученным либо непосредственно от богов, либо через подвижника-брахмана. О Бхишме, Дроне и Крипе Юджиштхира говорит (Мбх III, 37): «Все они искусно владеют волшебным оружием». Все эти герои чрезвычайно успешно применяют свои сверхъестественные боевые способности и средства – как иначе Бхишма мог бы уничтожать по десять тысяч вражеских воинов в день? Выдающийся знаток

божественного оружия Дрона и Бхишма в честном бою непобедимы, и гибнут, по сути дела, только когда решают сдаться сами в результате применения Пандавами хитрости. Более того, у Бхишмы есть магическая способность самому выбирать момент «окончательной» смерти, так что, будучи убит, он остаётся в мире живых ещё сорок восемь дней, настаивая Пандавов уже после окончания битвы.

Приведённые примеры свидетельствуют, что и уникальные знания, и волшебные предметы, и магическое оружие дают герою преимущество над антагонистом, в критических ситуациях спасают герою жизнь и приносят победу.

У Карны имелись волшебные предметы (серьги и панцырь, делавшие его неуязвимым), заменённые позже полученным от Индры копьём Амогха. Более того, ещё в процессе ученичества Карна приобрёл много других видов божественного оружия, а также тайные знания – мантры, необходимые для его применения. Многие из героев могут похвастать подобной экипировкой.

Дальше происходит что-то удивительное. Эпические герои могут обладать неуязвимостью «постоянного действия», хотя и не абсолютной, и гибнут, поражённые в уязвимое место (Ахилл, Зигфрид, Сосруко), либо приобретают её только на время совершения подвига (Ясон, получающий зелье от Медеи перед испытанием). У Карны же история с магической защитой вывернута наизнанку: волшебных серёг и панцыря Карна лишился в результате «подвоха» и «вредительства», то есть происков врагов задолго *до битвы*. Далее, магическое копье Амогха также оказывается «обезврежено», причём, с тройной перестраховкой: из многократно превращается в одноразовое, Карну многократно заставляют забывать о копье и, наконец, вынуждают его употребить копье против «неважного» противника. Проклятие Парашурамы должно лишить Карну возможности использовать в бою неодолимое оружие Брахмы, полученное им от этого подвижника. Внушительный список того, чего Карна лишился, ставит Карну в уникальное для эпического героя положение – кажется, так основательно никого из известных нам героев не обезоруживали!

Таким образом, обладавший небывалым даже по меркам героического эпоса арсеналом Карна подвергается столь же неслыханному разоружению. Создаётся впечатление, что указанный арсенал и существовал-то только для того, чтобы его исчезновение подчеркнуло обречённость Карны и масштаб готовящейся катастрофы. Правда, упомянутым разоружением странности не ограничиваются. Напомним, что в распоряжении Карны оставались ещё многие виды магического оружия и соответствующие мантры, полученные им в годы ученичества от наставников Дроны, Крипы и Рамы. В начале схватки Карна применяет против Арджуны полученное «им некогда от Рамы "оружие Атхарванов"». После этого он пускает в ход другие магические боеприпасы. Один из них – «полная жгучего яда стрела», а точнее – «Балахака, великий, грозный змей... закоренелый во вражде сво-

ей к Арджуна». Но и это ещё не всё! Хотя «мысль об оружии, полученном некогда от Рамы, покинула сознание» Карны, и он «среди битвы пал духом», позже герою удаётся преодолеть это проклятие. «Могучим усилием воли он овладел собой и вызвал появление «оружия Брахмы», о котором он только перед этим «забыл». И даже после исполнения другого проклятия (когда его колесница увязла), Карна некоторое время продолжает дуэль на равных с Арджуной, демонстрируя всё новые магические средства (*Мбх VIII, 67*): «И послал тут Каунтея в Карну... "оружие Джараведаса"» (то есть бога Агни – А. И.), «и воспыдало оно ярким пламенем! Тогда Карна, укротив то пламя "оружием Варуна"» (магия бога водной стихии, подходящее противопожарное средство – А. И.), «затем с помощью (сотворённых им) облаков окутал все стороны света мраком, как будто был ненастный день!» И так, Карна до последнего момента сохраняет небесное оружие и незаурядные магические способности. Тем не менее, этот сверхъестественный арсенал его не спас.

Разумеется, в финальной схватке Карне противостоит не кто-нибудь, а сам непобедимый Арджуна; его волшебный лук Гандива создан Брахмой и получен героем от Варуны через Агни. Но и у Карны есть волшебный лук Виджая, созданный для Индры небесным ремесленником Вишвакарманом и переданный герою Парашурамой. Кроме того, Арджуна, разумеется, снабжён всевозможными магическими боеприпасами: он получил разнообразное небесное оружие от Шивы, Варуны, Ямы, Куберы и Индры (*Мбх III, 42*). Кстати, именно «оружием Индры» Арджуна отвечает Карне на его «оружие Брахмы». В результате противники посылают друг в друга волшебные снаряды, несущие «верную» гибель. Что же определяет в ситуации паритета исход взаимного обстрела? Возможны, по видимому, два варианта. Может произойти взаимная «аннигиляция», как следует из описания схватки Дроны, применившего «оружие Агнея», с Ююджаной, применившим в ответ «оружие Варуна» (*Мбх VII, 73*): «И тут оба те (дивных оружия) варуна и агнея, наведённые ими (при помощи мантр) на свои стрелы, придя в соприкосновение одно с другим, не дали (ожидаемых результатов)». Паритет может быть достигнут и другим способом. Обратимся к будущему поединку Арджуны с Ашваттхаманом, которому Партха мстит за избиение спящих панчалов (*Мбх X*). Сын Дроны, как мы знаем, – непревзойдённый знаток божественного оружия, и когда герои применяют «непреодолимые» магические боевые средства, в их битву вмешиваются божественные мудрецы, чтобы спасти стороны от неизбежного взаимного истребления. Можно предположить, что исход схватки приблизительно равных по земным и магическим возможностям героев решает приговор богов, то есть судьба. Наше предположение согласуется со словами божественного мудреца Нарады, который, задолго до битвы обращаясь к Юдхиштхире, недвусмысленно обещает, что божественное оружие в руках Арджуны «сработает» на пользу Пан-

давов (Мбх III, 172, 22): «...Ты, о (Юдхитштхира)... увидишь в бою действие этого (оружия), когда Партха будет разить недругов».

Раньше мы уже установили, что гибель Карны предreshена, хотя он такого приговора не заслуживает. Теперь нам удалось выяснить ещё одно обстоятельство гибели Карны: этот несправедливый по существу приговор должен осуществиться вопреки тому, что ранее Карна был в щедро снабжён всевозможными магическими средствами защиты и нападения. Для этого часть указанных средств изымается или нейтрализуется, а оставшиеся почему-то не срабатывают.

В Мбх есть и другие случаи, когда героя подводит его чудесное оружие. Когда Арджуна напал на изменившего обличие Шиву, его неиссякаемые колчаны, подаренные богом Агни, временно иссякли (Мбх III, 40). Ещё один случай, когда магические средства подводят героя, описан чрезвычайно подробно и сопровождается пространном комментарием одного из действующих лиц Мбх, так что его стоит рассмотреть. В XVI кн. Мбх Арджуна после взаимного истребления вришниеи и смерти самого Кришны сопровождает оставшихся без покровителей женщин племени вришниеи в Индрапрастху, когда на караван нападают разбойники-варвары. Легко заметить, что Арджуна не знает, что его время как непобедимого воина миновало, и демонстрирует обычную самоуверенность (Мбх XVI, 8, 49-54): «Тогда мощнорукий Арджуна... словно бы насмехаясь, сказал им: "Убирайтесь, если не желаете встретить смерть... Не жалуйтесь, если теперь же падёте, пронзённые моими стрелами!" Тут Арджуна принялся натягивать свой великий божественный лук Гандиву, не знающий износа, но удавалось это ему *словно бы с некоторым трудом*» (курсив наш – А. И.). «С усилием ...он натянул тетиву и помыслил было о (небесном) оружии, но не смог вызвать его в памяти. Усмотрев в этом весьма дурной знак – (утраты) мощи своих рук в бою, пришёл он в замешательство из-за того, что лишился к тому же мощного небесного оружия». Этим сверхъестественные неприятности Арджуны не ограничились. Арджуна обращается к уже упоминавшимся колчанам с неиссякающими стрелами: «Тогда Партха... принялся стремительно избивать дасью стрелами... Но вмиг ...пришли к концу его меткие стрелы – когда-то неиссякающие, ...они внезапно иссякли».

Отметим важное обстоятельство: Арджуна быстро подводит итог утратам и понимает, в чём дело. «Из-за того, что не стало его (волшебного) оружия, иссякло могущество рук, что он не владел больше своим луком и полностью лишился стрел, затосковал Партха, понимая – это судьба» (Мбх XVI, 8, 63-64). После такого афронта, позорно потеряв большинство транспортируемых женщин и сокровищ, Арджуна получает от мудреца Вясы объяснение случившемуся (Мбх XVI, 8, 31-36): «Полагаю я, ...что вы» (Пандавы – А. И.) «успешно справились с этой задачей» (уничтожили по воле богов демонов-даваов, воплотившихся в Кауравах – А. И.), «теперь же настало время покинуть (сей мир)... Сила, ум, (духовный) пыл... суще-

ствуют, о бхарата, в добрые времена, но они иссякают (во времена) противоположные... (Твоё волшебное) оружие, исполнив то, что было ему назначено, оказалось там, откуда оно попало (к тебе)... Время вам, бхарата, удалиться высочайшей стезей...»

Подведём итог. Прежде всего, в момент утраты божественного оружия Арджуна уже очень стар. Вот как выглядит приблизительный подсчёт его возраста. По окончании ученичества у Дроны юные Пандавы в качестве платы наставнику захватывают в плен царя Друзаду, и Дрона аннексирует у старого друга-врага половину царства. После этого ради мести Дроне царь Панчала приобретает потомство: сына-героя Дхришгадьюмну и дочь Кришну (Драупади). Если во время «зачётного» похода на Панчалу выпускнику Дроны Арджуне лет пятнадцать, а родившейся после набега Драупади должно сравняться хотя бы двенадцать, чтобы её можно было сватать, то во время сваямвары Драупади Арджуне уже лет двадцать семь. Пятнадцать-двадцать лет проходит от сваямвары до игры в кости (постройка дворца – больше года, двенадцатилетнее изгнание Арджуны, последовательное рождение у Драупади пятерых детей, «сепаратные» женитьбы и рождение детей у всех Пандавов, завоевание царств и раджасуя – двухлетний ритуал). Тринадцать с половиной лет занимает период от игры в кости до битвы на Курукшетре, и тридцать шесть лет продолжается правление Пандавов после победы. Итак, Арджуне уже за девяносто. Карна же в момент гибели на Курукшетре чуть не вдвое моложе.

Далее, Арджуне изменяет сила рук, иссякают стрелы в двух волшебных колчанах, тогда как ничего похожего с Карной не происходит. Единственное сходство состоит в том, что оба героя забывают о небесном оружии. Правда, склероз девяностолетнего старца вполне можно объяснить естественными причинами (сюда же отнесём и ослабевшие руки), да и Вьяса не оставляет герою сомнений: ему пора завершить земную карьеру. Кроме того, Арджуна, по-видимому, забыл *обо всём* небесном оружии. Карна, как мы помним, находится в расцвете сил и из всего своего арсенала забыл только об одном полученном от Рамы оружии Брахмы, да и то ненадолго. Отметим также, что утрата Арджунной сверхъестественных способностей и божественного оружия, неожиданная для него, не приводит к его немедленной гибели: престарелый герой имеет возможность получить объяснение (и оправдание) происходящего, и спокойно встретить смерть вместе с женой и братьями в процессе душеспасительного паломничества по святым местам. Арджуна успевает узнать главное: его жизнь прошла не зря, он вместе с братьями выполнил божественное предназначение. В общем, последние события земной жизни образцового эпического героя Арджуны чрезвычайно упорядочены, тщательно спланированы и объяснены и, как можно видеть из приводимых объяснений, не выходят за пределы «эпической» логики. В результате в смерти Арджуны

нет ничего трагического. Очевидно, по представлениям Мбх, исполнение предназначения – достаточная причина для прекращения земной жизни героя; перед началом битвы восьмидесятипятилетний Дрона говорит о себе и о старце Бхишме (Мбх V, 137): «Установленный для нас обоих период жизни... иссяк уже. ...Дело своё мы совершили».

Карна же только в последний момент понимает, что ему суждено погибнуть. Никто из провидцев и божественных мудрецов не счёл нужным предложить Карне какие-либо объяснения или оправдания. Да им и нечего было бы сказать, ведь приговор Карне явно несправедлив. А почему небесное оружие Карны неспособно принести ему победу, мы можем только гадать. Намёк на это даёт чрезвычайно любопытный эпизод, происходящий сразу после окончательной победы Пандавов (убийства Дурьюодханы). По прибытии в лагерь Кришна советует Арджуне, перед тем как сойти с колесницы, взять с собой наиболее ценное оружие: полученный от Варуны лук Гандиву и полученные от Агни неиссякаемые колчаны. Как только сам Кришна бросает вожжи, «та огромная колесница, обожжённая (ранее) Дроной и Карной при помощи дивного оружия ...мгновенно загорелась... и... рухнула на землю, превращённая в пепел» (Мбх IX, 61, 12-14). Кришна объясняет изумлённому Арджуне, что «сожжённая ранее мощью оружия Брахмы» (применённого Карной в последней битве – А. И.), колесница Арджуны сохранялась только благодаря божественному присутствию Кришны. Вот почему Карне не помогло даже небесное оружие: Арджуна получает помощь сверхъестественного существа. Это общефольклорный мотив, присутствующий и в сказке: «Победу даёт волшебный помощник. Без него герой ничего не сможет, и дело не в его личной силе» (В.Я. Протт, 1998, с. 396).

Мозаика деталей последней схватки Карны с Арджуной складывается в стройную картину: по мнению богов, Карна больше не нужен, и от него пора избавиться. Рассматривая Карну как благородного героя, можно заключить, что Карна гибнет вопреки справедливости, и его «необоснованная» смерть трагична.

30. Аутсайдер – триумфатор

Одним из распространённых сюжетных мотивов эпоса является появление будущего триумфатора таким образом или в таком виде, который маскирует его героическую внешность и притязания на победу. Наиболее яркий и известный пример – появление перед расправой с женихами Одиссея, скрытого под личиной старого нищего [«слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя» (Од XX, 379)]. Пример Одиссея иллюстрирует два аспекта подобной «маскировки». Во-первых, указанное поведение героя (если оно осуществляется сознательно, а

это не всегда так) может быть обосновано сюжетно, так как даёт герою тактическое преимущество, например, внезапность, в схватке с грозным противником. Во-вторых, это композиционный приём, с помощью внезапной трансформации (недавний аутсайдер – нынешний победитель) подчёркивающий триумф героя. Второй аспект акцентирован в сюжете «муж на свадьбе жены» (Добрыня под личиной скомороха на свадьбе своей жены с Алёшей Поповичем; тюркский герой Бейрек под видом певца на свадьбе своей невесты с подлым Яргачуком). В яркой форме мотив триумфа недавнего аутайдера предстает в сюжете о победе «папушка» Париса, одолевшего всех принцев в царском состязании в Трое, после чего он был узан и с радостью возвращён в лоно царской семьи.

Итак, «замаскированность» будущего победителя часто является результатом его хитрости (Илья – «калика перехожий»; Одиссей-нищий и Добрыня-скоморох на свадьбе своих жён; Арджуна и Бхима в обличье брахманов на сваямваре Драупади; Бхима, под личиной повара повергающий знаменитого борца при дворе Вираты). В других случаях никакой хитрости нет: тот же Илья до чудесного исцеления действительно была калекой, сидящим на печи, точно так же, как и Иванушка-дурачок русских сказок вовсе не прикидывался дурачком, юный Беовульф – всеми презираемым увальнем, а пришедший на царские состязания Парис искренне считал себя пастухом. Оказаться в роли «тёмной лошадки» можно, скрыв своё имя или представившись явно вымышленным именем, как Илья (Никита Залешанин, то есть некто из-за леса), либо попросту опоздав на состязание/поединок, когда основные претенденты уже показали себя и победитель определен (Карна на «выпускном» состязании; Давид, принимающий вызов Голиафа только на сороковой день).

«Маскировка», подготавливающая триумф, может продолжаться и после совершения подвига. В этом случае герой, победив в состязании/спасши девуцу, ретируется, не раскрыв имени (Арджуна после сваямвары Драупади), и во многих сказаниях только через некоторое время, когда конкуренты уже успели приписать себе его подвиг, его «случайно» узнают по кольцу/ране/повязке. Пример – Кухулин, спасший девушку от демонических великанов фоморов: «...Отправился Кухулин им навстречу и сразил троих из фоморов, сражаясь в одиночку. Между тем, один успел ранить его в запястье. Оторвала девушка кусок платья, чтобы перевязать Кухулину руку. Затем удалился Кухулин, так и не назвавшись девушке. ...Вскоре после этого пришёл в крепость Кухулин как простой чужестранец» (СУ, «Сватовство к Эмер»).

Можно видеть, что появление героя в виде аутайдера – это и стандартный сюжетный мотив героического сказания, и верный признак будущего триумфа героя, как правило, скорого. Насколько это приложимо к Карне? Карна является участником трёх сцен, относящихся к указанному типу, что само по себе довольно

необычно: с известными нам героями такое случается только однажды. При этом роль Карны во втором случае меняется на противоположную – и вовсе уникальное для эпического героя обстоятельство. Напомним эти сцены.

Первая из этих сцен, на которую мы неоднократно ссылались, это состязание юных принцев-учеников Дроны в искусстве владения оружием. Карна, как мы помним, попадает в положение аутсайдера потому, что появляется на арене слишком поздно: и участники, и устроители, и публика считают выступления завершившимися, а Арджуну – безусловным победителем. Карна, появившись «под занавес», легко повторяет недостижимый, как казалось, результат Арджуны. Неожиданный триумф Карны подчёркивается яростью Арджуны, который почувствовал себя «как бы оскорблённым». Поначалу ситуация выглядит совершенно ясной: благородный герой Карна на наших глазах по законам жанра превращается из аутсайдера в победителя. Правда, результат оказывается необычным, так как полное триумфа Карна не достиг, а вместо этого, как мы помним, оказался оскорблён и унижен из-за «тёмного» происхождения.

Позже, в сцене сваямвары Драупади, пара соперников меняется местами, как в менюэте. Теперь Карна, общепризнанный фаворит среди царственных женихов, терпит поражение от аутсайдера Арджуны, выступающего, как и положено, последним и скрытого под личиной брахмана. Драматизм второй сцены даже выше, чем первой. Тогда Карна только повторил результат Арджуны. Теперь Арджуна, которого и к луку не хотели подпускать, сделал то, чего не удалось сделать Карне. Можно думать, что триумф Арджуны посрамил всех женихов поровну. Но развитие сцены акцентирует, из всех конкурентов, развенчание Карны: именно он атакует Арджуну, а потом отступает, «объятый страхом».

Третий случай происходит при набеге Кауравов на царство Вираты. Кауравам, как и самому Вирате, невдомёк, что при дворе царя матсьев в виде слуг скрываются Пандавы и Драупади. В результате «евнух», обучающий принцессу музыке (очередная личина Арджуны), в одиночку разбивает войско Дурьюодханы, убивает брата Карны, а самого Карну дважды обращает в бегство. Особенностью данной ситуации является «преждевременное» узнавание Арджуны Кауравами, но с точки зрения Вираты и его двора ситуация развивается по классическому сценарию – даже победу Арджуны сначала приписывают принцу Утгаре. Главным бойцом Кауравов и посрамлённым агонистом Арджуны вновь выступает Карна.

Мотив триумфа аутсайдера в случае Карны имеет следующие особенности. Карна принимает участие в подобных сценах трижды, и это всегда его агон с Арджуной. Далее, в первый раз нишу аутсайдера занимает Карна, и для него этот сюжет не приводит к ожидаемому результату. Наконец, при повторении сюжета «тёмная лошадка» и общепризнанный фаворит меняются местами; теперь победа Арджуны и поражение Карны не вызывают сомнений и происходят в соответ-

ствии с эпической традицией. Таким образом, для Карны мотив победы аутсайде-ра даёт сбой и, вместо ожидаемого триумфа героя, демонстрирует его злосчастие.

31. Службы героя

Важнейшим общеэпическим и общефольклорным мотивом является прибытие героя ко двору монарха и исполнение службы. Это один из традиционных и мощных способов развития сюжета, так как именно при дворе герой может прославиться совершением подвигов (в том числе, по заданию монарха); выяснить для себя, для окружающих и для эпической аудитории своё место в богатырской «табели о рангах» (важнейшее обстоятельство – вспомним яростные перебранки кельтских героев из-за «первого куска» на пирах в СУ и обиды богатырей из-за места за княжеским столом в РГЭ); добыть невесту себе (при дворе, в частности, – дочь сюзерена, или в ходе выполнения службы) или сюзерену. Служба героя при дворе князя, царя, конунга, императора или хана, очевидно, является отражением реалий «героического века». Мотив прибытия героя ко двору и последующих подвигов является основой сюжета в «Беовульфе», а также в РГЭ. В «Беовульфе» этот мотив наиболее полно представлен и тщательно обоснован. Молодой гаутский герой Беовульф узнаёт, что Хродгара и его двор терроризирует великан-людоед Грендель, и по собственному почину в поисках подвигов и славы отправляется на помощь к конунгу данов.

Основные вариации рассматриваемого мотива сводятся к следующему.

А. Герой прибывает ко двору для совершения подвига, иногда по призыву монарха: Частный случай этого варианта – поиск жениха для дочери монарха.

1. Данный единичный подвиг может совершаться на благо «добротого» монарха, а делом героя являются слава и награда (Беовульф – Хродгар).

2. Подвиг может совершаться «во вред» злему властителю, а награда герою, помимо славы, – сокровище и дочь властителя (Ясон – Эет).

3. Подвиг героя – богатырское сватовство в роли жениха (Персей – Андромеда) или помощника (Зигфрид – Брюнхильда). Наиболее яркий пример такого подвига – сваямвара дочерей царя Кашы, когда неодолимый Бхишма побеждает всех царей и выводит трёх сестер в качестве невест для своего сводного брата и сюзерена царя Вичитравирьи. В результате победы на «конкурсе женихов» герой может приобрести не только жену, но и могущественных союзников в лице тестя и шуринов (Пандавы – панчалы). Частный случай – незапланированная женитьба, но результат тот же: тесть-союзник (Полиник – Адраст «Фиваиды»).

Б. Герой направляется ко двору для начала или нового цикла богатырской карьеры с целью несения службы, то есть выполнения любых заданий монарха по

мере их возникновения. Именно так поступают все богатыри РГЭ, прибывающие на службу к князю Владимиру. Мотив службы героя при дворе настолько популярен, что ради его инкорпорации сказители, как показал В.Я. Пропп, идут на композиционно неоправданную дубликацию подвига. Добрыня побеждает случайно встреченного Змея Горыныча у Пучай-реки и... шадит его только для того, чтобы позже, явившись к киевскому двору, получить от Владимира службу – расправиться с чудовищем (В.Я. Пропп, 2006, с. 202). Герои исландских саг, несмотря на нелюбовь к монархам (из-за чего и перебрались из Норвегии в Исландию), хотя бы раз в жизни поступают в войско конунгов или ярлов Норвегии, Дании, Оркнейских островов или Ирландии для совершения батальных подвигов: это самый надёжный способ прославиться.

1. Пороку герой ещё на пути ко двору совершает подвиг-другой (Илья по дороге в Киев сражается с Сольвьём-разбойником и освобождает Чернигов от татар; юный Рама на пути к царю Джанаке повергает чудовищную якшини Тараку).

2. По прибытии ко двору герой узнаёт о «недостаче» (В.Я. Пропп) сюзерена, сразу посылающего воителя на первый подвиг. Добрыня, явившись ко двору, тут же отправлен вызволять княжескую племянницу, которую наемни утащил змей.

3. Находясь на длительной службе (сюда же отнесём и вассальные отношения), герой участвует в походах в составе дружины или выполняет индивидуальные задания военного, дипломатического, матримониального плана. Даже при выполнении деликатных поручений двух последних категорий всегда находится место подвигу: переговоры с царём Бутеяном пошли как по маслу, когда посол князя Владимира Добрыня показал удаль в стрельбе из лука и борьбе. Аналогично, высватать за Владимира литовскую королевичну Добрыне и Дунаю удалось только после небольшого побоища во дворце отца невесты.

Обратимся к Карне. Мбх скупо повествует о его юных годах, но основные вехи становления эпического героя обозначены в полном соответствии с традицией (Мбх III, 293, 11-17):

- а) в приёмной семье «рос он героем»;
- б) «Адхиратха, увидев, что сын вырос, отправил его в Город слона» – Карна попадает ко двору Дхритараштры;
- в) «Смелый (юноша), чтобы овладеть искусством стрельбы из лука, стал учеником Дроны» – подготовка героя;
- г) «От Дроны, Крипы и Рамы он получил четыре вида оружия» – инициация героя;
- д) выдающиеся способности Карны получают признание: он «стал известен в мире как прекрасный стрелок из лука».

Теперь по законам жанра эпическая аудитория вправе ждать великих свершений юного героя при дворе царя Кауравов. Мы можем вслед за Крипой задать

вопрос: «Что же на самом деле тобою одним, о Карна, здесь было совершено?» Складывается впечатление, что герой Карна, несмотря на многообещающие задатки, совершил на удивление немного. Прежде всего, это участие в интригах по устранению Пандавов. Но, во-первых, подобная деятельность, пусть и легитимная, всё же не является эпическим подвигом *per se*. Во-вторых, эта деятельность не достигла успеха. В-третьих, на заре конфликта (то есть до сожжения смоляного дома, включительно) об участии Карны в интригах Мбх упоминает скупое и глухо, создавая впечатление, что и тут Карна важной роли не играл.

Далее, Карна показал выдающийся результат на придворном состязании принцев, но из-за зависти Пандавов и предвзятого судейства не достиг ничего, кроме унижения. Существенным успехом Карны при дворе Кауравов является помазание его на царство Анги. В результате, вдобавок к положению друга Карна приобретает статус, так сказать, добровольного вассала царя Дурьйодханы, сродни положению Зигфрида при Гунтере в ПН (служба сюзерену – Б). Можно думать, что подобное продвижение вверх в эпической иерархии должно существенно расширить возможности героя, но и эти возросшие возможности остаются в основном нереализованными. Возможно, на сваямваре Драупади с её очевидным мотивом богатырского сватовства Карна выступает не женихом (А3), а помощником Дурьйодханы (Б3). В таком случае, он выполняет традиционную службу благородного героя, помогая побратиму и сюзерену. Необычной модификацией данного мотива является то, что миссия Карны заканчивается провалом.

Следующее известие о Карне – он разбит Бхимасеной и становится вассалом Юдхиштхиры. Герой оказывается в подчинении у тех, к кому с детства испытывал только ненависть и зависть, но позже избавляется от унижительной зависимости от Пандавов. Их тринадцатилетнее изгнание, по словам самого Карны, это счастливейшие годы его жизни. Чего Карна добился за это время? Карна постоянно выполняет роль влиятельнейшего царского советника, но и эта деятельность в изолированном от батальных достижений виде не относится к героическим свершениям. Да и возросшее влияние Карны при дворе обусловлено его готовностью говорить как раз то, что твердолобый Дурьйодхана хочет слышать. Наконец, о достоинствах Карны-советника говорит следующее: именно советы Карны (при поддержке Шакуни, поддакивании Духшасаны и попустительстве старого царя) приведут Дурьйодхану к катастрофе.

Помимо роли советника, Карна участвовал в двух важных для Дурьйодханы сражениях, с гандхарвами и с Арджуной в стране матсьев, оба раза исполняя службу Б3. Обе службы кончаются полной и позорной неудачей: в первом случае Карна бежал, а Дурьйодхана попал в плен; во втором Карна потерял брата, сам был дважды повержен, войско Кауравов – разбито, а добыча – потеряна. Третья (*sic!*) и самая важная служба (также Б3) происходит в течение семи дней (11-17 дни

битвы на Курукшетре) и, несмотря на бесчисленные победы Карны в отдельных схватках, подтвердившие его реноме великого колесничного воина, оканчивается для нашего героя, его сюзерена и всего войска Кауравов катастрофой.

У аудитории, следящей за развитием основной сюжетной линии Мбх, может сложиться впечатление о незначительности послужного списка Карны, но это впечатление было бы ошибочным. Дело в том, что самые яркие подвиги Карны как бы скрыты в повествовании: о них никогда не сообщается «прямым текстом» (то есть в речи основных рассказчиков, например, Вайшампаяны), но только в виде пересказа третьими лицами и, самое главное, вне основного русла повествования (скорее, в виде «сноски на полях») и *post factum*. Сразу после гибели Карны аудитория из речи царя Дхритараштры неожиданно узнаёт о длинном списке его батальных подвигов (Мбх VIII, 5): «...Прежде он уже одолел сильнейших, необоримых противников: гандхаров, мадраков, матсьев, тригартов, тунгаков, шаков, панчалов, видехов, купиндов, каши и косалов, сухмов, ангов, пундров, нишадов, вангов с кичаками, ватсов, калингов, таралов, ашмаков, ришиков – и всех их, осилив в битве, сделал своими данниками!» Добавление о том, что покорённые племена и царства стали данниками Карны, чрезвычайно важно. Во-первых, мы можем заключить, что речь в списке не идёт об отрядах, побеждённых Карной на Курукшетре, тем более, что многие из них (включая ангов и вангов) сражались на стороне Кауравов. Следовательно, Карна действительно совершал победоносные походы на соседей. Во-вторых, наличие данников «освежает» в памяти аудитории царский статус героя. В-третьих, интересно, что Карна делает побеждённых своими данниками, а не приводит их к покорности царю Кауравов. Отметим также несколько странностей данного списка. Зачем Карне, царю ангов, покорять ангов? Не относит ли Дхритараштра неудачный поход на Вирату к «победе над матсьями»? Почему гордый Шалья не является данником Карны после победы героя над мадраками, а шурин Дхритараштры Шакуни – после победы Карны над гандхарами? Но не будем придираться к мелочам: некоторое преувеличение заслуг в данном контексте позволительно – речь старого царя можно считать релетицией погребального плача, построенной по принципу *aut bene aut nihil* (похвалы или промолчи). Следующие обстоятельства представляют для нас интерес. Прежде всего, уже отмеченный факт, что побеждённые не стали данниками Дурьйодханы, указывает, что перечисленные подвиги к мотиву службы в строгом понимании отношения не имеют. Кроме того, большинство указанных побед одержаны Карной, вероятнее всего, во время его тринадцатилетнего благоденствия «под рукой» Дурьйодханы. Сказание же сообщает о них уже после гибели героя и как бы скороговоркой. В результате аудитория узнаёт о действительно впечатляющих свершениях героя (даже если список правдив только наполовину), когда радоваться за него позновато, и все эти сведения затмеваются свершившимся поражением Карны, а

внимание аудитории в любом случае отвлечено надвигающейся катастрофой на Курукшетре.

Ещё интереснее факт, кратко упомянутый умирающим Бхишмой: некогда в столице царства Каши Карна один поверг множество царей и добыл невесту для царя Кауравов (служба Б3) (*Мбх VI, 124*). Отметим несколько важных обстоятельств. Во-первых, этот подвиг добывания невесты, важный для эпического сюжета вообще и для *Мбх* в частности, изложен Бхишмой очень конспективно – буквально в одной фразе. В результате остаётся неясным, когда именно подвиг совершён. Во-вторых, даже эта единственная фраза тонет в цветистом приветствии, обращённом к Карне в беседе героев наедине, то есть и на этот раз никто, кроме самого Карны, о его подвигах не услышит.

Важные для рассматриваемого мотива дополнительные сведения мы находим в начале «Дронапарвы», когда сказание неожиданно возвращается к беседе умирающего Бхишмы с Карной. В данном варианте изложения Бхишмой некоторые подвиги Карны подпадают под определение службы сюзеру (*Мбх VII, 4, 4-7*): «Желающим сделать приятное сынам Дхритараштры, тобою, о Карна, силою и доблестью твоих рук были разбиты камбоджи, после того, как ты отправился в Раджапуру! Также и цари во главе с Нагнаджитом, находившимся в Гириврадже, также и амбаштки, видехи и гандхары были побеждены тобою! И кираты, свирепые в битве, обитающие в твердых Химавана, были некогда сделаны тобою, о Карна, *подвластными Дурьйодхань*» (так у И. В. Кальянова – А. И.). «И всюду в сражениях тобою, о Карна, преисполненным великой мощи, стремящемся *сделать добро Дурьйодхане*, были побеждены многочисленные герои!» (курсив наш – А. И.). Если формулировки «сделать приятное/добро» только намекают на службу героя сюзеру, то приведение киратов под власть Дурьйодханы не оставляет сомнений – Карна выполнял службу Б3. Надо ли добавлять, что и в данной редакции акцент беседы – благословение Карны на битву и его примирение с престарелым витязем, тогда как интересующие нас подвиги Карны не являются темой беседы и упомянуты вскользь.

Далее, божественный риши Нарада уже после гибели Карны рассказывает, как тот с оружием в руках помог Дурьйодхане добыть ещё одну невесту – дочь царя калингов Читрангады (ещё одна служба Б3) (*Мбх XII, 4*). Следует отметить, что и этот подвиг изложен, собственно, не в рассказе о деяниях героя, но погребен в душеспасительной беседе (являющейся отступлением от основного сюжета), где он может оказаться незамеченным. Более того, само сказание даёт понять, что указанные свершения Карны остаются малоизвестными или вовсе неизвестными другим персонажам: по словам Нарады, то, что он готовится поведать о Карне, неизвестно даже богам (*Мбх, XII, 2*).

Отметим, кстати, и чрезвычайно важный для биографии эпического героя мотив борьбы с чудовищем. В этом случае, по сравнению с богатейшим набором приключений Рамы и Лакшманы в Рм, Кришны, Араджуны и Бхимы в Мбх (бесчисленные схватки с якши, ракшасами, другими монстрами, например, убийство Кришной Шишупалы, родившегося с тремя глазами и четырьмя руками), послужной список Карны очень скромнен.

Во-первых, это только один эпизод, схватка с царём Магадхи Джарасандхой. Джарасандха несёт «реликтовые» черты чудовищного противника героя, так как при рождении был составлен ракшаси Джарой из двух половинок. Он может быть отнесён к чудовищам и по «функциональному» признаку, так как держит праведных царей в заключении с целью принесения в жертву (ср. «русские полоны», томящиеся в пещерах Змея Горыныча).

Во-вторых, одолев чудовище в рукопашной, Карна идёт с ним на мировую, получая в дар город Милину: удивительный для благородного героя компромисс. (Можно думать, что в данном случае в образе Карны проглядывают отмеченные Е. М. Мелетинским черты архаического героя, лишённого племенного патриотизма и способного побрататься даже с чудовищем). Напомним, что, когда юный и наивный Добрыня в первой схватке шадит поверженного Змея Горыныча, он делает это без материальной компенсации, но из жалости, и взяв слово, что Змей не будет полонить русских людей. Более того, убив коварное чудовище в следующем поединке, Добрыня в соответствии с эпической традицией отказывается и от вполне заслуженной княжеской награды:

«Не надо мне городов с пригородками
И селов с присёлками,
А только надо мне-ка славушка великая»

(цит. по В.Я. Протт, 2006, с. 210).

Карна, пощадив достойное уничтожения чудовище (позже с Джарасандхой расправился Бхима по наущению Кришны), да ещё и за мзду, явно нарушает кодекс эпического героя.

В-третьих, и это очень важно для данного элемента карьеры Карны, его подвиг борьбы с чудовищем упоминается вскользь сначала умирающим Бхишмой, которого слышит только сам Карна, затем Нарадой уже после гибели Карны.

Подведём итоги. Обычно столь важное для эпоса первое появление Карны при дворе Дхритараштры ни к каким примечательным свершениям многообещающего юного героя не приводит. Интересно, что Мбх даже не упоминает об участии Карны в набеге учеников Дроны на страну панчалов, хотя в приведённом выше списке побеждённых Карной племён они фигурируют. Сказание как будто намеренно оставляет Карну в тени до его «взрослых» столкновений с Пандавами (сваямвара Драупади и завоевание Пандавами царств). К «службе» ни один

из этих эпизодов не относится. Получается, что к исполнению типичных героических «служб» Карна привлекается не при появлении в Хастинапуре, а только через 15-20 лет, то есть после изгнания Пандавов. Но и тогда наиболее эффектные подвиги Карны (борьба с чудовищем, двукратное добывание невесты для сюзерена и расширение пределов его царства) оказываются, как мы видели, вне поля зрения аудитории – их приходится буквально по крохам выискивать в тексте огромного сказания. При этом все три эпизода батальной службы неодолимого героя, о которых Мбх повествует подробно и с соблюдением хронологии (то есть привлекая максимальное внимание аудитории), неудачны.

Разумеется, в эпосе есть персонажи, занимающие внешне сходную нишу. Например, никто из дружинников старого Хродгара не в состоянии защитить Хеорот («Беовульф»). Из этой безымянной массы героев-неудачников выделяется также не способный противостоять Гренделю, но чрезвычайно хвастливый Унферт. Кстати, в сходном поведении (неподкреплённое подвигами хвастовство) недруги постоянно упрекают Карну. Правда, между Карной и незадачливыми героями пошиба Унферта есть существенная разница. Увлечённо повествуя о выдающихся задатках младенца Карны, сказание недвусмысленно готовит аудиторию к его будущим великим свершениям: достаточно вспомнить пророчество Сурьи о том, что Карне «не будет равных по силе». Именно для таких многообещающих героев поступление на службу к правителю служит мощным катализатором героической карьеры. Отметим, что на Курукшетре, то есть при выполнении Карной пресловутой третьей службы, пророчество Сурьи сбылось. Карна достигает зенита славы, побеждая самых могучих и яростных противников (например, Гхатоткачу и Бхимасену), всех – кроме одного. Мы можем констатировать, что мотив службы героя в применении к Карне видоизменён сходным с рассмотренными ранее общеэпическими мотивами образом: сказание демонстрирует одновременно выдающуюся доблесть и беспрецедентное злосчастье героя. Но если сам факт подобной трансформации характерен и для других сюжетных мотивов, то средства её достижения в данном случае особенно радикальны: избирательное замалчивание одних эпизодов и «раздувание» других.

32. Мотив оскорблённой богини

Одним из мотивов, объясняющих несчастья героя, является гнев богини, которой он нанёс оскорбление. Рассмотрим основные варианты этого сюжета.

1А. Смертный герой пренебрегает любовью богини, вызывая её гнев и месть. Наиболее полно и ярко этот мотив разработан в конфликте Гильгамеша с аккадской богиней плодородия Иштар, любовь которой царь Урука отверг (ОВВ).

Оскорблённая Иштар пожаловалась своему отцу, богу неба Ану, который послал на землю небесного быка для уничтожения Гильгамеша. Гильгамешу с Энкиду удалось победить быка, после чего разгневанные боги, чтобы наказать строптивого героя, посылают смертельную болезнь на его побратима Энкиду. Интересно, что в адресованной Иштар филиппике Гильгамеш перечисляет других её избранников, с которыми богиня жестоко обошлась. Выясняется, что те, кто был к ней благосклонен (пастушеский бог Думузи – отправлен в царство мёртвых) и те, кто её отверг (Ишуланну-садовник – превращён в паука) кончили одинаково плохо. Обсуждаемый вариант мотива отвергнутой героиней богини (колдуньи, якшини) очень популярен (Одиссей/Калипсо, Добрыня/Маринка, Кухулин/Морриган, Рама/Шурпанакха) и часто имеет трагический исход. Артемида послала дикого кабана, который смертельно ранил пренебрежённого богиней Адониса. Гера и Афина, оскорблённые пренебрежением Париса (выбравшего в качестве прекраснейшей Афродиту), в гневе озаботились тем, чтобы в Троянской войне истребить не только род Приама, включая Париса, но и стереть с лица земли саму Трою:

«...Негодяя вздыхали Афина и Гера;

Вместе сидели они и троянам беды измышляли»

(Ил IV, 20-21).

Безнадёжно влюблённая в Главка волшебница Цирцея наказывает не его, а любимую им Скиллу, превращая красавицу в кровожадное чудовище. Гнев богини может переноситься не только на «разлучницу», но и на её потомство: ревнивая Гера преследует Геракла, так как он сын её мужа Зевса от царицы Алкмены. Примеры Энкиду, Скиллы, Геракла и троянцев показывают, что жертвой мести может стать не только непосредственный виновник неудовольствия богини.

1Б. Аналогичная коллизия может произойти и от гнева смертной женщины, облеченной властью над героем. Сын библейского патриарха Иакова Иосиф, пренебрежённый своей госпожой, женой египетского сановника Потифара (вариант неверной жены), оклеветан ею и брошен в темницу – смягчённый аналог царства мёртвых (*Быт 39, 7-20*). В подобный переплёт попадает Пелей, находясь в Иолке при дворе царя Акаста, и Беллерофонт в Арголиде при дворе Прета – оба вынуждены бежать, а оклеветанный Федрой её пасынок Ипполит гибнет. Аналогично, в древнеегипетской сказке «Два брата» неверная жена старшего брата в сходной ситуации добивается смерти «несговорчивого» младшего брата. Интересно, что во всех подобных случаях дама, раздосадованная пренебрежением героя, облыжно обвиняет его в противоположном – посягательстве.

2А. Герой не пренебрегает богиней, а посягает на неё, что также вызывает её гнев и месть. Оскорблённая неуместным вниманием Тития богиня Лето призывает своих детей Аполлона и Артемиду, и они расстреливают нечестивца из луков, но наказание Тития продолжается и после смерти: коршуны в Аиде клюют

его сердце (*Аполлодор I, IV, 1*). Разгневанная посягательством Актеона Артемида превратила его в оленя, и герой был растерзан собственными псами.

2Б. Аналогичный вариант с участием смертной женщины распространён во многих сказаниях. Здесь необходимо пояснение. Как в самих сказаниях, так и в посвящённых им исследованиях в центре внимания находится не антагонист, а благородный герой и его подвиги (в частности, возвращение похищенной и/или отмщение за оскорблённую жену, невесту, сестру – архетипический мотив поиска невесты). Нас же интересуют в данном случае как раз действия и удел похитителя/насильника/оскорбителя дамы, который является, естественно, «вредителем» и «мишенью» подвигов протагониста. При указанном перенесении центра внимания с протагониста на антагониста становится очевидно, что гнев оскорблённой героини и инспирированную ею месть оскорбителю можно рассматривать как вариант мотива «мести разгневанной богини». Из-за чрезвычайной популярности соответствующие сюжеты бесчисленны. Рама расправляется с похитителем его жены Ситы ракшасом Раваной (Рм). За насилие над дочерью Иакова Диной её братья Симеон и Левий истребляют не только семью местного князья-насильника (несмотря на его готовность жениться на Дине), но и всех мужчин его народа (*Быт 34*). В Мбх шурия царя Вираты Кичака посягает на Драупади, живущую под личиной служанки. Драупади жалуется Бхимасене и заманивает Кичаку на свидание, где Бхимасена убивает оскорбителя своей жены. Здесь можно усмотреть аллюзию на вариант «неверной жены», так как принятая Драупади личина служанки-шудры, мужей которой никто не видел, провоцирует царедворца. Аналогично, когда Авраам приходит в Египет, он выдаёт Сару за свою сестру (опасаясь быть убитым из-за красавицы-жены), «доступную» Сару берёт в жёны фараон, вызывая наказание Богом египетской земли (*Быт 12, 10-17*).

3. Гнев богини или смертной женщины необязательно имеет любовную подоплёку. Аморейская богиня-воительница Анат обещает бессмертие Акхату, сыну угаритского правителя Данниилу, но домогается она не любви юного героя, а его замечательного лука, который изготовил бог-ремесленник Кусар-ва-Хусис. Правда, после того, как герой отвергает предложение бессмертия, божественная дева предлагает-таки ему свою любовь, но и это не соблазняет заядлого охотника. Разгневанная неуступчивостью принца, богиня убивает юношу. Хеттская богиня Инара наказывает своего земного возлюбленного за нарушение запрета выглядывать в окно, а греческого героя Мелеагра губит собственная мать, так как он убил её брата.

3А. Можно думать, что образцом для обсуждаемого эпического мотива является миф о разгневанной и мстящей или, в более общем случае, принимающей меры по устранению неприятной проблемы богине. Исходно это, вероятно, Великая Мать или Мать-Земля, которую почитали древние народы от Индии до Бал-

кан. В греческой теогонии этот мотив повторяется по крайней мере дважды для разных поколений богов. Сначала речь идёт о конфликте Геи и её мужа Урана:

«Дети, рождённые Геей-Землёю и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появлялся,
Каждого в недрах Земли немедленно прятал рдитель...
С полной утробой тяжко страдала Земля-великанша.
Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело»

(Гесиод «Теогония», 154-160).

Гея побуждает детей-титанов восстать против отца, причем младший из них Крон получает от богини серп, которым осклапляет Урана. История повторяется, когда Крон, воцарившись над титанами, пожирает своих детей от Реи: гневная богиня спасает младшего – Зевса, – который свергает власть отца.

В Мбх, помимо коллизий 2Б Драупади/Кичака и Драупади/Джаядратха (похититель панчалийки, Мбх III), а также отмеченных П.А. Гринцером (и отсутствующих в критическом издании) второстепенных ответвлений сюжета, использующих мотив 1А (пренебрежение Арджуной авансами апсары, наказанное одним годом лишения героя мужской силы), можно найти чрезвычайно важные его примеры, имеющие отношение к судьбе Карны. Прежде всего, это «небесный» конфликт сродни варианту 3А. По аналогии с Геей Гесиода («С полной утробой тяжко страдала Земля-великанша») богиня, прибегающая к защите и помощи Брахмы, это также богиня Земли, жалуемая на непереносимую тяжесть и притеснения, творимые размножившимися данавами, которые воплотились в земных царей [«И эта земля, ...страдающая от бремени и мучаясь от страха, пришла за защитой к богу...» (Мбх I, 58)]. Брахма, решив помочь богине, передаёт дело в совет богов, где в качестве лидера выдвигается Вишну, составляющий план действий и координирующий его выполнение. Указанные обстоятельства и разработанный план будут подробно рассмотрены нами в одном из заключительных разделов. Здесь, рассматривая вариацию мотива негодующей и требующей «принятия мер» богини, уместно сказать вкратце, что план Вишну сводится к разжиганию войны между Пандавами и Кауравами, в которой войско Кауравов (воплотившиеся демоны) будет истреблено. То, что при этом неизбежно погибнет и войско Пандавов, разумеется, неважно (лес рубят – щепки летят, как мы убедились на примере разрушения Трои из-за гнева Геры и Афины на Париса).

Карна является ключевой фигурой плана Вишну, он придёт в этот мир, «чтобы сеять раздор». Карне предназначена такая судьба, чтобы он из гнева и зависти принялся разжигать вражду между Кауравами и Пандавами, одновременно своей мощью вселя в Кауравов надежду на победу. Итак, налицо некоторая модификация ортодоксального мотива. Богиня не оскорблена, но важно, что она страдает и просит защиты,

а для выполнения этой просьбы вызвавшие её недовольство «притеснители» должны быть уничтожены. Кроме того, наличествует герой, который ради воплощения этого плана должен пострадать, хотя не он притеснитель богини. Мы уже видели, что от гнева богини страдают и невинные – в качестве пушечного мяса (войско Пандавов в Мбх, ахейцев – в Ил), заместителя обидчика (Энкиду, ОВВ) или просто под горячую руку (жители Трои, включая женщин и детей), но Карна не заместитель и не случайный прохожий, он – один из ключевых персонажей.

Для Карны коллизия, помимо мифологического (3А), имеет и эпический уровень (вариант 2Б). Разжиганием земного конфликта оправдывается наказание героя: Карна один из оскорбителей Драупади. Отметим, что гневная и требующая от своих мужей отмщения героиня винит именно Карну (*Мбх III, 13, 111-113*): «Отирая с глаз слёзы, то и дело вздыхая, голосом, прерывающимся от рыданий, вскричала она в гнев: «Ни супругов, ни сыновей больше нет у меня! Ни братьев, ни родичей... Ведь вы бестрепетно наблюдали за тем, как ничтожные людишки наносят мне оскорбление! Не унимается моя душевная мука, (рождённая) теми насмешками Карны!». Важность мотива «разгневанной богини» в судьбе Карны подчёркивается тем обстоятельством, что особую роль Карне в оскорблении приписывает как раз сама пострадавшая. Бхима думает иначе, считая основными оскорбителями Драупади Дурьйодхану и Духшасану; им он и отомстит. С Бхимой согласен Сахадева [«Как же может после этого» (оскорбления Драупади – А. И.) «успокоиться мой гнев, вызванный Суйодханой?..»]; царь и Накула прямо не высказываются; Араджуна обвиняет Карну не столько в оскорблении Драупади, сколько в подстрекательстве Дурьйодханы и Духшасаны. В результате создаётся впечатление, что Карна гибнет от руки Араджуны в значительной степени из-за науськивания Драупади [«Дочь Яджнасену подобна пламени», – говорит о мстительной даме Дхритараштра (*Мбх III, 228*)]. В целом ситуация сродни натравливанию женой одного брата на другого в упомянутой древнеегипетской сказке, а также в «Саге об Инглингах» «Крута Земного», где мотив 1Б использован дважды, и в огузском эпосе, где герой Бисат убивает старшего брата по наущению своей жены.

Отвлекаясь от мотива мести оскорблённой богини, отметим, что известны и другие примеры, когда боги используют смертных героев для решения своих проблем. Рама (Рм) рождён для того, чтобы победить Равану, с которым боги справиться не могут. Выполнив своё предназначение, Рама, как и Пандавы Мбх, достигает победы, а также земной (а не только посмертной) славы и благоденствия. Аналогично, доблестный царь Кувадашва предназначен судьбой для расправы с неодолимым для богов демоном Дхундху. В награду он получает вечную жизнь на небесах, а перед этим – благоденствие на земле (*Мбх III, 192-195*). Карна также выполняет предназначенную ему роль на благо богов – облегчение ноши земли, – но субъективный результат для героя совершенно иной. Невинного в тяготах боги-

ни Земли, но злосчастного Карну актуализация мотива гневной богини обрекает на гибель – уникальный исход для ключевой фигуры коллизии.

33. Бахвальство

В свободное от совершения подвигов время эпические герои заняты разговорами о подвигах, совершённых ими самими, их современниками, или ви­тяжами прошлого. Нередко речь заходит о будущих подвигах, в том числе, непосредственно перед битвой или поединком. Воспоминания о прошлых и, в особен­ности, обещание будущих подвигов часто служит цели самовосхваления героя. И если РГЭ подчёркивает скромность героя (в былине похвывается обычно не киев­ский богатырь, а его антагонист), то это скорее исключение. В типичном случае скромность явно не входит в список достоинств эпического героя, хотя и здесь есть предел дозволенного: сказнием не осуждается только «адекватное» самовос­хваление. Яркий пример – поведение молодого Ростема. Он начинает восхвалять себя с напоминания о совершённых подвигах:

«Забыл ты мои боевые дела,
Молва о которых повсюду прошла?»

(ШН, «Гершасп», бейты 10087-10088).

Далее герой с поистине эпическим размахом живописует свою удаль и грядущие свершения:

«Увидишь могучую хватку мою,
Лишь дай очутиться в кровавом бою!
...Клинок мой кровавые ливни прольёт
...Полягут слоны от такого меча!
...Туранскую только завизжу орду -
Без войска, один, учиню ей разгром...»

(ШН, «Гершасп», бейты 10119-10120, 10122,
10124, 10138-10139).

Вскоре Ростему удаётся выполнить свои обещания, расправившись с туранской ратью. Хвастовство настолько распространено в эпосе, что перед этим соблазном не могут устоять даже смирившие свой дух мудрецы. Юный подвижник Аштавакра, которого из-за его нежного возраста не допускают к участию в диспуте со знаменитым Вандином, не стесняется превозносить собственную мудрость (*Мбх III, 133, 18*): «Где этот Вандин? Встретившись с ним, я намерен затмить его, как солнце – звёзды». Юный брахман действительно побеждает в диспуте. На при­мерах похваляющихся Ростема и Аштавакры можно видеть, что критерий адек­ватности самовосхваления очень прост: восхваляя себя, благородный герой может

обещать многое, но не больше того, что он способен совершить. Назовём неумеренное, то есть неподкреплённое подвигами, самовосхваление бахвальством.

Бахвальство – распространённый мотив героического эпоса. Для нас представляет интерес бахвальство одного из соперников, происходящее незадолго перед схваткой или непосредственно предвещающее её. Объектом восхваления в этих случаях является сам произносящий речь персонаж, а объектом его насмешки или других принижающих доблесть и заслуги замечаний – его противник. Распространённым, хотя и необязательным элементом этого мотива является ответ резонёра, обличающего бахвала в пустом хвастовстве. Резонёром может быть противник бахвала, и в этом случае препирательство соперников приобретает черты словесного поединка. Наконец, необходимым элементом мотива бахвальства является последующее поражение бахвала: в противном случае самовосхваление эпического персонажа не выглядело бы в глазах аудитории пустым бахвальством. Генезис эпического бахвальства – магические действия воина, направленные на наращивание своей боевой мощи перед сражением. Кроме того, бахвальство в присутствии противника имеет целью его деморализацию. Но в классическом героическом эпосе ритуальные истоки восхваления героем себя самого и поношения противника уже забыты, и подобные речи выглядят банальным хвастовством, которое служит способом характеристики героев.

«Невинное» хвастовство свойственно некоторым героям второго плана, типа Унферта («Беовульф»), тогда как бахвальство как неумеренное превознесение собственных достоинств характерно, прежде всего, для антагониста благородного героя. Неизбежный триумф благородного героя в единоборстве с похваляющимся антагонистом часто подчеркивается скромным поведением героя. Так, в ответ на пренебрежительные замечания («А и невелик же ты, русский богатырь») и похвалбу Калина-царя чудовищной прожорливостью (он съедает быка за один присест), Илья Муромец скромно отвечает: «А я съем калач, и тем сыт». Более типичный случай – похвальба антагониста не своими размерами или аппетитом, а собственно предстоящим бранным подвигом, как мы видим на примере Тугарина:

«Уж я город-от Киев да во полон возьму,
Уж я божьи-ти церкви да все под дым спущу,
Уж я руських богатырей повышиблю...»

(«Алёша Попович освобождает Киев от Тугарина»,
цит. по: «Добрыня Никитич и Алёша Попович», сюжет N 38).

Разумеется, в следующей за похвальбой схватке антагонист благородного героя оказывается посрамлён.

Нетрудно заметить, что в Мбх количество сцен похвалбы с участием Карны довольно велико – недаром его постоянно называют хвастуном. Аудитория слышит похвалбу Карны в первой же реплике юного героя. На состязании учеников

Дроны Арджуна называет Карну выскочкой, а оскорблённый Карна хвастливо угрожает обидчику расправой (I, 126, 20): «Поговори лучше стрелами, о потомок Бхараты, пока я на глазах у (твоего) учителя не снесу сегодня стрелами тебе голову». Карна и Арджуна уже сжимают в руках луки, но схватку прерывают наставники, и её исход остаётся гадательным.

В следующий раз Карна похвастается своей доблестью и близкой победой над Арджуной во время набега Кауравов на царство матсьев. Ещё когда Арджуна не слышит бахвальства Карны, того обвиняют в хвастовстве его соратники Крипа, Бхишма и Ашваттхаман. Отступив в первой схватке и потеряв брата, Карна продолжает бахвалиться, и в ходе словесного поединка Арджуна укоряет его (Мбх IV, 55, 14): «Кто другой, кроме тебя, допустив убийство своего брата и покинув головной участок боя, может хвастать так?..» После этого происходит второй бой с Арджуной, и Карна, как положено эпическому бахвалу, вновь терпит позорное поражение. Теперь можно выделить характерные обстоятельства, которые и в дальнейшем будут характеризовать мотив бахвальства в применении к Карне:

а) похваляющийся Карна подвергается укорам со стороны своих же соратников (уникальное для эпоса обстоятельство);

б) похвальба Карны расценивается резонёрами обеих сторон не как акт воинской магии или элемент психологической подготовки себя самого и давления на противника, а исключительно как обычное «бытовое» хвастовство (так сказание подчёркивает неприглядные черты характера Карны и нагнетает атмосферу его изоляции и обречённости);

в) Карну особенно усердно укоряют в хвастовстве ещё не совершёнными подвигами;

г) в довершение унижения, Карна действительно терпит поражение, подтверждая правоту критиков и своё реноме хвастуна.

Подобные сцены будут повторяться и на Курукшетре, причём, объектом похвалы Карны неизменно оказывается Арджуна, либо персонально, либо в составе более обширной группы («Пандавы», «Пандавы и панчалы»). В типичном случае Карна хвастливо обещает Дурьйодхане (Мбх VII, 133, 6): «Говорю тебе правду! Будь спокоен, о потомок Бхараты! Я убью сыновей Панду...», или (Мбх VIII, 6, 33-34): «Ведь прежде я уже сказал в присутствии твоём, сын Гандхари: "Я одолею Пандавов, о царь, вместе с их сыновьями и с Джанарданой!" Разумеется, я готов стать твоим военачальником. Будь крепок духом, великий царь, и считай, что Пандавы уже побеждены!» Ничем, кроме пустого бахвальства, подобные заявления счесть нельзя. Дело даже не в том, под силу ли Карне одолеть Пандавов в схватке: он обещал Кунти пощадить четверых из них!

На четырнадцатый день битвы бахвальство Карны и укоры наставника Крипы приводят к настоящей ссоре героев. Карна заявляет (Мбх VII, 133, 5-11): «Если

бы и сам Пурандара» (Индра – А. И.) «явился сюда, чтобы спасти Партху, то быстро победив даже его, я убил бы затем и Пандаву... Я одержу победу в сражении над всеми Пандавами... панчалами и кекаями, а также над вришни, собравшимися вместе!» Карну пытается поставить на место рассудительный Крипа (Мбх VII, 133): «Ты много хвастаешься, о Карна... но твоя доблесть нисколько не обнаруживается, ни также и сила твоя! Множество раз мы видели твоё столкновение с сыновьями Панду в бою. Но во всех случаях ты был побеждаем Пандавами, о сын возники! Проявлять свою доблесть, не прибегая к хвастовству, – есть долг порядочного человека». Карна, считая почтенного наставника негодным воином, в ярости принимает оскорблять его (Мбх VII, 133, 51-52): «Что до тебя самого, то ты старец и брахман (по рождению)... Ты питаешь любовь к Партхам. И в ослеплении так ненавидишь меня! Если так ты будешь говорить мне снова тут неприятное для меня... тогда, извлеки свой меч, я отрежу твой язык, о нечестивец!» Надо ли говорить, что последовавшую схватку с Арджуной Карна блистательно проиграл (Мбх VII, 134, 46-52).

Разумеется, известны и другие примеры укоров героя со стороны соратников в необоснованном бахвальстве. Когда впервые прибывший в Киев Илья Муромец заявляет князю о победе над страшным Сольвьём-разбойником, он слышит в ответ унизительное:

«Во очях детинушка да завирается,
А пустяками детинушка да похваляется»

(цит. по В.Я. Проти, 2006, с. 262).

Но, во-первых, как мы указывали выше, былины РГЭ чрезвычайно чувствительны к бахвальству. Во-вторых, даже в русском эпосе упреки богатыря «своими» в хвастовстве встречаются нечасто. И, наконец, аудитория знает, что Илья действительно привёз в Киев побеждённого Соловья, поэтому необоснованные укоры князя не унижают богатыря в глазах аудитории, но подчёркивают его скромность и оттеняют близящийся триумф. Положение Карны совершенно иное. Его доблесть никак не может реализоваться в неоспоримых подвигах, и все укоры героя в бахвальстве по существу справедливы. Карна не может воздержаться от бахвальства и перед финальной схваткой с Арджуной, и в результате подвергается насмешкам собственного возники («...Увлечённому похвалой, несущемуся в бой среди ликующего войска великоколесничному бойцу, губителю недругов Радхее царь мадров отвечал с усмешкой...»). Правда, последняя похвальба Карны лишена гротескных форм, отмеченных нами ранее. Дело в том, что на исходе битвы поведение Карны и Пандавов меняется на противоположное. На шестнадцатый день мы видим Накулу в качестве бахвала, превозносящего себя и унижающего Карну, обещая покарать его (Мбх VIII, 17): «Наконец-то обратили ко мне боги благо-

склонный свой взор! Вот ты и явился очам моим на поле брани, о злодей!.. Ныне, сразив тебя в бою, я достигну заветной цели и избавлюсь от тревог!»

На эти слова Сын суты дал Накуле такой ответ.: «Что же, нападай, мальчик» (Карне слегда за пятьдесят, «мальчику» лет сорок пять – А. И.), «поглядим на твою отвагу! Но сперва соверши подобающий подвиг в сражении, а потом будешь хвастать, герой! Храбрые мужи, любезный, все силы отдают борьбе на ратном поле, не тратя лишних слов!» Как видим, здесь сдержанным и благородным резонёром выступает сам противник Накулы Карна. Более того, после похвальбы Накулы Карна не только легко (то есть не сражаясь в полную силу) побеждает его, но и дарит ему жизнь. На следующий день сцена повторяется с участием другого Пандавы. Теперь уже сам Царь справедливости бахвалится перед Карной, затем терпит от него унижительное поражение, и также получает пощадку. Недостойное поведение и унижение Юдхиштхиры подчеркивается его истерикой – опущенный Карной и оказавшись на безопасном расстоянии, перепуганный Пандава «тысячу раз прокричал тем воинам: «Убейте его!»»

Подведём итог. Неоднократно на протяжении сказания Карна, похваливаясь своей близкой победой над Араджуной, терпит позорные поражения, то есть выступает в качестве суетного и незадачливого антагониста благородного Пандавы. В то же время, множество отмеченных нами деталей исподволь указывает на то, что Карна действительно великий воин, чьи поражения временны и случайны. В результате Карна вызывает сочувствие, как благородный герой, который *из-за невезения* терпит унижительные упреки в бахвальстве. Особенность этих сцен составляет то, что критику Карна слышит чаще не от противников, а от соратников. Более того, в сцене, происходящей на четырнадцатый день битвы, мотив бахвальства раздут до чудовищной ссоры между хвастуном Карной и наставником принцев, шурином Дроны Крипой; оскорбляющий почтенного старца Карна выглядит отгакивающе. Далее происходит небывалое. незадачливый хвастун и благородные герои меняются местами! Бахвалами становятся Пандавы Накула и Юдхиштхира, а Карна, являясь мишенью их похвальбы, оказывается не только очень сдержанным резонёром, но, одержав победу, благородно дарит им жизнь: на исходе битвы мы видим доблестного и благородного Карну. Таким образом, необычное использование общеэпического мотива бахвальства позволяет сказанию сначала подчеркнуть роль Карны как низкого и суетного гонителя благородных Пандавов, а затем выявляет в Карне черты благородного и трагического в своём одиночестве и обречённости героя.

34. Герой перед выбором

Эпический герой, несмотря на свою цельность и уверенность в том, что любая проблема имеет верное решение, и притом единственное, порой оказывается перед выбором. Выбор героя может иметь «тактический» характер. Разгневанный царь колхов Эет [эпическая поэма Аполлония Родосского «Аргонавтика» (в дальнейшем – Арг)] думает об аргонавтах:

«Сердце Эетово вновь закипело от мысли двоякой:

Либо сразу напасть на них и убить их на месте,

Либо сначала силу их испытать. Показалась

Лучшей такая мысль»

(Арг III, 397-400).

Подобные ситуации встречаются часто, но такой выбор, как он ни важен для развития сюжета, не связан прямо с отношениями героев: Эет в любом случае собирается расправиться с аргонавтами. Нас же интересует выбор другого рода: поворотный момент в жизни героя, когда он решает, к какому лагерю примкнуть, за кого мстить, на чьей стороне сражаться и, возможно, погибнуть. Значение такого рода выбора в судьбе Карны очевидно. Посмотрим, как ведут себя известные нам эпические герои, оказавшись перед драматическим выбором.

Когда Брюнхильда облыжно обвиняет Сигурда в прелюбодеянии, её муж Гуннар должен сделать трудный выбор: поступиться своей честью или отомстить, убив побратима (СЭ, «Краткая песнь о Сигурде»). Гуннар влюблён («Всех мне дороже Брюнхильда, дочь Будли, всех женщин она милее и краше») и решается на убийство друга: в основе выбора в данном случае лежат любовь и ревность.

В другой песни СЭ Гудрун, чей муж Атли коварно расправился с её братьями, также должна решить, чью сторону принять (СЭ, «Гренландские речи Атли»). Гудрун решает сомнения в пользу братьев, и выбор её страшен: чтобы отомстить мужу, она убивает собственных детей и готовит из них Атли угощение. Напомним, что отомщены таким чудовищным образом те самые Гуннар и Хёгни, которые по наущению Брюнхильды коварно убили первого (и любимого) мужа Гудрун – Сигурда (см. предыдущий параграф). В последнем случае сделанный выбор, очевидно, знаменует торжество родовой морали, по которой даже подлый брат ближе, чем муж и дети. Подобный выбор в героическом эпосе наиболее распространён. Младший брат объявленного вне закона Греттира с одобрения матери присоединяется к Греттиру, избирая самую страшную для исландца времён родового строя участь: он добровольно становится изгоем («Сага о Греттире»).

Можно думать, что для людей «героического века» естественно становится не на сторону правого или сильного, но на сторону родича. Вот что происходит в позднеродовом обществе, когда один из убийц Ньяля ищет сторонников перед

неизбежным противостоянием враждебных партий на тинге (сход свободных исландцев с судебными и законодательными функциями): «Наутро Флоси стал просить Сёрли, чтобы тот поехал с ним на тинг. «Я ничего не могу сказать», – ответил тот, – «пока не узнаю, на чьей стороне Гудмунд Могучий, мой тесть, потому что я буду помогать ему, на чьей бы стороне он ни был» («Сага о Ньяле» СХХХIV) (курсив наш – А. И.). Родственные связи сохраняют свою силу и в сказаниях более развитых обществ. В феодальном государстве Каролингов за отвратительного Ганелона на судебный поединок выходит его родственник. На предложение отказаться от защиты предателя

«Ответил Пиннабель: "Не дай господь.
За родичей стоять – мой долг прямой.
Вовек не уклонюсь я от него.
Уж лучше гибель, чем такой позор"»

(*ПР CCLXXXIII, 3906-3909*).

В указанном простом алгоритме выбора возможны aberrации. В Рм юный царевич Бхарата должен выбирать между преданностью единокровному брату Раме и почтительностью к своей матери Кикейи, хитростью лишившей благородного Раму престола. Бхарата делает выбор в пользу старшего брата. Вопрос о том, кто ближе в условиях патриархального рода – старший единокровный брат или мать, – в данном случае затмевается другим обстоятельством. Младшая жена царя Дашаратхи Кикейи провернула гнусную интригу, чтобы её сын Бхарата наследовал престол в обход старшего царевича Рамы, и, осуждая её (и отказываясь от престола), благородный Бхарата следует голосу совести.

Рассмотрим ещё один пример выбора, обеспечившего драматический поворот сюжета эпической поэмы. Героиня Арг Медея помогает Ясону добыть золотое руно и бежать с добычей, предавая, таким образом, своего отца Эета. Случай с Медеей, помогающей возлюбленному, особый. Во-первых, Аполлоний тщательно обосновывает её выбор волей богов. Гера и Афина, сочувствуя Ясону, просят о помощи Афродиту, та обращается к своему сыну Эроту, а Эрот заставляет Медею полюбить Ясона. Практичная барышня, впрочем, окончательно головы не теряет и обещает аргонавтам помощь на определённых условиях: Ясон должен взять юную колдунью с собой и жениться на ней. Во-вторых, старый Эет чрезвычайно несимпатичен, он и сам не собирается выполнять условий соглашения, а эпическая аудитория во все века восприимчива к идее, что «погубить обманщика с помощью обмана не считается грехом» (*Мбх III, 49*). Разумеется, коллизия типа любовники/отец (братья) девушки или, изредка, любовники/мать юноши (пример – византийский эпос «Дигенис Акрит») занимает особое место в фольклоре вообще и в эпических сказаниях в частности. Бесчисленные примеры такого кон-

фликта (Тесей+Ариадна/Минос) подтверждают, что в обстановке выбора любовь может перевешивать все остальные факторы, включая родовые связи и дружбу.

Мы получили следующую картину. Эпический герой может оказаться перед судьбоносным выбором, причём, иногда выбор героя не является ни простым, ни очевидным. Основой выбора в типичном случае являются родовые связи, но ряд обстоятельств может внести коррективы в эту простую схему. Наиболее распространённый фактор, искажающий типичную картину – любовь или ревность; ещё один, гораздо более редкий – желание благородного героя поддержать «правую» сторону даже в ущерб себе и своим близким (Бхарата в Рм).

Частным, но чрезвычайно важным для героического эпоса является выбор, связанный не с противостоянием отдельных героев (Гурун – Атли, Медея – Аписирт), но с масштабным военным конфликтом: Илье Муромцу Калин-царь предлагает вступить в татарское войско, Кухулина королева Медб зовёт в войско Коннахта. В этих условиях герой никогда не соглашается на предательство, то есть не переходит на службу к врагу, даже потенциальному (Дунай – король Литвы).

Рассмотрим положение Карны. Его первый выбор между Пандавами и Кауравами фактически остаётся за пределами повествования, если не считать краткого высказывания Нарады о том, что юный Карна подружился с Дурьюодханой по воле случая, ведомый собственной натурой и под влиянием ненависти к Пандавам (*Мбх* XII, 2). Повторный выбор Карны, которому Кришна «открывает» тайну его рождения (вряд ли это явилось сюрпризом для Карны – см. раздел 44), напротив, подробно описан в *Мбх* и поэтому чрезвычайно информативен. Карна делает выбор в пользу Дурьюодханы, отказываясь перейти на сторону братьев, а заодно отказываясь и от царского трона. Родовая мораль посрамлена: друг и приёмные родители Карне дороже родичей. Как мы убедились, родовые связи могут быть «отменены» любовью или соображениями этики. Любовь в данном конфликте очевидной роли не играет (мы не рассматриваем упомянутую П. А. Гринцером и отсутствующую в критическом издании коллизию Карна-Драупади), а с этикой дело обстоит непросто. Не будем забывать: в беседе с Кришной Карна признал, что правда на стороне Пандавов. В чём же дело? В невозможности предать друга, как бы плох он ни был, и в обиде на мать? Конечно. Но обычный эпический герой либо никогда в такой «извращённой» ситуации не оказывается (друг, являющийся объектом выбора, как Сигурд (СЭ), непременно благороден, а отвергнутая героём мать, как Кикейи, делает разные гадости), либо, ничтоже сумняшеся, делает выбор в пользу родичей, тем более царственных.

Мотив сманивания героя на сторону военного противника в случае Карны тоже трансформирован: во-первых, герою предлагают сражаться за правое дело, во-вторых, это означало бы воссоединение с семьёй. По эпическим нормам это не предательство. Более того, подобная модель поведения реализуется в *Мбх*, когда в

первый день битвы по призыву Юджиштхиры к войску Пандавов присоединяется 101-й сын Дхритараштры, мудрый и благородный Юютсу. Сказание подчёркивает: он не совершает предательства, а переходит на сторону правых!

Подведём итог. Во-первых, как мы убедились ранее, нежелание бывшего подкидыша мириться с царственными родственниками – ситуация для эпоса необычная. Во-вторых, этическая подоплёка выбора, какую мы видим у Бхараты (Рм), в случае Карны вывернута наизнанку. Карна, как и Бхарата, согласует свой выбор с голосом совести, но, в отличие от Бхараты, этот выбор приводит Карну в лагерь злодеев! Мы вынуждены заключить, что Карна поставлен в небывалые для героического эпоса условия, когда этически безупречного выбора, пусть грозящего герою гибелью, просто нет. Рассмотрение таких ситуаций характерно не для эпоса, а для трагедии. Возможно, наиболее ранний пример нам дают «Просительницы». Эсхил ставит архосского царя Пеласга перед ужасным выбором: дать убежище Данаидам, провоцировав тем самым поход сыновей Египта и уничтожение своего города (за который царь несет личную ответственность перед богами), или ради безопасности своих подданных отвергнуть мольбы несчастных изгнанниц, нарушив священный закон гостеприимства и вызвав гнев Зевса (который, опять-таки, обрушится на царя и его город). В героических сказаниях самые трагические сцены, такие, как смертельная схватка друзей или родичей, воспринимаются как *несчастье, но не злодейство*, которое можно поставить герою в вину. Карна же оказывается в положении героя трагедии: перед ним стоит нравственная проблема, не имеющая однозначного решения.

Трагическим героем Карну делают не только ситуация, в которой он оказался, и суть его выбора, но и способ принятия решения. Судьбоносное решение эпический герой принимает совершенно определённым способом: «Герой Гомера... способен оказаться перед выбором решения, но пойти по одному из путей он может только под влиянием внешней, не зависящей от него силы» (В.Н. Ярхо, 2001, с. 40). Вот что понимает эпос под внешней силой. «Настоящий эпический стиль не только мотивирует извне всякий человеческий поступок, но и вообще всякое человеческое переживание мыслит вложенным в человека богами или демонами» (А.Ф. Лосев, 2001, с. 176). Карна, напротив, принимает важнейшие решения сам, *вопреки* советам богов.

В данной части наших разысканий мы воспользовались «типологическим единообразием большинства мотивов героического эпоса» (С.Л. Невелева, 1991, с. 61), чтобы сравнить Карну с типичным эпическим героем. Сравнение будет продолжено в следующих разделах, а пока можно сделать предварительные выводы. Мы могли убедиться, что Карна по многим признакам отличается от *bona fide* эпического героя. Отличие Карны от истинного эпического героя часто сводится к тому, что в стандартной для эпоса ситуации Карна поступает нестандартным

образом. В более редких случаях сам Карна действует в традициях жанра (возвращение в строй, преданность побратиму, применение волшебного оружия), но не «по-эпически» складываются обстоятельства. Наконец, указанные случаи отклонения хода сюжета от известных общеэпических мотивов не выглядят случайными: изменение всегда происходит не в пользу Карны.

«Но если жизнь базар крикливый бога,
То только смерть его бессмертный храм»

А.А. Фет «Смерть»

Часть V. Обстоятельства гибели эпического героя

Рассмотрение обстоятельств гибели эпического героя выделено нами в самостоятельную часть, так как гибель зачастую является важнейшим событием его биографии. В типичном случае именно в момент гибели герой достигает истинного величия. Это знает не только эпическая аудитория, но и сам герой, ведь и для него доблестная гибель – кульминация жизни, к которой он стремится. Примеры бесчисленны, так как смерть в бою – удел типичного героя эпических сказаний. Более того, героическая смерть – важнейшее отличие эпического вождя от «простых» людей.

В силу своей исключительной важности для композиции сказания сюжет о гибели героя обрастает общеэпическими сопровождающими мотивами. В этой части наших разысканий мы рассмотрим характерные для героического эпоса обстоятельства гибели героя в приложении к Карне.

35. Эпический герой в трагической ситуации

Некоторые герои эпических сказаний оказываются в ситуациях, которые аудитория воспринимает как трагические. Подобные ситуации можно отнести к двум основным категориям. (1) Основное для данной ситуации деяние, результаты которого воспринимаются как трагические, совершает сам герой. (2) Герой оказывается пассивной жертвой подвоха со стороны антагониста. Трагическую окраску такая ситуация приобретает из-за особой жестокости или коварства подвоха в сочетании с неотвратимостью фатального для благородного героя исхода. Очевидно, сходные категории выявляет в трагедии Аристотель, говоря о героях, «кому довелось пережить или совершить ужасное» (*Аристотель*, «Поэтика», 13, 18-21). Рассмотрим эти два варианта подробнее.

1. К первой категории можно отнести ситуации, когда благородный герой, как правило, по неведению, делает нечто, в чём сам позже раскается.

А. Это, во-первых, неоднократно упоминавшийся смертельный поединок неузнавших друг друга отца с сыном. Пример – трагедия старого богатыря Ро-

стема, понявшего, что убил сына. В частном случае, Хадубранд просто не верит Хильдебранду, что тот – его отец. В сходной ситуации оказывается Кухулин, неожиданно узнающий, что поединщиком, выставленным против него вражеским войском, оказывается его побратим Фер Диад. Оба героя испытывают моральные муки, но не могут отказаться от смертельного поединка без ущерба для чести (СУ, «Похищение быка из Куальнге»). Трагизм вынужденного поединка, приводящего к убийству старым рыцарем собственного сына или Кухулином – своего друга, усугубляется тем, что «благополучного» исхода в указанных ситуациях нет: оба поединщика – благородные герои. Именно поэтому встреча Ильи Муромца с Сокольниковым не воспринимается как трагическая: сын киевского богатыря оказывается подлым и коварным врагом и сочувствия не вызывает.

Б. Непоправимый поступок может быть совершён героем в припадке гнева или безумия. Временное безумие наслано мстительной Герой на Геракла, который в помрачении убивает собственных сыновей, а позже – друга Ифита (*Аполлодор II, 4, 12; II, 6, 2*).

2. Другая категория трагических событий в эпосе связана с кознями против благородного героя.

А. Герой, зная о затеянной против него интриге, оказывается «заложником чести». Кухулин прекрасно понимает уловки противника. Да и уловками это можно назвать только с большой натяжкой – его просят в разгар битвы отдать врагам копьё! Герой даже пытается возражать, но хитрые певцы противника раз за разом апеллируют к его чести и угрожают сложить о нём «песнь поношения», а это чревато не только позором, но и более «материальным» ущербом: колдовская песнь друида может принести герою смерть, а такая смерть позорна. Таким образом, помимо апелляции к чести, Кухулина ещё и припугнули бесславной гибелью. Поясним, что нежелание героя расстаться с копьём может быть квалифицировано как отказ певцу в даре. В результате интриги, тщательно спланированной предводителем ирландцев Эркром, который мстит Кухулину за гибель отца, с третьей попытки безоружного героя удаётся убить. К этому моменту Кухулину отказала одна рука и одна нога (последствия яда и колдовства, см. раздел 39), он потерял одного из двух коней и возницу, то есть вынужден сражаться и одновременно править колесницей (СУ, «Смерть Кухулина»).

Если такого нагромождения роковых обстоятельств нет, а герою, полному сил и адекватно экипированному, предстоит «всего-навсего» сразиться с превосходящим по силе или численности противником, то даже обречённость героя не воспринимается как трагическое обстоятельство. Это обычный способ для эпоса возвеличить героя, а для героя – достичь высшей цели, приобретя (посмертную) славу. Именно в такой ситуации оказываются Роланд с соратниками, гибнущие

в неравном бою в Ронсевальском ущелье, но уничтожившие огромные полчища сарацин (ПР): их смерть не трагична, а величественна.

Б. Герой не подозревает о западне – Зигфрид доверяет своему шурину королю Гунтеру, считает Хагена другом, и в результате получает удар копьём между лопаток (ПН). В случае Ростема речь идёт о западне в буквальном смысле: на пути непобедимого богатыря роют ямы, усаженные по дну копьями и клинками (ШН).

Посмотрим, какие из указанных трагических ситуаций приложимы к Карне. Во время «выпускного» состязания учеников Дроны назревает ситуация категории 1А, когда Араджуна и Карна, не зная, что они братья, готовы сразиться друг с другом, а несчастная Кунти даже успевает упасть в обморок. Но до схватки дело, как мы помним, не доходит. В результате ситуация 1А не реализуется, а вариант 1Б к Карне отношения не имеет.

Трагических событий типа 2А с Карной также не происходит. Ближайшим аналогом такой ситуации, рассмотренной нами на примере Кухулина, для Карны является изъятие волшебных серёг и панцыря. Но разница здесь принципиальная: Карна утрачивает магическую защиту, которая давала ему *преимущество* над другими героями, включая великого Араджуну. Лишившись этой защиты, Карна оказывается *на равных* с остальными героями, оставаясь при этом величайшим бойцом по своим «земным» способностям и экипировке, которые он сохранил. По сути, то же говорит Кришна и об утрате Карной копья Амогхи (*Мбх VII, 155*): «Лишённый (дротика), данного Шакрой, он теперь оказался в положении обыкновенного человека...» В противоположность Карне, положение Кухулина в его последней битве можно охарактеризовать как трагическое: Кухулин, как мы увиделись, отравлен, околдован и оставлен, по сути дела, безоружным.

Вариант 2Б также не имеет отношения к Карне: случай с застрявшей в грязи колесницей уготованной противником западней ни в коем случае не является. В результате мы приходим к важному выводу. В отличие от обычных эпических героев, чья жизнь или смерть порой оказывается окрашенной трагическими обстоятельствами, трагичность образа Карны к подобным изолированным ситуациям свести не удаётся. В случае Карны речь идёт не об отдельных трагических эпизодах или обстоятельствах, а о трагической судьбе.

36. Мотив предательства в судьбе героя

Мотив предательства эпического героя является частным, но чрезвычайно важным вариантом подвоха, устроенного антагонистом, и приводящим героя к гибели. Попытаемся выделить характерные элементы предательства при рассмотрении следующих примеров: предательство короля Ку Рои его женой Блатнад

(СУ, «Смерть Ку Рои»), предательство Апсирта его сестрой Медеей (Арг), предательство Ростема его братом Шегадом (ШН), предательство Роланда его отчимом Ганелоном (ГР) и предательство Зигфрида Хагеном (вассал-непосредственный исполнитель) и Гунтером (сюзерен-заказчик). Вариация последнего сюжета, присутствующая в целом ряде песней (СЭ), особенно остро акцентирует тему предательства: благородного Сигурда, оклеветанного ревнивой Брюнхильд, коварно убивают его шурины Гуннар, Хёгни и Готторм.

Особый интерес представляет для нас необычный вариант, когда предательство осуществляют благородные герои. Примером такого предательства являются действия Ясона и Медеи в Арг. Медея и Ясон заманивают преследующего их во главе колхов брата Медеи Апсирта, чтобы убить. И хотя первым о возможности коварного убийстве юноши туманно высказывается Ясон:

«...Наш договор заключённый –
Это хитрость, и станет худшей бедой для Апсирта»

(Арг IV, 404, 406),

предательством эта интрига становится, когда Медея предлагает возлюбленному детальный план:

«Брата же я заманю, чтобы он в твои руки явился.
...Если сумею я после ухода его провожатых
С глаза на глаз его убедить со мной к разговору,
Ты, если же мысль такая удобна тебе, – не мешаю, –
То умертви его...»

(Арг IV, 414-419).

Аполлоний не оставляет сомнений, что Медея замышляет предательство ради своей любви к Ясону:

«Дерзкий Эрот! Зло большое! Беда превеликая смертным!
...Вот таким ты вложил злое дело в сердце Медеи»

(Арг IV, 445, 449).

Рассмотрение приведённых примеров позволяет вычленил следующие характерные элементы сюжета о предательстве.

А. Предатель должен быть близким родственником/другом/соратником своей жертвы и пользоваться её доверием: Апсирт доверяется своей сестре Медее, непобедимый король Мунстера – своей жене Блатнад, Ростем – брату Шегаду, Зигфрид – соратнику Хагену и шурина Гунтеру, Агамемнон – своей жене Клитемнестре. В редких случаях возможны исключения: Роланд не доверяет своему отчиму Ганелону, как и Одиссей – рабу Мелантию. Указанные исключения оправданы сюжетно: Ганелон при всём дворе клянется отомстить Роланду, Мелантий открыто пресмыкается перед женихами Пенелопы.

Б. Заговорщики разрабатывают план предательства, подчас довольно сложный. Коварная королева Блатнад советует мужу отослать людей на сбор камней для постройки крепости, и Ку Рои остаётся в замке один; далее королева выливает молоко в реку – условный знак уладам, находящимся за стенами замка; уговаривает мужа пойти в баню; привязывает его за волосы к ложу; прячет меч короля, оставив его безоружным; открывает врагам двери замка! Аналогично, в ШН подлый Шегад инсценирует ссору со своим тестем и своё изгнание, чтобы добиться помощи Ростема и заманить его в ловушку. Ганелон предлагает королю мавров Марсилию подробный план уничтожения Роланда со всем его отрядом.

В. Часто при осуществлении интриги происходит распределение ролей: непосредственным исполнителем интриги и/или убийства может быть верный вассал (Хаген), действующий в интересах и с одобрения сюзерена (Гунтер). Шегад разрабатывает план интриги и заманивает Ростема в ловушку, а его тесть царь Кабула готовит западни на пути богатыря (ШН). Блатнад, согласовав план со своим любовником Кухулином, готовит всё для нападения, а убийство совершают улады (СУ). Медея – автор плана – заманивает брата, а Ясон его убивает (Арг). Гуннар решает отомстить Сигурау, вместе со средним братом Хёгни разрабатывает план, после чего они поручают младшему брату Готторму совершить убийство (СЭ). Клитемнестра предлагает Агамемнону сменить тунику, и, пока он путается в одежде, любовник царицы Эгисф наносит герою удар секирой.

Г. В эпических сказаниях предательство непременно достигает своей цели, являясь *непосредственной* причиной гибели героя, против которого оно направлено. Именно неизбежность фатального исхода предательства, о чём выросшая на подобных сказаниях эпическая аудитория прекрасно осведомлена, придаёт этому сюжету трагическую окраску.

Д. Сказание не оставляет сомнений в подлости предательства. Резкую оценку действий предателей дают другие персонажи (Кримхильда ПН); душа Агамемнона в Аиде осуждает Клитемнестру:

«Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзкобесстыдной жены, замышляющей хитро такое...»

(Од XI, 427-428).

Предатель может быть представлен чрезвычайно отталкивающим (Ганелон ПР); предателям мстят не только люди (поданный Ку Рои сбрасывает Блатнад со скалы, Клитемнестру убивает Орест), но и боги (Зевс преследует Ясона и Медею); детали поведения окружающих или самого предателя показывают, что творится нечто отвратительное: в момент убийства Алспирта Медея отворачивается и накрывает голову хитомом. В ПР расплата за предательство описана особенно подробно:

«Единодушно порешили судьбу...»

Чтоб Ганелон погиб в жестоких муках.

Вот к четырёх коням злодей прикручен...
Летят по лугу кони что есть духу...
У Ганелона жилы растянулись,
Оторвались конечности от труп.
..Он умер смертью пленника и труса.
Изменой да не хвалится преступник»

(*ПР CCLXXXVIII, 3960-3974*).

Впечатляет и расправа Одиссея с неверным рабом:
«Силою вытащен после во двор козовод был Мелангий;
Медью нещадно вырвали ноздри, обрезали уши,
Руки и ноги отсекали ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам»

(*Од XXII, 474-477*).

Обратимся к Карне. В применении к нашему герою тема предательства реализуется в действиях царя мадров Шалья, и содержит большинство выделенных нами композиционных элементов. Напомним, что по замыслу Юдхиштхиры Шалья должен стать возницей Карны в его решающем поединке с Араджуной, и стараться вредить во время схватки доверившемуся ему герою.

А. Шалья – давний соратник Карны: Карна и Шалья вместе возглавляли женихов, выступавших против Пандавов на сваямваре Драупади. Кроме того, Шалья пользуется доверием и уважением Карны как могучий воин и непревзойдённый знаток лошадей.

Б. Юдхиштхира и Шалья обсуждают план действий Шалья, когда тот станет возницей Карны. Перед битвой Юдхиштхира напоминает Шалье о его обещании подрывать боевой дух Карны, и Шалья подтверждает своё согласие (*Мбх VI, 53*).

В. Мы видим характерное распределение ролей. Юдхиштхира («сюзерен», в данном случае царь царей, вассалами которого являются многие монархи) замысливает интригу, и по-родственному просит своего дядю Шалью её исполнить.

Д. Оценку своего плана даёт сам Юдхиштхира, называя его непристойным. Правда, наказания ни инициатор предательства, ни его исполнитель не понесут.

Итак, мы выявили ряд стандартных композиционных элементов мотива предательства в повествовании о последней битве Карны. Чего же недостаёт? Оказывается, самого главного, ради чего предательство и затевалось (Г). Интрига, замысленная Юдхиштхирой и тщательно исполненная Шальей, не приводит к гибели Карны! Карна, как мы знаем, гибнет от руки Араджуны на 17-й день битвы на Курукшетре в силу других земных и потусторонних причин. Конечно, предательство – не единственный способ расправиться с непобедимым героем, но в таких случаях планы предательства также отсутствуют.

Отметим ещё ряд особенностей этой странной интриги. Во-первых, даже в планах заговорщиков Юдхиштхиры и Шальи не идёт речи об убийстве, так что, по эпическим канонам, мы имеем дело с чрезвычайно «смягчённым» вариантом предательства. Кроме того, предательство благородного героя, как правило, держится в тайне (Ганелон публично кляётся отомстить Роланду, но планов не раскрывает), но о предательских планах, направленных против Карны, Кауравы осведомлены. Санджая напоминает царю Дхритараштре, что Шалья «некогда обещал Арджаташатру» (Юдхиштхира – А. И.) «угасить во время сражения воинственный пыл Сына суты». Это не просто секретная сводка военной разведки Кауравов, которую осуществляет вездесущий Санджая. О предательстве известно даже на женской половине дворца; вот что говорит о Шалье царица Гандхари (*Мбх XI, 23*): «Когда он правил в битве колесницей сына Адхиратхи, то для победы сыновей Панду он всячески подрывал боевой пыл (Карны)!»

Да и с предателем не всё обстоит благополучно. Во-первых, Шалья презрительно отказывается от роли возницы при Карне, хотя такое назначение являлось основой плана, разработанного им с Юдхиштхирой. Возможно, впрочем, что это была хитрость для обеспечения алиби, так как впоследствии он дал себя уговорить. В таком случае, как мы убедились, хитрость не удалась. Далее, не только сам Шалья (неколебимо) стоит (на поле брани), готовый биться за Кауравов, но и его младший брат и два сына храбро сражаются и гибнут, защищая сыновей Дхритараштры: Рукмаратху убивает его двоюродный брат Сахадева, Рукмангада пал от руки своего двоюродного племянника Абхиманью, брата Шальи убивает Юдхиштхира. Сам Шалья после гибели Карны возглавил войско Дурьйодханы, явив пример доблести и беззаветного служения Кауравам (*Мбх IX, 10*): «Охваченный гневом, царь мадров, взяв превосходнейший лук, ринулся в битву против Пандавов, смертельных своих врагов» (курсив наш – А. И.). О причине этой внезапно упомянутой вражды можно только гадать. Возможно, старые счёты Шальи с Пандавами имеют своим истоком его унижение в схватке с Бхимасеной на сваямваре Драупади (*Мбх I, 192*): «...Тот могучий и великодушный (герой), который, бросив (на землю) Шалью, царя мадров, заставил его вертеться...» Так или иначе, Шалья яростно сражался с Пандавами и в последний день битвы, доставив им массу неприятностей, геройски пал от руки... своего сообщника Юдхиштхиры! Все эти неувязки создают впечатление, что предательство использовано только для усиления атмосферы обречённости Карны, но не для реальной расправы с ним: во время битвы сказание «забыло» о ставшем ненужным заговоре.

Мы убедились, что сюжет о предательстве, важнейшее обстоятельство гибели героя, *всегда приводящее к цели* (сродни ружью, которое, раз появившись в пьесе, непременно должно выстрелить), в случае Карны видоизменяется и, как кажется, даёт осечку. Но это наблюдение верно только на первый взгляд и только при «су-

женном» понимании предательства как одноактного подвоха вредителя, тогда как несчастья Карны начались сразу по рождении, когда его предала мать. Итоговую картину трагической судьбы Карны воссоздаёт всеведущий Нарада, обращаясь к Юдхиштхире (*Мбх XII, 5*): «Когда ради твоего благополучия Царь богов попросил у него в виде милостыни его панцырь и серьги, введённый в заблуждение небом, тот отдал эти драгоценные предметы. Лишённый волшебных серёг и естественного панцыря, он был убит Араджуной в присутствии Васудевы. Из-за проклятия брахмана, из-за проклятия великого Рамы, из-за дара, обещанного им Кунти и из-за помрачения, насланного на него Индрой, из-за оскорбительных слов Бхишмы о том, что он лишь наполовину колесничный воин, из-за ущерба его боевому духу, вызванного Шальей (с его лукавыми речами), из-за политики Васудевы и, наконец, из-за небесного оружия, полученного Араджуной от Руары, и Индры, и Ямы, и Варуны, и Куберы, и Дроны, и славного Крипы, обладатель Гандивы преуспел в убиении Карны Вайкартаны, блистающего, как сам Сурья. Так твой брат был проклят и предан множеством раз». Итак, трагическую судьбу Карны нельзя свести к одному акту предательства, как в случае Зигфрида, Роланда, Алсирта или Ростема; с Карной дело обстоит иначе – под знаком предательства прошла вся его жизнь.

37. Герой на грани гибели

Герой часто подвергается смертельной опасности, но чудом избегает её. Чтобы убедить аудиторию в реальности угрозы, не потеряв героя окончательно, эпос знает три основных композиционных приёма: (1) временная смерть, (2) едва-не-смерть, (3) смерть заместителя (*П. А. Гринцер 1974, сс. 229-233*).

1. Временная смерть: герой действительно умирает (или заколдован, то есть превращён в животное, камень), чтобы позже воскреснуть с помощью спасителя и часто с применением магических средств. В качестве примеров можно напомнить убийство и воскрешение четверых младших Пандавов богом Дхармой в облике якши [испытание Юдхиштхиры (*Мбх III, 296-298*)]; также воскрешение Араджуны царевной нагов с помощью волшебной жемчужины, после его гибели в ритуальном поединке с собственным сыном Бабхруваханой [искупление Араджуной греха убийства Бхишмы (*Мбх XIV, 78-81*)].

2. Едва-не-смерть: до настоящей смерти дело (едва) не доходит.

А. Герой, которому грозит неминуемое поражение и гибель, чудесным образом обретает силы и побеждает. Частный, но чрезвычайно распространённый вариант: противник уже занёс нож над поверженным героем, когда герой внезапно испытывает прилив сил (от матери-земли, как Илья Муромец в схватке с Калином-царём или после молитвы Богородице, как тот же Илья в единоборстве с Жидовином-

Нахвальщиком). Арджуна, терпящий поражение от синдхов, на грани гибели получает силы по молитве святых риши и одолевает врагов (*Мбх XIV, 76*).

Б. Наконец, герой может оказаться на пороге поражения и гибели, будучи тяжело ранен (почти убит), но спасается и выживает без эксплицитно упомянутого вмешательства потусторонних сил.

В. В результате вмешательства помощника, потусторонних сил или случая смертельный удар (выстрел) не достигает цели: Афина отклоняет пущенные с близкого расстояния (в пиришественном зале) копья женихов от Одиссея и Телемака.

3. Смерть заместителя: вместо героя гибнет его побратим, брат, сын или другой (близкий) человек. Наиболее яркий пример смерти заместителя – судьба Гильгамеша и его побратима Энкиду. Разгневанные своеволием Гильгамеша боги посылают смертельную болезнь... на Энкиду! Важнейшей для сюжета *Мбх* реализацией этого мотива является гибель нищей нишадки с пятью сыновьями при пожаре смоляного дома вместо Пандавов и Кунти. Композиционно важная деталь: смерть заместителей вводит в заблуждение врагов Пандавов (*Мбх I, 136-137*). В несколько более замаскированной форме этот мотив, как отметил П.А. Гринцер, представлен в *Ил* гибелью Патрокла, замещающей и предвещающей гибель его друга Ахилла. Патрокл не просто ближайший друг Ахилла, он выходит на битву в доспехах Ахилла, то есть принимает его облик.

Рассмотрим несколько интересных для нас деталей гибели Патрокла. Чтобы повергнуть юного героя, истребляющего троянское войско, его страшным ударом огушил и обезоружил сам Аполлон, потом коварно ранил пикой в спину (!) Эвфорб и тут же бежал в страхе, и уже безоружного, лишённого доспехов, тяжело раненного и отступающего Патрокла копьём в живот добил могучий Гектор. Очевидно, связь Патрокла-заместителя с величайшим ахейским вождём Ахиллом дополнительно подчёркнута неодолимостью самого Патрокла: в честном поединке троянцы с ним справиться не могут. Чрезвычайно сходным образом Кауравы вшестером, включая Карну, расправляются с обезоруженным, потерявшим колесницу могучим сыном Арджуны – юным Абхиманью. Можно думать, что сродни замещению Патрокл/Ахилл, Абхиманью своей гибелью замещает гибель величайшего героя Пандавов – Арджуны.

Теперь посмотрим, какие варианты данного мотива приложимы к Карне. Прежде всего, в сражении с Арджуной в царстве Вираты Карна в первой схватке отступает, потеряв убитым (от руки Арджуны) своего младшего брата Санграджита (вариант 3), а во второй схватке, пронзённый стрелой в грудь, теряет сознание, находясь на грани смерти (вариант 2Б).

На Курукшетре Карна неоднократно выступает в роли грозного антагониста Пандавов, последовательно побеждая Бхимасену, Юджиштхиру и Близдецов. Во всех четырёх схватках Карна в последний момент дарит жизнь не ожидавшему

спасения противнику. Таким образом, для четверых Пандавов реализуется мотив едва-не-смерти, в котором Карна играет уникальную роль: от него исходит и угроза гибели, и спасение. Случаи пощады героя противником довольно редки (мы не рассматриваем здесь пощадку наивным или обманутым благородным героем злодея-антагониста – колдуньи, якшини и т. п.) и всегда связаны с особыми обстоятельствами. Так, в ритуальном поединке со своим сыном Арджуна, по-видимому, не сражается в полную силу но, оказывается, он недооценил своего противника, и в результате (временно) гибнет сам. Юный богатырь Сохраб щадит своего неузнанного отца Ростема, только поддавшись на обман. Можно видеть, что мотив едва-не-смерти четверых Пандавов не столько несёт обычную композиционную нагрузку (спасение героев), сколько выполняет другую задачу: в центре внимания находятся не спасённые Пандавы, а Карна, и данный мотив иллюстрирует его необоримую мощь в сочетании с благородством.

Несмотря на мощь и доблесть Карны, его судьба вызывает всё большую тревогу: Арджуна в одной схватке ранит Карну и убивает трёх его младших братьев [«перед лицом сына возницы три его единоутробных брата были убиты...» (*Мбх VII, 31*)], что можно рассматривать как угроенную смерть заместителя и предвестие гибели самого героя. Когда на семнадцатый день битвы Арджуна на глазах Карны убивает его сына Вришасену (*Мбх VIII, 62*), гибель молодого героя, охранявшего колесницу Карны, также замещает и предвещает теперь уже совсем близкую гибель его отца (вариант 3). Мотив замещения подчёркнут следующими обстоятельствами: во-первых, и Вришасена, и Карна падут от руки Арджуны; во-вторых, именно гибель Вришасены приведёт Карну в ярость и провоцирует финальную схватку героев. Целый каскад событий, соответствующих мотиву едва-не-смерти, происходит во время кульминационного сражения Карны с Арджуной. Прежде всего, напомним о выстреле Карны, который стал бы для Арджуны смертельным, если бы Кришна невозможным для смертного усилием не заставил их колесницу погрузиться в землю, а коней – упасть на колени (*Мбх VIII, 66, 10-11*). Близость гибели подчеркнута тем, что стрела Карны прошла чуть выше цели, сбив знаменитую диадему Арджуны (вариант 2В).

Затем уже Карна подвергается смертельной опасности, когда он из-за проклятия Рамы забывает мантры, необходимые для применения божественного оружия. Спасение происходит без посторонней помощи, вопреки проклятию великого подвижника и совершенно необычным для эпоса образом (*Мбх VIII, 66*): «...Могучим усилием воли он» (Карна – А. И.) «овладел собой и вызвал явление "оружия Брахмы"». Мы видим, что в данном случае обжезпический мотив едва-не-смерти основательно изменён: Карна избегает гибели, спасая себя сам!

Самый драматический момент едва-не-смерти наступает, когда колесница Карны, в соответствии с проклятием, увязла в земле, а он сам, по проклятию того

же брахмана, утратил самообладание. Вместо того, чтобы противостоять натиску Арджуны, Карна размахивает руками и проклинает судьбу (*Мбх VIII, 66, 44*): «Поражённый в самые средоточия жизни, не сознавал он уже, что ему следует делать, только снова и снова среди битвы принимался порицать дхарму». И вновь, на краю гибели, великому герою удаётся собраться с силами, он даже начинает одолевать (*Мбх VIII, 66*): «...Проявив всю свою доблесть, он даже стал одерживать верх над Партхой!» Только после инвективы Кришны Арджуне удаётся произвести смертельный выстрел. Итак, в результате особенностей реализации мотивов едва-не-смерти и смерти заместителя в применении к Карне сказание, вместо спасения героя, подчеркивает его доблесть, благородство по отношению к противнику, величие духа в безнадёжной ситуации и трагизм обречённости.

38. Победа хитростью

Победу над Карной в финальном сражении Арджуна одержал, грубо нарушив правила поединка. Рассмотрим мотив победы героя над противником с нарушением правил, с помощью хитрости или уловки. Обычно это происходит при схватке протагониста с чудовищем. Можно выделить важные для данной темы «родовые» черты чудовищного противника благородного героя, помня при этом, что ни один из отдельно взятых признаков не обязателен:

1. Антропоморфность (Полифем, Депе-Гэз огузов, Грендель и его мать, Хумбаба, Лихо, Соловей-разбойник, ракшасы, уаиги нартского эпоса);
2. Гигантский рост (Полифем, Депе-Гэз, Грендель и его мать, Хумбаба, Тугарин, Лихо, ракшасы, уаиги);
3. Людоедство (Полифем, Депе-Гэз, Грендель и его мать, Лихо, ракшасы);
4. Неуязвимость явная (Депе-Гэз, Грендель и его мать) или подразумеваемая (Полифем, Лихо, уаиги);
5. Одноглазость (Полифем, Лихо, Депе-Гэз, уаиги);
6. Глаз – единственное уязвимое место, о чём сказание сообщает прямо (Депе-Гэз) или позволяет предполагать (Полифем, Лихо, уаиги, циклоп арабских сказок, Соловей-разбойник);
7. Чудовище связано с потусторонним миром (Хумбаба охраняет священные гору и лес по поручению богов; Депе-Гэз – сын небесной девы, Полифем – Посейдона), и победивший его герой обречён мести богов (убивший Хумбабу Энкиду проклят богом Энлилем; Одиссея преследует Посейдон).

Часто герой, будучи значительно слабее чудовища, проявляет хитрость и побеждает его с применением коварной уловки (Одиссей/Полифем, Бисат/Депе-Гэз, Урызмаг/уаиг, Алёша/Тугарин, Синдбад/циклоп, кузнец/Лихо). Победу над

неуязвимым монстром может принести магическое оружие (Беовульф/мать Гренделя). Наконец, с чудовищем можно расправиться, напад вдвоём на одного и жестоко отказав поверженному монстру в пощаде (Гильгамеш+Энкиду/Хумбаба). Важной особенностью данного мотива является то, что даже самые коварные уловки и жестокость протагониста, приводящие к победе над чудовищем (часто представленном в сказании врагом человеческого рода), сказанием не осуждаются, а превозносятся, и рассчитаны на восхищение аудитории хитростью и находчивостью героя.

Если соперником героя оказывается другой герой, хитрости и уловки из правила превращаются в исключение. Например, в бесцётных схватках Ил-явных случаев нарушения воинской этики, подчёркнутых сказанием, практически нет. Пожалуй, единственный пример нечестного ведения боя – удар пикой в спину уже оглушённого Аполлоном и потерявшего оружие Патрокла; этот удар подло наносит Эвфорб. Гомер, не осуждающий персонажей открыто, даёт понять неприглядность совершённого Эвфорбом поступка:

«...Вспять побежал и укрылся в толпе; не отважился явно
Против Патрокла, уже безоружного, стать на сраженьё»

(Ил XVI, 814-815).

Но и это нарушение правила происходит в пылу и неразберихе большой битвы и, главное, спонтанно. Эти два обстоятельства отличают поступок Эвфорба от архетипа, то есть столкновения один-на-один, сопровождающегося продуманной (Алэша/Тутарин), а то и подготовленной заранее (Одиссей/Полифем) уловкой.

Наиболее близкий данному мотиву вариант, где оба противника благородные герои, это схватка Ростема и Исфендиара (ШН). Рассмотрим этот сюжет подробнее. В предварительных переговорах Исфендиар отвергает попытки почётного примирения: Ростем должен сдаться и дать наложить на себя оковы. После первого поединка могучий и не знавший поражений Ростем изранен и бежит от неодолимого противника, обещая вернуться и сдаться после излечения ран. Залечив раны, сдаваться он раздумал, а способ расправы с неуязвимым врагом Ростему подсказывает вещая птица Симорг: надо специально изготовленной двужалой стрелой поразить Исфендиара в глаза. Правда, Симорг предрекает герою беду в наказание за хитрость, но Ростем решается на коварный план. Перед смертью поверженный Исфендиар признает свою неправоту в конфликте. Ростем кается в подлой уловке:

«Я сам той стрелой роковым сражён,
Ведь ею на вечный позор обречён»

(ШН, «Сказ о битве Исфендиара с Ростемом», бейты 9395-9396), а умирающий Исфендиар предрекает Ростему:

«...Слава померкнет твоя с этих пор,

Тебе принесёт моя гибель позор»

(*бейты* 9461-9462).

Итак, протагонист, сражаясь за правое дело с неодолимым противником, добивается победы хитростью. Очевидно, поединок Ростема с Исфендиаром напоминает поединок Арджуны с Карной. Важное для нас отличие состоит в том, что Исфендиар, как отмечал В.М. Жирмунский, имеет реликтовые черты чудовищного противника благородного героя. Он, похоже, неуязвим для обычного оружия; может быть поражён только в глаза, причём только магическим оружием и при участии волшебного помощника; повергнувшего его героя покарают небеса.

Генетическое родство Исфендиара с циклопами и другими монстрами указывает на драконоборческую основу данного сюжета и тем самым «оправдывает» Ростема, выводя схватку за границы норм воинской этики. У Арджуны даже таких зыбких оправданий нет. Пандава также применяет нечестный приём не в пылу битвы, а по размышлении, выслушав наставление Кришны. Кроме того, никаких реликтовых черт чудовища Карна не несёт. Он обладал врождённой неуязвимостью, но в изолированном виде этот признак, несмотря на архаичность, присутствует и у безупречно благородных героев (Кришна, Сосруко, Зигфрид, Ахилл). Не следует думать, что Мбх принципиально отличается в этом отношении от других классических эпосов древности, и архаические черты чудовищ у её героев не могли сохраниться. Один из примеров – Дурьйодхана, имеющий свойства хтонического существа: а) он и его 99 братьев родились в виде аморфного кома мяса, позже распавшегося на сотню кишачих зародышей; б) спасаясь от Пандавов после разгрома на Курукшетре, Дурьйодхана прячется на дне озера. Итак, герои с родовыми признаками чудовищ в Мбх встречаются. Тем важнее, что Карна к ним не относится, и его убийство Арджуной бесчестно, а гибель трагична.

39. Последняя битва

Обычно герой гибнет в сражении. Но даже в более редких случаях гибели в результате подвоха смертельно раненному герою зачастую удаётся прикончить предателя: истекающий кровью Сигурд разрубил пополам своего убийцу Готторма, метнув в него меч (СЭ, «Краткая песнь о Сигурде»); поверженный Ростем успел пригвоздить Шегада стрелой к дереву (ШН); лишённый меча Ку Рои перед смертью убил сотню врагов «ударами кулаков» (СУ). В результате даже гибель захваченного врасплох героя также происходит в обстановке поединка.

В повествовании о гибели эпического героя можно выделить набор характерных композиционных компонентов. Эти компоненты имеют важное значение как для подготовки аудитории к фатальному для героя исходу битвы, так и для

осведомления об этом самого героя, а также для его возвеличивания. Очевидно, общие и сделанные загодя проклятия и предсказания судьбы для выполнения этой задачи слишком отдалены во времени и туманны, и поэтому должны быть дополнены приметам, пророчествами, вещими снами и тому подобными сигналами непосредственно перед роковой схваткой, или иным событием, приводящим к гибели героя.

А. Прежде всего, гибели героя часто предшествуют дурные предзнаменования, в том числе – непосредственно перед роковым для него сражением. Героя исландской саги Ньяля накануне сожжения врагами его дома и гибели всей семьи посещает видение, «что в доме нет стен, и что всё в крови, стол и еда» («Сага о Ньяле» СХХVII). Иногда герой получает целый «букет» предзнаменований. Утром перед битвой возница сообщает Кухулину, что его верный конь Серый из Махи не даёт запрячь себя в колесницу. К самому герою Серый три раза поворачивается «несчастливым» левым боком, и для совсем непонятливых начинает лить кровавые слёзы. Изредка подобные сигналы получают в сказании вполне естественное объяснение: конь Ростема Рехш чует запах свежеразрытой земли в ямах-ловушках, прикрытых дёрном, и не хочет продолжать путь. Указанные приметы – настолько важный и характерный элемент сюжета о гибели героя, что от них не могут отказаться даже известные своим реализмом исландские саги. Чтобы «смягчить» сверхъестественность происходящего, упомянутая «Сага о Ньяле» вкладывает в уста героя следующие обрамляющие ремарки: «Что-то странное *видится* мне. Я смотрю вокруг, и мне *чудится*...» и т. п. (курсив наш – А. И.).

Б. Помимо примет и знаков беды, герою часто сообщают о близкой гибели «открытым текстом». Кухулину уже по дороге на битву провидица Леборхам говорит: «...Не покидай нас, о Кухулин! ...Оплакана будет твоя погибель. ...Отправишься ты в бой, где умрёшь!...» (СУ, «Смерть Кухулина»).

В. Герой может стать жертвой злых чар. Кухулин встречает трёх одноглазых колдуний, жарящих собачатину и предлагающих ему разделить их трапезу: «На ветках рябины поджаривали они собачье мясо, сдабривая его *ядом* и говоря *заклинания*» (курсив наш – А. И.). Герой не может отказаться от угощения, не нарушив одного из своих зарок. Но приняв угощение, Кухулин вынужден нарушить другой зарок – не есть мяса «тёзки»: его имя переводится как «тёс Кулана». Кроме того, как мы убедились, мясо заколдовано; да ещё и угощала колдунья Кухулина левой рукой.

Г. Герою «внезапно» изменяет его богатырская сила, и он понимает, как мы видели на примере Арджуны в его сражении с сатьяками, «что это – судьба»: жизнь его подходит к концу. Интересно, что в случае Арджуны поражение внезапно ослабевшего героя не является непосредственной причиной его гибели, так что герой ещё успевает узнать от мудреца Вьясы, что его функция на земле вы-

полнена. Модификация подобного сюжета содержится в русской былине о Святогоре, который просто из молодецкой удали ложится в «случайно» увиденный каменный гроб, но поднять крышку и встать из гроба ему уже не хватает сил. В этом случае также даётся понять, что время древнего богатыря прошло, и он передаёт часть своей силы представителю нового поколения богатырей – Илье Муромцу. Отметим, что в некоторых случаях внезапная утрата гердем силы может иметь и естественное объяснение: от отравленного мяса у Кухулина ослабела рука, которой он брал угощение, и левое бедро, под которое он прятал часть мяса.

Д. Герой отвращается от битвы, а это равносильно смерти, ведь в воинских подвигах смысл жизни эпического героя. Приняв такое решение, непобедимый Бхисма сам подсказывает Пандавам, что им необходимо делать, чтобы одолеть его в сражении. Видя свой дом в окружении врагов, старый Ньяль ложится на кровать и ждёт смерти («Сага о Ньяле»).

Е. Герой понимает, что ему суждено погибнуть, так как силы слишком неравны. В такой ситуации оказывается Роланд, во главе небольшого арьбергандного отряда противостоящий огромному войску сарацин (ПР). Аналогично, Хамдир и Сёрли, напав вдвоём на короля гзтов в его резиденции, вряд ли могут надеяться уйти живыми (СЭ), как и Гуннар, в одиночку осаждённый в своём доме тридцатью врагами («Сага о Ньяле»).

Ж. Наконец, как мы убедились ранее, многие «трудноодолимые» герои гибнут в результате «подвоха» и «вредительства» антагонистов. Ростом падает в яму-ловушку, Дрона, обманутый Юдхистхирой, складывает оружие, доверчивый Зигфрид получает удар в спину.

З. Необыкновенные события в момент или сразу после гибели героя свидетельствуют о его величии и благородстве. Проиллюстрируем это положение сценой гибели героя ирланских саг. Смертельно раненный Кухулин привязал себя к высокому камню, «ибо не хотел умереть ни сидя, ни лёжа, а только стоя». К нему вернулся его божественный конь «Серый из Махи, дабы защищать его, пока была ещё в нём душа, и ото лба исходил луч света. Три кровавых броска совершил на врагов Серый из Махи и пятьдесят из них разорвал зубами, а по тридцать сокрушил каждым копытом». В довершение сверхъестественной картины, на плечи героя садятся птицы, а из мёртвой руки Кухулина выпадает меч, отрубая руку его убийце (СУ, «Смерть Кухулина»).

В Мбх сверхъестественные «постмортальные» знамения, связанные с гибелью юного храбреца Абхиманью, не только подчёркивают величие героя, но и дают оценку происходящему (Мбх VII, 48, 19-21): «При виде простёртого (на поле брани) героя, подобного Месяцу, упавшему с небосвода... различные существа в воздушном пространстве стали громко причитать: «Увы, этот (герой) лежит (на земле) убитый, сражавшись один, шестью могучими воинами на колесницах из

Дхритараштрова войска, возглавляемыми Дроной и Карной!» Этот поступок, по мнению небожителей, идёт вразрез с дхармой. Следует отметить, что мотив сверхъестественных знамений в момент и непосредственно после гибели героев встречается в сказаниях нечасто и сопутствует гибели только наиболее выдающихся из них.

Теперь посмотрим, какие из указанных обстоятельств гибели эпического героя сопутствуют последнему сражению Карны. Ни о каких мрачных предсказаниях (Б) непосредственно перед сражением Карны с Араджуной Мбх не упоминает. Нет также ни злых чар (В), ни неожиданно постигшего героя бессилия (Г), которое свидетельствовало бы о том, что жизненный срок Карны истек. В полную противоположность такому сценарию, в какой-то момент Карна даже начинает одерживать верх. О нежелании Карны сражаться (Д) смешно и говорить. Карна твёрдо (и с достаточным основанием) уверен в своём превосходстве (Е) Боевой настрой и уверенность Карны в своих силах (пункты Д и Е) засвидетельствованы его ответом на предложение Дурьйодханы возглавить войско Кауравов (Мбх VIII, 6, 33-34): «Ведь прежде я уже сказал в присутствии твоём, сын Гандхари: "Я одолею Пандавов, о царь, вместе с их сыновьями и с Джанарданой!" (Кришна – А. И.). "Разумеется, я готов стать твоим военачальником. Будь крепок духом, великий царь, и считай, что Пандавы уже побеждены!"» Да и подвоха в ходе поединка (Ж) мы не видели: бесчестный поступок Араджуна совершает открыто, почти неспешно, выслушав страстный призыв Карны и ответную речь Кришны, оправдывающую убийство Карны.

А вот дурных примет (А) в начале семнадцатого дня битвы, когда Карне суждено погибнуть, более чем достаточно (Мбх VIII, 26, 33-39). «...Когда Карна выступил на бой и воины исполнились ликования, земля вдруг заколебалась... и издала громкий стон. Семь планет во главе с Солнцем, казалось, сошли со своих орбит; стали падать с небес метеоры, пламя разлилось по сторонам света, грянули молнии, подули свирепые ветры. Стаи диких зверей и птиц во множестве обходили воинство... по кругу апасавьи» (справа налево: небалгоприятное направление – А. И.), «предвещая великие бедствия. Когда Карна тронулся с места, кони его стали вязнуть ногами в земле, из поднебесья выпал грозный ливень (человеческих) костей. Оружие (воинов охватило) пламя, их знамена заколебались, из глаз ездовых животных заструились слёзы!.. Эти и другие многочисленные зловещие знаменья... возвещали явлением своим погибель Кауравам. Но никто из них, ослепленных рокком, не внял этим (приметам). ..Уже побеждёнными мнили Пандавов. Кауравы!» Как видим, сказание не оставляет сомнений ни в значении перечисленных примет, ни в помрачении обречённых.

Непосредственной причиной (и объяснением) гибели Карны является нарушение Араджуной правил ведения боя, но даже нарушение правил может про-

исходить либо сверхъестественным, либо прозаическим образом. Когда Конала Кернах, пытаясь отомстить Лугайду за смерть Кухулина, не может одолеть противника в честном поединке, в схватку вмешивается его конь, выпрыгивая кусок мяса из бока Лугайда (СУ, «Смерть Кухулина»). Собственно гибель Карны, как мы убедились, выглядит совершенно обыденно, обходясь без кусачих лошадей с песьей головой, кровавых слёз и таинственных одноглазых старух. Зато на описание сверхъестественных явлений, следующих сразу за гибелью Карны (3), сказание не жалеет красок. Для начала мы узнаём о необычайном благочестии и духовной мощи павшего героя (*Мбх VIII, 67, 27*): «Вышедшее из тела поверженного Карны огненное сияние его духовного пыла пронизало всё небо; и все смертные видели это чудо... в час, когда был сражён Карна».

Следующие затем события по размаху не уступают описанным в «Откровении» Иоанна и также имеют несомненный эсхатологический оттенок (*Мбх VIII, 68, 47-51*): «Когда пал Карна, прервали свой бег потоки, омрачённое солнце склонилось к закату и, не уступающая пламенностью солнцу, планета, детище Ямы, по своей кривой орбите поднялась высоко в небо!. Раскололся небосвод, возопила земля, внезапно повеяли свирепые ветры, стороны света задымались и вспыхнули ярким пламенем, океаны взволновались и заревели, многие горы с рощами на них заколебались, сонмы живых существ вдруг испытали небывалую муку... Не различить было направлений, всё небо объял мрак, земля сотрясалась, падали с неба пламенно-алеющие кометы!. Послышались крики: «Горе! О горе!», неумолчно издаваемые существами в небе, в поднебесье и здесь (на земле!)». Отметим, что ни подвижники Дрона и Баларама, ни сам Кришна, земное воплощение божественного Нараяны, не удостоились по смерти подобных катаклизмов.

Интересно, что при всём их беспрецедентном размахе, сопровождающие смерть Карны знамения амбивалентны, тогда как гораздо более скромная по сопровождающим спецэффектам гибель Абхиманью содержит однозначную оценку происходящего. Может быть, оценки достаивается только гибель праведных сторонников Пандавов? Оказывается, это не так. Обратимся к сцене гибели Дурьйодханы, в предсмертной речи обличающего Пандавов (*Мбх IX, 60, 50*): «Вместе с моими доброжелателями и младшими братьями я отправляюсь на небо!. Вы же... терзаемые печалью, будете влачить своё существование (в этом брэнном мире!)» Сразу после этих слов «посыпался с неба густой ливень благовонных цветов. Гандхарвы заиграли на (прелестных) музыкальных инструментах, и сонмы апсар воспевали (славу Дурьйодхане). А сиддхи... издавали восклицания: «Превосходно, превосходно!» Благоприятный и благовонный, лёгкий и восхитительный ветерок веял (со всех сторон). Небосвод вокруг сиял ярким блеском и был подобен отенкам своим камню вайдурья. Видя те весьма удивительные почести, воздаваемые Дурьйодхане, Пандавы преисполнились стыда» (*Мбх IX, 60, 51-54*) (курсив

наш – А. И.). Мы видим, что, после гибели Дурьйодханы в результате нарушения правил поединка, небеса пристыдили Пандавов. В аналогичной ситуации за Карну словечка никто не замолвил.

Ещё более любопытно сопоставление знамений, следующих за гибелью Карны, с происходящим при сражении Арджуны с синдхами во время следования за жертвенным конём (*Мбх XIV, 76, 13-18*): «Когда Каунтея был покрыт стрелами, огласилось криками ужаса всё трехмирие, и солнце стало тёмно-багровым. Подул... ужасающий ветер, и Раху одновременно поглотил и луну, и солнце. На солнце обрушились метеоры, рассыпая повсюду... пронизала дрожь великую гору Кайласу. Охваченные горем, тоскою, горячие слёзы пролили Семь святых мудрецов и даже мудрецы-боги, пришедшие в ужас. Быстро пробив диск (луны), носящей (знак) зайца, рухнул вниз заяц – то было дурное знамение. ...Подобные коричнево-красным цветом окрасу осла, тучи с луками (радуг) и молниями заволокли небосвод, исторгая мясо и кровь». Причина страшных катаклизмов, достойных прадаи (конца света)? Грозящая Арджуне гибель! «В замешательстве он (уронил) Гандиву, с руки его спал браслет». Арджуна «пребывал в смятении, теряя сознание». Очевидно, герой обречён, но дальше происходит самое интересное: «Узнав, что Партха охвачен смятением, все небожители с тревогой в душе лишились покоя. Тогда божественные риши, все Семь святых мудрецов и брахманы-риши сотворили молитву во имя победы мудрого Партхи».

Молитва не пропала даром. «...Боги разожгли пламя воинской мощи Партхи» (аналог силы, полученной поверженным Ильёй Муромцем от матери-сырой земли?), и «знаток совершенного оружия встал на поле брани, точно утёс». Сравнивая это описание с обстоятельствами гибели Карны, мы находим существенные отличия. Во-первых, небожители и всё мироздание проявляют повышенную чувствительность к невздам Арджуне: Карне требуется *погибнуть*, чтобы вызвать катаклизмы, которыми трёхмирье услужливо раздражается всего только при *угрозе* поражения Арджуны. Во-вторых, никто из небожителей слёз по Карне не льёт и молитв за него не возносит. И, наконец, пересмотра судьбы Карна не удостоен. А ведь и после гибели героя было не поздно вмешаться: вспомним, как царевна нагов Улупи с помощью магической жемчужины возвращает к жизни всё того же Арджуну, убитого в сражении, или, как Кришна, и вовсе без применения волшебного предмета воскрешает мертворождённого внука Арджуны Парикшита ради восстановления династии Куру.

Многие обстоятельства, предвещающие и обрамляющие гибель эпического героя, выполняют функцию осведомления героя о близящейся гибели. Большинство этих обстоятельств (Б – Ж) в повествовании о гибели Карны отсутствует, а наличествующие (А) не привлекают внимания Карны. О старых проклятиях он «забыл», а новых предупреждений непосредственно перед битвой не «заметил».

Совершенно не так ведут себя при приближении гибели эпические герои. Дело не столько в наличии информации (на это Карне грех жаловаться – мало кто из героев устаивался землетрясения и дождя из костей!), сколько в готовности эту информацию воспринимать. Кухулин прекрасно понимает, к чему идёт дело (А-В). Араджуна и Святогор понимают, что их время прошло (Г). Бхишма сам принимает решение принять смерть в сражении (Д). Роланду, как и Хамдиру с Серли, ясна безнадёжность ситуации (Е).

Полное невнимание Карны к сигналам о близкой гибели (А) накануне роковой схватки выглядит необычно. Как отмечено выше, даже исландские саги, с их скупостью на сверхъестественное, не чуждаются подобных мотивов. Перед тем, как попасть в засаду, герой «Саги о Ньяле» Гуннар видит вещей сон и совершенно точно его толкует («Сага о Ньяле» LXII, LXII); Ньяль обсуждает своё видение, предвещающее гибель, с окружающими («Сага о Ньяле» CXXVII).

Некоторые из рассмотренных обстоятельств несут ещё одну важную для эпоха нагрузку: объяснение гибели непобедимого героя (В-Е). Как мы только что убедились, именно перечисленные факторы к гибели Карны отношения не имеют, и это очень важно. В результате отсутствия подобных «случайных» обстоятельств, вроде подвернувшихся по дороге колдуний или каменного гроба, ничто не маскирует истинных причин и масштаба трагедии Карны.

Теперь можно подвести итог. Оказывается, для описания гибели Карны сюжетные мотивы из стандартной эпической «обоймы» выбраны очень прихотливо. Прежде всего, мы видим дурные предзнаменования, но они не настораживают Карну, а только нагнетают для аудитории атмосферу обречённости. Далее, фольклорные мотивы, сопровождающие и объясняющие гибель героя, начисто отсутствуют, и в результате Карна гибнет не как эпический, но как трагический герой. Наконец, сказание обращается к мотиву посмертных знамений, достигающих в случае Карны апокалиптического масштаба. При этом небывалый размах посмертных знамений не восстанавливает справедливости, а только усиливает драматический эффект, подчёркивая величие и праведность Карны.

Рассмотренные нами в IV и V частях странности образа Карны как эпического героя позволяют заключить следующее. Обстоятельства рождения Карны предвещают появление благородного героя. В полном соответствии с этими ожиданиями, Карна действительно оказывается во многих ситуациях, веками отобранных фольклором для демонстрации доблести и благородства витязей. Но в применении к Карне эти стандартные конструкции эпического сюжета разрешаются нестандартным образом или не срабатывают вовсе, не приводя к «гарантированному» жанром результату. Сюжетные мотивы, предназначенные для демонстрации блестящей карьеры героя (обретение подкидышем «биологической» семьи, возвращение в строй) только подчёркивают обречённость Карны. Мотивы,

традиционно обрамляющие и объясняющие доблестную гибель героя (утрата оружия, предательство), не имеют непосредственного отношения к гибели Карны и мало что объясняют. В общем, создаётся впечатление, что на Карну не распространяются правила жизни и смерти эпического героя.

Мы можем заключить, что сконструированные эпосом для благородных героев ситуации, в которые повествование неоднократно и словно по инерции ставит Карну, никак не могут прийтись нашему герою впору. Причина состоит в том, что определяющим обстоятельством жизни благородного Карны является роль злодея благородных Пандавов, предписанная ему судьбой.

«Всё увещания и советы даю,
критикую и путь указую... Характер у меня скверен, вот что»

Ф.М. Достоевский «Бобок»

Часть VI. Карна: уникальный герой эпоса

В предыдущих разделах мы рассмотрели, как стандартные черты эпического героя трансформируются в образе Карны. В данной части наших разысканий мы попытаемся найти у нашего героя свойства, вообще не характерные для типичного эпического вождя.

40. Человеческие слабости героя

Все эпические герои за редчайшим исключением (пропившаяся кабацкая голь вроде богатыря Василия Игнатьевича (РГЭ)) ценят красивое оружие, лошадей, другую военную экипировку, часто – одежду (вспомним неизменные описания плащей героев в СУ) и даже украшения (Мбх). Эпос всегда особо отмечает дары, относящиеся к данным категориям: лошади, посланные Агамемноном Ахиллу, стяг и оружие, подаренное Хродгаром Беовульфу, золотое запястье, плащ и оружие, подаренное ярлом Сигурдом сыновьям Ньяля. А какие схватки происходят над телами павших воинов из-за их доспехов (Ил)! При этом границы уместной заботы о внешности для эпического героя, очевидно, регламентированы. В РГЭ пример гипертрофированного внимания к собственной внешности в ущерб героическим качествам – Чурила Пленкович, о котором презрительно говорится, что он «только наряжаться горазд» и обладает «шепотной походкой», а богатырскими подвигами не отличается. Справедливости ради отметим, что и персонажи, героизм которых не подвергается сомнению, заботятся о своей внешности. О Гильгамеше мы периодически узнаём, что он умылся, расчесал волосы, надел чистую одежду, а о героях Гомера – что они приняли ванну, хотя порой это осуждается как изнеженность (феаки Од). Всё же за редкими исключениями ни о личной гигиене, если не считать ритуальных омовений (Карна) и спортивных заплывов в реке (Добрыня) или в море (Беовульф), ни о чистоте роскошной одежды героев мы ничего не слышим. Итак, для героя в общем случае важны красота и сила, для одежды и доспехов – богатство, но не опрятность.

На этом фоне выделяется Карна. Он настолько серьёзно заботится о своей внешности, что, срезав для Индры серьги с ушей и панцырь с тела, обращается к богу со специальной просьбой. Индра должен сделать так, чтобы тело героя после этой хирургической процедуры не обезобразили шрамы. Попробуем разобраться, почему эпический герой застеснялся шрамов. Очевидно, в далёком мифологическом прошлом телесное совершенство было залогом благосклонности богов. Например, в соответствии с зороастрийской традицией, благая Аспи, богиня изобилия и удачи, не примет жертвенных даров от страдающего телесным недугом или бесплодием. Покровительница стад и защитница арийских стран Адвисура Анахита, сама выступающая в роли прекрасной девы, глуха к мольбам больных, прокажённых, слепых, глухих, слабоумных, припадочных, горбатых и карликов: телесные недостатки это печать духа зла Ахримана. Сходные ограничения находим в «Ветхом Завете», трактующем о правилах служения Богу (*Лев 21, 16-20*): «И сказал Господь Моисею, говоря: никто из семени твоего во все роды их, у кого на теле будет недостаток, не должен приступать, чтобы приносить хлеб богу своему... ни слепой, ни хромой, ни уродливый, ни такой, у кого переломлена нога или переломлена рука, ни горбатый, ни с сухим членом, ни с бельмом на глазу, ни коростовой, ни паршивый, ни с повреждёнными ятрами». Но в зрелом эпосе это уже утратившие смысла пережитки, которыми можно пренебречь, так что сами боги порой страдают от увечий: у Савитара перебиты руки, Гефест хром, у Пушана выбиты зубы, Индра лишился гениталий (позже заменённых бараньими), Один крив, Бхага и Хёд и вовсе слепы, Тюр однорук.

Вернёмся к Карне. Если «трансцендентная» причина заботы о телесном совершенстве забыта, соответствующее поведение может получить бытовую, «сниженную» мотивацию. Отметим, что наш герой считает свой поступок (лишение себя магических предметов по просьбе брахмана) благородным. Тогда оставшимися в результате шрамами можно гордиться не меньше, чем рубцами от боевых ран, ведь они тоже свидетельствовали бы о доблести и благородстве! Интересно, что, говоря об Арджуне, Карна с уважением упоминает «усеянные шрамами мощные руки царского сына» (*Мбх VIII, 57*). Как при этом можно объяснить поведение самого Карны? Нам остаётся предположить, что преувеличенная забота о собственной внешности, принимающая необычные для эпического героя формы, является одним из проявлений суетности Карны.

Суетность Карны проявлялась и в других ситуациях. Напомним, как оскорблённый Карна с гордым достоинством складывает оружие и устранивается от битвы, но не может отказать себе в слабости красоваться среди царей и мудрецов в зале собрания. Кроме того, рассорившись с Бхишмой и отказавшись сражаться, пока дед Кауравов и Пандавов жив, Карна приводит удивительный довод. Оказывается, наш герой боится, что, сражаясь он под предводительством Бхишмы,

добытая им победа над Пандавами (а в своей победе самоуверенный герой не сомневается) будет приписана старому воителю, как главнокомандующему. Как видим, тщеславный Карна беспокоится о дележе шкуры убитого медведя. За подобное поведение недоброжелатели порицали Карну ещё во время набега на царство матсьев, когда он заранее похвалялся несовершенными подвигами. Таково гипертрофированное тщеславие у благородных эпических героев мы не находим, но этим грешат боги, в том числе, отец Карны. Когда Кунти отказывает Сурье в соитии, он говорит (*Мбх III, 290, 25*): «Не подобает мне уходить, не достигнув цели. Если я отступлю, о безупречно сложенная, люди станут смеяться надо мной, а все небожители будут порицать меня, о красавица!»

Есть и ещё один эпизод, когда суетность и тщеславие, наряду с другими соображениями, оказываются мотивами поведения Карны. Напомним, что во время переговоров с Кунти Карна отказывается перейти на сторону Пандавов. Одним из его доводов, помимо чувства долга, оказывается суетная боязнь того, как может быть истолкован его поступок. Не подумал бы кто-нибудь, что великий колесничный боец Карна бросил Кауравов из трусости! Последний пример особенно интересен, так как показывает, что в Карне тщеславие причудливо сочетается с благородством. Ничего похожего с цельными эпическими героями не происходит, они либо карикатурны (и всегда осуждаются сказанием), как Чурила или Терсит, либо напрочь лишены мелких чувств и побуждений, «монументальны» (А.Ф. Лосев) как Ахилл, Илья Муромец или Роланд.

Выделяя Карну в ряду величественных героев, к которым он, безусловно, относится, суетность всё же оказывается наиболее безобидной его чертой. Более серьёзные недостатки Карны имеют и более серьёзные последствия. Вот как мудрец Нарادا объясняет истоки вражды Карны к Пандавам (*Мбх XII, 2*): думая о мощи Бхимасены, об искусстве Арджуны во владении оружием, о мудрости Юдхиштхиры, о скромности Близнецов, о дружбе с юных лет между Арджуной и Кришной и о всеобщей любви народа к Пандавам, юный Карна *сгорал от зависти!* Итак, Карна чрезвычайно завистлив, да впридачу и гневлив. Эту черту героя отмечает Гандхари в поминальном плаче (*Мбх XI, 21*): «Его гнев легко вспыхивал и долго не угасал...»

Разумеется, гневливость – распространённое свойство эпических персонажей, от воителей (вспомним гнев Ахилла), до лиц более мирных занятий (задиристый лодочник, переправляющий Нибелунгов через Дунай (ПН), «гневаивый брахман» Дурвасас (*Мбх*). Всё же следует отметить, что и Ахилл, и безымянный лодочник, и Дурвасас «вспыхивают» по конкретным поводам. Гневливость же Карны по отношению к Пандавам – это перманентное (многолетнее!) состояние, которое более точно можно описать в терминах неугасающей злобы и злопамятства. Даже после изгнания Пандавов, когда Карна, по собственному признанию,

провёл тринадцать счастливейших лет, его ненависть к Пандавам не утихает (Мбх III, 8): «...Карна, прекрасные глаза которого расширились от гнева, кипя злобой, но силась сдерживать себя, заговорил, обращаясь к Духшасане и сыну Субаль: "Возьмём же оружие, взойдём, облекшись доспехами, на колесницы, дружно выступим и убьём Пандавов, скитающихся по лесам! Только когда, усмирённые, уйдут они неведомым путём, для нас, детей Дхритараштры, настанет покой!"» Кроме того, если в ссоре Агамемнона с Ахиллом обе стороны винят Зевса (Ил II, 375-380 и IX, 375-388, соответственно), то свою ненависть к Пандавам Карна никаким трансцендентным вмешательством оправдать не пытается.

Неугасимая зависть и ненависть к Пандавам и злорадство по поводу их несчастий подчёркивают сходство между благодородным Карной и отвратительным Дурьйодханой. Карна говорит, обращаясь к другу (Мбх III, 226): «Разве не высшее наслаждение для преуспевающего видеть врагов своих в бедствии?» Вот как отзывается Дурьйодхана (Мбх III, 227): «Ты говоришь, о Карна, как раз о том, что у меня на уме... Для меня величайшая радость видеть Бхиму и Того, кто рождён при созвездии Пхальгуни, бедствующими в лесу вместе с Кришной».

Возможно, подобные эмоции обуревали и Хагена, девять лет втайне лелеявшего планы мести Зигфриду, хотя явно об этом ПН не говорит. Мбх, в отличие от ПН, прямо указывает на соответствующие переживания и свойства героя. Кроме того, и сам Карна, в отличие от Хагена, из своих чувств секрета не делает. Не следует также забывать, что Хаген никак не может быть отнесён к разряду благородных эпических героев: несмотря на воинскую доблесть и верность сюзерену, он – злодей *par excellence*. Карна, как мы установили, в рамки амплуа злодея не вмещается.

Решение Карны щадить четверых Пандавов на поле битвы, принятое, возможно, под влиянием хитроумного Кришны (см. раздел 44), не должно вводить нас в заблуждение по поводу его эмоций. Карна избавился от зависти и гнева, и примирился с братьями *только после смерти*, когда все земные человеческие чувства уже не властны над ним. Через пятнадцать лет после битвы божественный Вьяса по просьбе вдов и матерей на одну ночь воскрешает павших героев (Мбх XV, 41): «Итак, те превосходнейшие из бхаратов, не зная более ни гнева, ни зависти, не ведая никакого греха, с сердцами, исполненными радости, словно бессмертные на небесах, приветствовали друг друга при встрече... А Пандавы, ликуя, встретились с великоколесничным бойцом Карной... Обрадованные Пандавы, хранители земли, встретившись с Карной, подружились с ним». Сверхъестественные обстоятельства, при которых Карна отринув зависть и гнев на Пандавов, подчёркивают абсолютную невозможность для него избавиться от этих эмоций при жизни. Важен и другой аспект происходящего: аудитория убеждается, что примирение зависело от Карны, то есть источником вражды была его зависть, а не какие-либо действия

Пандавов. Именно поэтому в сходной ситуации тень Дидоны (ср. с «воскресшим» Карной) не может примириться с действительно оскорбившим её Энеем:

«Но отвернулась она и глаза потупила в землю...

И наконец убежала стремглав, не простив, не смирившись»

(Эн VI, 469-472).

Можно видеть, что беспредельная гневливость Карны¹ (под знаком гнева на Пандавов проходит вся его земная жизнь!) выделяет его даже среди отмеченных этим непривлекательным свойством великих эпических героев, тогда как зависть никому из великих героев, кроме Карны, и вовсе несвойственна.

Список тех, кто вызывает у Карны неприязнь, Пандавами не ограничивается. И если ненависть Карны к Пандавам является движущей силой сюжета Мбх и в этом смысле «эпически» необходима и сюжетно оправдана, то взаимная неприязнь Карны и Дроны «необязательна», и является одной из человеческих слабостей нашего героя. Нелюбовь Дроны к Карне проявляется со времени ученичества последнего и имеет истоком благоволение наставника к Араджуне. Можно только догадываться, какие чувства рождает у юного Карны любовь почтенного наставника к ненавистному Араджуне и пренебрежение к нему самому. Напомним, что, когда Карна почтительно попросил Дрону наставить его в применении оружия Брахмы, тот отказал из-за неподобающего происхождения Карны (на самом деле наставник боялся за Араджуну).

Позже Дрона стал одним из самых неутомимых обличителей Карны при дворе Дхритараштагры, и Карна отвечает бывшему наставнику взаимностью. Напомним, как Карна обвинил Дрону, заодно с Бхишмой, в неблагодарности и коварстве по отношению к царю Кауравов (дебаты о возвращении Пандавов в столицу после сваямвары Драупади). Во время набега на царство матсьев Карна презрительно называет Дрону древним старцем и трусом (спор опять происходит из-за любимого Дроной Араджуны: Дрона с Бхишмой отговаривают Кауравов от сражения с ним). Наконец, уже на Курукшетре Карна, по сути дела, возражает Дурьйодхане, превозносящему непобедимого Дрону. Карна, проявляя лицемерную заботу о престарелом герое, даёт понять, что тот не так уж и непобедим (Мбх VII, 21, 26-27): «Искусные во владении оружием, они» (Пандавы – А. И.) «несомненно способны противостоять (Дроне). Но слишком тяжело бремя, я полагаю, которое возложено на сына Бхарадваджи. так последуем же быстро туда, где находится Дрона. Пусть они не убьют его, твёрдого в обете!...» Не забывший детских обид Карна пользуется любым предлогом, чтобы поставить под сомнение доблесть наставника. Очередной случай представился на четырнадцатый день битвы, когда Дурьйодхана заподозрил Дрону в пособничестве Пандавам (Мбх VII, 127, 2): «Ведь правда, Пхальгуна неизменно мил благородному наставнику! Потому-то Дрона и предоставил ему доступ (в свой строй), не вступив с ним в битву!...» Карна

и в этом случае «заступается» за Дрону, доказывая, что тот не предатель, а просто посредственный воин (Мбх VII, 127, 12): «Не порицай наставника! Тот дважды-рождённый *сражается в меру своих сил!* Я считаю, что Пандавы не могут быть побеждены в бою Дроной...» (курсив наш – А. И.). Можно думать, что желчное отношение Карны к Дроне на Курукшетре имеет тот же источник, что и его ссора с Бхишмой: суетный герой остро завидует обоим старцам, последовательно получившим «в обход» него командование силами Кауравов.

Необычное для эпоса поведение, определяемое человеческими слабостями, мы находим только у одного благородного и великого (а не гротескного) эпического героя. Дигенис Акрит дважды, не в силах совладать с влечением, изменяет своей юной жене, которую сам в порыве страсти недавно умыкнул под покровом ночи. Каждый такой эпизод сопровождается приступом раскаяния. Именно раскаяваясь в неверности жене, Дигенис при вспышке невероятной даже для эпоса жестокости убивает любовницу – изящный, но неортодоксальный для героического эпоса сюжетный ход. Отметим, что отклонение поведения Дигениса от «эпического» стандарта объясняется литературной обработкой средневековой поэмы и влиянием позднеантичной и византийской любовной прозы.

Итак, на образ византийского героя повлияла «внеэпическая» авторская книжная традиция, в чём Карну Мбх, принадлежащей к классическим эпопеям древности, заподозрить никак нельзя. Карна являет собой уникальный пример великого и благородного героя эпоса, жизнь которого, в нарушение принципа монументальности и величия эпического героя, проходит под трагическим знаком человеческих слабостей: суетности, зависти и злобы.

41. Трагическая судьба эпического героя

Помимо Карны существует очень немного примеров истинно трагической судьбы героя эпического сказания. Это исландец Греттир («Сага о Греттире»), царица Карфагена Дидона (Эн), царь Урука Гильгамеш (ОВВ).

Греттир, в отличие от Карны, непочтителен со старшими, задирист (ещё подростком ссорится с отцом) и не отличается великодушием. Тем не менее неуживчивый исландец вызывает сочувствие. На первый взгляд, Греттир – трагичнейший из эпических героев. По безысходности его положение сродни положению героя-изгнанника англосаксонских элегий («Морестранник», «Деор», «Скиталец»), но есть и существенные различия. Во-первых, причина изгнания героя элегии остаётся за гранью повествования, тогда как история превращения одного из самых доблестных исландцев «века саг» в изгоя подробно изложена в сказании. Во-вторых, герой элегии из-за оторванности от своего социума обречён на бездей-

стве, воспринимаемое им самим и аудиторией как трагическое обстоятельство, тогда как жизнь Греттира бездеятельной никак не назовёшь. Именно положение вне закона обрекает исландца на постоянную борьбу за существование (в буквальном смысле). Таким образом, в отличие от героев элегий, чьим уделом являются лишь горестные воспоминания о безвозвратно ушедшей деятельной жизни, Греттир другой жизни не знает. Но действительно ли это жизнь эпического героя? Изгой и отщепенец, *противостоящий всему обществу* – такой ниши в сказаниях герой никогда не занимает. Подобного индивида (заметим, воображаемого!) с омерзением описывает Нестор:

«...Беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете»

(Ил IX, 63).

Не менее эмоционально описание приключения Одиссея в стране лотофагов:

«...Сладкомедвяного лотоса каждый отведал, мгновенно

Всё позабыл...

...навсегда от своей отказавшись отчизны»

(Од IX, 94-97).

Очевидно, для героя забыть родину – крайняя степень моральной и умственной деградации. И злодеи эпоса не лишены социальных связей: предатель Ганелон (ГП) вплоть до разоблачения служит при дворе Карла и тайно сотрудничает с маврами, подлый брат Ростема Шегад (ШН) – с царём Кабула. Ведь эпический герой, даже «осознавая себя... всё ещё остаётся в полном единстве со своей родовой общиной и продолжает жить только в ней и только для неё» (А.Ф. Лосев 2006, с. 146). Антагонизм всему социуму, а не отдельному благородному герою, это удел чудовищ-врагов человеческого рода: Тугарина и Идолища РГЭ, уаигов нартского эпоса, Гренделя – англосаксонского, Хумбабы – шумерского, ракшасов – индийского, циклопов – греческого. Следует подчеркнуть, что перечисленные персонажи являются чудовищами именно по «роду занятий» и положению вне человеческого общества, тогда как их физическое обличье – случайный признак: те же ракшасы и, как кажется, Грендель с Идолищем вполне антропоморфны. Итак, трагическая судьба Греттира как раз в том и состоит, что волею обстоятельств он вытолкнут из родового коллектива, и поэтому *перестает быть эпическим героем*. Также не следует забывать, что Греттир осуждён согражданами и, по крайней мере теоретически, приговор тинга может быть пересмотрен. Греттир мог и вовсе избежать положения отверженного, приняв изгнание из родной Исландии, и жил бы припеваючи в Норвегии или Дании. Карна же «осуждён» по приговору богов, и спасения от судьбы для него нет.

Основательница Карфагена семитская царица Дидона – особый случай, так как не является воителем, хотя и может быть названа «вождём» своего народа – беглецов от брата Дидоны, коварного царя Тира. В основе трагической судьбы

золотоволосой тирянки так же, как и у Карны, жестокий замысел небожителей. Венера внушает Дидоне любовь к Энею, чтобы обеспечить своему сыну помощь могущественной царицы Карфагена на его трудном пути в Италию:

«Замысел новый меж тем питает в душе Киферея,
Новый готовит обман: чтоб к Дидоне, пленённой дарами,
Вместо Юла пришёл Купидон, изменивший обличье,
Сердце безумьем зажёт и разлил в крови её пламя»

(Эн I, 657-660).

При этом, по плану богов несчастная Дидона заранее обречена, так как ни взять с собой возлюбленную, ни остаться с ней Эней не может – богами ему суждено жениться на Лавинии и стать царём Лация. В какой-то момент можно даже думать, что Эней тоже влюблён в прекрасную царицу Карфагена. Но это ничего не меняет: не будем забывать, что любовь часто предстаёт в эпосе довольно странной афёрой. С одной стороны, как и можно ожидать от влюблённого, эпический герой ради возлюбленной готов на подвиги (Эней – Креуса в горящей Трое Эн; Рама – Сита Рм), глупости (Михайло Потык РГЭ) и даже на подлости (Дигенис Акрит; Гунтер в «Речах Атлаи»). Но есть и другая сторона. Как только Энею возведена воля богов (отплыть в далёкие края, жениться на царской дочери и основать великий народ), герой перестаёт горевать о пропавшей любимой жене и начинает действовать. Не менее интересно поведение Рамы, победившего страшного Равану и освободившего Ситу. Он говорит:

«Сидевшую на коленях у Раваны, глядевшую греховным взором,
Как же приму тебя обратно я, гордящийся своим великим родом?
Я освободил тебя ради того, чтобы вернуть себе свою честь,
Но нет у меня любви к тебе. Ступай отсюда, куда желаешь!»

(Рм VI, 118, 20-21, цит. по: П. А. Гринцер 1974, с. 254)

Вернёмся к Энею и Дидоне. Зевс посылает Меркурия к Энею, требуя, чтобы тот оставил Дидону и продолжил путешествие в Италию. Мольбы Дидоны, угадавшей намерения возлюбленного [«Если тебе я была хоть немного мила, – то опомнись...» (Эн IV, 318)], бессильны изменить планы героя:

«Так перестань же себя и меня причитаньями мучить,
Я не по воле своей плыву в Италию»

(Эн IV, 360-361).

Читатель понимает глубину отчаяния царицы, когда она униженно просит Энея *хотя бы отсрочить отъезд*, но

«...просьбам слёзным не внял он:

Слух склонить не велит ему бог и судьба запрещает»

(Эн V, 439-440).

Воспользовавшись гостеприимством и насладившись любовью царицы, благочестивый Эней, в соответствии с волей богов, втихомолку покидает Карфаген, и несчастная Дидона может видеть только его паруса на горизонте. Обманутая и оскорблённая красавица шлёт проклятия Энею, и, пронзив себя мечом, восходит на погребальный костёр. А ведь до этого, приведя изгнанников из Тира на пустынный африканский берег и основав процветающий город, она не только функционально выступала в роли эпического вождя (как и сам Эней), но и явно наслаждалась этой ролью. Почему несчастная любовь должна мешать новым свершениям эпического героя? Вспомним, что Алёша Попович остаётся доблестным воителем и после неудачной женитьбы, как и Менелай – после бегства Елены. Ответ прост – в данном случае Дидона действительно ведёт себя, как настоящая трагическая героиня, и это неудивительно: поэма Вергилия является книжным эпосом, написанным великим поэтом I в. н.э. под влиянием авторской литературы и пятивековой традиции античной трагедии.

Судьба Гильгамеша также трагична. В поисках бессмертия он находит прародника Ут-Напишти, спасённого богами от потопа. Но оказывается, что бессмертие Ут-Напишти – дар богов в награду за благочестие и покорность их воле. Гильгамеш выбирает другой путь – он хочет завоевать бессмертие своими силами, то есть бросает вызов богам, но терпит неудачу. В результате подвиги Гильгамеша пропадают втуне, но в этом есть если не справедливость, то логика: герой, пренебрегавший богами, вряд ли может рассчитывать на их благосклонность. В подтверждение нашей точки зрения сошлёмся на авторитетное мнение переводчика поэмы И. М. Дьяконова, который прямо называет Гильгамеша богоборцем («*Эпос о Гильгамеше*», 1961, с. 127), так как тот:

- а) убивает Хумбабу, покровительствуемого одним из трёх верховных богов, Эллилем;
- б) в лесу Хумбабы раскрывает тайное жилище богов земли;
- в) бросает вызов богине Иштар;
- г) отвергает совет сочувствующего ему бога Солца Шамаша (ср. Карна, отвергающий советы Сурьи);
- д) вопреки воле богов ищет вечную жизнь.

Таким образом, трагедия Гильгамеша сводится к тому, что ему не хватило собственных сил для достижения цели, а боги *не помогли*. Карна отличается от Гильгамеша по двум признакам. Во-первых, он и сам бы мог добиться всех своих целей, только бы боги *не мешали*. Но как раз это и случилось – вмешательством богов судьба Карны была предопределена. Во-вторых, благочестивый Карна, в отличие от баламута Гильгамеша, вправе рассчитывать и на поддержку богов:

«...Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют»

(Ил I, 218).

Во всяком случае, их немилости он не заслужил. Наконец, в судьбе Гильгамеша акцентирована тщета человеческих усилий и жизни вообще. Речь, очевидно, идёт об установленной богами границе возможностей смертного. Но *в пределах этой границы* Гильгамеш – счастливейший из людей. Он правитель города, который возвёл стены и покорила врагов; могучий герой, победивший чудовищ, за которыми стояли сами боги; смертный, вернувшийся из путешествия по подземному миру; побратим, испытывавший преданную дружбу другого героя. Гильгамеш теряет побратима, но это удел многих героев, ведь смерть неизбежна, только слава бессмертна, и Гильгамеш этой славы добился. Можно видеть, что судьба его трагична не из-за тягот и *несправедливости* земной доли, как у Карны, но из-за несоответствия его запросов возможностям смертного, пусть и величайшего героя.

42. Почему трагичен Карна, но не Юютсу

В Мбх есть персонаж, чья судьба в некоторых важных аспектах сродни судьбе Карны. Речь идёт о сто первом сыне царя Дхритараштры по имени Юютсу («Жаждающий сразиться»), сводном брате ста сыновей Гандхари (*Мбх I, 107, 35-36*): «Когда Гандхари мучилась от своего всё увеличивающегося живота, могучерукому Дхритараштре прислуживала девушка из касты вайшьев. В том же году... у Дхритараштры от неё родился достославный и мудрый Юютсу...» Сразу поясним, чем, на наш взгляд, примечательна судьба Юютсу. Он участник уникальной рокировки: на Курукшетре Каурава Юютсу будет сражаться на стороне Пандавов, так же, как Пандава Карна – на стороне Кауравов. Юютсу, очевидно, старше Дурьйодханы и остальных сыновей Гандхари. Дело в том, что внутриутробное развитие ста сыновей, обещанных праведной царице Вьясой, было необычно длительным («два года бездетная Гандхари носила в себе зародыш»), а потом сто эмбрионов ещё на девять месяцев были помещены в сосуды с топлёным маслом [через такое же время, (сколько зародыш находился во чреве), эти сосуды должны быть снова открыты]. Таким образом, до рождения Дурьйодханы прошло два года и девять месяцев, и Юютсу родился, как минимум, на год раньше. Возможно, именно старшинство мудрого и доблестного сына вайшьи вызвало впоследствии неприязненное к нему отношение сыновей Гандхари и провоцировало его переход на сторону Пандавов.

Юютсу, не являясь одним из главных персонажей, попадает в поле зрения повествования от случая к случаю, но некоторые важные вехи его жизни всё же можно установить. Никаких упоминаний о его юных годах нет, как нет и прямых указаний на то, знал ли он об интригах по уничтожению Пандавов, был ли вовлечён в эти интриги, как к ним относился. Всё же можно полагать, что Юютсу никогда не участвовал в травле Пандавов, об этом косвенно свидетельствует характеристика

«достославный и мудрый», данная ему сказанием ещё при рождении (ср. «мудрый Видура»), тогда как противники Пандавов (Дурьйодхана, Карна, Духшасана, Шакуни) постоянно называются глупыми, надменными и нечестивыми. Следующее после сведений о рождении упоминание Юютсу происходит в конце «Адипарвы». Юютсу вместе с другими Кауравами присутствует на сваямваре Драупади, и сказание не даёт оснований полагать, что по положению он чем-либо отличается от сыновей Гандхари, так как обо всех присутствующих Кауравах, включая Юютсу (то есть упомянув его среди других Кауравов), Дхриштадьумна говорит сестре: «... Сыновья Дхритараштры, могучие герои, в сопровождении Карны собрались ради тебя». Юютсу представляется не менее легитимным претендентом на руку царевны, чем его сводные братья.

Юютсу, очевидно, присутствует в собрании во время первой игры в кости, и в числе других «умеренных» просит Дхритараштру не призывать Пандавов в угоду Дурьйодхане для новой игры (*Мбх II, 66, 26*): «Не нужно возобновлять игры. Да будет мир!» Итак, Юютсу вместе с Дроной, Бхишмой, Крипой и Викарной, очевидно, принадлежит к партии мира и сочувствует Пандавам, а не Дурьйодхане. Присутствует Юютсу и при повторной игре, так как непосредственно по её окончании он упоминается в списке лиц, с которыми прощается Юдхиштхира, покидая собрание перед уходом в лес. Убеждение рассказчика в том, что в конфликте Юютсу склонен поддерживать Пандавов, разделяют и они сами. Вот что во время жительства в лесу говорит Юдхиштхира (*Мбх III, 30, 45-47*): «Дед (наш Бхишма)... наставник (Дрона) и Видура... и Крипа, ...и Юютса ...и дед наш Вьяса – (все они) неустанно призывают к миру. Думается мне, что побуждаемый ими к незыблемому миру царь отдаст (нам наше) царство...»

Во время обмена посольствами между Пандавами, живущими в столице царя Вираты Упаплавье, и Кауравами Юютсу находится при дворе Дхритараштры в Хастинапуре. Справляясь у прибывшего посла о здравии родственников, Юдхиштхира из сотни Кауравов по имени называет только Юютсу, отнесясь к другим как к «сыновьям Дхритараштры». Позже в своей речи Юдхиштхира эксплицитно противопоставляет Юютсу остальным Кауравам, даже достойным отдельного упоминания: с одной стороны это «Суйодхана, нечестивый глупец», «нечестивый Духшасана», с другой – Юютсу, «который... отличается большой мудростью и одарён всеми добродетелями и которому эта война никогда не нравилась» (*Мбх V, 30, 17*). Чрезвычайно показательно, что во время ответного посольства Кришна, говоря о пользе единства и перечисляя выдающихся героев обеих сторон, уже «рассортировал» сторонников мира по двум лагерям, ведь Бхишма, Дрона и Крипа, на словах осуждая Дурьйодхану, сражаться будут всё же на стороне Кауравов. Но Юютсу Кришна поместил в список Пандавов (*Мбх V, 93*): «Там, где Бхишма, Дрона и Крипа, Карна и Вивиснати, Ашваттхаман и Викарна, Сомадатта и Бах-

лика; «Юдхиштхира и Бхимасена, Савьясачин и оба близнеца, Сатьяки, великий в своём могуществе, Юютсу, могучий воин на колеснице, – кто же (найдётся там) с извращённым рассудком, чтобы сразиться с ними...» Сказание не сообщает прямо о договорённости между Юютсу и Юдхиштхирой, но, судя по этой красноречивой сегрегации героев, Кришна уверен, что в грядущей битве Юютсу будет сражаться на их стороне.

Когда Кришна, не добившись мира, возвращается в Упаплавью, Юютсу с ним ещё нет, и на Курукшетру тот прибывает, очевидно, с войском Кауравов. Далее произошло следующее. Перед строем двух армий Юдхиштхира пригласил всех желающих перейти на сторону Пандавов (*Мбх VI, 53*). Тут же отозвался Юютсу и был с почётом принят в лагерь Пандавов Юдхиштхирой и Кришной. Интересно, что Юдхиштхира при этом пророчески заявил, что Юютсу единственный из сыновей Дхритараштры выживет в битве и продолжит род. Итак, с момента начала боевых действий Каурава Юютсу находится в войске Пандавов, и при каждом упоминании героя сказание подчёркивает это действительно примечательное обстоятельство (*Мбх VII, 22*): «Могучие рослые кони умчали на битву Юютсу, который один-единственный из сынов Дхритараштры (покинув своих братьев) присоединился к Пандавам» (курсив наш – А. И.). О твёрдости выбора Юютсу между Пандавами и Кауравами свидетельствует и участие в буквальном смысле в братоубийственной схватке (*Мбх VII, 24*): «Субаху» (один из ста сыновей Гандхари – А. И.) «усиленно удерживал в стороне от Дроны своего храброго брата Юютсу, могучего воина на колеснице, старавшегося (в битве) ради Пандавов. Тогда Юютсу двумя острыми и хорошо закалёнными стрелами отсек у Субаху обе руки...» (курсив наш – А. И.).

Говоря о Юютсу на Курукшетре, сказание, во-первых, неизменно подчёркивает его доблесть и мощь, во-вторых, напоминает, что он сражается на стороне Пандавов: «Юютсу, могучий воин на колеснице, и многие другие цари... которые сопровождали Пандаву, совершили различные подвиги...» Санджая рассказывает Дхритараштре о подвигах Юютсу в составе войска Пандавов, также напоминая старому царю, что Юютсу – его сын (*Мбх VII, 25*): «...Сын Субхадры и сыновья Драупади... и Юютсу стали изматывать слона» (на котором сражается их противник царь Бхагадатта – А. И.). «...Растоптав коней Юютсу, он затем убил его возницу. Однако сын твой, охваченный смятением, вскочил на колесницу сына Субхадры... Тут сын Араджуны пронзил его» (Бхагадатту – А. И.) «двенадцатью стрелами, Юютсу – десятью...»

Тесные союзнические и дружеские отношения между Юютсу и Пандавами подчёркнуты его эмоциональной реакцией на гибель Абхиманью (*Мбх VII, 50*): «И Кришна тоже услышал Юютсу, порицавшего героев (из войск Дхритараштры такими словами): "...Не будучи в состоянии одолеть Бибхатсу и убив лишь ребёнка,

чего же вы радуетесь! ..Плоды греховных деяний ваших скоро скажутся на вас! Жестокое злодейство совершено вами!" – так высказав им (порицание), многоумный сын (Дхритараштры от) женщины-вайшьи удалился прочь, *бросив оружие, преисполненный гнева и горя!*» (курсив наш – А. И.). Каурава, ставший на сторону Пандавов, – это явление уникальное, и сказание подчёркивает особое положение Юютсу, уподобляя его самому божественному Кришне, как мы видим на совете у Юдхиштхиры (*Мбх VII, 59, 6*): «Оба могучих и благородных героя, отличающиеся великим блеском, – Кришна и Юютсу уселись на одном сидении».

Несмотря на беззаветную преданность Пандавам, Юютсу не совсем свободен от душевных мук, как мы узнаём из его внутреннего монолога при окончательном разгроме Кауравов (*Мбх IX, 28*). Когда на восемнадцатый день битвы все сторонники Кауравов в панике бежали из военного лагеря в столицу, «Юютсу, от горя сбитый с толку, стал размышлять о том, что нужно предпринять: ..Погибли ..все Кауравы, бывшие под предводительством Бхишмы и Дроны! Один только я случайно уцелел благодаря вмешательству судьбы! ..Я думаю, что подходящее время уже наступило, дабы... вступить в (город).."». Состояние закалённого в битвах героя можно описать как эмоциональный срыв (*Мбх IX, 28*): «...(Юютсу), с подступающими к горлу слезами и с глазами, полными слёз, быстро въехал в Хастинапур». В столице Юютсу довольно сбивчиво объясняет Видуре свой порыв: «...Я, получив дозволение у царя (Юдхиштхиры) и Кешавы, примчался в Хастинапур, дабы избежать укора людей!» Это очень любопытное заявление: в чём можно укорить Юютсу? Может быть, ему стыдно, что он оказался на стороне победителей, оставив своих братьев, и уцелел, тогда как все его братья и племянники погибли? Окружающие могут воспринимать происшедшее именно так, даже Кришна позже скажет, что «спасся... Кауравья Юютсу благодаря покровительству Пандавов» (*Мбх XIV, 59*). Возможно, в заполненной беженцами столице Юютсу рассчитывал навестить (для оправданий?) престарелого отца и царицу, но такой возможности он не получил – Видура строго распорядился: «Сегодня ты отдохнёшь здесь, а завтра ты можешь вернуться к Юдхиштхире!»

Юютсу был щедро награждён за верность Пандавам. На протяжении пятнадцати лет после победы Пандавы правили «землёй, поставив во главе Дхритараштру. Видура, Санджая, а также Каурава Юютсу, мудрый сын вайшьи, прислуживали Дхритараштре» (*Мбх XV, 1, 4-5*). Из дальнейшего описания становится понятно, что Видура по своим обязанностям является главой, а Юютсу – членом кабинета. Когда Юдхиштхира говорит о своём намерении удалиться в лес, он предлагает Дхритараштре (*Мбх XV, 6*): «Да будет царём Юютсу, твой родной сын». Всё же в лес удаляется Дхритараштра, а Юдхиштхира правит ещё на протяжении двадцати лет. Всё это время Юютсу является доверенным лицом Юдхиштхиры и

важным чиновником. Так, когда Пандавы навещают старого царя в лесу, «исполненный ратного пыла Юютсу остаётся охранять столицу».

После долгого правления «царь-Каурава (Юдхиштхира) устремил свои помыслы к уходу (из этого мира)... Затем, повелев привести Юютсу, из желания (соблосты) свою дхарму Юдхиштхира, уходя, передал всю полноту власти этому сыну вайшьи». Таким образом, хотя на царство посвящается «юный» Парикшит (сказание «забыло», что через тридцать шесть лет после битвы на Курукшетре сыну Абхиманью должен идти тридцать седьмой год!), реальную власть получает девяностолетний старец Юютсу. Как подчёркивает С. А. Невелева, это событие знаменует «полную смену династии, так как правителем становится Каурава» (*Мбх 2005, с. 153*). Ссылка на желание Юдхиштхиры соблосты дхарму означает, что власть по справедливости должна перейти к старшему из наследников, каковым и является Юютсу.

Рассмотрев основные вехи биографии Юютсу, мы можем попытаться ответить на вопрос, почему сто первый сын Дхритараштры не является столь трагической фигурой, как Карна. Прежде всего, переход Юютсу на сторону Пандавов не получает объяснения (как выбор Карны), то есть драматическая коллизия, буде таковая присутствует в его судьбе, остаётся скрытой от аудитории. Можно думать, впрочем, что никакой коллизии нет вовсе: благородный герой присоединяется к силам добра. Судьба Юютсу остаётся почти незамеченной. Даже самый драматический факт его биографии – переход на сторону Пандавов – может ускользнуть от внимания аудитории и исследователей. Так, в комментарии к «Карнапарве» на фразу «На сына твоего Юютсу... напал Улука» (двоюродный брат Кауравов, сражавшийся на их стороне – А. И.) (*Мбх VIII, 18, 1*), находим: «Невыясненное противоречие: сражаются друг с другом почему-то Каурава Юютсу, сто первый сын Дхритараштры (от женщины-вайшьи) и другой Каурава, Улука, сын Шакуни» (*Мбх 1990, с. 244*).

Указанная «незамеченность» Юютсу совершенно неудивительна, ведь сказание избегает упоминать героя даже в тех случаях, когда это приводит к искажению фактов. Один из вопиющих примеров такого упущения мы находим в отчёте Санджайа царю Дхритараштре после окончательного разгрома Кауравов (*Мбх IX, 1*): «В живых осталось только семеро со стороны Пандавов и трое среди сынов Дхритараштры. Это – пятеро братьев (Пандавов), Васудева и Сатьяки, а также Крипа и Критаварман и сын Дроны...» Как видим, Юютсу не назван ни среди Пандавов, ни среди Кауравов, а убитому горем старому царю Санджая говорит о гибели *всех* его сыновей. Далее, в случае Юютсу отсутствует мотив рокового неведения своего родства, так что у аудитории нет впечатления, что герой является жертвой судьбы. Кроме того, Юютсу принимает сторону праведных и, что не менее важно, победоносных, Пандавов. В результате за свой выбор Юютсу, в противоположность Карне, в земной жизни был не наказан, а вознаграждён. Более того, если бы Юютсу не перешёл к Пандавам, а геройски сложил голову вместе с остальными

Кауравами, никаких претензий к нему тоже быть не могло. Итак, любой выбор Юютсу выглядел бы достойно, тогда как любой выбор злосчастного Карны, как показано ранее, может быть подвергнут осуждению.

43. Рейтинг героя как индикатор его судьбы

Эпическое сказание или цикл сказаний, как правило, выделяет центрального героя, превосходящего других силой и доблестью. Это Кухулин (СУ), Ростем (ШН), Ахилл (Ил), Илья Муромец (РГЭ). Отдельные aberrации не нарушают установленной в сказании иерархии, но только подчёркивают неизбежность окончательного триумфа героя. Когда Калин-царь, у которого «голова с пивной котёл», говорит Илье: «А и невелик же ты, русский богатырь», – никаких сомнений в исходе схватки и в богатырской табели о рангах у аудитории, тем не менее, не возникает. Точно так же, аудитория прекрасно знает, что непобедимых в честном поединке Зигфрида и Ростема погубить может только предательство, а Роланда – неисчислимая вражеская рать. Положение этих героев в табели о рангах неколебимо.

Положение Карны имеет совершенно иную природу. Мы неоднократно слышали заявления о его непобедимости, и для этого есть основания. Действительно, единственный достойный соперник Карны – это Арджуна. Но кто из двух героев занимает первое место? Судя по поведению Пандавов, они вовсе не уверены в превосходстве Арджуны над Карной. Вспомним, как на протяжении многих дней битвы Кришна старается увести Арджуну из-под «удара» Карны, да и сам Арджуна не рвётся в бой со страшным соперником (*Мбх VIII, 5*): «Из страха перед ним» (Карной – А. И.) «даже отважный Завоеватель богатств все эти дни не решался сойтись с ним на бранном поле в колесничном поединке...» Эти опасения – ни для кого не новость; все тринадцать лет изгнания Царю справедливости не давала спать мысль о грядущей схватке Арджуны с Карной (*Мбх III, 243*): «Зная о том, что Карна необычайно отважен, да к тому же одет в непробиваемый панцырь, (Юдхиштхира) никак не мог успокоиться...» Неуверенность Юдхиштхиры в исходе этого поединка становится очевидной по его неумеренной радости, когда он решил, что Карна повержен, и ещё больше – по его истерике, когда он понял свою ошибку.

Итак, уверенности в победе Арджуны у персонажей сказания нет, но и послужной список Карны небезупречен. Он отступил перед Арджуной на сваямваре Драупади, потерпел поражение от гандахарвов, был дважды побеждён Арджуной во время похищения скота. Уже на Курукшетре Карна обратился в бегство под натиском юного Абхиманью. Подводя предварительный итог, мы можем привести слова Дхритараштры, сказанные им в разгаре битвы на Курукшетре (*Мбх VII,*

108, 8): «Во всех битвах, в которых Карна сражался с сыновьями Панду, Пандавы всегда побеждали Карну на поле боя».

Вскоре после этих слов старого царя картина радикально меняется. Карна одного за другим побеждает Бхимасену, Юдхиштхиру, Близнецов, не сражаясь с ними не в полную силу. На шестнадцатый день битвы Карна один противостоит лучшим силам Пандавов (*Мбх VIII, 21, 24-30*): его одновременно атакуют Арджуна, Сатьяки, Близнецы, Юдхиштхира, сыновья Драупады, Юдхаманью, Шикхандин, Утгамауджас, Юютсу, Друпادا, Чекитана, прабхадраки, войско Чеди, Каруши, матсьев и кекаев. «Но Карна, снова и снова разбивая тот ливень различного оружия острыми стрелами, смял их всех, как ветер крушит деревья».

В финальной схватке Карна выступает во всём великолепии и начинает «одерживать верх над Арджуной». О том, насколько близкой кажется победа Карны, можно судить по нервозности Кришны, который то ядовито интересуется, как это «Карна сегодня сокрушил своим оружием всё оружие» Арджуны, то суетливо предлагает Арджуне напрямь все силы и «применить самое мощное оружие». Жизнь Арджуны действительно висит на волоске. Когда Кришна нечеловеческим (в буквальном смысле) усилием заставляет колесницу просесть, стрела Карны, которая должна была снести Арджуне голову, только сбивает его диадему. Мы окончательно понимаем, как Кришна оценивает силы противников, когда он провоцирует Арджуну нарушить правила поединка, чтобы обеспечить победу над Карной: в честном поединке Карна неодолим. Постоянное колебание чаши весов в соперничестве двух героев, от состязания юных учеников Дроны до последних минут жизни Карны, не позволяет получить чёткого ответа на вопрос: какую всё-таки строчку занимает Карна в рейтинге героев *Мбх* – первую или вторую? Авторитетные высказывания различных персонажей картины не проясняют. Вслед за Сурьей и гневный Рама, уже прогоняя из своей обители провинившегося Карну, который выдавал себя за брахмана, предсказывает, что не будет на земле кшатрия, равного ему в битве (*Мбх XII, 3*). Умиравший Бхишма говорит, что в искусстве владения оружием Карна «равен самому Пхальгуне» (*Мбх VI, 124*). Этому противоречит мнение Индры, переданное Юдхиштхире мудрецом Ломашей (*Мбх III, 89*): «Поистине ведомо мне... каков Карна; не стоит он на поле брани и одной шестнадцатой доли Партхи!» Правда, впоследствии царь богов не побрезгует выманить у «несостоящего» героя его панцырь и серьги.

Однозначный ответ на вопрос о первенстве чрезвычайно важен и, как показано выше, характерен для всех выдающихся эпических героев. Мы вынуждены сделать вывод о том, что Карна лишён определённого положения среди эпических вождей (*Мбх*). Вместе с жёстко закреплённым положением в иерархии героев Карна лишается и их неживого глянца, приобретая взамен черты вызывающего сочувствие трагического героя. Ведь если аудитория не уверена, занимает ли ге-

рой первое место, то и исход главной схватки непредсказуем, то есть судьба героя может сложиться по-разному! В результате отменить сопереживание Карне не могут даже его предосудительные поступки.

Другого настолько великого и одновременно «непредсказуемого» эпического героя мы не знаем. Неожиданную параллель образу Карны мы находим только в персонаже «эпического» происхождения, *выведенном за рамки* героического эпоса. Речь идёт о чудовишном антагонисте благородного Беовульфа – Гренделе, – который является заглавной фигурой романа Джона Гарднера. Несмотря на его дурные манеры и каннибальские наклонности, именно живой и трагичный в своём одиночестве Грендель, а не безжалостный и непобедимый, как Ахилл, Беовульф, вызывает сочувствие у читателя романа Гарднера. Это сочувствие усиливается из-за неопределённости исхода схватки и достигает апогея в момент неожиданной, по крайней мере, для него самого, гибели Гренделя: яркая параллель гибели Карны.

Неопределённость исхода кульминационного поединка как фактор драматизации сюжета и образа главного героя полностью реализуется только в драме нового времени, но тем более значимо для нас такое сопоставление. Например, исход финальной схватки Гамлета с мстящим за сестру Лаэртом зрителю неясен. Гамлет – очень опытный фехтовальщик, но Лаэрт молод и атлетичен, тогда как принцу, по словам Гертруды, «тучен и одышлив» («fat, and scant in breath»): после двух-трёх выпадов ему приходится прерывать дуэль, чтобы отереть пот и отдышаться!

В отличие от трагедии Шекспира, неопределённость места великого героя в иерархии бойцов, а заодно и исхода главного сражения – обстоятельство для героического эпоса необычное. Даже в битве Кухулина с доблестным Фер Диадом, с которым они вместе постигали тайные боевые искусства, исход не вызывает сомнений, так как аудитория многократно предупреждена: Кухулин – герой номер один, и, следовательно, в единоборстве непобедим. При ближайшем рассмотрении выясняется, что многие «неодолимые» герои хотя бы раз на протяжении своей карьеры встречают более сильного противника. Сказание либо затуманивает такие события [«Но хоть бы и случилось Тору встретиться с силой, которой он не мог одолеть, негоже о таком рассказывать, ибо примеров тому немало, а всем надлежит верить, что нет никого сильнее Тора» («Видение Гюльви»)], либо, пообещав аудитории непобедимость своего фаворита, находит способы его спасения в самых отчаянных обстоятельствах. Существует ограниченный набор таких способов.

А. Герой пускается на хитрость (Ростем/Сохраб (ШН) или нечестный приём (Арджуна/Карна, Ростем/Исфендиар). Интересно, что Арджуна на всех этапах своей военной карьеры проявляла известную гибкость в вопросах этики, если ставкой оказывалось его положение первого бойца или победа в сражении. Напомним, как в ранней юности он радовался, что его конкурент лишился большого

пальца (с подачи Арджуны!) и уже не мог сравниться с Арджуной в стрельбе. Об уже взрослом Арджуне во время завоевания окрестных царств Вайшампаяна как ни в чём не бывало сообщает (Мбх II, 23): «Покорив анартов, калакутов и куниндов, он *нечестным путём* победил (царя) Сумандалу вместе с его войском» (курсив наш – А. И.). О вопиющем нарушении Арджуной правил поединка в схватке с Карной напоминаний не требуется.

Б. Герой «варуг» обретает волшебное оружие. Беовульф уже в безвыходной ситуации одолевает мать Гренделя, случайно обнаружив в пещере «оженочудища» магический «клинок – наследие древних гигантов» («Беовульф», 1560).

В. Боги непосредственно вмешиваются в схватку. Спасая Геракла, Афина собственноручно поражает копьём великана Астера, неуязвимого для обычного оружия («Словно от твёрдой скалы отражалось, падая наземь, грозное жало...»). Только вмешательство богини спасает «непобедимого» героя от Астера:

«Он самого бы Геракла повергнул...» («Меропида», «Эллинские поэты», 2001, с. 120).

Г. Небожители или их агенты на земле так или иначе влияют на исход схватки, не берясь за оружие.

Божественные мудрецы своевременной молитвой спасают терпящего поражение от синдхов Арджуну во время следования за жертвенным конём (Мбх XIV, 76); Аполлон дважды возвращает силы Гектору в его поединках с Аяксом (Ил VII, 202; XV, 235).

2. Придавив колесницу к земле, Кришна спасает Арджуну от стрелы Карны в их последней схватке.

Своим присутствием на колеснице божественный Кришна защищает Арджуну от пламени небесного оружия Бхишмы и Карны.

Д. Неперсонифицированные трансцендентные силы неожиданно спасают героя. Противник уже заносит нож над лежащим на лопатках Ильёй Муромцем, когда старый богатырь внезапно получает силы от матери-земли.

Е. Погибшего героя возвращают к жизни магическими средствами. Арджуну, поверженного своим сыном Бабхруваханой, воскрешает с помощью волшебной жемчужины царица нагов Улупи (Мбх XIV, 78-81).

Оказывается, в итоге не важно, что Ростом одолеет Сохраба хитростью, поверженный Бабхруваханой Арджуна будет воскрешён с помощью магии, а Давид (ДС) спасётся из западни, помолясь Богородице. Главное, что они – несомненные фавориты сказания, и по законам жанра, так или иначе, обречены на победы в важнейших поединках (кроме случаев предательства и других отклонений от обычного единоборства). Арджуне, как мы убедились, помощь требуется (и охотно предоставляется) удивительно часто, хотя именно ему Мбх устами само-

го Шивы вроде бы отдаёт первое место среди героев (*Мбх III, 41, 6*): «Нет среди смертных мужа, подобного тебе, ...нет лучше тебя кшатрия даже на небе...»

Итак, даже серьёзные неприятности, вплоть до гибели на поле боя, не могут поколебать рейтинг «непобедимого» Арджуны. Сказание твёрдо сохраняет за ним первое место на пьедестале героев, и в конечном счете всегда гарантирует победу. По словам Шивы, в бою с Арджуной «не могут справиться даже боги». Почему? Разумеется, Арджуна великий воин, но не это решит исход его схватки с могучим Карной. Дело, если верить Шиве, в другом (*Мбх III, 256*): «Его, первого среди знатоков оружия, охраняет сам Кришна, тот, которого называют непобедимым богом...» Более того, Карна и сам об этом осведомлён, так как Индра, вручая копье Амогха, его предупредил: «...Тот, кого ты замышляешь (убить), храним тем великим душою, которого знатоки Вед называют Хари, Непобедимым... или Нараяной. Сам Кришна охраняет его!» (*Мбх III, 294, 27-28*). Мы убедились, что по решению богов Арджуне гарантирована победа над Карной, и обеспечит её Кришна. Карна как боец не уступает Арджуне, но места на пьедестале не удостоился и никаких гарантий победы иметь не может. Наоборот, выйдя на решающий (то есть не могущий закончиться отступлением) бой с любимцем богов Арджуной, благородный Карна обрекает себя на гибель.

44. Эволюция героя

На протяжении сказания образ Карны меняется, и эта трансформация проявляется прежде всего в сюжетобразующем конфликте Мбх – отношениях героя с Пандавами. Исходно отношение Карны к Пандавам реализуется в следующих действиях: а) попытки убийства; б) попытки лишить Пандавов их доли царства; в) издевательства и злорадство по поводу их неудач; г) подталкивание к войне; д) облыжные обвинения в невыполнении Пандавами условий соглашения. Позже отношение Карны к Пандавам меняется, и теперь его характеризуют: а) признание правоты Пандавов в династическом конфликте; б) раскаяние в нанесении обид и оскорблений; в) обещание щадить четверых Пандавов в битве.

Время трансформации Карны можно установить с большой точностью. Для этого вспомним, когда Карна последний раз пытался сделать Пандавам какую-нибудь гадость. Оказывается, это происходило во время посольства Кришны к Кауравам. Оставив зал собрания, Дурьйодхана с присными разрабатывает коварный план (*Мбх V, 128, 3-8*): «Вот какое было принято решение Дурьйодханой, Карной и Шакуни... и червёртым среди них – Духшасаной: «Этот Джанардана... собирается вместе с царём Дхритараштрой и сыном Шантану первым захватить нас. Но мы сами прежде схватим силою Хришикешу... И если этот податель даров...

будет схвачен, то Пандавы вместе с сомаками окажутся безуспешными в своих усилиях. Поэтому, связав Кешаву, невзирая на вопли Дхритараштры, мы затем сразимся с врагами». И так, в этот момент Карна ещё беззаветно предаётся грязным интригам против Пандавов: заговорщики, игнорируя «вопли» старого царя, умышляют на священную жизнь посла. Сами заговорщики прекрасно осознают неприглядность своей затеи, как аудитория узнает позже из слов Дурьйодханы (Мбх IX, 4, 8): «...Кришна, ...когда прибыл к нам с миссией посла, был обманут нами. И этот поступок наш был несовместим (с понятием долга чести)».

Дальше события развиваются очень быстро: заговор раскрыт, Дурьйодхану с подручными вызывает престарелый царь, Кришна устраивает пугающую демонстрацию своей божественной мощи и, посрамив заговорщиков, отправляется навестить Кунти. Выйдя от Кунти, Кришна «отпустил Бхишму и других быков из рода Куру... и, посадив Карну к себе на колесницу, тронулся в путь» (Мбх V, 135). В это время и происходит примечательная попытка Кришны переманить Карну на сторону Пандавов. В ходе этой судьбоносной беседы мы видим уже преображённого Карну, признающего благородство Пандавов и право Юдхиштхиры на престол, а также сожалеющего о нанесённых Пандавам обидах. Между драматической сценой в собрании царей и отъездом Кришны нет ни упоминаний трапезы, ни слов о ночлеге, тогда как по прибытии Кришны ко двору царя Дхритараштры сказание сообщало о приёме в честь гостя и его устройстве на ночь в доме Видуры. Можно заключить, что отъезд Кришны и беседа с Карной состоялись в тот же день, что и его противостояние с Дурьйодханой и Карной. И так, Карна меняет своё отношение к Пандавам в течение нескольких часов!

Отношение Карны к Пандавам меняется с оголтелого на терпимое очень своевременно, всего за четыре недели до битвы. Этот интервал можно установить, исходя из следующих соображений. Вернувшись из посольства (и переговоров с Карной), Кришна немедленно созывает военный совет и ведёт (вероятно, на следующее утро) заранее собравшееся войско Пандавов из Упалавы к месту битвы. В это же время (при созвездии Пушья) старший брат Кришны Рама, не желая примыкать ни к одной из сторон, удаляется в паломничество на сорок два дня и возвращается как раз по окончании восемнадцатидневной битвы – к моменту сражения Бхимы и Карны на палицах (Мбх IX, 34). Следовательно, Рама удалился за $42-18=24$ дня до начала битвы. Если Кришна вернулся за пару дней до этого, то преобразование Карны произошло за 26-27 дней до битвы на Курукшетре.

По времени трансформация Карны совпадает с «выяснением» его родства с Пандавами. Могло ли это сообщение привести к метаморфозе сознания Карны? Скорее всего, на этот вопрос можно ответить отрицательно. Дело в том, что сказанное Кришной вряд ли было новостью для Карны. Вообще, происхождение Карны это секрет Полишинеля. Помимо самой царевны в тайну посвящена кор-

милица, придумавшая выход «с корзиной» (*Мбх III, 292*) и, видимо, согладаясь, позже установивший местонахождение младенца (*Мбх III, 293*). Бхишма как бы между делом называет Карну сыном Солнца сразу после ссоры (*Мбх V, 61, 17*), и неудивительно: в своей предсмертной беседе с Карной Бхишма сообщает, что давно узнал тайну происхождения героя от всеведущих риши Нарады и Вьясы (*Мбх VI, 124*). Эта тайна известна и другим. Ещё во время сражения в стране матсьев Араджуна говорит своему вознице (*Мбх IV, 50, 15*): «А этот, на знамени которого видно сверкающее изображение подпруги слона, – это Карна, сын Викартаны...» Кроме того, окружающие знают, что Карна – сын Кунти. Сразу после гибели Карны Дхритараштра говорит о нём (*Мбх VIII, 5*): «Он же, лишив колесницы... брата своего, Бхимасену, насмеялся над ним!» Более того, старый царь осведомлён не только о происхождении Карны, но и о его секретных переговорах с Кришной и о последующей беседе Карны с Кунти, когда тот обещал матери щадить четверых братьев (*Мбх VII, 106*): «После того, как ещё раньше было сообщено ему об его братском родстве (с Пандавами)... Памятүя о словах, (сказанных им) раньше Кунти, как же он мог сражаться с Бхимой?»

Очевидно, от кого-то из придворных Карна и узнал о том, что он сын Кунти.

Вот как Кунти говорит об этом много лет спустя (*Мбх XV, 38*): «Хоть сын и узнал потом, что я – его мать, я, по глупости своей, им пренебрегала...» Её слова о пренебрежении Карной очень важны, так как позволяют заключить, что речь идёт не о той встрече, когда Кунти переманивала сына на сторону Пандавов: в это время Кунти в нём уже заискивала. Следовательно, Карна знал о своей настоящей матери *до встречи* с Кришной и Кунти. Неудивительно, что в ответ на «сенсационное» заявление Кришны Карна говорит (*Мбх V, 139, 2-3*): «Я знаю всё это... Ещё девой (моя мать) зачала меня в своём чреве от (бога) Солнца, о Джанардана!» Эта реплика Карны содержит ровно вдвое больше сведений, чем сообщил ему Кришна, который не упоминал о небесном отце Карны. Да и никакого удивления Карна не выражает. (Ср. с шоком Пандавов, узнавших от Кунти, что Карна был их братом).

О том, кто его отец, Карна, если не узнал этого раньше, должен был догадаться на исходе двенадцатого года изгнания Пандавов. В это время Сурья является Карне во сне, чтобы предупредить его о проихсках Индры, и в беседе несколько раз нежно называет героя сыном. Вряд ли Карна мог счесть это просто традиционной формой обращения старшего к младшему [позже Кунти скажет Юдиштхире, что как раз явившись Карне во сне, Сурья поведал герою о его происхождении (*Мбх XII, 6*)], но в любом случае окончательную ясность должна была внести последовавшая беседа с Индрой. Обещая, что срезание панцыря не оставит шрамов, Индра говорит герою (*Мбх III, 294, 31-32*): «Ничто не испортит твой облик, о Карна! ..Ты будешь, как прежде, похож на своего отца, о Карна, ..унаследовав его

блеск и цвет кожи». Наконец, и персонажи, которым «не положено» знать тайну Карны, об этой тайне догадываются, включая не блещущего пронизательностью Дурьйодхану (*Мбх VIII, 24, 159-160*): «И я не думаю, что Карна мог родиться в роду сут; скорее, он — сын бога, происшедший из кшатрийского рода! Такого, как он, мощнодланного колесничного бойца, с волшебными серьгами и панцырем, схожего обликом с Адитьей, (такого) тигра — может ли родить олениха?» (курсив наш — А. И.). Итак, Карна мог быть уверен в своём происхождении от Кунти и Сурьи, насколько такая уверенность вообще возможна. [Даже эпическим героям свойственны разумные сомнения. На вопрос Афины, является ли он сыном Одиссея, рассудительный Телемах отвечает:

«Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:

Ведать о том, кто отец наш, наверное, нам невозможно»

(*Од I, 211-212*)].

Мы установили следующее. Во-первых, момент завершения переговоров Кришны с Кауравами является *terminus post quem* (нижней временной границей) трансформации Карны. Во-вторых, эта трансформация не связана с внезапно нахлынувшими на Карну родственными чувствами. Но ведь что-то на него повлияло и, как мы убедились, это «что-то» по времени примерно совпадает с его беседой с Кришной. Если это не содержание сообщения Кришны, то, возможно, его форма — «те мягкие и сладостные речи... те берушие за сердце слова, которые сказал сыну Радхи неизмеримый душою Сокрушитель Мадху» (Кришна — А. И.).

Всеведущий Кришна (он, по уверению Саңжаи, «знает... прошлое и будущее») уверен, что никакие усилия не отвратят войны, как он сам не раз давал понять. А раз так, Кришна не может не знать, и что его попытка переманить Карну к Пандавам — безнадежна. Значит, его цель состоит в другом. Возможно, как раз в том, чтобы в доверительной беседе продемонстрировать Карне своё благожелательное и уважительное отношение, причём, от имени Пандавов, которые с детства тревали и унижали Карну. Как мы неоднократно отмечали, социальный статус и признание заслуг — большое место Карны, которого и свои, и чужие то и дело называли «хвастливым болтуном» и «низкорождённым сыном возницы». В результате, Карна, хоть и не в состоянии предать Дурьйодхану или забыть обиды, нанесённые ему Пандавами, всё же не может не ответить любезностью на проявленную Кришной благосклонность. И когда с «размякшим» сыном встречается Кунти, Карна обещает щадить в бою четверых Пандавов. Кришна достиг блестящего результата, ведь Карна был главной надеждой Кауравов!

Итак, Карна радикально изменился. Насколько это свойственно эпическим героям? Оказывается, эпический герой эволюционировать не должен, это выражается даже в его внешности. Например, Илья Муромец, выехавший на подвиги не в таком уж преклонном возрасте (тридцати лет), всегда стар и седобород, точно

так же, как Алёша Попович – всегда молод. Аналогично, Близнецы – вечные юноши (Мбх), как и «млад Гизельхер» (ПН). Это наблюдение очень важно, так как возраст героя часто связан с комплексом внутренних черт, которыми его наделяет сказание, то есть с характером. В соответствии с своею вечной молодостью Алёша Попович неизменно легкомыслен (соблазнение сестры Бродовичей и похвальба этим на пиру), попадает в комические ситуации (свадьба с женой Добрыни), да и сам склонен к шутке: из-за печи дразнит Идолище в княжеских палатах. Гармонизирует с этими чертами и юношеский задор Алёши в схватках: он не столько силён, сколько «напуском смел». Вот характерный для молодого и дурашливого героя эпизод: чудовищного Тугарина Алёша побеждает не силой, а хитростью, и голову чудовища не князю предьявляет, а использует для шутки, пугая баб-портomoйниц на Днепре. С другой стороны, «старый казак» Илья Муромец, в соответствии с эпическим возрастом, прежде всего мудр. Суровый и рассудительный богатырь к шуткам не расположен, а в битве идёт напролом, проявляя неколебимую надёжность и необоримую мощь.

Примечательным исключением из правила неизменности эпического возраста является, на первый взгляд, герой англосаксонской поэмы Беовульф. В первой части сказания неизменно подчёркивается молодость вождя гаутов, тогда как во второй части Беовульф уже стар. Но эпическое время между победой молодого Беовульфа над Гренделем и победой старого Беовульфа над драконом «свёрнуто»: аудитория не видит 50-летней эволюции (= старения) героя. По замечанию О.А. Смирницкой, молодость Беовульфа в первой части – «это всё же не возраст как таковой, а характеристика его как героя... идушего к вершине своей славы... Подобным же образом и старость Беовульфа – это не годы и даже не связанная с годами немощь... а прежде всего близость смерти» (*«Древнеанглийская поэзия», 1982, с. 222*). Можно заключить, что два возраста Беовульфа отражают разные стадии жизни и карьеры героя, но не изменения его характера.

Внутренних изменений героев эпоса мы, как правило, не находим.

Исключения очень редки, и одно из них представляет древнейший эпический герой Гильгамеш. По мнению И. М. Дьяконова, образ Гильгамеша «имеет некоторое внутреннее развитие. Юный Гильгамеш в Таблице I, не знающий, куда девать силы... – не тот Гильгамеш, который в Таблице III, когда герои намерены «всё зло, мерзкое Шамашу, уничтожить в мире», говорит Энкиду о неизбежности смерти и бессмертия славы, или который утешает друга и плачет о нём в Таблицах VII и VIII. Образ героя претерпевает дальнейшее изменение, когда он, полный философского отчаяния» (мучаясь над вопросами о смысле бытия и справедливости миропорядка – А. И.), «бежит в пустыню (Табл. IX)» (*«Эпос о Гильгамеше», 1961, с. 125*). Итак, образ Гильгамеша (ОВВ) меняется. Но не будем забывать, что дошедшая до нас аккадская поэма является созданием поэта (традиция приписыва-

ет ее урукскому заклинателю Синликеуннинни), переработавшего и объединившего архаические шумерские бычины, дополнившего их сюжетом о потопе из другого цикла и придавшего поэме философский смысл.

Другим известным нам исключением является Медея поэмы Аполлония. Героиня (Арг) меняется неузнаваемо, и из-за уникальности такого развития характера для эпоса мы позволим себе остановиться на этом примере несколько подробнее. В третьей книге Арг мы видим появление наивной и робкой девушки. Внезапно почувствовав влечение к незнакомцу Ясону, Медея не смеет признаться не только своему избраннику, но даже самому близкому человеку – своей старшей сестре Халкиопе: вспомним, как Медея всю ночь мечется между своей спальней и спальней сестры, так и не решившись войти к ней. При первой («деловой») встрече с Ясоном, несмотря на его деликатность и обходительность, Медея едва смеет поднять на героя глаза. Но буквально через несколько недель, уже во время обратного плавания, вернее, бегства аргонавтов мы находим совсем другую Медею. Её решительность, даже жестокость, порой оттесняет Ясона в качестве лидера предприятия на второй план. Когда войско колхов во главе с братом Медеи Апсиртом настигает аргонавтов, именно Медея разрабатывает коварный план убийства своего младшего брата. План блестяще претворяется в жизнь. Заманив доверившегося ей брата, якобы, для частного разговора и подставив наивного юношу под меч Ясона, Медея лишает колхов предводителя. В результате Медея спасает Ясона и аргонавтов от неприятного выбора между верным поражением (и смертью) и позорным соглашением с колхами. Разумеется, и ставка Медеи чрезвычайно высока, ведь условием перемирия царь колхов Эет ставил выдачу ему самой Медеи. Итак, образ юной обворожительной колдуньи (Медея – жрица страшной хтонической богини Гекаты) претерпевает на протяжении действия решительные изменения, оправданные драматическим развитием событий. Разумеется, случай этот действительно уникален, но уникальна и сама эпическая поэма Аполлония. Прежде всего, это книжный эпос, принадлежащий перу учёного филолога знаменитой плеяды александрийцев III в. до н.э. Прозаики и поэты эпохи эллинизма демонстрируют интерес к человеческой личности и чувствам, и в поэме Аполлония можно видеть переход от классической героики Гомера к авантюрному и любовному роману поздней античности. Кроме того, не следует забывать, что образ Медеи в эпический поэме, написанной через два столетия после расцвета афинской трагедии, не мог не испытать влияния великой трагической героини – Медеи Еврипида. При ближайшем рассмотрении и образ Медеи в одноимённой трагедии Еврипида оказывается необычным для своего времени, и это очень интересно для нас. Медея Еврипида *непоследовательна*: её чувства и слова пронизаны любовью к детям, но в финале пьесы после мучительных колебаний героиня приходит к ужасному решению убить сыновей, чтобы сделать свою месть изменнику Ясону особенно полной – прекратить его род.

Ещё один хрестоматийный пример «внезапной» трансформации характера трагического героя – Ифигения, которую её отец Агамемнон хочет принести в жертву Артемиде для успеха похода на Трои («Ифигения в Авлиде» того же Еврипида). Обманутая отцом и испуганная юная царевна в конце концов преодолевает отчаяние и решает пожертвовать своей жизнью ради победы греческого оружия. Мы кратко остановились на образах Медеи и Ифигении в трагедиях Еврипида, чтобы отметить два важных для нас обстоятельства. Во-первых, подобное развитие характеров трагических героев из трёх великих афинских трагиков мы находим только у позднейшего и «трагичнейшего» (Аристотель, «Поэтика») из них – Еврипида. Во-вторых, и Еврипид, очевидно, опередил своё время. Дело не только в том, что при его жизни «Медея» в Афинах провалилась. Ещё столетие спустя Аристотель ставит Еврипиду в упрек *изменение характера* трагической героини: «Пример... характера непоследовательного – «Ифигения в Авлиде», так как умоляющая Ифигения совсем непохожа на ту, какой она является вслед за тем» («Поэтика», 15, 29-32). И к «необоснованной» развязке «Медеи» у великого стагирита находится претензия: «...Очевидно, что и развязки сказаний должны вытекать из самих сказаний, а не с помощью машины, как в "Медее"» (Аристотель, «Поэтика», 15, 38-39). Речь здесь идёт о финальной сцене трагедии, где Медея, «нелогично» убив своих сыновей, улетает на волшебной колеснице: зачем было детей-то губить, если их можно было с собой увезти?!

В результате рассмотренных примеров мы установили следующее. Из двух известных нам случаев эволюции характера в эпосе один относится к фигуре богоробуца в литературно обработанном аккадском (а не в послужившем исходным материалом архаическом шумерском) эпосе, другой – к поздней (с точки зрения греческой эпической традиции) авторской поэме, и оба подтверждают правило: эпическим героям развитие характера не свойственно. Более того, мы убедились, что и трагическим героям по классическим представлениям не положено меняться! Карна, таким образом, опережает большинство своих «коллег по жанру» не на эпоху, а на целых две. Подчеркнём, что речь здесь идёт не просто об одном из абстрактных признаков, выделяющих Карну из ряда эпических героев. Данное обстоятельство несёт серьёзную функциональную нагрузку: не что иное, как эволюция характера Карны приводит его к несоответствию роли злодея-антагониста благородных Пандавов. Если в начальных книгах Мбх Карна мало чем уступает Хагену (ПН), являясь образцовым клеветником Дурьюодханы, то за месяц до битвы (примерно, с середины «Удьёогапарвы») задор циничного интригана сменяется у нашего героя раскаянием в излишней жестокости по отношению к Пандавам. Таким образом, именно преображение Карны, который меняет своё отношение к конфликту Пандавов с Кауравами, но не может отказаться от принятых ранее обязательств, делает его трагической фигурой.

«Нет человека праведного на земле, который
делал бы добро и не грешил бы...»

Книга Екклезиаста

Часть VII. Трагический герой эпоса

45. Апология Карны

Центральным событием Мбх является кульминация вражды Кауравов и Пандавов – битва на Курукшетре. В результате, как мы знаем, происходит почти полное взаимное истребление сторон. Кто виноват в чудовишной бойне? Этот вопрос имеет непосредственное отношение к образу Карны, так как роль злодея, ставившего две группы принцев, обе стороны неоднократно приписывали именно ему. Кого ещё обвиняет сказание или отдельные персонажи?

Уже после окончания битвы к этой теме возвращается Гандхари, и неудивительно: несчастная царица потеряла не только братьев, племянников и единственного зятя, но и всех своих сыновей и внуков! Начинает свои причитания Гандхари со стандартного обвинения (Мбх XI, 13): «Погибель роду Куру пришла из-за преступлений, совершённых Дурьюодханой, Шакуни, ...Карной и Духшасаной». В списке зачинщиков войны оказываются два сына царицы и её брат. Единственный «чужак» – Карна, но свалить всю вину на него Гандхари не может, ведь преданный Карна всегда действовал в интересах Дурьюодханы. Именно поэтому на обвинении четверых «обычных подозреваемых» Гандхари не останавливается, для обезумевшей от горя женщины естественно искать виновных вне круга своих родичей (Мбх XI, 25, 35-38): «Скорбь по сыновьям (вновь) обуяла её, гнев переполнил тело, и в смятении чувств Гандхари принялась обвинять Шаури» (Кришну – А. И.): «Сыны Панду и сыны Дхритараштры испепелили друг друга, о Кришна, почему же ты, когда они убивали друг друга, попустил этому?.. Обладая многочисленными сторонниками и большим войском, (обладая) одновременно и даром убеждения, и знанием священных текстов, – ты был в силах (предотвратить это). Но ты *сознательно* попустил гибели рода Куру, –поэтому именно тебе придётся вкусить плод этого!..» (курсив наш – А. И.).

Итак, по мысли Гандхари, дело даже не в недостаточных усилиях Кришны – он преследовал определённую цель, и бойня входила в его планы! За чудовишное преступление Гандхари призывает на голову Кришны не менее страшную расплату – истребление им самим всего своего рода. Кришна, совершенно не встревоженный

(вспомним, как боялись проклятия праведной Гандхари победители-Пандавы: Бхимасену просто трясло от страха), тем не менее чувствует себя задетым и опускается до пререканий с убитой горем женщиной (*Мбх XI, 26, 1-3*): «Восстань, восстань, Гандхари, не предавайся скорби. Ведь это по твоей вине истреблены Кауравы! Ибо ты всем предпочитаешь своего сына, глубоко порочного, завистливого, обуянного безмерной гордыней Дурьйодхану... зачём же ты собственную вину хочешь переложить на меня!» Кришна заходит ещё дальше, пытаясь доказать безутешной матери неизбежность её потери (*Мбх XI, 26, 5*): «Такая... как ты, царевна (рождает сына) для (грядущей) смерти в битве».

Что мы узнали из перебранки Кришны с Гандхари? Во-первых, потакание Гандхари сыну никак не исключает «вклада» Кришны в разжигание конфликта. Во-вторых, если Кришна снисходит до трюизмов вроде того, что удел кшатрийки – потерять сыновей в битве, значит, более серьёзных аргументов у него нет. Далее, в ответ на проклятие Гандхари, обрекающее гибели весь его род, Кришна говорит, что и сам это знает! Создаётся впечатление, что в своём обвинении Гандхари права. Разумеется, трудно ожидать объективности от потерявшей сыновей и внуков старой царицы, но она не единственная, кто обвиняет Кришну.

Когда подвижник Утанка узнал, что Кришна не предотвратил войны, «Утанка, обуянный великим гневом, так что глаза его стали огромны от ярости», сказал (*Мбх XIV, 52*): «Оттого что ты, Кришна, мог (спасти), но не спас Куру и Пандавов, любимых твоих родичей, я прокляну тебя!. Из-за тебя, который мог спасти (их), ...пришли к погибели лучшие среди куру!»

Конечно, изошрённый софист Кришна берёт верх и в полемике со старым отшельником, избегая его проклятия. Тем не менее, сам факт обвинения Кришны представляется очень любопытным: ведь именно ему Пандавы доверили наиболее ответственную роль парламентаря, сделавшего последнюю попытку избежать войны. Кто же прав в этом споре, Кришна или его оппоненты? Для ответа на этот вопрос нам придётся подробно рассмотреть подготовку к последнему раунду переговоров.

Когда Кришна совещается с Пандавами перед отъездом к Дхритараштре, Юдхиштхира, Араджуна, Накула и даже Бхимасена единодушно инструктируют его добиваться мира. Неожиданно выясняется, что сам будущий парламентар настроен не слишком миролюбиво. Для начала он пытается раззадорить Бхимасену: «Увы, ты, подобно евнуху, не обнаруживаешь никаких признаков мужественности у себя!» (*Мбх V, 73, 17*). Но даже самые резкие выражения («Такое состояние твоего разума так же чуждо тебе, как членораздельная речь скотам!») не действуют на Бхиму, и обычно запальчивый богатырь поддерживает мирную инициативу старшего брата. Хитрый Кришна отступает, делая вид, что просто хотел проверить Бхимасену (*Мбх V, 75, 1*): «Желая узнать твоё настроение, из расположения (к

тебе) я говорил это, а не порицания ради...» Кришна почти проговаривается (*Мбх V, 75*): «Если Кауравы пойдут на примирение, тогда слава моя будет беспредельна, а желание *ваше* будет осуществлено» (курсив наш – А. И.). Похоже, что примирение – желание Пандавов, от которого Кришна дистанцируется. Это отметил даже благоговейший перед Кришной Арджуна (*Мбх V, 76*): «...Ты считаешь, что... (примирение) является с самого начала безнадежным». В этот момент Кришна, чтобы доказать, что он и сам желает мира, но помочь бессилён, в качестве *ultima ratio* ссылается на необоримую судьбу (*Мбх V, 77*): «...Никаким образом не в состоянии я направлять действия, зависящие от судьбы». Можно полагать, что божественный Кришна лукавит, и его возможности вмешательства в ход событий больше, чем он готов признать (вспомним воскрешение мёртвого младенца Парикшита).

Итак, Кришна не хочет мира, но ему нужна поддержка, то есть раскол в лагере Пандавов. И он эту поддержку находит. Самый младший из братьев Сахадева, обращаясь к Кришне и сделав ритуальный реверанс в сторону Царя справедливости, проявляет боевой задор (*Мбх V, 79, 1-4*): «То, что сказано царём, есть вечный закон. Но тебе следует действовать именно таким образом, ...чтобы началась война. И если даже Кауравы предпочтут мир с Пандавами, то и тогда ...ты должен вызвать войну с ними. Ведь я видел царевну Панчалы, когда её привели в собрание в столь плачевном виде. Как же может после этого успокоиться мой гнев, вызванный Суйодханой, пока он не будет убит? Если Бхима и Арджуна, о Кришна, и Царь справедливости склонны следовать добродетели, пренебрегая справедливостью, то я сам желаю сразиться с ним» (Дурьйодханой – А. И.) «в битве!» Кришна прощитался с Бхимасеной, но ситуацию исправила зажигательная речь Сахадевы: его поддерживает воинственный Ююдхана, а за ним – все воины, присутствующие на совещании. После этого и Драупади говорит, что по отношению к Кауравам «не следует... проявлять милосердие», и даже приводит этическое обоснование (*Мбх V, 80*): «Каким было бы грехом предавать убиению незаслуживающего смерти, ...таким же точно (грехом) считается и неубиение того, кто заслуживает смерти...» Кришна, который, кажется, только этого и ждал, с милой готовностью отвечает невестке (*Мбх V, 80, 49*): «Скоро ты увидишь врагов мужей твоих убитыми, а самих супругов преисполненными благоденствия!» Драупади не единственная женщина, вдохновляющая Пандавов на битву. На обратном пути Кришны с переговоров даже престарелая Кунти передаёт сыновьям, что они должны сражаться.

Кришна, вне сомнения, способен единолично ликвидировать угрозу войны. Для этого ему достаточно раскрыть Юдхиштхире тайну его старшего брата. Даже если, получив трон от Юдхиштхиры, Карна передаст его Дурьйодхане, война уже будет невозможна, ведь Царь справедливости готов довольствоваться пятью деревнями. Единственное объяснение нежелания Кришны раскрыть Пандавам тайну Карны состоит в том, что Кришна – сторонник войны.

При ближайшем рассмотрении список приложивших руку к развязыванию войны разрастается неимоверно. «Вклад» Дхритараштры и Гандхари, потворствовавших старшему принцу, очевиден («Покорный слову своих сыновей, ты сам вызвал эту лютую вражду», – обличает старого царя его конфидент Санджая). Почтенный Бхишма и благочестивые наставники Дрона и Крипа не использовали своего влияния, чтобы остановить игру в кости, и не защитили Драупади от оскорблений: «Любимую супругу Пандавов – Драупади, овеянную доброй славой и отмеченную хорошим нравом и поведением, те отпрыски рода Куру во главе с Бхишмой оставили без участия... Она взывала к состраданию, но не нашла ни одного защитника...» Дело не только в том, что старейшины не заступились за поруганную честь Драупади; праведный Баларама обвиняет их в попустительстве игре и в самом изгнании Пандавов (*Мбх III, 119*): «Как могут пребывать в довольстве Бхишма, брахман Крипа, Дрона и Дхритараштра, старший царь рода, когда (они) изгнали Партхов! Позор грешным помыслами старейшинам бхаратов!» Более того, и в предыдущих кознях против Пандавов общественное мнение винит глав рода Куру (*Мбх I, 192, 6-7*): «И так как о Кунти раньше было слышно, что она сгорела вместе со (своими) сыновьями (в смоляном доме), цари все... предали тогда позору Бхишму и Дхритараштру из рода Куру за позорное преступление...»

Кроме того, пусть на словах престарелые герои и не хотят войны, но сами тоже не прочь явить молодецкую удадь (*Мбх VII, 101, 69*): «С седыми волосами до самых ушей... в возрасте, перевалившем за восемьдесят лет, почтенный Дрона рыскал в битве, словно шестнадцатилетний отрок». Если появление Бхишмы, Дроны и Крипы на Курукшетре можно с некоторой натяжкой объяснить выполнением обязательств, то зачем бы миролюбивым старцам понадобился поход на матсьев? Ответ очевиден – им охота повоевать. Перед битвой на Курукшетре Бхишма и Дрона похваляются своей доблестью и будущими подвигами не меньше, чем постоянно обвиняемый в хвостовстве Карна. Даже старший брат Кришны подвижник Баларама удаляется в паломничество не из-за неприятия войны, а из-за нежелания примкнуть к какой-либо из сторон. Вернувшись, он с упоением наблюдает за схваткой Бхимасены и Дурьйодханы. Кстати, Баларама считал, что часть вины за разжигание конфликта лежит на Юдхиштхире – не надо было ввязываться в игру с шулером! В результате подробного рассмотрения ряда последовательных и принципиальных сторонников мира, как мы видим, тают. Против войны выступают, кажется, только Вьяса и Видура. Но божественный Вьяса осведомлен о предначертанности войны не хуже Кришны, и, не собираясь войну предотвращать, только загодя заботится о пополнении арсенала Арджуны.

Итак, опытный интриган Кришна оказывается могущественным и последовательным лоббистом войны в стане Пандавов, то есть его роль сродни роли Карны среди Кауравов. Тем не менее, в действиях двух ястребов есть существенные

различия. Прежде всего, возможности Кришны неизмеримо больше. Кроме того, Карна действует совершенно открыто, тогда как Кришна остаётся в тени. Далее, в основе действий Карны лежат не только его персональные эмоции и убеждения, но и обязательства перед Дурьюодханой, тогда как Кришна лишён обязательств перед людьми и действует по открытому ему божественному плану. Наконец, Карна придерживается моральных принципов, тогда как Кришна таких принципов лишён [когда Кришна софистически оправдывает убийство Дурьюодханы, даже его старший брат негодует по поводу противоречащих дхарме рассуждений Кришны (Мбх IX, 59, 22)]. Неудивительно, что, узнав об игре в кости, Кришна «выразил одобрение состязанию и следил за игрой и за другими страшными и дерзкими плутнями. Не обращая внимания на Видауру, Бхишму, Дрону и Крипу... он (побудил) кшатриев уничтожить друг друга в жестокой битве» (Мбх I, 1, 93-94) (курсив наш – А. И.). Интересно, что, навещая изгнанных Пандавов в лесу, Кришна оправдывается: он, дескать, не знал об игре из-за отлучки; узнай он о коварных планах Кауравов загодя, заставил бы Дхритараштру отменить игру (Мбх III, 14, 1-17). В действительности, как показано выше, игра и неизбежная распря входили в планы всевидящего Кришны.

При этом как раз свои земные обязательства Кришна, как мы убедились, готов беззастенчиво игнорировать: ведь Юдхиштхира очень чётко выразил своё стремление к миру практически любой ценой. Именно божественный сценарий ставит коварный Кришна во главу угла, а вовсе не земные интересы доверившихся ему Пандавов. Даже преданная дружба с Арджуной отходит на второй план: вспомним хладнокровное отношение Кришны к гибели юного сына Арджуны (и племянника самого Кришны) доблестного Абхиманью. Ещё более откровенная сцена происходит после убийства Карной с помощью вошебного дротика сына Бхимасены и Хидимбы, преданного Пандавам могучего ракшаса Гхатоткачи (Мбх VII, 155, 1-3): «Увидев сына Хидимбы убитым... Пандавы все глубоко опечалились... Только Васудева, охваченный великой радостью... принялся плясать, исполненный восторга...» На замечание Арджуны о непристойности такого поведения Кришна откровенно отвечает, что главное – обезвреживание страшного дротика Карны «на Гхатоткаче». В своё оправдание Кришна добавляет, что Гхатоткача был убит в соответствии с его (Кришны) замыслом, так как заслуживал смерти (Мбх VII, 156): «Ведь сей ракшас был ненавистником брахманов... он был нарушителем закона и нечестивым душою». В том, что гибель Гхатоткачи входила в план Кришны, можно не сомневаться. Но справедливо ли обвинение Кришны? Со слов нейтрального рассказчика Мбх Вайшампаяны создаётся другой образ могучего, бесстрашного и беззаветно преданного Пандавам сына Бхимасены. Гхатоткача является на помощь Пандавам с Драупади и сопровождающим их брахманам, когда во время лесных скитаний в отсутствие Арджуны ими овладевают паника

и отчаяние (*Мбх III, 144, 25*): «...Добродетельный Гхатоткача, едва отец вспомнил о нём, тут же явился с покорно сложенными ладонями, приветствуя Пандавов и брахманов», и перенёс их в безопасное место. А вот как благосклонно отзывается о Гхатоткаче шепетильный в вопросах дхармы Царь справедливости (*Мбх III, 145, 1*): «...Могучий герой, знаток дхармы, твой, о Бхима, родной сын, преданный нам...» Очевидно, сын Бхимасены, доблестно павший за Пандавов на Курукшетре, вовсе не злодей и нечестивец, каким в своих целях изображает его Кришна, и на гибель он обречён не из-за прегрешений, а для исполнения плана того же Кришны. Об этом недвусмысленно говорит старый царь (*Мбх VII, 157, 8*): «Подобно тому, как при схватке между кабаном и собакой, когда гибнет один из них, выгода остаётся за охотником-чандалом, ...выгода осталась на стороне Васудевы от битвы между Карной и сыном Хидимбы!»

Итак, Кришна цинично преследует свою цель, не останавливаясь перед гибелью детей своих ближайших друзей. Что уж говорить о гибели панчалов! Для божественного интригана Кришны Пандавы – не более, чем орудие выполнения небесного плана, а их родственники – и вовсе пушечное мясо. Судя по словам Дурьйодханы, Кауравы прекрасно понимают, кто разжигает вражду Пандавов к ним (*Мбх V, 54, 8*): «Пандавы не будут придерживаться соглашения... ибо Васудева желает полного нашего истребления». Подводя итоги через пятнадцать лет после битвы, престарелый Дхритараштра отрешённо замечает (*Мбх XV, 5*): «...(Кришна) Джанардана, ...наблюдая гибель всех царей, счёл это высочайшим благом».

Вернёмся к роли Карны в конфликте. Возможно, с какого-то момента Карна действует уже не столько из ненависти к Пандавам, сколько из-за обязательств перед Дурьйодханой. Войны он больше не разжигает, но она и так неизбежна, раз за дело взялся Кришна. Трагический парадокс состоит в том, что прозревший Карна сражается ради Дурьйодханы, а Дурьйодхана отказывается от примирения, в том числе, ради итоговой схватки Карны с Араджуной.

Подведём итог. Карна не является зачинщиком розни – это роль Дурьйодханы. Оскорбление Драупади, оправдывающее месть Пандавов, нанесено не Карной (он только злорадствовал), а Дурьйодханой и Духшасаной, которые за это и заплатились. Пандавы (периодически) настроены мстить, а злопамятная Драупади и праведная Кунти их подзуживают. Карна тоже открыто желал войны, и в этом качестве являлся частью неизвестного ему плана небожителей, но он не был ни единственным, ни самым влиятельным сторонником конфликта: все нити интриги находились в руках божественного Кришны, толкавшего Пандавов на путь братоубийственной войны во исполнение замысла богов. У аудитории не остаётся в этом ни малейшего сомнения, когда само сказание в одной из завершающих книг сообщает устами Вьясы, что Кришна «облегчил ношу земли, освободив весь мир».

46. Жертва божественного замысла

Мы неоднократно упоминали план небожителей, частью которого является вражда Пандавов и Кауравов и который предопределил судьбу Карны. Пришла пора изложить этот план, как он представлен в Мбх, и рассмотреть в нём роль нашего героя. Из «Адипарвы» мы узнаём о завязке событий и причинах, подвигнувших богов на жестокий план. Так выглядит исходная проблема (Мбх I, 58, 25-34): «Меж тем, как благоденствовал род человеческий... асуры стали рождаться в роду у царей!.. Дайтьи, многократно побеждённые в бою адитьями и лишённые могущества, стали воплощаться здесь на земле. Хитрые асуры, желая владычества здесь среди людей, стали рождаться на земле среди тех или иных существ... И благодаря уже родившимся (существам)... и тем, которые рождались, земля эта не в состоянии была удерживать себя. Потом некоторые из сыновей Дити и Дану, лишившиеся неба, родились здесь царями, наделёнными могуществом. Принимая различные облики, они, сильные и наглые, способные сокрушать богов, наводнили эту землю до самых границ океана. При помощи своей силы они стали притеснять брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр... Приводя в трепет и убивая... они... распространились всюду по земле. Безбожные, гордые своей силой и опьянённые великой спесью, они оскорбляли всюду даже великих риши, находившихся в своих обителях».

(35-44): «И эта земля, так угнетаемая могучими асурами, наделёнными силой и мощью, ...прибегла к Брахме. Ибо эту землю, через силу обременённую данавами, ...не могли поддерживать воздух, слоны и горы. И эта земля, ...страдающая от бремени и мучаясь от страха, пришла за защитой к богу, прародителю всех существ. ...И сказал... той земле... творец и властитель всех существ: "Дело, ради которого ты пришла ко мне, о носительница сокровищ, я поручу всем небожителям"».

(45-47): «Сказав так земле и отпустив её, ...бог Брахма... сам повелел тогда всем премудрым, сказав: "Дабы снять бремя с земли, воплотитесь на ней каждый отдельными частями для обуздания (асуров)". И собрав также сонмы гандахарвов и апсар, сказал им всем владыка такие превосходные слова: "По своему желанию воплотитесь среди людей..."» Итак, проблема сформулирована и представлена на рассмотрение Брахмы. Владыка всего сущего поручает богам принять меры. Кто именно отвечает за воплощение плана?

(48-51): «И (боги) все с Индрой во главе, услышав слово владыки богов... вняли тогда ему. Затем все они, ожидая подходящего времени, чтобы сойти на землю, ...пришли к Нараяне, губителю врагов, к Вайкунтхе...» (Вишну – А. И.). «И для очищения земли сказал Индра тому (богу)...: "Ради очищения мира воплотись одной из своих частиц". И Хари сказал ему в ответ: «Хорошо!»».

Учитывая, что Хари – эпитет Вишну-Нараяны, а Кришна является аватарой Вишну и воплощением Нараяны, мы можем заключить, что из главных действующих лиц Мбх именно Кришна: а) полностью осведомлён о божественном плане по массовому истреблению кшатриев, в которых воплотились демоны; б) очевидно, отвечает за исполнение этого плана на земле (см. предыдущий раздел); в) пользуясь непререкаемым авторитетом и полным доверием Пандавов, может направлять их действия. Теперь нам остаётся установить, каков конкретный механизм выполнения плана богов, то есть какие земные события, в соответствии с планом, должны произойти.

Яма говорит Арджуне (*Мбх III, 48*): «...Прежде был ты могущественным святым мудрецом по имени Нара... Только повинуясь воле Брахмы ты... явился среди смертных. Тебе, о потомок Куру, суждено истребить жгучих, как пламя, кшатриев, подначальных сыну Бхарадваджи» (Дроне – А. И.), «и многомоуных данавов, принявших человеческое воплощение...» У Арджуны не должно быть сомнений в том, от кого исходит задание, после слов Индры (*Мбх III, 42*): «Величайшее дело, дело богов предстоит исполнить тебе...»

Итак, одну сторону затеваемого богами кровавого конфликта представляют Пандавы с Арджуной – своим главным воителем – во главе. Нетрудно догадаться, кому боги уготовили роль антагонистов доблестных Пандавов. Вот как всеведущий божественный мудрец Вьяса рассказывает своему царственному сыну Дхритараштре о плане богов и о роли, отведённой в этом плане Кауравам, точнее, их вражде с Пандавами (*Мбх XI, 8*): «Ведь ты сам свидетель тому, как по воле Времени возникла эта вражда, ...сын же твой был избран (к этому) орудием. ...Ведь великий духом, всезнающий Видура не жалел усилий, чтобы (сохранить) мир... Но стези, что начертана судьбой, никто из живущих изменить не в силах. ...Я сам слушал, как боги решали, что делать...» Далее Вьяса раскрывает важные детали замысла богов (*Мбх XI, 8, 21-22*): «...Я видел, как Земля... предстала перед (сонмом) богов» и «молвила собравшимся богам: "То, что вам надлежит сделать, вы сами, наделённые великой долей, прежде, в обители Брахмы, пообещали. Так скорей же исполните это!"»

(23-25): «Эти её слова услышав, чтимый всем миром Вишну улыбнулся и так обратился к Земле в собрании богов: "Из сотни сыновей Дхритараштры старшего зовут Дурьодханой; он и совершит для тебя это дело. ...Из-за него (цари-) защитники земли сойдутся на Поле Куру и, разя железным оружием, истребят друг друга. В той битве и сгинет твоя тяжкая ноша, о богиня!"» Итак, небесным автором сценария, который должен реализоваться в эпическом простанстве Мбх, является Вишну. Естественно, что на земле этот план исполняется усилиями Кришны – земного воплощения Вишну.

Боги не ограничились общей стратегией и, чтобы не пускать события на самотёк, позаботились также о множестве важных деталей. Напомним, о чём идёт речь.

Драупади уже при рождении судьбой назначено стать в будущем мишенью оскорблений, которые сделают примирение Пандавов с Кауравами невозможным и приведут к войне. Боевые действия также должны идти по плану: Дхриштадьумна появляется на свет ради сокрушения Дроны, Шикхандин предназначен судьбой для убийства Бхишмы, Гхатоткача – для отвращения волшебного копья от Арджуны.

Все эти части плана необходимы, но недостаточны для его реализации. Кауравам требуется иметь на своей стороне яростного противника Пандавов, являющегося, к тому же, неодолимым героем. Он должен на протяжении многих лет разжигать вражду между двоюродными братьями, одновременно своей доблестью вселяя в Кауравов уверенность в их безнаказанности. Об уникальной роли Карны Юдхиштхире поведал божественный риши Нарада (*Мбх XII, 2*): «Для того, чтобы множество кшатриев отправились на небеса, Кунти в её девичестве был зачат младенец, способный развязать всеобщую войну». Обстоятельства рождения Карны направили дальнейшую судьбу героя в русло, необходимое богам. Утратив свой социальный статус, но сохранив и развив задатки выдающегося воина, Карна с детства испытывает зависть и ненависть к блистательным принцам и всеобщим любимцам Пандавам и, естественно, примыкает к лагерю их недруга Дурьйодханы. А представление Карны о чести и накопившиеся обиды исключают его примирение с братьями и переход на их сторону.

Как мы знаем, план был безупречно воплощён в жизнь. По окончании битвы на Курукшетре Юдхиштхира подводит мрачный итог (*Мбх XI, 26, 9-10*): «Один миллиард шестьсот шестьдесят миллионов и двадцать тысяч человек пало в той царской битве. В живых осталось двадцать четыре тысячи сто шестьдесят пять героев!» Боги могли быть довольны.

47. Благородство поражения

Подводя итог нашим разысканиям, можно заключить, что трагическим героем Карну в значительной степени делает бескомпромиссное следование законам чести, о приверженности которым он сам охотно напоминает, например, в беседе с Кришной (*Мбх V, 139, 18*): «Если я не выйду теперь на единоборство с Савьясачином, то это принесёт бесславие нам обоим, о Хришикеша, и мне, и Партхе!» Что же в этом удивительного, спросит читатель, если все известные нам эпические герои донельзя трепетно относятся к собственной чести? Карна отличается от других героев тем, что распространяет строгие этические нормы далеко за обычные для эпоса пределы: вспомним его нежную привязанность к приёмной семье или нежелание поступиться принципами даже по подсказке богов.

В заключение нам остаётся рассмотреть два вопроса: 1. Как благородному герою эпоса могла достаться неприглядная роль злодея; 2. Насколько трагические черты образа Карны необходимы для выполнения этой роли.

При рассмотрении первого вопроса следует принять во внимание, что классический эпос часто формировался в результате циклизации разрозненных архаических сказаний. В результате такого процесса в поход на Трои, как он представлен в Ил, «оказались вовлечёнными все сколько-нибудь значительные цари и вожди, относимые мифологической хронологией к одному и тому же поколению» (В.Н. Ярхо, «Одиссея», 2000, с. 291). В качестве примеров таких «привлечённых» вождей В.Н. Ярхо называет Одиссея, местного героя запада Средней Греции ещё в догреческие времена, и фессалийца Ахилла, которого эпос не только присоединил к вождям Пелопоннеса, но и произвёл в главные герои. Аналогично, Ростем из древних сакских сказаний введен в цикл о Кейянидах и стал главным героем персидского эпоса. По мнению А.Ф. Лосева, древнее сказание об Одиссее «было только аналогией авантюрно-сказочной мифологии аргонавтов», а сам герой был скорее хитрецом и пройдохой, чем витязем вроде Диомеда или Аяксов. Отзвук войны в мотиве «возвращения на родину... сразу преобразил первоначальный сказочно-авантюрный примитив» (А.Ф. Лосев, 2006, с. 137). В троянском цикле герой вынужден заниматься несвойственными ему ратными подвигами, но исходный материал даёт себя знать – Одиссей и на берегах Скамандра проявляет больше хитрости, чем доблести, и даже слышит укоры в трусости от Диомеда:

«Что ты бежишь, обращая хребет, как в толпе, малодушный?»

(Ил VIII, 94).

Меняется узкая «специализация» (авантюрист – военный вождь), но не амплуа: Одиссей остаётся благородным героем. В результате, некоторое несоответствие природы героя предъявляемым ему требованиям не выглядит неразрешимым и не делает судьбу Одиссея трагической.

Итак, в составе классического эпоса исходный материал древних сказаний может подвергаться существенному редактированию для приведения в соответствие новым эстетическим и композиционным задачам. В результате возможна трансформация древних сюжетов и изменение амплуа героев, некоторые из которых оттесняются на второй план или в стан врага. Подобный процесс прослежен В.Я. Проппом на примере РГЭ. Наиболее архаичные русские былины «догосударственного» эпоса – это в основном сказания о богатырском сватовстве, где герой добывает невесту (Дунай) или возвращает похищенную жену (Михайло Потык). Позже древние былины были включены в новый чисто воинский киевский цикл, и вполне легитимная для архаики матримониальная тема потеряла свою привлекательность. В результате богатырь Дунай, сватающийся к литовской королевне, с точки зрения новой идеологии оказывается предателем (не должно православно-

му витязю жениться на «поганой»!), а заодно уж и негодяем (убивает беременную жену), которого ждёт расплата: он кончает жизнь самоубийством. Самым ярким примером такого рода является трансформация образа Хёгни/Хагена: Хёгни древней песни, благородный брат короля Гуннара, противится убийству их побратима Сигурда (СЭ), тогда как в более позднем эпосе вассал короля Гунтера Хаген уже показан законченным злодеем, собственноручно убивающим Зигфрида (ПН). Возможно, так менялся и образ Карны, заимствованный в качестве «поэтического реквизита» для нужд великой эпопеи из архаических песней, где он мог быть безусловно благородным героем. В результате из подручного материала лепится необходимый новому сказанию злодей протагонистов-Пандавов, хотя сохранившиеся черты и элементы биографии указывают на «генетическое» благородство Карны. В новом контексте акцентирование темы оскорбления Карной Драупади (ср. убийство Дунаем жены) используется, чтобы подчеркнуть его амплуа злодея и оправдать расплату – по крайней мере, в земной жизни.

Дополнительные соображения о генезисе образа Карны можно почерпнуть, рассмотрев сюжет о враждующих братьях – Карне и Арджуне. Пары братьев (хороший/дурной) характерны для фольклора первобытных народов и исходно представлены парами культурных героев: Прометей/Эпиметей, Один/Локи, Сослан/Сьдрон. В такой паре именно хороший брат: а) является объектом ненависти и козней злого брата или группы братьев (Осирис; Авель и Иосиф Быг; Иредж и Ростем ШН; Давид ДС; Сосруко/Сослан нартского эпоса; Мауи – полинезийского); б) часто характеризуется чудесным рождением (Ростем, Давид) и матрилинейной семьёй (Сослан рождён из камня, воспитан матерью – Сатаной); в) растёт подкидышем (Давид) вдали от матери и братьев (Мауи); г) неуязвим (тело Сослана булатное; Сосруко закалён в волчьем молоке); д) происками злого брата или родичей лишается неуязвимости и гибнет (нарги перебивают Сосруко колени – единственное уязвимое место; в осегинском варианте злой брат Сьдрон выведывает уязвимое место благородного брата Сослана); е) гибнет по навету неверной жены своего брата (египетская сказка «Два брата»). Как видим, из двух братьев-соперников именно Карна имеет наибольшее число реликтовых черт благородного брата: его семья матрилинейна; он брошен матерью и подвергается травле братьями; неуязвим; происками родича лишается неуязвимости; ненавидим женой Пандавов; гибнет от руки брата. Итак, приложение мотива братьев-соперников к отношениям Карна/Арджуна даёт дополнительный довод в пользу «исконного» благородства Карны в архаическом эпосе.

Теперь рассмотрим вопрос о связи трагических черт Карны с амплуа злодея.

Исполняя уготованную ему роль, то есть сеять раздор между Пандавами и Кауравами, Карна в состоянии единственным способом – организовать гонения на миролюбивых (пусть порой и вспыльчивых) Пандавов, так как заставить спра-

ведических Пандавов обижать Кауравов просто невозможно. Это значит, что выполнить своё предназначение «сеятеля» раздора Карна может, только объединившись с Кауравами против Пандавов, но не наоборот. Итак, союз Карны с силами зла запланирован, и герой обречён творить мелкие гадости и крупные злодеяния: таково объективное содержание небесной интриги. Что касается субъективных ощущений Карны, то его оценка собственной жизни и судьбы сводится к следующему. С одной стороны, в беседе с Кришной Карна отмечает, что была в его жизни и счастливая пора (*Мбх V, 139*): «Благодаря поддержке Дурьйодханы из рода Дхритараштры, о Кришна, я в течение тринадцати лет наслаждался царством, свободным от терний (на моём пути)». С другой стороны, в целом, Карна, очевидно, не считает свою долю счастливой и обвиняет в своей исковерканной жизни Кунти (*Мбх V, 144*): «...Ты совершила против меня величайший грех, который оказался губителен для *успехов моих и славы*» (курсив наш – А. И.). Кроме того, не следует забывать, что в *Мбх* судьба осуществляется не прямым вмешательством богов в земные события, как в *Ил*, а посредством действий героев. Поэтому совершенно справедливо замечание П.А. Гринцера о том, что «не одна судьба, но также собственный нравственный выбор сделал Карну противником Пандавов» (*Гринцер, 1974, с. 322*). Судя по адресованным Карне словам Бхишмы, такова и позиция сказания (*Мбх VI, 124*): «Из-за твоей гордости и дружбы с нечестивыми твоё сердце возненавидело достойных!» С мнением Бхишмы согласуется сентенция всеведущего Нарады о том, что юный Карна подружился с Дурьйодханой, ведомый собственной натурой (*Мбх XII, 2*). Да и сам Карна прекрасно помнит не только о своём праве выбирать, но и об ответственности за сделанный выбор. В результате он разрывается между раскаянием в жестокости по отношению к Пандавам и ненавистью к ним же, которую не может побороть.

Итак, несмотря на благородство и приверженность долгу, Карна не «поэпически» несчастен; так несчастен может быть только мятущийся трагический герой. Но почему в качестве сеятеля раздора нельзя было привлечь какого-нибудь не вызывающего сочувствия злодея, вроде Ганелона или Шегада, а то и удовольствоваться услугами Шакуни? Зачем для раздувания вражды между принцами Лунной династии понадобился благородный, более того, трагический герой? Можно думать, что «менее трагической» фигурой сказанию было не обойтись, и вот почему.

По замыслу богов на Карну обрушиваются невзгоды, причём, вопиющая несправедливость плана небожителей многократно усиливает впечатление его трагизма и обречённости. Нужды нет, что благородный и благочестивый Карна своей тяжкой доли явно не заслужил. Именно его благородство делает нашего героя идеальным инструментом неизвестного ему жестокого плана богов. Прежде всего, как было отмечено ранее, действия благородного человека легко прогнози-

ровать: он не ловчит, но следует дхарме. Далее, после того, как Карна «запускает» конфликт, именно его благородство гарантирует, что никакие перемены обстоятельств не заставят героя бросить приёмную семью и старых друзей и перейти на сторону Пандавов (это отменило бы бойню и сорвало план богов). Наконец, в разгар битвы Карна делается не нужен, более того – опасен, и теперь от выполнившего своё предназначение неодолимого героя необходимо избавиться. И эта проблема получает остроумное решение: в единоборстве с менее шепетильным Арджуной ничто иное, как собственное благородство обрекает Карну на поражение. Можно видеть, что трагические черты образа Карны не являются случайным обстоятельством, введённым в эпос по прихоти сказителя. Напротив, свойства, делающие Карну трагическим героем, необходимы для выполнения предназначенной ему роли. Вся жизнь Карны протекает по канонам трагического, блестяще сформулированным А.Ф. Лосевым: «...Будем понимать под трагическим такую жизненную ситуацию, которая создаётся благодаря невозможности... надличных сил реализоваться в человеческой жизни без... катастрофы. ...Для трагедии необходимо то или иное надиндивидуальное... начало» (в случае Карны – это план богов – А. И.), «которое... в результате своего ... неотвратимого развития разрушает... индивидуальность...» (А.Ф. Лосев, 2006, с 225). Карна, доля которого определена ещё до его зачатия, принесён богами в жертву их замыслам, но это только канва его трагической судьбы. По-настоящему трагическим героем Карну делает его собственный нравственный выбор.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Арг – «Аргонавтика»
ДС – «Давид Сасунский»
Ил – «Илиада»
Мбх – «Махабхарата»
ОВВ – «О всё выдавшем»
Од – «Одиссея»
ПН – «Песнь о Нибелунгах»
ПР – «Песнь о Роланде»
РВ – «Ригведа»
РГЭ – былины русского героического эпоса
Рм – «Рамаяна»
СУ – «Саги об Уладах»
СЭ – «Старшая Эдда»
ШН – «Шахнаме»
Эн – «Энеида»

КАЛЕНДАРЬ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ БИТВЫ НА КУРУКШЕТРЕ

- 26 октября* – 4 ноября (1-й – 10-й дни битвы) – войско Кауравов возглавляет Бхишма
26 октября (1-й день) – сын Дхритараштры Юютсу переходит к Пандавам
3 ноября (9-й день) – Юдхиштхира выведывает у Бхишмы, как его погубить
4 ноября (10-й день) – смертельно ранен Бхишма
5-9 ноября (11-й – 15-й дни битвы) – войско Кауравов возглавляет Дрона
6 ноября (12-й день) – Арджуна убивает трёх братьев Карны
7 ноября (13-й день) – гибель Абхиманью
8 ноября (14-й день) – Карна побеждает Бхимасену и дарит ему жизнь

*Определение дат битвы на Курукшетре. Бхишма, смертельно раненный на десятый день битвы, использует полученный от отца магический дар, чтобы отсрочить свою смерть на 48 дней до поворота солнца «на северный путь» (так он избавится от последующих перерождений), то есть до дня зимнего солнцестояния – 22 декабря. Отняв 48 дней от 22 декабря, получим 4 ноября – дату смертельного ранения Бхишмы и десятый день битвы. Таким образом, первым днём битвы было 26 октября, а последним (восемнадцатым) – 12 ноября.

- гибель Бхуришраваса
- схватка Карны с Арджуной и отступление Карны
- схватка Карны с Сатьяки и отступление Карны
- бахвальство Карны и его поражение в схватке с Арджуной
- Карна побеждает Сахадеву и дарит ему жизнь
- в ночной битве Карна убивает Гхатоткачу копьём Амогха

9 ноября (15-й день) – гибель Дроны

10-11 ноября (16-й – 17-й дни битвы) – войско Кауравов возглавляет Карна

10 ноября (16-й день) – бахвальство Накулы; Карна побеждает Накулу и дарит ему жизнь

- схватка Кауравы Юютсу с Кауравой Улукой

11 ноября (17-й день) – Шалья становится возницей Карны

- бахвальство Юдхиштхиры; Карна побеждает Юдхиштхиру и дарит ему жизнь
- Бхимасена обращает Карну в бегство
- Бхимасена расправляется с Духшасаной
- схватка Карны с Арджуной и гибель Карны

12 ноября (18-й день битвы) – войско Кауравов возглавляет Шалью

- Юдхиштхира убивает Шалью
- Сахадева убивает Шакуни; разгром Кауравов
- бегство и гибель Дурьодханы
- Ашваттхаман посвящён в военачальники Кауравов
- ночное избиение спящих; гибель панчалов и сыновей Драупади

СЛОВАРЬ ИМЕН ОСНОВНЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Абхиманью – сын Арджуны и Субхадры, сестры Кришны

Агамемнон – царь Аргоса и предводитель ахейцев в Троянской войне (Ил)

Агни – ведийский бог огня во всех его проявлениях

Аджашатру – см. Юдхиштхира

Адхиратха – суа из страны ангов, приёмный отец Карны

Арджуна – третий из пятерых братьев Пандавов, сын Кунти и Индры; воплощение древнего божественного мудреца Нары, одного из воплощений Вишну

Алсирт – сын царя колхов Эта и брат волшебницы Медеи (Арг)

Ахилл – центральный герой Ил; царь мирмидонцев из Фтии, сын богини Фетиды и царя Пелея; воспитан кентавром Хироном

Ачьюта – см. Кришна

Ашваттхаман – сын Дроны, великий воин-брахман

Ашвины – близнечная пара богов утренних и вечерних сумерек ведического пантеона; отцы младших Пандавов-близнецов *Накулы* и *Сахадевы*

Бибхатсу – см. *Арджуна*

Брахма – бог-творец всего сущего, вместе с *Вишну* и *Шивой* входит в триаду верховных божеств индуизма

Брюнхильда (Брюнхильд СЭ) – королева-воительница (ПН),⁴завоёванная в брачном испытании *Зигфридом* для бургундского короля *Гунтера*; узнав об обмане, подстрекает *Гунтера* к убийству *Зигфрида*

Бхарадваджа – прославленный мудрец, отец *Дроны*

Бхимасена – второй из пяти братьев Пандавов, сын *Кунти* и бога ветра *Ваю*

Бхишма – сын царя *Шантану* и богини *Ганги*; (двоюродный) дед Пандавов и Кауравов, и старейший представитель рода Куру во время битвы на Курукшетре; сражался на стороне Кауравов

Бхуришгравас – сын царя *Сомадатты* и двоюродный племянник *Бхишмы*; сражался на стороне Кауравов

Вайкартана – см. *Карна*

Васава – см. *Индра*

Ваю – бог ветра ведического пантеона и небесный отец Пандавы *Бхимасены*

Видура – сын *Вьясы* и рабыни-шудры, дядя Пандавов и Кауравов

Викартана – см. *Сурья*

Вирата – царь матсьев и союзник Пандавов

Вичитравирья – умерший бездетным царь Лунной династии, сын *Сатьявати* и царя *Шантану*; единоутробный брат *Вьясы*

Вишну – бог-хранитель мира, вместе с *Брахмой* и *Шивой* входит в триаду верховных божеств индуизма

Врикодара – см. *Бхимасена*

Вьяса – святой мудрец, составитель *Мбх*, *пуран*, *веданты* и редактор *вед*; сын царевны *Сатьявати* и дед Пандавов и Кауравов

Гандхари – дочь *Субалы*, царя *Гандхары*; жена царя *Дхритараштры* и мать Кауравов

Гильгамеш – царь Урука и сын богини *Нинсун*, герой шумерского и аккадского эпоса (ОВВ)

Гунтер – король Бургундии, брат *Кримхильды* и муж *Брюнхильды*, которую добыл для него в брачном испытании *Зигфрид* (ПН)

Гхатоткача – могучий ракшас, сын *Бхимасены* от ракшасы *Хидимбы*, союзник Пандавов

Дашаратха – царь Кошалы, отец *Рамы*, героя *Рм*

Деваки – патроним царевны *Матхуры*, жены царя *ядавов Васудевы* и матери *Кришны*

Джатаведас – см. *Агни*

Джадартха – царь синдхов, зять *Дхритараштры* и похититель *Драупади*; на Курукшетре сражался на стороне Кауравов

Дидона – в римской мифологии дочь царя Тира и основательница Карфагена; брошенная по приказу богов своим любовником *Энеем*, взшла на костёр (Эн)

Драуни – патроним *Ашваттхамана*, см.

Драупади – патроним общей жены Пандавов, дочери *Друпады*, царя Панчалы

Дрона – брахман и великий воин, наставник Пандавов и Кауравов в военном деле

Друпада – отец жены Пандавов *Драупади* и царь Панчалы; сражался на стороне Пандавов

Дурвасас – гневливый мудрец-подвижник, воплощение *Шивы*; наградил царевну *Кунти* даром вызывать богов для приобретения потомства

Дурьюодхана – царь и старший из братьев-Кауравов, сын царя *Дхритараштры* и *Гандхари*

Духшасана – принц, один из ста братьев-Кауравов и оскорбитель *Драупади*

Дхарма – бог закона и справедливости, небесный отец царя Пандавов *Юдхиштыры*

Дхритараштра – царь Лунной династии, отец Кауравов и дядя Пандавов

Дхриштадьумна – сын царя панчалов *Друпады*, шурин и командующий войсками

Пандавов

Завоеватель богатств – см. *Арджуна*

Зигфрид – герой германского эпоса (*Сигурд СЭ*); король Нидерландов, побратим *Гунтера*, добывший для него жену *Брюнхильду* на брачном испытании; коварно убит *Гунтером* и *Хагеном* (ПН)

Иन्द्रа – бог-громовержец и царь богов ведического пантеона, небесный отец Пандавы *Арджуны*

Ирида – богиня-посланница греческого пантеона (Ил)

Иштар – аккадская богиня любви и плодородия, дочь бога неба *Ану* и покровительница города *Урука*

Карл Великий – король, а с 800 г. император франков, 768-814 гг.

Карна – сын от добрачной связи царевны *Кунти* и бога солнца *Сурьи*; друг и союзник Кауравов

Кешава – см. *Кришна*

Клитемнестра – сестра спартанки *Елены* и жена предводителя ахейцев в Троянской войне царя Аргоса *Агамемнона* (Ил)

Кримхильда – героиня германских сказаний (*Гудрун СЭ*), жена *Зигфрида*, для отпущения братьям и *Хагену* за убийство *Зигфрида* выходит за муж за короля гунов *Этцеле* (ПН)

Крипа – воин-брахман и наставник Пандавов и Кауравов, шурин *Дроны*

Кришна – царь ядавов и вришниеи; шуруин и друг *Арджуны*; двоюродный брат и важнейший союзник Пандавов; восьмая аватара *Вишну*

Кришна – см. *Драупади*

Кунти – жена царя *Панду*; родная мать старших Пандавов *Юдхистхиры*, *Бхима-сены*, *Арджуны*, и приёмная мать младших Пандавов-близнецов *Накулы* и *Сахадевы*

Кунтибходжа – царь, приёмный отец *Кунти*

Кухулин – ирландский герой, центральный персонаж СУ, сын бога Луга

Кшаттри – см. *Видура*

Лакшми – богиня красоты, успеха и процветания; жена *Индры*

Локи – бог скандинавской мифологии; плут, часто меняющий личину и проявляющий коварство и враждебность, в том числе, и по отношению к другим богам

Мадри – сестра царя мадров *Шалы* и младшая жена *Панду*; от близнецных бо-жеств *Ашвинов* родила младших Пандавов-близнецов *Накулу* и *Сахадеву*

Махава – см. *Кришна*

Медея – колдунья, дочь царя колхов *Эта*, похищенная *Ясоном* вместе с золотым руном (Арг)

Менелай – царь Спарты и муж похищенной *Парисом Елены*, инициатор похода на Троию (Ил)

Накула – один из двух младших Пандавов-близнецов, сын царицы *Мадри* и богов *Ашвинов*

Нара – древний божественный мудрец; в эпосе вместе с *Нараяной* идентифициру-ются с *Вишну*; *Арджуна* в Мбх является земным воплощением *Нары*

Нарада – божественный мудрец, сын *Брахмы* и посредник между богами и людьми

Нараяна – древний божественный мудрец; в эпосе вместе с *Нарой* идентифициру-ются с *Вишну*; *Кришна* в Мбх является земным воплощением *Нараяны*

Нестор – царь Пилоса, старейший из ахейских вождей под Троей; прожил три «человеческих века» (Ил)

Панду – царь Лунной династии, муж *Кунти* и *Мадри*, номинальный отец Панда-вов

Парис – один из сыновей царя Трои *Приама*, похититель *Елены*, жены царя Спарты *Менелая* (Ил)

Партха – матроним *Арджуны*, реже – остальных Пандавов

Приам – царь Трои, отец *Гектора*, *Деифоба*, *Париса* (Ил)

Притха – см. *Кунти*

Пхальгуна – см. *Арджуна*

Радха – жена сугы *Адхиратхи* и приёмная мать *Карны*

Радхея – матроним *Карны*, см.

Рама – сын царя Кошалы *Дашаратхи*, герой Рм и седьмая аватара *Вишну* (Рм)

Рама – (Парашурама) брахман, сын Джамадагни, знаток божественного оружия и военный наставник *Карны*; герой Мбх и Рм, шестая аватара *Вишну*

Рама – (Баларама) подвижник и старший брат *Кришны*, герой Мбх

Роланд – граф и племянник *Карла Великого*, погибший в бою с сарацинами; герой старофранцузской эпической поэмы ПР

Ростем – главный герой иранского эпоса ШН

Савьясачин – см. *Арджуна*

Санджая – возница и доверенное лицо отца Кауравов царя *Дхритараштры*

Сатъявати – жена царя Лунной династии *Шантану*, прабабка Пандавов и Кауравов

Сатъяки – внук Шини, герой из рода вришниеи, на Курукшетре сражался на стороне Пандавов

Саубала – патроним *Шакуни*, см.

Сахадева – один из двух младших Пандавов-близнецов, сын царицы *Мадри* и богов *Ашвинов*

Сокрушитель Мадху – см. *Кришна*

Сохраб – сын богатыря *Ростема*, главного героя ШН

Субала – царь Гандхары, отец царя *Шакуни* и матери Кауравов *Гандхари*

Субхадра – сестра *Кришны*, жена *Арджуны* и мать *Абхиманью*

Суйодхана – см. *Дурьйодхана*

Сурья – бог солнца в индуистском пантеоне, отец героя *Карны*

Сын *Адхиратхи* – см. *Карна*

Сын Джамадагни – см. *Рама*

Сын *Радхи* – см. *Карна*

Сын *Субалы* – см. *Шакуни*

Сын *суты* – см. *Карна*

Уту – бог солнца шумеров

Фетида – морская богиня, жена смертного царя мирмидонцев *Пелея* и мать *Ахилла* (Ил)

Хаген – могучий рыцарь и первый вассал короля Бургундии *Гунтера*, из зависти коварно убивший нидерландского короля *Зигфрида* (ПН)

Хидимба – ракшаси, жена *Бхимасены* и мать ракшаса *Гхатоткачи*

Хришикеша – см. *Кришна*

Царь справедливости – см. *Юдхиштхира*

Шакуни – царь Гандхары, дядя Кауравов по матери

Шалья – царь мадров, дядя Пандавов по матери; возница *Карны* в его последней схватке с *Арджуной*

Шамаш – бог солнца аккадцев (ОВВ)

Шантану – царь Лунной династии, отец *Бхисмны* и прадед Пандавов и Кауравов

Шаури – прозвище *Кришны* по деду, которого звали *Шура*

Шива – бог-разрушитель, вместе с *Брахмой* и *Вишну* входит в триаду верховных божеств индуизма

Шикхандин – сын царя панчалов *Друпады* и союзник Пандавов; в предыдущей жизни был женщиной

Шри – богиня царской удачи и преуспевания; идентифицируется с *Лакшми*

Эет – царь колхов, владетель золотого руна – цели похода 'аргонавтов; отец *Медее* и *Апсирта* (Арг)

Экалавья – сын царя нишадов Хираньядхануса; ученик *Дроны* и сторонник Кауравов

Эллиль (шумер. Энлиль) – аккадский верховный бог воздуха и земли (ОВВ)

Эней – троянец, сын Анхиза и Венеры, бежавший из сожжённой Трои в Италию, где его потомкам суждено основать Рим; на пути в Италию заброшен бурей в Карфаген, где становится любовником *Дидоны* (Эн)

Юдхитхира – царь Лунной династии и старший из пяти братьев Пандавов, сын *Кунти* и бога справедливости *Дхармы*

Ююдхана – см. *Сатьяки*

Юютсу – сын царя *Дхритараиштры* от женщины-вайшьи, на Курукшетре сражался против своих единокровных братьев Кауравов на стороне Пандавов

Яджнашена – см. *Друпада*

Яджнасени – см. *Драупади*

Яма – бог смерти и посмертного воздаяния в индуизме; отождествляется с богом закона и справедливости *Дхармой*

Ясон – вождь аргонавтов, похитивший у царя колхов *Эта* золотое руно и царевну *Медю* (Арг)

Использованная литература

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Апокрифические апокалипсисы. Пер. с древнегреч. и коммент. М.Г. и В.Е. Витковских. СПб., 2000.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Пер. с древнегреч. и коммент. В.Г. Боровича. Л., 1972.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Пер. с древнегреч. и коммент. Н.А. Чистяковой. М., 2001.

Артхашастра (Наука политики). Пер. с санскр. М.-Л., 1959.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Пер. с древнеангл. В.Г. Тихомирова, коммент. О.А. Смирницкой. Пер. с древнеисл. А.И. Корсуна, коммент. М.И. Стеблин-Каменского. Пер. со средневерхненем. Ю.Б. Корнеева, коммент. Е.А. Гуревич. М., 1975.

Библия. М., 1979.

- Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Пер. с лат. С.Шервинского и С. Ошерова, коммент. И. Старостиной и Е. Рабинович. М., 1979.
- Геродот. История. Пер. с древнегреч. и коммент. Г.А. Стратоновского. Л., 1972.
- Гигин. Мифы. Пер. с лат. и коммент. Т.О. Торшилова. СПб., 2000.
- Гомер. Илиада. Пер. с древнегреч. Н.И. Гнедича, коммент. В.Н. Ярхо. М., 1978.
- Гомер. Одиссея. Пер. с древнегреч. В.А. Жуковского, коммент. В.Н. Ярхо. М., 2000.
- Давид Сасунский. Пер. с арм. В. Державина, А. Кочеткова, К. Липскерова и С. Шервинского, коммент. А. Мкртчяна. Л., 1982.
- Дигенис Акрит. Пер. с греч. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1960.
- Добрыня Никитич и Алёша Попович. Комментарий. Ю.И. Смирнова и В.Г. Смолицкого. М., 1974.
- Древнеанглийская поэзия. Пер. с древнеангл. В.Г. Тихомирова, коммент. О.А. Смирницкой. М., 1982.
- Еврипид. Трагедии в 2 тт. Пер. с древнегреч. И. Анненского и С. Шервинского, коммент. В.Н. Ярхо. М., 1969.
- Ислаандские саги в 2 тт. Пер. с древнеисл. и коммент. О.А. Смирницкой, Е.А. Гуревич, М.И. Стеблин-Каменского, С.Д. Кацнельсона и В.П. Беркова. СПб., 1999.
- Историки эпохи Каролингов. Пер. с лат. М.С. Петровой, А.И. Сидорова, А.В. Тарасовой, коммент. А.И. Сидорова. М., 2000.
- Книга моего деда Коркута. Пер. с тюрк. и коммент. В.В. Бартольда. М., 2007.
- Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. Пер. с аккад. и коммент. В.К. Афанасьевой, И.М. Дьяконова, И.С. Клочкова, В.А. Якобсона. М., 2000.
- Кудруна. Пер. со средневерхненем. и коммент. Р.В. Френкель. М., 1983.
- Махабхарата. Книга первая Адипарва. Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.-Л., 1950.
- Махабхарата. Книга вторая Сабхапарва (Книга о Собрании). Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.-Л., 1962.
- Махабхарата. Книга третья Араньякапарва (Книга Лесная). Пер. с санскр. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987.
- Махабхарата. Книга четвёртая Виратапарва (Книга о Вирате). Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. Л., 1967.
- Махабхарата. Книга пятая Удьюгопарва (Книга о старании). Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. Л., 1976.
- Махабхарата. Книга седьмая Дронапарва (Книга о Дроне). Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. СПб., 1992.
- Махабхарата. Книга восьмая Карнапарва (Книга о Карне). Пер. с санскр. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1990.
- Махабхарата. Книга девятая Шальяпарва (Книга о Шалье). Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М., 1996.

Махабхарата. Книга десятая Сауттикапарва (Книга об избииении спящих воинов); Книга одиннадцатая Стрипарва (Книга о женах). Пер. с санскр. и коммент. С.А. Невелевой и Я.В. Василькова. М., 1998.

Махабхарата. Книга четырнадцатая Ашвамедхикапарва (Книга об жертвоприношении коня). Пер. с санскр. и коммент. Я.В. Василькова и С.А. Невелевой. СПб., 2003.

Махабхарата. Книга о нападении на спящих. Книга о женах. Пер. с санскр. и коммент. Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1982.

Махабхарата. Книга пятнадцатая Ашрамавасикапарва (Книга о жизни в обители); Книга шестнадцатая Маусалапарва (Книга о побоище палицами); Книга семнадцатая Махапрастханикапарва (Книга о великом исходе); Книга восемнадцатая Сваргароханапарва (Книга о восхождении на небеса). Пер. с санскр. и коммент. С.А. Невелевой и Я.В. Василькова. СПб., 2005.

Младшая Эdda. Пер. с древнеисл. О.А. Смирницкой, коммент. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1970.

Нарты. Эпос осетинского народа. Пер. с осетинск. Ред. перевода и коммент. Н.Г. Джусоева и Б.А. Калоева. М., 1957.

Песнь о Нибелунгах. Пер. со средневерхненем. Ю.Б. Корнеева, коммент. В.Г. Адмони. Л., 1972.

Песнь о Роланде. Пер. со старофр. и коммент. А. А. Смирнова. М.-Л., 1964.

Песнь о Сиде. Пер. со староисп. Ф.И. Ярхо и Ю.Б. Корнеева, коммент. А.А. Смирнова. М.-Л., 1959.

Пополь-Вух (Книга народа); Родословная владык Тотоникапана. Пер. с киче и коммент. Р.В. Кинжалова. Л., 1959.

Рамаяна. Книга первая Балаканда (Книга о детстве); Книга вторая Айодхьяканда (Книга об Айодхье). Пер. с санскр. и коммент. П.А. Гринцера. М., 2006.

Ригведа. Мандалы I-X. Пер. с санскр. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. М., 1999.

Сага о Гретгире. Пер. с древнеисл. О.А. Смирницкой, коммент. М.И. Стеблин-Каменского. Н., 1976.

Саги об Уладах. Пер. с ирланд. и коммент. Т. Михайловой и С. Шкунаева. М., 2004.

Сказки и повести Древнего Египта. Пер. с древнеегипт. и коммент. И.Г. Лившица. Л., 1979.

Софокл. Трагедии. Пер. с древнегреч. С.В. Шервинского, коммент. Ф.А. Петровского и В.Н. Ярхо. М., 1988.

Старшая Эdda. Пер. с древнеисл. А.И. Корсуна, коммент. М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. Пер. с древнеисл. О.А. Смирницкой, коммент. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1980.

Стаций. Фиваида. Пер. с лат. и коммент. Ю.А. Шичалина. М., 1991.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. (От начала поэмы до сказания о Сохрабе). Пер. с фарси Ц.Б. Бану, коммент. А.А. Старикова. М., 1957.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. II. (От сказания о Ростеме и Сохрабе, до сказания о Ростеме и хакане Чина). Пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути, коммент. А.А. Старикова. М., 1960.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. III. (От сказания о Ростеме и хакане Чина до царствования Лохраспа). Пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути, коммент. А. Азера и Ц.Б. Бану-Лахути. М., 1965.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. IV. (От царствования Лохраспа до царствования Искендера). Пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути, коммент. В.Г. Луконина. М., 1969.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. V. (От начала царствования Искендера до начала царствования Йездгерда, сына Бехрама Гура). Пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева, коммент. В.Г. Луконина. М., 1984.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI. (От начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура до конца книги). Пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева, коммент. Л. Лахути. М., 1989.

Эллинские поэты. Пер. с древнегреч. и коммент. В.В. Вересаева, коммент. М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева. М., 1963.

Эллинские поэты VIII-III веков до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. Пер. с древнегреч. и коммент. М. Гаспарова, О. Цыбенко, В.Н. Ярхо и др. М., 2001.

Эпос о Гильгамеше (О всё видавшем). Пер. с аккад. и коммент. И.М. Дьяконова. М.-Л., 1961.

John Gardner. Grendel. NY, 1989.

The Mahabharata. Book 6: Bhishma Parva. Tr. by Kisari Mohan Ganguli, 1883-1896. (www.sacred-texts.com/hin/m06/index.htm).

The Mahabharata. Book 12: Santi Parva. Tr. by Kisari Mohan Ganguli, 1883-1896. (www.sacred-texts.com/hin/m12/index.htm).

John E. Morby. The Wordsworth Handbook of Kings & Queens. Oxford, 1989.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Аристотель. «Поэтика». Соч. в 4 тт., т. 4. Пер. с древнегреч. М.А. Гаспарова. М., 1983.

С.М. Боура. Героическая поэзия. М., 2002.

А.Н. Веселовский. Мерлин и Соломон. М.-СПб., 2001

П.А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.

А.Я. Гуревич. «Эдда» и сага. М., 1979.

Ю.А. Кулаковский. Эсхатология и эпикуреизм в античном мире. СПб., 2002.

А.Ф. Лосев. Мифология греков и римлян. М., 1996.

А.Ф. Лосев. Гомер. М., 2006.

Е.М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 2004.

С.Л. Невелева. Сюжет о Карне в III кн. Махабхараты («Сознание инициации») // В сб. Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. М., 1985.

С.Л. Невелева. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.

В.Я. Пропп. Собр. трудов. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998

В.Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 2006.

И.В. Рак. Мифы Древнего Ирана. Екатеринбург, 2006.

Х.Туманс. Рождение Афины. СПб., 2002.

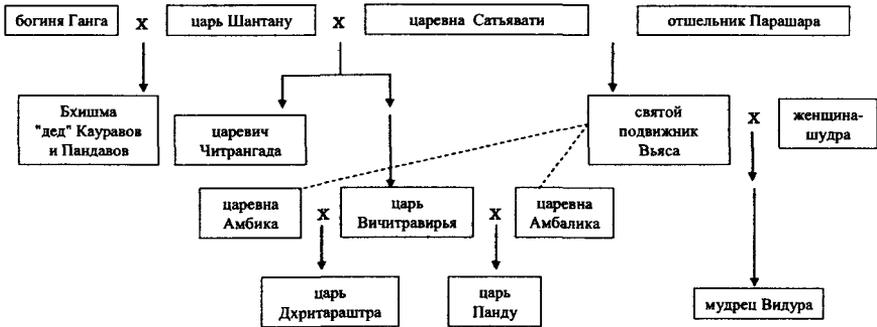
Дж. Дж. Фрэзер. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.

Ю.Б. Циркин. Мифы Финикии и Угарита. М., 2000

В.Н. Ярхо. Трагедия. Древнегреческая литература. М., 2000.

В.Н. Ярхо. Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика. М., 2001.

Схема 1. Происхождение царей Лунной династии Дхритараштры и Панду

* Добрачная связь приемной дочери царя рыбаков Сатьявати с отшельником Парашарой Пунктиром показана связь подвижника Вьясы с Амбикой и Амбаликой по обычаю нийога после смерти молодого царя Вичитравирьи его брат Вьяса вступил в связь с бездетными вдовами царя для продолжения рода

Схема 2. Кауравы и царский дом Гандхаров

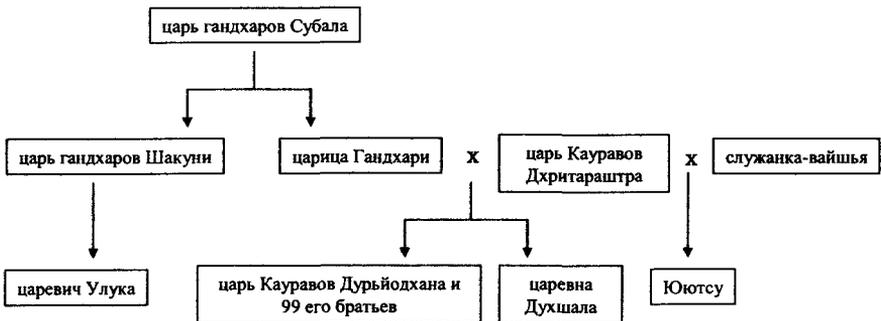
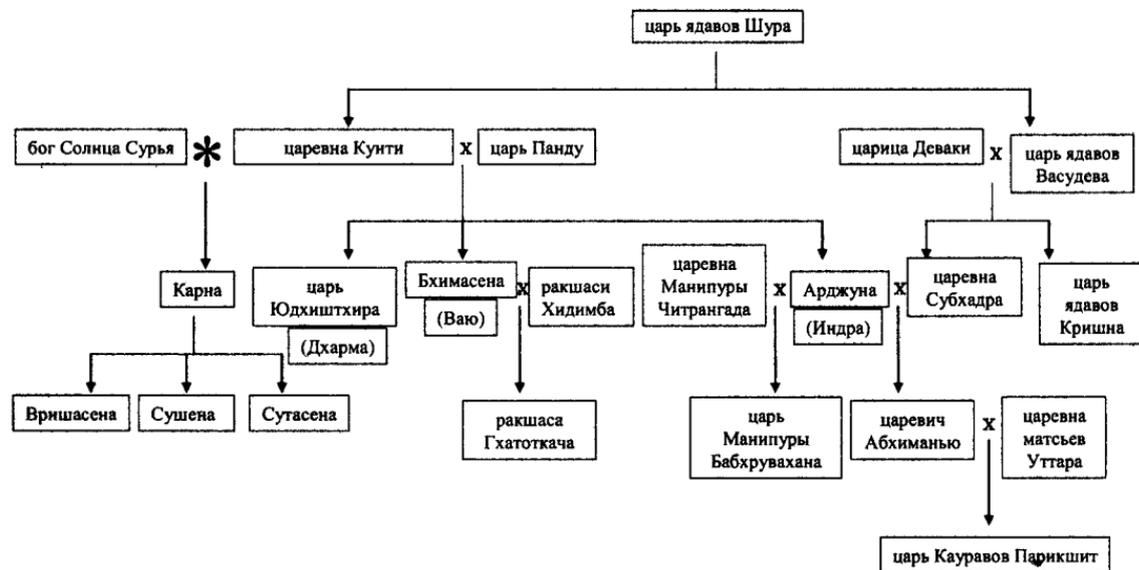
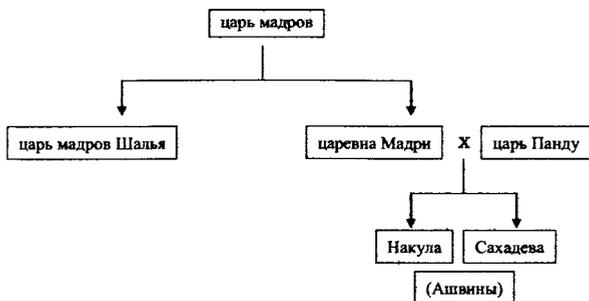

Схема 3. Пандавы и царский дом ядавов

* Добрачная связь царевны Кунти с богом Солнца Сурьей
 В скобках под именами Пандавов указаны их небесные отцы

Схема 4. Пандавы и царский дом мадров

Близнецные божества Ашвины - небесные отцы близнецов Накулы и Сахадевы

Схема 5. Пандавы и царский дом панчалов

В скобках под именами детей Драупади указаны их отцы Пандавы

Александр Рафаилович Ибрагимов

**Образ Карны в Махабхарате.
Разыскания о трагическом герое индийского эпоса**

ООО «Издательство "Спорт и культура-2000"»
117292, Москва, ул. Кржижановского, д. 1/19.
Тел.: 8 (499) 125-20-10, факс: 8 (499) 125-29-40,
www.sport-cultura.ru, e-mail: info@sport-cultura.ru

Директор — А. В. Панурин
Корректор — Т. А. Осипова
Дизайн, верстка — Л. И. Кулешова

Сдано в набор 30.04.2009. Подписано в печать 08.06.2009.
Формат 60×84/16. Гарнитура «LazurskiС». Печать офсетная.
Бумага газетная. Печ. л. 15,5. Тираж 320 экз.

ISBN 978-5-901682-86-9

Изд. № 0918. Заказ № 5324.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.